Елена Тебнёва
Академия Грейс
Фэнтези • Любовный роман • Приключения

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На пути к мечте стать студенткой боевого факультета Грейс поджидало всего два препятствия, зато каких! Любящий отец, который всегда знает, что лучше для родной кровинки, и жених, отцом же выбранный. И если с одним из них справиться хоть и сложно, но можно, то второго не обойдешь, не объедешь и даже не перепрыгнешь. Остается только осторожненько подкопать, благо что поставленная цель стоит любых усилий. Главное при этом — не вытащить на свет божий какую-нибудь страшную тайну…

- Елена Тебнёва
  -
  - ПРОЛОГ
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16
  - ГЛАВА 17
  - ГЛАВА 18
  - ГЛАВА 19
  - ГЛАВА 20
  - ГЛАВА 21
  - ГЛАВА 22
  - ГЛАВА 23
  - ГЛАВА 24
  - ГЛАВА 25
  - ГЛАВА 26
  - ГЛАВА 27
  - ГЛАВА 28

- ГЛАВА 29
- ГЛАВА 30
- ГЛАВА 31
- ГЛАВА 32
- ГЛАВА 33
- ЭПИЛОГ

Елена Тебнёва
АКАДЕМИЯ ГРЕЙС

ПРОЛОГ

Тик-так. Тик-так.

Огромные часы стоят в доме, но кажется, что их мерный, зловеще-неотвратимый ход слышен даже здесь, в саду.

Тик. Так.

Сердце бьется в два раза быстрее, и реальность рассыпается мозаикой, яркими, блестящими картинками-ощущениями.

Невероятно синее небо сквозь накрепко сцепленные меж собою ветви, слепящее глаза. Шершавая кора под отчаянно цепляющимися за ствол ладошками. Ненадежный сук, обломившийся под неловко поставленной ногой…

— Визжишь, как девчонка! — презрительно ухмыльнулся молодой человек лет шестнадцати, небрежно помахивая пучком крапивы.

Жгучие стебли он сжимал голой ладонью и совершенно не испытывал дискомфорта. Солнце искрами отражалось в недобро прищуренных карих глазах, золотило русые волосы с сильно подпаленными кончиками.

— Я и есть девчонка! — сердито пропыхтела семилетняя малышка, зависшая вниз головой в каком-то локте от изумрудной травки.

Подол розового, щедро украшенного белоснежным кружевом платьица задрался, открывая заштопанные на коленях штанишки. Парень хмыкнул, то ли одобряя подобную практичность, то ли осуждая, и небрежно перекинул необычный букет в другую руку.

— Ты, Грейси, не девчонка, — задушевным тоном сообщил он. — Ты — сплошное недоразумение, и я даже представить боюсь, что из тебя в итоге вырастет!

— Подумаешь! — пуще прежнего задергалась в невидимых путах девочка. — Да твои патлы все равно кто-нибудь рано или поздно подпалил бы… Ай! Я папе пожалуюсь!

— На здоровье! — разрешил парень, еще раз несильно шлепнув ее крапивой по защищенным плотной тканью штанишек ягодицам. — Не сомневаюсь, что он с удовольствием добавит!

— Грейс! Даниэль! — донеслось со стороны утопающего в зелени дома.

Парень торопливо повел рукой, и девочка с писком повалилась на траву. Подскочила, одернула платьице, кое-как поправила успевшие растрепаться каштановые локоны и одарила своего обидчика свирепым взглядом. Тот смущенно пожал плечами и зашвырнул крапиву в кусты шиповника.

— Богиня тебя покарает, — явно подражая кому-то из

взрослых, погрозила тонким пальчиком Грейс.

— Тебя бог тоже не помилует, — хмыкнул Даниэль, вынимая из ее волос сухую веточку. — Идем, чудовище, пока твой отец сам за нами не явился.

Ни он, ни она даже не подозревали, как близка божественная кара — и насколько суровой она окажется.

ГЛАВА 1

Мужчина был молод, тощ, небрит и непомерно нахален. Развалившись в обитом зеленым бархатом кресле, он допивал уже вторую чашку чая и, судя по всему, ограничиваться ею не собирался.

«Чтоб ты лопнул», — мысленно пожелала я; вслух же, нацепив вежливую улыбку, пришлось повторить набившую оскомину фразу:

— Мастер Наррай сегодня вряд ли будет. Вы зря тратите свое время.

И мое — тоже. Едва язык прикусить успела, чтобы лишнего не сорвалось.

— Ничего, я вовсе не спешу, — в очередной раз заверил наглый посетитель, сверкнул на меня желтыми кошачьими глазами и недвусмысленно звякнул ложечкой об опустевшую чашку.

Я тихо скрипнула зубами и сделала вид, что намека не уловила. А чай, между прочим, дорогой, на таких водохлебов не рассчитанный. Закопавшись в бумаги, краем глаза следила за мужчиной и старалась успокоиться… И успокоить воображение, подкидывавшее дивные, но не вполне законные способы избавления от нежеланных гостей.

В прошлый раз желтоглазый буквально довел мастера Наррая. И правда, за такие нереальные придирки и я бы в его шевелюру вцепилась, а у меня выдержка получше будет. И представлять не хочу, что этому дотошному клиенту на сей раз понадобилось…

В маленькой, отделанной светлым деревом приемной витали ароматы свежезаваренного чая, апельсинов и резкого, раздражающего парфюма посетителя. Полфлакона он, что ли, на себя вылил? Напротив стола мерно шли старинные напольные часы, безжалостно отмеряя мгновения. Я нервно передернула плечами: сколько себя помню, никогда не любила это тиканье, особенно — в полнейшей тишине. А уж сейчас и подавно… Мастер Наррай должен прийти с минуты на минуту, уставший и традиционно раздраконенный до предела, и тощий хлыщ его настроения не улучшит. А виноватой, опять же традиционно, назначат меня, которой и на порог желтоглазого пускать запретили. И кому какое дело, что я и обычного-то мужчину взашей из конторы не вытолкаю — комплекция не позволит, — а уж про мага и говорить нечего. А этот нахал явно маг. Вон сколько колец на холеных пальцах, и они точно не для красоты:

перстень Арола ни с какой безделушкой не перепутаешь, а уж кольцо Лары и тем более. Дорогая вещь, но стоит каждого запрашиваемого медяка. Я завистливо поджала губы и поморщилась. На моей руке колечко смотрелось бы куда изящнее… Но ничего, все еще будет. Если, конечно, разгневанный работодатель не укажет на дверь.

Мужчина заметил мой взгляд и нервно вздрогнул. Сглотнул, оглянулся на всякий случай, но, вместо того чтобы драпать отсюда, протянул чашку. Обворожительно оскалившись, я выпорхнула из-за стола и с чайником наперевес пошла на утратившего инстинкт самосохранения мага. А чайник у нас отличный, не зря уговорила мастера Наррая на покупку. Сохраняет что холод, что тепло, и кипяточек в нем долго крутым остается…

Маг взвыл подпаленным вурдалаком, подскочил и опрометью вымелся за дверь, едва не вышибив ее ко всем демонам.

— Целитель на соседней улице, первый поворот направо! — прокричала я вдогонку, любуясь наглядной иллюстрацией выражения «бежит как ошпаренный».

Мастер Наррай пришел минут через десять. Он был предсказуемо зол и совершенно непредсказуемо помят.

— Какой-то дурень сбил меня с ног на выходе от мэтра Стига! — в ответ на робкий вопрос рыкнул начальник.

О! Значит, до целителя желтоглазый все-таки добежал. И это хорошо. Сбил мастера Наррая — это плохо. Они друг друга не узнали — и это опять хорошо.

— Грейс, ступай домой, — между тем разрешил мастер Наррай.

«Я сегодня явно в плюсе», — подумала я, выпархивая за дверь. В следующую секунду, полулежа в грязной луже и разглядывая проступающую на левом запястье вязь магической татуировки, я отказалась от этой мысли.

Мелочный тип успел-таки меня проклясть!

С кряхтеньем выбравшись из лужи и оставляя на чисто подметенной мостовой следы, я поплелась к невероятно популярному сегодня мэтру Стигу. Надеюсь, к тому моменту, как я доберусь до целителя, ошпаренного мага — чтоб ему! — там уже не будет.

Ничего, ничего… Скоро все изменится. Я сдам экзамены и поступлю на боевой факультет академии, и тогда…

Я отлипла от фонарного столба, с которым только что страстно поцеловалась, и, потирая набухающую на лбу шишку, продолжила путь.

…и тогда ни один маг уже не сможет задрать при мне свой

наглый нос без риска по оному получить!

Похоже, удача сегодня была не на моей стороне, и когда я пришла к целителю, подлый маг все еще был там. Пока я сидела в приемной, у кресла подломились ножки, с потолка на мою макушку хлопнулся здоровенный паук, а влетевший в открытое окно мяч едва не сломал мне нос. Не выдержав, помощник мэтра Стига, невзирая на имеющуюся очередь, взял меня под локоток и, всего лишь разок приложив о косяк, отбуксировал в заветный кабинет, где как раз облачался недоваренный желтоглазый.

Конечно же я запнулась о край постеленного перед дверью коврика и поздоровалась с полом коленками и локтями.

— Я нечаянно! — прошипела я, зло глянув на расплывшегося в улыбке мага, явно чувствующего себя отомщенным.

— Я тоже! — скривился он.

Мэтр Стиг, немолодой седовласый мужчина, не теряя времени, присел прямо на пол и молча принялся стирать проклятую татуировку, аккуратно водя чуткими пальцами по коже. По мере того как исчезали черные штрихи, отпускало и меня.

Когда я вышла от мэтра Стига, фонари уже горели, разгоняя ранние сумерки. Осень с каждым днем все увереннее заявляла свои права, а лето и не думало спорить, охотно отступая.

Зябко поведя плечами, я направилась вниз по длинной широкой улице. Конечно, можно было нанять экипаж, благо путь предстоял неблизкий, а темнота и холод никак не могли его скрасить, но сегодня я и без того потратилась сверх запланированного. Это наложить проклятие — раз плюнуть. Разозлился, выразительно подумал, силой сверху припечатал, чтоб само по себе не отвалилось, — и готово. А чтобы его снять, времени и сил нужно не в пример больше. Соответственно и стоит эта процедура недешево…

«Надо заказать защитный амулет», — меланхолично размышляла я, неспешно вышагивая вдоль то и дело разрезаемой экипажами улицы. У мастера Наррая и закажу, пусть сделает скидку как ценному сотруднику. А то и вовсе постараюсь подвести его к мысли, что подобный амулет — вещь первой необходимости. Я же о его благе заботилась, когда с этим полоумным магом связалась! И травму получила, можно сказать, производственную. Вот только за лечение пришлось платить из своего дырявого кармана. Завтра же компенсацию потребую. С утра, пока мастер не успел встретиться с очередным заказчиком. В это время он обычно весел и добр, маловероятно, что откажет. А если еще и удача решит воздать за свое невнимание, то можно и

на прибавку рассчитывать… Прибавку я очень хотела, но заикнуться о ней наглости пока не хватало. Почему бы и не воспользоваться удобным случаем?

Контора мастера Наррая, хоть и располагалась на главной улице Терреи и пользовалась успехом, пределом моих мечтаний не являлась. До конца жизни перебирать бумаги, поить чаем шефа и выпроваживать надоедливых клиентов? Упаси богиня, защити бог! Единственной причиной, но которой я здесь оказалась, была банальная нужда в деньгах. Жизнь в большом городе слишком дорогое удовольствие, за которое не каждый может заплатить. Я не смогла уже на пятый день пребывания здесь. И это несмотря на более чем скромный номер затрапезной гостиницы и одноразовое питание!

Найти подработку — не самое легкое дело. Талантами я не блистала, да и возраст вызывал слишком много вопросов. Как так, несовершеннолетняя? Куда смотрят родители? А если они не против, то где разрешение? И прочее в том же духе. Вот какая им разница, зачем мне работа и что по этому поводу думают мои родители?

В конце концов, мне уже почти восемнадцать. Подумаешь, всего пара месяцев осталась… Не год же! Но нет. Закон почему-то наиболее свято чтут там, где этого особо и не требуется.

С мастером Нарраем мне повезло. Или ему со мной — это еще как посмотреть. Предыдущая помощница сбежала от него, на прощанье оглушительно хлопнув дверью, а очереди желающих ее заменить отчего-то не наблюдалось. Потому мое появление на пороге он воспринял как знак свыше и, не поинтересовавшись ни возрастом, ни навыками, без промедления усадил за стол и завалил бумагами, отрывисто пояснив, что с оными надлежит делать. На сообразительность я никогда не жаловалась, все схватывая на лету, так что с бумагами проблем не возникло. Как и с укрощением злобствующего после очередной из его встреч шефа. О, право слово, после моего папочки мастер совершенно не впечатлял. Гнев мага-артефактора никогда не сравнится с гневом мага-боевика. Первые, в отличие от вторых, огнем не плюются, молниями не швыряются и отлично поддаются уговорам и отпаиванию успокаивающими настоями. Хотя справедливости ради надо сказать, что мастер Наррай выходил из себя гораздо чаще, чем отец, а уж если ему под руку попадались боевые артефакты собственного изготовления, тогда и вовсе расходился не на шутку. На следующий же день после первого «показательного выступления» мастера я спрятала все артефакты, до того спокойно лежавшие на всех поверхностях кабинета и мастерской, в запирающийся шкаф с таким хитрым замком, что

любой бы сто раз успел успокоиться, прежде чем добрался до содержимого полок. Конечно, мастеру Нарраю это не понравилось. Поначалу. Но после второй вспышки, когда впервые за долгое время не пришлось вызывать строителей и выносить остатки мебели, он по достоинству оценил мою предусмотрительность.

Так и сработались. И это стало еще одной ступенькой на пути к моей лелеемой с семи лет мечте.

Задумавшись, я свернула с освещенной улицы в темный переулок. Это был самый короткий путь, но обычно я не рисковала им пользоваться — какой прок от сэкономленного времени, если тебя в лучшем случае обчистят до нитки? Но очнулась я, уже преодолев большую часть дороги, и решила, что разумнее двигаться вперед, чем возвращаться.

Здесь было тихо. Слишком тихо, если учесть, что всего в нескольких шагах шумел вечерний город. Возвращались с работы служащие, гуляла молодежь, грохотали по мостовой колеса экипажей… В хрупкой тишине зловеще цокали мои каблуки. Эхо отражалось от высоких серых стен неприветливых домов, и я поневоле старалась идти тише, а потом и вовсе пошла на цыпочках. Со стороны, наверное, смотрелось забавно… По крайней мере, вынырнувшая из-за бочки с мусором огромная тень насмешливо чихнула и ухмыльнулась усеянной острыми зубками пастью.

Я застыла, не дыша. Тень лениво потянулась, выползая в переулок полностью, нервно махнула хвостом…

Кошка. Черная, холеная, с мерцающими желтыми глазами. Слишком большая для домашнего любимца, и кушать она привыкла явно не мышек.

— Кис-кис? — неуверенно выдала я, понятия не имея, как поступить. Стоять на месте? Вряд ли в этом случае она мною не заинтересуется, вон глаз не сводит. Бежать? Так ведь в два прыжка нагонит.

«Киса» в ответ оскалила клыки и припала на передние лапы.

«Прыгнет», — холодея, подумала я.

Угадала.

И когда перед моим носом что-то сверкнуло, а лицо окатило горячими брызгами, я не сразу поняла, что все еще жива.

Зверь обиженно взвыл, крутанулся на месте и, глухо рыкнув, растворился в густых тенях переулка.

В прямом смысле.

Я медленно подняла руку, стирая с лица капли крови. Посмотрела на перепачканную золотистым ладонь и с трудом подавила тошноту. А потом вскрикнула, почувствовав

прикосновение к плечу. И если бы мне быстро не зажали рот, наверняка переполошила бы подрайона.

— Тиш-ш-ше! — рассерженно прошипели на ухо. — Сейчас отпущу, только не ори!

Я судорожно кивнула. Орать не буду. А вот не бежать я не обещала!

Меня отпустили, но дернуться я не успела — путь преградила высокая фигура. Раздался негромкий щелчок, и между нами воспарил небольшой огонек, осветивший худое небритое лицо.

Не узнать ошпаренного мага я просто не могла.

— Чего тебе надо?! — шарахнувшись от него, испуганно прошелестела я.

Имеющиеся варианты ответов откровенно пугали. Впрочем, маг сумел удивить.

— Я бы сказал, чего не надо, — хмыкнул он. — Твоего трупа на моей совести.

— При чем тут твоя совесть? — растерялась я.

— Проклятие, — лаконично отозвался маг. — Оно все еще на тебе. Не хотелось бы, чтобы оно тебя в итоге прикончило.

— Но мэтр его снял! — нахмурилась я. Стиг хорошо знал свое дело; вряд ли бы он взял деньги за невыполненную работу.

Но как еще можно объяснить нападение нечисти на улице патрулируемого спецотрядами стражи города?..

— Я темный, — пожал плечами мужчина, и все встало на свои места.

Светлые маги, даже лучшие из лучших, не всегда могут до конца нейтрализовать последствия «добрых» пожеланий темных. Не потому, что последние такие крутые, это работает в обе стороны. Просто пользуемся мы разными источниками силы и порой не способны разобраться с чуждыми нашей природе чарами.

Желтоглазый шагнул ближе и без предупреждения обхватил ладонью мою шею. Его пальцы были удивительно теплыми, и прикосновение вышло приятным, но я все равно затаила дыхание, припоминая молитвы. Он мог, не особо напрягаясь, придушить меня, и я бы не поручилась, что ему этого не хотелось.

Оказалось, что я слишком плохо думаю о темных. Он и в самом деле всего лишь снял остатки своих чар.

— Мне действительно жаль, — буркнул темный, встряхнув слабо светящейся ладонью. Прозвучало это куда искреннее, чем в кабинете мэтра Стига.

— Мне тоже, виновато улыбнулась я, впервые по-настоящему устыдившись необдуманного поступка.

Темный усмехнулся и, отрывисто кивнув, зашагал вверх по

переулку, туда, откуда я только что пришла. Я же, переведя дыхание, почти выбежала на залитую светом фонарей улицу и решительно подняла руку, останавливая экипаж.

Демон с ними, с деньгами. На сегодня приключений более чем достаточно.

ГЛАВА 2

Два дня пролетели легко и незаметно за привычными уже хлопотами. А потом настал он — день, которого я ждала и боялась, день, который должен был решить мою дальнейшую судьбу.

Встала я ни свет ни заря. За окном серело неприветливое, готовое вот-вот расплакаться небо. В такую погоду хотелось завернуться в одеяло и спать, спать, спать… Я зевнула, решительно отбросила одеяло и, прошлепав босыми ногами к окну, распахнула створки. Сырой холодный ветер тут же хлестнул по голым коленкам и раскрасневшимся со сна щекам.

Ух! Можно считать, заряд бодрости на день получен! Хотя я бы с удовольствием пробежалась… Но здесь этого явно не поймут. Если вспомнить, какого труда стоило сюда заселиться… Да ну к демонам! Вот поступлю в академию, там-то и наверстаю. И пробежку, и разминку, и много чего еще.

Я даже зажмурилась мечтательно, представив новую жизнь, которая меня уже заждалась. И которой заждалась я.

Да, я слишком рано оказалась здесь. До вступительных испытаний оставалось около трех недель; я прекрасно знала об этом, но поделать ничего не могла — вырваться из дома в другое время попросту не получилось бы. Потому и пришлось искать и жилье и подработку: поступающим места в общежитии не предоставляли. Но во всем есть свои плюсы. По крайней мере, я узнала, каково это — жить самостоятельно, надеясь лишь на себя. Новый опыт оказался пусть и не особо сладким, но весьма полезным. И теперь мне было что возразить на заявления вроде: «Да ты и дня без присмотра не протянешь!» Дня, ха! Я почти три недели протянула. И ничего, жива, здорова и даже относительно довольна. Так что ничего страшного в самостоятельной жизни, которой меня нередко пугали, нет. Единственное — совершеннолетним живется намного проще, на них не косятся с подозрением, не выспрашивают о родителях. Ну да этот недостаток, к счастью, не вечен.

До работы я добиралась бодрой рысью: и отсутствие утренней пробежки компенсировала, и время сэкономила. А последнее мне сегодня ох как нужно! Если все успею сделать, если мастер Наррай будет в хорошем расположении духа, если… А, к демонам! Даже если ничегошеньки я не успею и шеф будет зол, как тысяча рогатых обитателей бездны, все равно уйду. Из-за работы пропускать вступительные испытания, то, ради чего я, собственно, здесь и оказалась, было бы величайшей глупостью.

Уволят так уволят, тем более в том, что поступлю, я ничуть не сомневалась. А вот в том, что получится совмещать учебу и работу, уверенности не было.

И тем не менее я старалась закончить все дела: под зловещее тиканье часов разложила бумаги шефа, разобрала почту, ответила на некоторые письма, а некоторые и вовсе уничтожила, чтобы мастер Наррай, не дай богиня, не увидел и не рассвирепел…

Ой, как же он без меня-то будет? Мысль, конечно, нелепая — обходился же раньше, и ничего, — но все равно тревожная.

Вздохнув, я распихала по местам разбросанные как попало артефакты, аккуратно заперла шкафчики и задумчиво оглядела кабинет. Вроде все как надо, ничего не забыла.

Колокольчик звякнул как раз в тот момент, когда я пришла к выводу, что все в порядке, а потом в комнату вплыла она.

Высокая, даже без учета туфель на совершенно сумасшедшей шпильке, стройная, в чем облегающее темно-зеленое платье смелого кроя позволяло убедиться всем желающим, с кровожадным прищуром обрамленных пушистыми ресницами глаз и поджатыми губами, подведенными темно-алой помадой. Светлые локоны в беспорядке разметались по плечам, и среди завитых прядей то и дело проскакивали ярко-изумрудные, в цвет глаз, искры; тонкие длинные пальцы с крепкими, покрытыми алым же лаком ногтями нервно сжимались и разжимались… словно на чьей-то шее. И я прекрасно знала, чья именно шея подразумевалась.

Вот же… демон рогатый!

Я тяжело сглотнула и попятилась, лихорадочно соображая, что делать. Моя большая и светлая мечта повисла над бездной на такой тонкой ниточке, что от неосторожного дыхания могла порваться!

Дивное же видение, охватив цепким взором комнату, прищурилось еще кровожаднее и, чеканя шаг, направилось ко мне. Отшатнувшись, я шлепнулась на стул и с трудом сдержала желание с визгом рвануть к шкафу и вооружиться каким-нибудь особо убойным артефактом. Нет, в том, что мастер Наррай поймет и простит, я не сомневалась, но вряд ли стража разделит его точку зрения. А потому пришлось срочно брать себя в заметно дрожащие руки и цеплять на лицо самую благожелательную улыбку, припоминая правила общения с… как бы помягче выразиться?.. не вполне адекватными людьми.

И да помогут мне боги!

— Доброго вам дня, госпожа Райна! — бодро выпалила я, едва она приблизилась на опасное расстояние. — Может, желаете чаю?

Ну пожелай, пожалуйста! У нас еще успокоительный порошочек остался, даже шеф после него таким милым и обходительным становится…

Но удача сегодня играла не на моей стороне.

— Где этот мерзавец?! — предельно зло рявкнула госпожа Райна, со всей немалой силой шваркнув ладонями по столу.

Я тоскливо проследила за подпрыгнувшей стопкой бумаг, тут же рассыпавшейся на листочки, за зелеными искрами ведьминской силы, светлячками разлетевшимися по комнате, и сжала кулаки, собираясь с духом.

— Мастера Наррая сегодня не будет, — уверенно солгала я, решив не разыгрывать непонимание и не драконить женщину еще больше.

Проклятые часы насмешливо тикали, намекая, что недалека та минута, когда мастер войдет в приемную… И увидит бывшую жену, с которой они до сих пор так и не утрясли некоторые весьма болезненные вопросы. И госпожу Райну, увы, нельзя облить кипятком или выставить каким-либо иным способом! Потому как в этом случае проклятием я точно не отделаюсь.

Госпожа Райна была ведьмой. Самой настоящей, потомственной, причем темной на всю голову, чем гордилась и что наглядно демонстрировала при каждом удобном и неудобном случае. Как мастера Наррая, человека хоть и вспыльчивого, но в сущности доброго, да к тому же еще и светлого мага, угораздило не только в нее влюбиться, но еще и жениться, и даже ребенка завести, для меня так и осталось загадкой.

В общем-то в ребенке и заключалась главная проблема. Вернее, в том, что девочка унаследовала силу обоих родителей и нужно было выбирать, какую из них развивать, а какой можно и пренебречь. Пользуясь тем, что личная жизнь бывшей жены вновь забила ключом, мастер под шумок пристроил чадо в школу светлых магов, тогда как госпожа Райна лелеяла мечту, что ее дочь станет достойной продолжательницей рода темных ведьм.

И сильно сомневаюсь, что увлекшиеся войной родители соизволили поинтересоваться мнением дочери…

Именно ей, ни разу не виденной мною девочке, я и сочувствовала, понимая, каково человеку, за которого решают всё.

Госпожа ведьма зловеще прищурилась и подалась вперед, я же с тоской подумала, что так и не выпросила у начальства защитный амулет. Хотя какой, к демонам, амулет?! Он темной на один укус, перешибет и не заметит.

— А вот врать, милочка, нехорошо, — прошипела женщина, прищурившись.

— А я не вру, я выжить пытаюсь, — вырвалось прежде, чем я успела прикусить язык.

Судя по удивленно изогнувшимся бровям, такой откровенности от меня не ожидали. А как выяснилось чуть позже, от меня вообще ничего не ожидали, кроме полной покорности и готовности заложить шефа по полной.

— Интересно, — протянула подозрительно воодушевившаяся госпожа Райна, продолжая разглядывать меня, словно неведомую зверушку. — Очень даже интересно!

В нашей семье не водилось ни темных магов, ни ведьм какой-либо масти, а потому я совершенно не представляла, как реагировать на происходящее. Единственное, что знала о правилах общения с ними — это ни в коем случае не связываться. Никогда. Ни за что. Только вот за последние несколько дней умудрилась дважды нарушить это правило! И вроде никогда невезучей не была…

— Сколько тебе лет? — вопросила темная.

— Восемнадцать… почти, — не рискнула отмолчаться я. Кто ее знает, вдруг разозлится и все-таки покусает?

— Отлично! — чему-то обрадовалась госпожа Райна и, к моему немалому облегчению, оставила в покое стол и присела в кресло. Еще бы для полного счастья прекратила смотреть столь задумчиво-оценивающе! — А не хотела бы ты получить блестящие знания и полезные навыки? — огорошила очередным странным вопросом она.

— Хотела бы, — призналась я, покосившись на часы.

Время неумолимо шло вперед, приближая начало вступительных испытаний, и одних моих желаний становилось явно мало.

— В моей школе есть все, что тебе так необходимо, — улыбнулась темная, откидываясь на спинку кресла. — Я чувствую, что в тебе скрыт немалый потенциал, и готова приложить все усилия, чтобы его раскрыть. Ну так что?

— Я… э-э… — растерянно пролепетала я, не понимая, что ей нужно.

Госпожа Райна в самом деле зазывает меня в ведьминскую школу?! Меня, потомственного светлого мага?! Кажется, от злости на бывшего мужа у женщины разум повредился — в здоровой голове такие идеи попросту бы не появились!

— Простите, но нет, — наконец нашла в себе силы отказаться от дикого предложения я. — Светлым магам ваша программа обучения не подходит!

— Светлые маги от моей силы так просто не отмахиваются, — загадочно протянула госпожа Райна.

Точно, с ума сошла! Бедный шеф, одно дело — обычная темная ведьма, и совсем другое — безумная!

— Я в академию поступаю, на боевой, — хмуро сказала я.

— Жаль, — вздохнула темная, — но если опомнишься и передумаешь — приходи, место для тебя найдется.

И без перехода, не оборачиваясь, швырнула через плечо горсть зеленых искр. Одновременно с этим звякнул дверной колокольчик, и порог перешагнул мастер Наррай…

Нет, реакция у шефа все же отличная! Ну и амулеты превосходные, что тоже немаловажно. В общем, если бы не это, ходить бы магу эдаким угольком, а так ничего, только волосы слегка подпалились.

— Ты чего творишь, ненормальная?! — выдохнул он, на всякий случай ощупывая лицо.

— Хочешь поговорить о нормальности? А давай! — опасно сверкнула глазами госпожа ведьма, изящно поднимаясь из кресла и разворачиваясь к бывшему супругу.

— Грейс, свободна! — рявкнул шеф, и меня из-за стола как ветром выдуло.

Прикрыв за собой дверь, я перевернула табличку надписью «Закрыто» вверх. Прислушавшись к раздавшемуся грохоту, задумалась, не надо ли позвать стражу, но пришла к выводу, что, если уж до сих пор эти двое друг друга не поубивали, значит, и в этот раз как-нибудь договорятся, а вот стража в разборках между магом и ведьмой рискует стать единственной пострадавшей стороной.

Отдышавшись и пригладив растрепавшиеся волосы, я перекинула ремень прихваченной с поля боя сумки и нырнула в переулок. На мостовой теснились экипажи, степенные и неспешные, дворами на своих двоих до академии я доберусь гораздо быстрее. Иначе придется всерьез рассмотреть предложение госпожи Райны…

Обогнув лужу посреди одного из дворов, я сорвалась на бег. Глупости какие! Я — и в ведьминскую школу?! Нет, мне, конечно, не раз намекали, что метла моему характеру весьма соответствует, но… Природа моих сил была совсем другой.

Когда-то наш мир оберегали два бога и две богини, но однажды произошел раскол, поделивший их на пару Светлых и пару Темных. По легендам от того, под чьим покровительством рождался одаренный человек, и зависел оттенок силы, а вернее, ее источник. Давно уже нет пары Темных — их прославление запретили из-за кровавых ритуалов и прочих неприятных особенностей, — а маги и ведьмы, привязанные к темным источникам, существуют до сих пор. И не важно, от кого нам

достался этот дар — от богов или от природы, — но плетения мы используем разные, заклинания — тоже. А если и случается так, что в одном человеке уживаются две противоположные силы, то это всегда заметно и до наступления совершеннолетия необходимо выбрать, какую развивать, а какую — блокировать, иначе чрезмерно одаренного одним вовсе не прекрасным днем попросту разорвет на мелкие кусочки. Передо мной такого выбора никогда не стояло, уж я бы непременно запомнила.

Так что никаких школ! Только академия, только боевой факультет, и ничто и никто не помешает мне дотянуться до мечты!

Разве что ворота. Высокие кованые ворота в высокой неприступной стене. Наглухо закрытые, разумеется. И сколько я ни бряцала тяжелой колотушкой, гостеприимно распахиваться они не спешили.

Опоздала! На каких-то пять минут, но кому теперь это докажешь?!

ГЛАВА 3

Правила в академии были строгими. Когда я принесла сюда документы, мне разъяснили это первым же делом. Даже листочек с расписанием дали, только толку от того листочка, когда в жизни сплошные неожиданности?

Академия располагалась на северной окраине города и сама, по сути, являлась небольшим городком, из которого студентов выпускали лишь по выходным да на каникулы. Случайные люди попасть на ее территорию без специального разрешения не могли, и я понимала, что опоздавшей никто не откроет. С правилами ознакомилась? Ознакомилась. Подпись свою под оными поставила? Поставила. Ну так какие и к кому, кроме себя, могут быть претензии?

Я в красках представила возвращение домой и теплую встречу, которую организует непослушной дочери обманутый в лучших чувствах родитель, и приложилась о ворота лбом. Гул получился густым, красивым… Жаль, что бесполезным! Нет, возвращаться нельзя. Натворила я немало, даже представить боюсь, что в ответ папочка предпримет. Вернее, догадываюсь, но оттого лишь страшнее. Да и сдаваться так просто, без борьбы? Не дождетесь!

Мне уже нравилось здесь. Нравился городок с похожими на сказочные замки корпусами. Нравилась сама атмосфера, загадочная, веселая, кружащая голову.

Но особенно нравилось то, как Академию чародейства называли в народе: Академия Грейс. Сами боги велели мне здесь учиться! Вот только отец упрямо считал, что и средней школы достаточно. Мол, умеешь управляться с даром — и довольно. Обидно, между прочим!

Я прекрасно знала, что это неофициальное название закрепилось за академией после того, как жена ее основателя едва не рассталась с жизнью, спасая студентов от вышедшей из-под контроля магии. И все же мне нравилось думать, что есть в этом какой-то особый знак свыше. А потому у меня просто не может не получиться!

Я на миг прикрыла глаза, успокаиваясь, и поправила деревянный кругляш на кожаном шнурке. Простенький оберег, детский. Но я все равно носила его, практически не снимая. Это мамин подарок, чуть ли не единственное, что осталось от нее. Даже воспоминания и те поблекли, припорошенные седой пылью времени. Все, что есть — этот кулон да мечта стать такой же, как она. А без академии мечта превратится в очередную несбывшуюся

надежду, одну из тех, что сильнее иного яда отравляют жизнь.

Я размяла ладони, сосредоточилась, потянувшись к дару. Коснулась кончиками пальцев стены и медленно побрела вдоль нее, внимательно прислушиваясь к ощущениям.

Академия большая. Очень большая. Сил на ее содержание тратится немало. И защита на стене стоит отличная — не пробьешь, не расплетешь. Но мне не надо ни того, ни другого. Я не собираюсь ничего рушить. Я не представляю ни для кого угрозы. Я не несу зла. Я лишь хочу попасть на ту сторону, я хочу стать частью всего этого, я хочу учиться! Всем сердцем, всей душой, и я искренна в своем желании, а потому…

Ладонь наткнулась на небольшой выступ, и магическое поле пропустило меня, позволило подойти вплотную и, цепляясь за похожие на ступеньки каменные наросты, подняться на стену. Осторожно, шаг за шагом, вздох за вздохом. Перевести дух — и спуститься, медленно, не переставая думать о том, чего я действительно хочу.

На землю я не ступила — рухнула, ощущая себя неподъемным мешком с камнями. Руки тряслись, ноги не держали, голова болела и кружилась, словно после пяти кругов на карусели, но главное было сделано. Я добралась! Более того — сама Академия впустила меня, посчитав мое стремление учиться здесь важным, стоящим внимания.

Но эйфория схлынула быстро — стоило лишь подумать о том, что преподаватели все-таки не чары и для них одного моего желания может оказаться недостаточно.

Взбодрившись от этой мысли, я вскочила на ноги и огляделась. Травка, деревья, в паре шагов — выложенная желтой плиткой дорожка, убегающая вдаль. Парк? Возможно. Я с подозрением посмотрела на дорожку. Куда она, интересно, ведет? Рисковать в любом случае не стоит, пойду вдоль ограды в обратном направлении, так уж точно к воротам выйду. А от них прямая дорога к главному корпусу академии.

Определившись с планами, я вознамерилась было приступить к их выполнению, как умиротворенную тишину нарушило нечто, весьма напоминающее рык. Глухой такой, многообещающий…

Сразу вспомнилось не столь уж давнее детство и набег на соседский сад. Попасть в него оказалось просто, набрать яблок — тоже, а вот унести ноги от сторожевой псины удалось лишь чудом. И то, замешкавшись, я клочка штанов лишилась… Хвала подельничкам, вовремя за руки через забор перетащили, иначе бы куском ткани я не отделалась.

Неужели и по территории академии сторожевые псы бродят?!

Рык повторился. Вдобавок показалось, что зашуршала трава

под мощными лапами… Прижав к себе сумку, я заозиралась в поисках путей спасения. На ограду не заберешься — нужна концентрация, на которую я сейчас определенно не способна. До ближайшего дерева всего несколько шагов, но где гарантия, что именно возле него с рычащим и пока что невидимым созданием мы и не встретимся?

Третий рык, уже более отчетливый и никак не походящий на игры воображения, подстегнул не хуже плети. Отбросив раздумья, я кинулась-таки к облюбованному дереву. Не оглядывалась, но чувствовала, что опасность близко. И понимала, что не успеваю. Ничего не успеваю — ни убежать, ни даже крикнуть. И, ощутив толчок в спину, ничуть этому не удивилась. Упала, выронив сумку, тут же перекатилась на спину, сложила руки в стандартном защитном жесте — да так и замерла, завороженно глядя в желтые, словно осеннее солнце, глаза.

Говорят, что от судьбы не убежать. И так как оная не настигла меня в переулке, то, похоже, решила исправить это недоразумение на территории академии.

— Мур? — поинтересовалась нависшая надо мной огромная черная кошка.

— Угу, — тяжело сглотнула я, оценила внушительные клыки и крепко зажмурилась, тщетно пытаясь вспомнить хотя бы одно защитное заклинание.

Горячий язык от души прошелся по моей щеке, захватив ухо; дернувшись, я распахнула глаза и недоверчиво уставилась на кошку, и столько насмешки было в ее взгляде, что я даже устыдилась своего поведения. Лежу тут, трясусь от ужаса… Забавная, должно быть, картинка. Для кошки уж точно.

В прошлый раз показалось, что я встретила настоящее чудовище. При ближайшем рассмотрении чудовище оказалось не таким уж и чудовищным: пушистое, с подвижными, украшенными небольшими кисточками ушами, бархатным носом, который настороженно принюхивался, да и вообще… Оно не торопилось пускать в ход острые зубки, изучая меня с не меньшим интересом, чем я — его. Или, вернее, ее — на что угодно спорить готова, что это девочка. Замечательная, мягкая, любопытная… А две девочки всегда найдут общий язык. Если, конечно, сами того захотят.

— Лира, фу! — рявкнул знакомый голос, когда кошка, будто в подтверждение моих мыслей, вновь попыталась меня лизнуть.

Повинуясь окрику, киса отпрянула, прижала уши и пару раз виновато мотнула хвостом, а вот мне стало обидно. Так, значит? Проклятие, значит?! Ну ладно!

— Сам ты «фу»! — заявила я запыхавшемуся магу и, проигнорировав его протянутую ладонь, обняла опешившую

кошку за шею.

О, сколько эмоций отразилось в нахальных желтых — совсем как у кошки — глазах темного! Он был твердо уверен, что его — теперь я в этом не сомневалась! — питомица растерзает меня, не сходя с места, но эти то ли страхи, то ли надежды не оправдались. Гигантская киса мерно заурчала и шлепнулась на бок, а потом и вовсе на спину перевернулась, подставив пушистый живот. И, пока темный приходил в себя, я старательно почесывала черную красавицу, постепенно входя во вкус. Страх отпустил окончательно, кошка и в самом деле была мягкой, теплой и уютной; желтоглазый молчал, лишь время от времени открывая и закрывая рот, словно в попытке подобрать слова, но то ли нужные никак не шли на ум, то ли маг переволновался и потерял голос, только ничего у него не выходило. В конце концов он просто махнул рукой и, все-таки успокоившись, спросил:

— Ты что тут делаешь?

— Поступать пришла, — рассеянно отозвалась я, пощекотав кошку под подбородком.

Темный побледнел еще сильнее и предпринял очередную попытку нас разлучить:

— Если руки дороги, прекрати.

Кошка приоткрыла глаза и бросила на него укоризненный взгляд, я тоже не особо впечатлилась.

— Не ревнуй, — миролюбиво улыбнулась я, поднимаясь на ноги и подмигивая недовольно фыркнувшей красавице. — Или ты злишься, что она мною не закусила?

— Я злюсь, потому что некоторые малолетние дурочки шатаются в неположенное время в неположенном месте, и случись что с ними, отвечать за это буду я, — процедил темный.

— Потому и вешаешь на этих дурочек пакостные проклятия, а потом еще и кошку свою натравливаешь? — поинтересовалась я. Вспомнила кое-что и добавила уже менее благодушно: — Кстати, не жалко было кису-то калечить?

— Это была шутка с воспитательным эффектом, чтобы кое-кто мелкий не связывался со злобными дядями и не шастал по подозрительным местам. А «кису» я не калечил, то была не кровь, а простейшая иллюзия, — поморщился темный, одарив меня далеким от дружелюбного взглядом. Точно такой же достался кошке, потянувшейся ко мне. — Лира, кому сказано! Иди сюда!

Она мотнула головой, смешно передернув ушами, и лениво, словно нехотя, подошла к хозяину, мазнув по мне пушистым хвостом.

— Так, теперь разберемся с тобой, — убедившись, что хозяйский авторитет восстановлен и более не оспаривается,

переключился маг. — Как ты оказалась здесь? Поступающие так далеко не забредают.

— Я и не забредала, я перелезла, — смутившись, все-таки решила признаться я.

— Перелезла? — задумчиво протянул он, смерив взглядом стену, подошел к ней, медленно провел по кладке ладонью и удовлетворенно кивнул: — Хорошо. Значит, уровень сил проверять нужды нет. Идем, провожу тебя, чтобы ты снова в неприятности не угодила.

Насчет неприятностей я бы поспорила. Как по мне, так Лира — одна сплошная приятность, и единственный ее недостаток заключается в излишне нервном, занудном и, чего уж там, мстительном хозяине.

Кстати о нем… Что он говорил о проверке уровня сил? Догадка кольнула острой иглой, заставив поморщиться и насторожиться.

— Ну и чего застыла? — поторопил темный.

— А ты… вы, собственно говоря, кто? — наконец-то задала я вопрос, который следовало задать изначально.

— Ах да, — хмыкнул маг. — Позвольте представиться, госпожа абитуриентка. Алек Арто, старший преподаватель боевого факультета.

Сердце совершило сумасшедший кульбит и ухнуло в желудок. Первые мгновения встречи с Лирой показались пустяком по сравнению с тем, что я испытала сейчас. Богиня милостивая… Я умудрилась ошпарить преподавателя факультета своей мечты. А вдобавок к этому еще и общалась с ним, словно с ровесником, запросто тыкая тому, от кого зависит мое дальнейшее пребывание в академии!

— П-приятно познакомиться, магистр Арто, — тоном, в который так и не получилось добавить хотя бы намек на радость, выдала я.

— Оно и видно, — усмехнулся темный, без труда разгадав ход моих мыслей. — Знаешь, как говорят? Новое место — новая жизнь. Так что предлагаю начать сначала.

Сначала?..

Я неуверенно кивнула, еще не вполне поверив, что гроза миновала.

— Как тебя зовут-то? — вздохнул маг, потрепав присмиревшую Лиру по ушам и протягивая мне сумку.

— Грейс. Грейс Лэрэй, — сказала я, обнимая возвращенную собственность и приноравливаясь к его широкому шагу. И к мысли, что желтоглазый нахал не последний здесь человек. И — вот уж сюрприз — не мстительная сволочь, каковым я его себе не

столь давно представляла.

— Хорошо, Грейс, — кивнул магистр Арто. — Расскажи, как тебе удалось перелезть через стену. Желательно — в подробностях.

Я пожала плечами и пересказала историю своих злоключений, умолчав лишь о семейных разборках моего начальника. Лира потерялась по пути, словно растворившись в тенях, но темный на это никак не отреагировал, и я успокоилась. За разговором и не заметила, как вышли к академии. А когда заметила — в который уже раз задохнулась от восторга.

Белые стены замка возносились над городом, словно скалы над морем; казалось, что увенчанные острыми крышами башни пронзают небо. Возле ведущей к массивным двустворчатым дверям лестницы в обманчиво-ленивых позах застыли устрашающие статуи созданий с туловищем волка, головой и крыльями орла и длинным змеиным хвостом. Мимо них я проходила с особой осторожностью — не отпускало чувство, что они наблюдают за каждым моим движением, и если им что-то не понравится, я крупно об этом пожалею. Но, похоже, студентов никакие ощущения не тревожили — парочка с удобством примостилась на хвосте одного из созданий, уткнувшись в потрясающих размеров книгу. Пытаясь разглядеть ее, я оступилась и не покатилась с высоких ступенек лишь благодаря прекрасной реакции темного, успевшего меня поддержать.

Обидный смешок заставил обернуться. Засмотревшись сначала на статуи, а потом и на книгу, я не обратила внимания на стайку девушек в белоснежных, украшенных кружевом платьях. А вот они, увы и ах, моего появления не пропустили. Но обижаться я не стала, сразу поняв, кто они. Искусницы — студентки факультета изящных искусств, или же, как привыкла называть их я, — бытовики. Как ни прикрывайся красивыми словами, суть от этого не изменится. Так что, вздернув подбородок, я горделиво прошагала мимо девиц. Пусть себе хихикают. Все равно на большее не способны, так зачем связываться с теми, кого богиня и так талантами обделила?

В холле, вопреки ожиданиям, было пусто. Неужели я настолько опоздала?! И примут ли меня теперь? Но магистр Арто уверенно направился к широкой лестнице, и я поспешила за ним, не рискнув отвлекаться на разглядывание интерьера. Видела уже. И, даст богиня, еще не раз увижу. Налюбуюсь вдосталь и забранными узорчатыми стеклами окнами, и мозаичными полами, и высокими арочными потолками, и колоннами, похожими на оплетенные плющом дубы, и гобеленами с изображением знаменитых своими подвигами магов в момент

совершения этих самых подвигов… Рассмотрю все, так, чтобы навсегда запомнить. У меня еще будет время. Обязательно будет!

ГЛАВА 4

Я стояла перед закрытой дверью и пыталась заставить себя постучать, но сердце колотилось, руки дрожали, и я никак не могла решиться сделать самый последний шаг к мечте.

Вместо этого раз за разом прокручивала в голове недавние события. Мое опоздание, встречу с Лирой и ее хозяином, небольшой кабинет и немолодую темноволосую женщину, которая, переговорив с магистром Арто, одарила меня столь странным, полным любопытства взглядом, что я тут же заподозрила неладное. Но ни испугаться, ни еще чего надумать не успела. Покопавшись в стопке бумаг, женщина придвинула ко мне несколько листов и натянуто улыбнулась:

— Добро пожаловать в академию, студентка Лэрэй.

Ощущение подвоха сменилось чувством полнейшей нереальности. Я даже незаметно себя ущипнула, чтобы убедиться: не сплю, все происходит на самом деле. Но… разве так бывает?! Это же боевой факультет, сюда не берут кого попало! И пусть даже уровень моих сил позволил преодолеть ограду академии, это еще ни о чем не говорит. Ни о знаниях, ни об умениях, вообще ни о чем! Я настроилась на сложные и изощренные испытания, готовилась к ним, переживала, ночей не спала… Получается, зря?

— И это все? — пробормотала я растерянно, дрожащими пальцами сгребая листки со стола.

— Этого вполне достаточно, — пожала плечами женщина и кивнула на мои бумаги: — Занесите декану, будьте добры.

Я тяжело сглотнула — декану? серьезно?! — но спорить не осмелилась и послушно вышла за дверь, позабыв уточнить, где искать декана. Если честно, предстать пред его взором не хотелось. А если откажет? Нет, глупости. Меня уже приняли. Я поступила! Как бы то ни было, все по-честному. И теперь ничто не сможет помешать мне! Ничто. И никто.

Стук над самым ухом оглушил и заставил нервно дернуться. Магистр Арто, любезно проводивший меня к искомому кабинету, перехватил мой наверняка дикий взгляд и усмехнулся:

— Решительный шаг ничем не отличается от решительного пинка, а порой и куда предпочтительнее!

Из кабинета донеслось нечто неразборчиво-одобрительное, и нахальный темный маг, приоткрыв дверь, впихнул меня туда.

Не ожидавшая такого коварства, я запнулась о ковер и едва не упала, схватившись за шкаф. Поспешно выпрямилась и приготовилась вежливо поздороваться, но, как только разглядела,

с кем именно, мгновенно растеряла все слова и даже мысли.

Он сидел на краешке стола, беспечно покачивал ногой и задумчиво улыбался. В карих глазах сверкали солнечные искорки, русые волосы — недостаточно, на мой взгляд, короткие — лежали в легком беспорядке, наверняка потребовавшем больших усилий, чем простое расчесывание.

Нестерпимо захотелось их подпалить… В прошлый раз горело очень красиво!

— Д-даниэль? — прошелестела я, еще не веря, что мне может так фантастически не везти.

Нет-нет-нет, это какое-то недоразумение! Он просто зашел в кабинет декана, по делу… Я даже не сомневаюсь, по какому именно. Но ничего ему не обломится, я уже зачислена, так что на меня распространяется защита и свободы академии, и Даниэль может сколько угодно потрясать своими правами!

Я медленно, не сводя глаз с рассевшегося на столе — вот же врожденная наглость! — мужчины, попятилась к выходу. Надо выбраться отсюда. В людное место. Он не посмеет увезти меня силой.

— Куда же вы, госпожа Лэрэй? — удивленно приподнял брови Дан. — Ваши документы уже у меня, проходите и садитесь! Беседовать будем.

Последняя фраза буквально сочилась угрозой, из-за чего не сразу удалось осознать смысл предыдущих.

Мои документы. У него. А он — в кабинете декана боевого факультета.

Последние сомнения вместе с жалкими остатками надежды рассеялись утренним туманом.

Даниэль Иридайн — декан. Декан факультета моей мечты, которая только что с оглушительным звоном рассыпалась на мельчайшие, не поддающиеся склеиванию осколки.

Дан никогда не был человеком, перед которым стоило притворяться и держать лицо. Вот уже десять лет я считала, что чем хуже у него будет обо мне мнение, тем лучше. От этого простого правила я не отступила и сейчас, опустившись на темно-песочный ковер, спрятав лицо в ладонях и тихонечко завыв.

Мечту я оплакивала долго и со вкусом. Самозабвенно, можно сказать. По крайней мере, о единственном зрителе моей личной трагедии я и в самом деле позабыла — пока он деликатно не напомнил о себе, похлопав меня по плечу.

— Грейс, здесь и так слишком сыро, плесень по углам завелась, — ровно сказал он, когда я оторвала ладони от лица и враждебно на него уставилась. — Не ухудшай обстановку.

Бревно. Как есть бесчувственное бревно, годное только на

растопку. И то не факт. Вполне возможно, что его даже пламя не возьмет. Подавится.

— Ты-ы-ы!.. — задохнулась я, не в силах подобрать слова, в полной мере отражающие мое состояние.

— Я. И что дальше? — склонил голову набок Дан. Судя по выражению лица, моим неподдельным горем он ничуть не проникся.

— А это ты скажи, — сердито шмыгнула носом я — и незамедлительно получила платок. Большой, кипенно-белый, с тонким ароматом хвои.

Пижон!

Я вытерла слезы и с мстительным удовольствием высморкалась в это воплощение чистоты и свежести. Дан даже бровью не повел, и возвращать платок я постеснялась. Несмотря ни на что, меру я знала и никогда не выходила за определенные рамки, как бы того порой ни хотелось.

— И скажу, — улыбнулся он. — Только для начала поднимись с пола и сядь на стул. Здесь не принято, чтобы студентки ковры протирали.

Я вспыхнула и взвилась на ноги. Ах, господин декан ковер пожалел?! Ковер, а не меня, которую сам же и довел практически до нервного срыва!..

— Если что, кабинет целителей не так далеко, — любезно просветили меня, тем самым загасив очередную волну истерики. Благодарю покорно, не желаю испытывать на себе применяемые к неадекватным пациентам сомнительные методы лечения.

— Благослови вас богиня за заботу, господин Иридайн, — процедила я, опускаясь на стоящий против стола стул и чинно складывая руки на коленях.

То, что Дан оказался слишком близко, причем почти нависал надо мной, сильно нервировало, о чем я не преминула ему сообщить. Он усмехнулся — и даже не подумал убраться в кресло. Наоборот, подался вперед, заставив меня вжаться в жесткую спинку стула, и спросил пробирающим до костей голосом:

— Грейси, милая, что именно тебя не устраивает?

И, главное, глаза такие невинные-невинные…

— Что?.. — выдохнула я, борясь с паникой и желанием отшатнуться. Он же специально меня из себя выводит, а значит, поддаваться нельзя! — Ты еще спрашиваешь?!

— Я привык прояснять непонятные вопросы, — словно большой кот, промурлыкал Даниэль, и я тяжело сглотнула, чувствуя, как слабеют руки и ноги. Что этот демонов маг делает?!

— Тогда проясни, пожалуйста, чего тебе от меня надо? — до противного жалобно пробормотала я, отводя глаза и стараясь не

дышать.

— Можно подумать, за десять лет ты этого так и не поняла, — усмехнулся Дан, наконец-то отстраняясь.

Я выдохнула с нескрываемым облегчением, вызвав довольный смешок декана, и скривилась. А вот и не поняла. Потому что это в принципе понять невозможно.

— Грейс, — позвал Дан, и я настороженно на него посмотрела, почти испугавшись неожиданно серьезного тона. — Что за спектакль ты тут устроила?

— Какой спектакль? — не поняла я.

— Драматический. С падением на колени, заламыванием рук и обливанием себя слезами.

— Да ты мою мечту погубил! — возмутилась я. — Посмотрела бы я на тебя в такой ситуации!

— А на что ты рассчитывала, поступая на *мой* факультет? — вкрадчиво спросил Даниэль.

— Я понятия не имела, что ты здесь работаешь, — отчеканила я. — Иначе бы, поверь, и ноги моей в академии не было!

Дан выглядел настолько ошарашенным, что даже жалко его стало. Он помотал головой, запустил руку в волосы, еще больше их растрепав, тоскливо вздохнул и с безнадежностью во взоре вопросил:

— Боги всесильные, Грейс… Ты хоть что-нибудь обо мне знаешь?!

Я неловко пожала плечами. Что-нибудь — определенно. Имя, фамилия, особенности мерзкого характера — это ведь считается? А в остальном… я ему клятву верности и любви до гроба не давала, так что нечего винить меня в отсутствии интереса к его персоне. Все претензии — к моему отцу, который непонятно с чего решил, что мы с Даном будем идеальной парой.

Как сейчас помню тот вовсе не прекрасный день. Я — совершенно случайно, разумеется, — подпалила гостившему у нас Дану излишне длинную шевелюру, он загнал меня на яблоню, с которой я благополучно свалилась, да еще крапивой пару раз хлестнул… Нет, ненависти у нас друг к другу нет и никогда не было, мы всего лишь не сошлись характерами. Но это почему-то не насторожило отца; он просто поставил нас перед свершившимся фактом, продемонстрировав подписанный им и родителем Даниэля договор, по которому нас тогда же, не сходя с места, и обручили. Я этот проклятый договор потом раз двести перечитывала в поисках хотя бы крошечной лазейки, позволившей бы отказаться от омрачающего горизонт будущего брака, но увы — к подобным вопросам отец подходил с

маниакальной тщательностью и не оставил ни малейшего шанса аннулировать соглашение. Обычное дело в Арстоне в общем-то, но… Ладно еще я! По Даниэль-то о чем думал?!

И главное, о чем думает сейчас?

Он ведь взрослый. И умный… вроде бы. Чего ко мне прицепился? Для него-то лазейка как раз была, пусть и с выплатой неустойки, но, как по мне, свобода еще и не таких денег стоит, а Дан не беден и вполне может позволить себе послать заключенный не им договор к демонам на рога. Нет ведь! Он что, тогда, десять лет назад, поклялся испортить мне жизнь?! Если так, то ему это с блеском удается!

За десять лет, конечно, с чем угодно смиришься, к тому же Даниэль не из тех, кто может хоть кому-то не нравиться, но выбрать свою судьбу я желала сама. И любви я хотела. Настоящей, искренней, взаимной, такой, чтобы голова кружилась, чтобы друг за другом на край света пойти без малейших раздумий. Папочка над моими мечтами лишь посмеялся, сказав, что это всего-навсего девичья блажь и с возрастом я пойму, что надежность и определенное будущее намного лучше постоянного головокружения и беспрестанного мотания от края до края света. Можно подумать, я ему поверила, прекрасно зная, как он любил маму. И почему он отказывает в праве на такие же чувства мне — я не понимала.

— А ты что-нибудь о себе рассказывал? — старательно подавив робкие ростки смущения, огрызнулась я.

Лучшая защита — нападение, так? Вот сейчас и проверим. Заодно и отодвинемся подальше… Слишком уж близко господин декан подобрался. Непедагогично это, как ни крути. Я бы даже сказала — совершенно неприемлемо.

— Можно подумать, ты когда-нибудь меня слушала, — усмехнулся Даниэль, с интересом пронаблюдав, как я вместе со стулом отодвинулась от стола — и от него. — Твоя главная проблема, Грейс, в том, что ты никогда никого не слушаешь. Ни меня, ни своего отца…

— Это *ваша* проблема, — буркнула я едва слышно, но Дан расслышал.

— И наша тоже, — сокрушенно кивнул он. — Воспитывать надо было лучше. Но ничего не поделаешь, время упущено, что выросло, то выросло, и теперь нам предстоит с этим жить…

— Не хочешь — не живи, — от души посоветовала я. — Все в твоих руках.

— У тебя всегда все просто, да, Грейс? — хмыкнул Даниэль, и в его голосе послышались нотки раздражения, которого он себе почти никогда не позволял. — Захотела — сбежала из дома.

Захотела — нарушила отцовскую волю.

— Это моя жизнь! — не выдержав нравоучительного тона, взвилась на ноги я.

— За которую ты пока что не несешь никакой ответственности, — осадил меня он, тоже поднявшись.

— И что теперь? — прищурившись, осведомилась я. — Домой отошлешь?

— По-хорошему следовало бы, — после томительно-долгой паузы произнес Дан. — Но я тебя знаю. Ты не успокоишься… Но ты же понимаешь, что, пока я жив, тебе и мечтать о боевой магии не стоит?

О да, я прекрасно понимала. Даниэль разделял папочкино мнение относительно того, чем мне можно и чем нельзя заниматься. Интересно, во сколько сегодня обходятся услуги мастеров смерти?..

— Об этом тоже забудь, — прищурился слишком хорошо знавший меня женишок.

Я досадливо фыркнула и демонстративно сложила руки на груди. Проследила за явно заинтересованным карим взглядом и торопливо застегнула пару выскочивших из петелек пуговиц ворота.

А зачем вообще тратиться, тем паче что боевые маги не всегда по зубам даже профессионалам? Дана я сама придушу. Подушкой в первую брачную ночь. Хотя не хотелось бы доводить до крайности…

Резко поменявшие направление мысли мне не понравились, и я покраснела от досады на то, что вообще их допустила. Какая, к демонам, брачная ночь?! Нет, в отдаленной перспективе, безусловно, было место и ей, но не с Даниэлем же!

— О чем задумалась? — некстати ворвался в сумятицу мыслей голос Дана.

— О том, что ты не имеешь права выставить меня из академии, — мрачно сказала я. — Меня зачислили. И ты…

— И я поздравляю тебя с поступлением в высшее магическое учебное заведение, — с улыбкой прервал Даниэль, чем совершенно выбил меня из хрупкого — его же стараниями — душевного равновесия. — Документы уже оформлены, остались сущие пустяки.

— Но ты же заявил, чтобы я даже не мечтала о боевой магии! — не выдержав, возопила я.

Этот мужчина все-таки сведет меня с ума, но вовсе не в том смысле, на который надеется отец!

— Я не отрицаю, — как ни в чем не бывало кивнул Дан, и я отчетливо поняла, что брачной ночи ждать не стану — придушу

его прямо здесь голыми руками. И плевать, что он на полторы головы выше и в десять раз сильнее, плевать! — Боевая магия — не единственное направление, изучаемое в нашей академии. Думаю, тебе придется по душе учеба на факультете изящных искусств…

Изящных… что?!

Я нашарила стул и с размаху шлепнулась на сиденье.

— Бытовая магия?! — сдавленно прошипела я. — Издеваешься?!

Могла бы и не спрашивать. Он же с момента моего появления в кабинете только этим и занимается!

— Ты всегда можешь вернуться домой, — невозмутимо обронил Даниэль.

Ну конечно. Вернуться и дождаться папочку, который обязательно узнает о моих приключениях и непременно возжелает поговорить с беглой кровиночкой по душам… И подкрепить беседу ремнем для вящего усвоения пройденного материала. Не то чтобы до такого когда-либо доходило, но все бывает в первый раз.

— На твоей академии свет клином не сошелся! — буркнула я и получила в ответ такую улыбку, что захотелось скормить Дану недозрелый лимон. Ах, мечты!..

На территории Арстона располагались различные высшие школы и парочка крупных университетов, но только в академии был боевой факультет. А за пределы королевства без подписанного отцом или Даниэлем разрешения меня никто не выпустит. Лет эдак до двадцати. То есть чисто теоретически попытаться можно, но шансы слишком невелики, чтобы можно было всерьез рассчитывать на успех. Терять два года я не планировала, так что выбор оставался небогатый, и, выбирая между домашним заточением и магической штопкой носков…

— Я за тебя не выйду, — вскинув голову, в упор посмотрела я на Дана.

— А вот об этом помечтать можешь, — снисходительно кивнул он. — Говорят, что здоровая злость весьма способствует обучению. Только не замечтайся. Ты же не хочешь, чтобы из-за тебя пострадал какой-нибудь невинный парень?

Я опешила от неожиданности. Это что, угроза?!

— Грейси? — не терпящим возражений тоном поторопил Даниэль, и в его взгляде было столько холода, что стало не по себе.

— Я все поняла, — выдавила из пересохшего горла я. Такой Дан пугал. Его я совершенно не знала…

Кажется, я совсем его не знаю, хотя и привыкла считать

иначе.

— Вот и умница, — заметно расслабился господин декан. — Место в общежитии тебе предоставят. Хотя у меня довольно просторный дом, и…

— Даже не мечтай! — с наслаждением вернула шпильку я.

— Зачем мечтать о том, что и так рано или поздно станет реальностью? — испортил миг торжества Даниэль и, пользуясь моей временной — от избытка чувств — немотой, аккуратно выставил за дверь, сунув в руки документы и порекомендовав сейчас же зайти в деканат факультета бытовой магии… прошу прощения, изящных, демоны их побери, искусств.

Была еще одна рекомендация, данная почти шепотом и больше смахивающая на приказ.

О том, что я невеста господина декана, болтать не следовало. Не то чтобы я собиралась, но прямой запрет отчего-то сильно задел. А так как Даниэль привычно не потрудился пояснить, чем он вызван, то в дело вступило воображение, от недостатка которого я не страдала. Хотя в этот раз разгуляться ему не позволила обида и разливающаяся в груди злость.

Бытовая магия, демоны все побери! Бытовая!!!

Моя мама была боевым магом. Одним из лучших, между прочим, не каждый мужчина мог с ней сравниться. Мой отец — боевой маг, причем даже сейчас способен дать фору многим молодым да шустрым, благо что талант и опыт — гремучая смесь. Даже мой, с позволения сказать, жених — боевой маг, невзирая на то что просиживает штаны в академии…

А я? Я обречена изучать полезные в быту чары, будь они хоть трижды изящными!.. Да большего позора и представить невозможно! И, главное, нет ни единого шанса это изменить. Если уж Даниэль Иридайн уперся несуществующим (пока что!) рогом, его никто не сдвинет. Тем более я.

Ох, что же так не повезло-то?! Вот что значит отца не слушать! Ведь было же что-то… Я остановилась посреди коридора, прижимая к груди бумаги, и нахмурилась. Да, было. Об уходе магистра Санторая с должности декана боевого факультета. И о том, что рассматривали несколько кандидатур, но решение пока не приняли… Это было четыре месяца назад. Потом отец уехал на очередное задание, потом я, готовясь к поступлению, почти жила в городской библиотеке, потом приехал Даниэль, мы чуть ли не в первые же минуты встречи поссорились, и я снова сбежала в библиотеку… В общем, так эта важная новость и прошла мимо меня. Впредь надо быть внимательней. А пока стоит заняться делами насущными, не терпящими отлагательств.

В деканате, изучив мои бумаги, выдали расписание занятий,

список необходимых книг и отправили в общежитие. В оное можно было попасть по переходам или же пройдя через парк, и, спускаясь на первый этаж, я размышляла, каким путем воспользоваться, чтобы наверняка не заблудиться. Вариант прогуляться по парку казался привлекательнее, чем считать повороты бесконечных коридоров, но еще на середине лестницы я заметила скучающего у выхода декана боевиков. Он небрежно кивал в ответ на студенческие пожелания здравствовать и заметно оживился, едва его взгляд остановился на мне.

Я застыла, не решаясь идти дальше. Что ему нужно? Не все высказал или же забыл преподнести очередной сюрприз? Я все еще злилась, и уверенности, что не сорвусь и не наговорю Дану лишнего, у меня не было. С другой стороны, бегать и прятаться от него — последнее дело, глупо и слишком по-детски, а я надеялась, что этот сложный период остался в пусть и недалеком, но прошлом. Я приняла взрослое решение и осуществила его. Не моя вина, что все пошло наперекосяк, и это не повод отказываться от принятой линии поведения. Так что я глубоко вздохнула, выпрямилась — и, получив сильный тычок в спину, полетела вниз.

ГЛАВА 5

Красивые здесь все-таки потолки. Если долго смотреть на них, начинает казаться, что по бледно-голубому небу плывут легчайшие перистые облачка, подсвеченные солнцем…

А вот пол неудобный. Холодный, твердый.

О такой немудрено и убиться.

— Карл Рингтэй, в мой кабинет — и ждать моего прихода, — разрезал неестественно сгустившуюся тишину холодный голос. Почему-то он дрожал, вибрировал и дробился гулким эхом, отчего его зловещесть лишь усиливалась. — Всем остальным — разойтись. Вам нечем заняться? Страдающим от безделья рекомендую зайти к магистру Раргу, он с удовольствием найдет занятие любому.

Судя по торопливому цокоту каблуков, неведомого магистра Рарта студенты жаловали не особо. Хотя… какая разница? Надо бы встать. Но как же не хочется…

Небо-потолок заслонили серьезные, полные тревоги карие глаза, чуткие пальцы пробежались по моим рукам, ногам, ребрам, осторожно ощупали голову.

— Переломов нет, — тихо выдохнул Дан.

А с чего бы им быть, если он успел подхватить меня? Я даже испугаться по-настоящему не успела, как почувствовала чужую, но такую знакомую силу, бережно принявшую меня в призрачные ладони и осторожно опустившую на пол. Если бы не она… Если бы не Даниэль, я бы костей не собрала.

— Грейси, можешь встать? — спросил Дан, и я едва заметно кивнула.

Могу. Чисто теоретически. Но… Казалось, что ноги превратились в набитые трухлявой соломой валики. Да и руки тоже.

И голова.

— Понятно, — вздохнул Даниэль и легко подхватил меня. — Моей силой зацепило, да? Прости, не рассчитал немного… Не до того было.

— Прощаю, — великодушно прошептала я, уткнувшись лбом ему в плечо.

Веки тяжелели с каждым мигом, мысли путались, и хотелось одного — спать. Моя нормальная реакция на его магию. Ничего нового… Кроме той заботы, которой меня сейчас окружили. Непривычно как-то. И, чего уж там, приятно.

— Я убью Рингтэя, — пробормотал Дан, куда-то шагая.

А вот это, конечно, вряд ли. Декан, убивающий студента из-за

несчастного случая, — слишком даже для Даниэля.

«Жених, убивающий безответственного разгильдяя из-за едва не свернувшей себе шею невесты», — вкрадчиво шепнуло подсознание, утягивая в страну снов.

И последняя мысль, несмотря на всю свою дикость, приятно согрела душу.

Невесомой тенью я скользила по замку, когда-то давным-давно, в незапамятные времена, приютившему юных магов и их наставников. Это место переполняла сила. Не светлая и не темная — они, веками сливаясь воедино, порождали нечто совершенно иное, нечто, не поддающееся определению, невидимое и неосязаемое, но оттого не перестающее быть важной частью мира. Сила таилась в камнях, и они мягко сияли, обещая защиту. А еще они пели. Неуловимая мелодия, словно шепот листвы на ласковом весеннем ветерке, словно перезвон лесного ручья, словно… голос самой магии. Песня завораживала, вела за собой, все выше и выше, ступень за ступенью, этаж за этажом, на крышу самой высокой башни, откуда Террея казалась игрушечной. Крошечные домики, монетки-площади, прихотливый изгиб тонкой нити-реки, кое-где уже позолоченная ранней осенью зелень парков и садов…

Весь мир лежал у моих ног. Воздух, терпкий, медовый, с пряно-горькими нотками, пьянил и заставлял сердце биться чаще. Душу до краев переполняло счастье, по венам вместе с кровью струилась первозданная магия; я чувствовала ее и понимала, что она — часть меня. Часть, способная дать столько, сколько никогда и не снилось. Стоит лишь полностью принять ее. Стоит лишь освободиться.

И до этой свободы — всего лишь шаг. Шаг по звенящему от вплетенной в него мелодии воздуху.

И сделать его оказалось до безумия легко.

Мгновение страха — и за спиной раскрываются крылья, и я уже не падаю, а лечу.

Вверх. В бесконечно синее небо, в котором плавится янтарное солнце.

Взмах. Еще один. И страх возвращается. Что-то не так. Что-то неправильно.

Всего лишь миг сомнения — и крылья исчезают так же внезапно, как и появились, а солнце гаснет в ослепительной вспышке.

Я дернулась в попытке зацепиться за воздух — и, широко распахнув глаза, резко села.

Ни башни, ни неба, ни взорвавшегося солнца не было. Зато была небольшая комната и две незнакомые девицы, которые изучали меня с безопасного расстояния.

Сон. Всего лишь сон. Убедившись в этом, я облегченно выдохнула — и нахмурилась, сообразив, что совершенно не помню, как сюда попала и где, собственно говоря, нахожусь.

— Хорошо, что ты очнулась, — улыбнулась одна из девиц, невысокая, с каштановыми волосами и полускрытыми длинной челкой зелеными глазами. Чем дольше я на нее смотрела, тем сильнее казалось, что где-то я ее уже видела… — Магистр Арто сказал, что ты проспишь до вечера.

— Даже ходячие идеалы ошибаются, — фыркнула вторая девица, высокая, светловолосая, синеглазая. — С чего бы ей до вечера без памяти лежать? Все показатели в норме, я проверяла.

Проверяла?! Как? И зачем?!

— Не обращай на Лэн внимания, — махнула рукой шатенка, — ей лишь бы кого полечить.

— Не всем же людей калечить, — хмыкнула блондинка. — Ты же Грейс, да? Я — Лэнис, можно просто Лэн. Учусь на втором курсе целительского. Она, — девушка кивнула на подругу, — Радиша, будущая гроза нечисти и прочих врагов человечества. Первогодка, как и ты. Надеюсь, мы поладим, ведь нам придется делить одну комнату.

Ой. Так я не в лечебнице, а в общежитии? По-другому я как-то представляла себе заселение, и вообще… Дан что, совсем с ума сошел, нести меня сюда на глазах у всех? Хотя… Что там Радиша говорила про магистра Арто?

— Как я здесь оказалась? — выпалила я и схватилась за голову — то ли от отголосков магии Даниэля, то ли от дурного сна, то ли от избытка новых сведений заломило виски.

— Алек притащил, — небрежно пожала плечами Лэн, и я едва слышно скрипнула зубами. Хотя все правильно, не дело это — добропорядочным деканам посторонних девиц на руках носить. Старший же преподаватель — это совсем другое. — Сказал, что тебя с лестницы столкнули и еще чарами приложило, а ты к ним чувствительная…

— Еще магистр Арто сказал, что ничего страшного не случилось и тебе просто нужно отдохнуть, — слегка порозовев, добавила Радиша. — Как ты?

Я прислушалась к ощущениям. Головная боль медленно утихала, а больше ничего не беспокоило. Физически, по крайней мере, ибо на душе было по-прежнему мерзко. И от всей этой истории с бытовым факультетом, и оттого что Дан столь демонстративно показал, что считает меня чужой. Хотя… Я и

сама не желала, чтобы кто-нибудь узнал, что меня связывает с деканом боевиков. Не хотела — и в то же время отчаянно злилась из-за того, что и он не хочет, и это вопиюще нелогичное противоречие собственных стремлений и чувств злило еще больше.

Ну ладно, Даниэль Иридайн. Еще посмотрим, чья возьмет!

— Все в порядке, — улыбнулась я. — Спасибо.

— Если что — обращайся, — кивнула Лэн, и мои соседки наконец-то потеряли к моей персоне интерес, позволив мне перевести дух и оглядеться.

Комната вмещала три весьма удобные на вид кровати, большой шкаф, длинный — как раз троим уместиться можно — письменный стол у большого окна, стулья и пару компактных кресел. Нежно-сиреневые стены, фиолетовые занавески, бежевые покрывала на кроватях и полосатый коврик на полу создавали почти домашний уют, как и букет хризантем на подоконнике, плюшевый медведь на одной из кроватей и стопки книг и бумаг на столе. Помимо входной, в комнате имелось еще две двери, за которыми обнаружились крохотная, но оснащенная всем необходимым кухонька и такая же маленькая душевая. Отлично. Не придется каждый раз при желании помыться бегать по коридорам и маяться в очереди, чего я подспудно опасалась, впечатленная древностью и сказочностью замка. Еще одним сюрпризом стала моя сумка с немногочисленными вещами, которые я сложила вчера вечером, но решила оставить в квартире и забрать либо сегодня, либо завтра. Получается, Даниэль знает, где я жила. Глупо было считать иначе, он, в отличие от меня, всегда в курсе всего, особенно если речь идет о том, за что он отвечает. Что ж, все к лучшему. За квартиру я заплатила заранее, долгов нет; значит, остается лишь сходить к мастеру Нарраю, сообщить ему, что я поступила, и получить расчет. Об этом мы заранее договорились, надеюсь, новую помощницу он найдет быстро. Главное, чтобы она от него столь же быстро не сбежала…

Узнав от девочек, что до восьми вечера за пределы академии выходить разрешается — при условии наличия амулета-пропуска, который выдали в деканате, — я решила отправиться к мастеру Нарраю прямо сейчас. До закрытия мастерской оставалось четыре часа — столько же, сколько и до закрытия ворот академии; возможно, бывшему моему начальнику требуется помощь и я успею ее оказать. Занятия начинались лишь еще через два дня, бегать по лавкам в поисках книг и формы нужды не было — всем необходимым студентов обеспечивали, — и я надеялась, что удастся провести свободное время с пользой. Для себя и для мастера Наррая. Наверное, это странно, но… было жаль оставлять

вспыльчивого, дерганого, но по-своему доброго мастера, благодаря которому я сумела выжить в городе до поступления.

Моя новая комната располагалась на третьем этаже; широкий светлый коридор, окна которого выходили на утопающий в осенних цветах сад, вел к лестнице с высокими ступенями и украшенными резьбой перилами из мореного дуба. По пути к лестнице я прошла мимо общей гостиной, уставленной удобными диванчиками и заваленной подушками, на которых удобно сидеть на полу… ну или спать, свив из них что-то вроде гнезда. «Птичку», посапывающую в оном гнездышке, опознать не удалось, все, что я рассмотрела — так это торчащие во все стороны темные вихры. Хихикнув про себя и миновав ответвление коридора, уводившее, если верить Лэн, в мужское крыло, я спустилась по лестнице и вышла на улицу. Сбежала с невысокого каменного крылечка, завертела головой, пытаясь сориентироваться и одновременно любуясь ухоженным садом, раскинувшимся вокруг общежития — оплетенного темно-зеленым плющом восточного крыла замка, — и, обнаружив нужную тропку, зашагала к воротам.

Солнышко сияло с очистившихся от туч небес, воздух, напоенный ароматами хризантем и астр, освежал и придавал сил, и все мои неприятности вдруг показались несущественными и далекими. Главным оставалось одно — я здесь, в академии, и ни Дан, ни отец, ни кто-либо другой не сможет этого изменить. Да, бытовые чары — не предел моих мечтаний, но… Кто сказал, что я буду изучать только их? Кто сказал, что через два года все не изменится и я не смогу наконец-то исполнить свою мечту? Еще есть время. Есть желание. Я подожду. Да и ждать можно по-разному. Можно просто смиренно делать то, чего от тебя требуют, а можно при этом еще и потихоньку, так, чтобы никто не заметил и ничего не заподозрил, приближаться к своей цели.

Приложив висящий на шее амулет-пропуск к воротам и выскользнув за них, я улыбнулась собственным мыслям и, привычно не желая тратить время и деньги на экипаж, побежала знакомыми улочками и переулками к мастерской.

Времени оставалось все меньше, а сделать хотелось так много…

В одной из подворотен показалось вдруг, что мелькнула за спиной черная тень, но, когда я оглянулась, никого и ничего подозрительного не заметила.

«Это все нервы», — восстанавливая вмиг сбившееся дыхание, решила я. Надо бы по пути к аптекарю заглянуть, купить чего-нибудь успокаивающего. Чувствую, не помешает — ни сейчас, ни в будущем.

Даниэлю, впрочем, тоже стоило бы запастись капельками для крепкого и здорового сна, ибо, если он и дальше планирует издеваться, я в долгу оставаться не намерена!

До мастерской добралась быстро и без приключений. Слава богине, ничего больше не мерещилось и из-за углов выпрыгивать не спешило. Мастер Наррай, более чем обычно хмурый и рассеянный, если мне и обрадовался, то виду не подал. Едва заметно скривился, когда я сообщила о поступлении, скупо поздравил и, узнав, что у меня есть пара свободных часов, указал на заваленный бумагами стол. Окинув взглядом кипы листов, я растеряла большую часть трудового энтузиазма и признала, что идея помочь вредному мастеру была не самой лучшей.

Я отсутствовала полдня. Всего лишь полдня! Как за столь короткое время могло накопиться столько бумаг?! Оказалось, что они вовсе не копились, просто начальство в приступе любви к бывшей супруге устроило здесь небольшой погром, в результате которого пострадала не только пара стульев, ныне стыдливо приткнувшихся на трех ногах в дальнем углу, но и папки с документами, которые, похоже, нужно прятать так же тщательно, как и артефакты. Хотя я поначалу вообще удивилась, что мастерская уцелела после визита госпожи ведьмы. Да и мастер Наррай не выглядел потрепанным: то ли успел залечить боевые царапины, то ли научился лучше защищаться.

От всей души посочувствовав моей преемнице — ей, бедняжке, волей-неволей придется ко всему этому привыкать и учиться выходить из подобных ситуаций с наименьшими для себя потерями, — я принялась за разбор бумаг и увлеклась настолько, что не заметила, как на улице стемнело.

Стрелки противно тикающих часов показывали начало восьмого, и я подорвалась с места, шумно захлопнув толстую папку. Не реши мастер уйти пораньше, я бы безнадежно опоздала! А если учесть, что из квартиры я уже съехала, то ночевать пришлось бы прямо здесь. При условии, что удалось бы уговорить не слишком поддающегося на эти самые уговоры шефа.

Скороговоркой попрощавшись и пообещав заглянуть завтра, я стрелой пролетела мимо опешившего от такой прыти мастера, едва не размазав его о косяк. Ничего, успею еще извиниться. Если не забуду.

За проведенные мною в мастерской часы погода значительно переменилась. Стало холоднее, подул резкий ветер, то и дело швыряющий в лицо горсти противной мороси. Над городом сгущались серые сумерки, сырые и безрадостные, и даже свет фонарей не мог их разогнать. Я даже ненадолго остановилась у одного фонарного столба — померещилось, что клочки мрака,

словно живые, окутывают дрожащее за стеклом пламя, пытаясь пригасить сияние призрачно-тусклым маревом. Его прозрачные щупальца, словно заметив чужое внимание, замерли на миг, лентами развеваясь на ветру, и рванулись ко мне.

Я отшатнулась, зацепилась за край тротуара и едва удержала равновесие. Помотала головой, избавляясь от странного наваждения; фонари горели как обычно, ничто не пыталось их потушить, ничто не тянулось ко мне… А время меж тем утекало сквозь пальцы; как назло, в пределах видимости не было ни одного экипажа, и я, решившись, нырнула в темный проулок.

Бежала я быстро. Сердце стучало как сумасшедшее, и пульс шумел в висках морским прибоем; ветер кружил вихри из пыли и рано опавшей листвы, бросал их под ноги, словно стараясь задержать. Я не оглядывалась, хотя казалось, что за спиной кто-то есть. Страх поднимался из глубин души, ручейками холода расползался по телу, сбивал дыхание, отдавался дрожью в пальцах.

Здесь фонари не горели, но все чудилось, что призрачные ленты-змеи, опутывавшие их, тянутся следом, и стоит лишь замешкаться, сбиться с шага — и они настигнут, оплетут ноги и руки, удавкой затянутся на шее… погасят меня так же, как и освещавшее улицы пламя. Я уже чувствовала их ледяное прикосновение к щекам; на бегу нашарила под одеждой мамин оберег, сжала его в ладони — и, споткнувшись обо что-то невидимое в темноте, упала на колени.

Замерла, втянув голову в плечи, но мгновение сменялось мгновением, а ничего не происходило. Отдышавшись, я поднялась на ноги и наконец-то оглянулась. Переулок был пуст. Только лениво шевелились потревоженные разошедшимся ветром тени да вихри из пыли и листьев бессильно опадали на землю, едва успев взметнуться ввысь. Я длинно выдохнула и обернулась, намереваясь продолжить путь, но успела сделать лишь несколько шагов, когда одна из теней прямо на глазах стала еще гуще и чернее, а потом, грациозно вскочив на лапы и отряхнувшись, преградила дорогу.

Черный зверь с желтыми, мерцающими вовсе не отраженным, а собственным светом глазами оскалил клыки и плавно двинулся на меня, от растерянности застывшую на месте.

Все это уже было, и не столь давно.

— Лира? — неуверенно позвала я, осторожно отступая. — Лира, стой!

Но кошка словно и не слышала. Или же, что вероятнее, мои слова для нее ровным счетом ничего не значили. Из горла кошки вырвался низкий рык. В отличие от первой нашей встречи, в ее

глазах горело лишь одно желание — убивать. И что-то подсказывало, что на сей раз это вовсе не шутка и Алека Арто поблизости не окажется.

ГЛАВА 6

Я медленно пятилась, не сводя взгляда с подобравшейся, щерящей клыки кошки; Лира вновь утробно зарычала, припала на передние лапы — и все-таки прыгнула. Мгновение растянулось, словно вечно спешащее время сбавило ход, превратилось в густой мед, в котором застыли отшатнувшаяся, падающая на спину я и взвившаяся в воздух кошка… И еще одна, точно такая же, вынырнувшая из ниоткуда и ударившая в бок первую.

Земля выбила воздух из легких, и время понеслось вскачь, стремясь наверстать упущенное. Приподнявшись на локтях, я с немым изумлением увидела, что по земле, взметая листья, катается огромный рычащий и шипящий черный клубок. Торопливо встав, я сложила заметно дрожащие пальцы щепотью, пробормотала короткую формулу — и бледно-голубая молния, вонзившись аккурат рядом с клубком, рассыпалась роем жалящих искр. Помогло! Клубок расплелся на два гибких тела, похожих, словно зеркальные отражения. Кошки застыли друг против друга в совершенно одинаковых позах — напряженные мускулы, прижатые уши, оскаленные пасти — и не отличить, не распознать, кто есть кто, как ни старайся.

— Лира, — тихонько позвала я, складывая пальцы в другой знак. — Лира, ко мне.

Одна из кошек дернула украшенным кисточкой ухом и, рявкнув на соперницу так, что та присела на задние лапы, плавным, текучим движением оказалась рядом со мной. А вернее — передо мной, прикрывая, готовясь в любой момент сцепиться с той, что пыталась отнять мою жизнь и никак не рассчитывала на сопротивление.

— Уходи, — глядя в глаза кошке, которую ошибочно приняла за Лиру, прошептала я. — Уходи с миром. Не заставляй меня…

На кончиках пальцев вспыхнул ярко-алый язычок пламени, и я не договорила. Лира понимает меня. Вероятнее всего, и другая кошка тоже на это способна. А если так… Я успею причинить ей вред прежде, чем она причинит вред мне. Мы обе знали, что так и будет. Но, видно, только мне возможные последствия казались слишком дорогой платой.

Кошка презрительно фыркнула, выгнула спину и медленно шагнула в сторону — и вперед. Замерла, гипнотизируя недобро горящим желтым взглядом, и сделала еще один скользящий шаг, пытаясь обойти нас с Лирой сбоку.

Ясно. Легко не будет. Ну что же…

Пламя сорвалось с ладони и алым цветком расцвело там, где

мгновение назад стояла кошка. Лира зарычала и с неожиданной даже для такого крупного зверя силой толкнула меня, уводя из-под удара. Стремительная тень рассекла воздух, грациозно приземлилась на все четыре лапы — и вновь пошла на меня и мою защитницу, готовую броситься в бой. Который, как я внезапно совершенно четко осознала, выиграть не сможет. При всей своей похожести кошки все же отличались. И в первую очередь — способностью убивать без малейших раздумий. Лира была ласковой и домашней. Другая же… Дикий, опасный зверь, не знающий, что такое пощада.

Осталось выяснить, на что способна я сама. Раньше я никогда не использовала боевые чары и понятия не имела, что из этого выйдет. Пламя разгорелось в обеих ладонях. Немного ярче и жарче, чем до этого — я не была уверена, что справлюсь с заклинаниями большей силы, все-таки практики мне отчаянно недоставало.

— Лира, стой, — попросила я шипящую кошку, но на сей раз слушаться меня не собирались.

Нужно было решиться и ударить прямо сейчас, пока Лира не ввязалась в заведомо проигрышный бой. Сейчас…

И я ударила. Только вот выяснилось, что с меткостью, в отличие от решимости, дела у меня обстояли не очень. Встряхнула ладони, поняла, что не могу сосредоточиться, чтобы вызвать огонь; паника все же захлестнула с головой, сбивая дыхание, туманя разум. Показалось, что кошка стала еще крупнее; она словно утратила четкие очертания, будто и не живое существо надвигалось на нас сквозь языки не нашедшего цель магического пламени, а древнее чудовище из полузабытых сказок. Огромное, неотвратимое, и ни спрятаться, ни убежать не получится. Все, что остается — это смириться со своей судьбой. Смириться… Я дернулась, разрывая пелену апатии и покорности, а Лира… Лира рванулась вперед, и я не успела ее остановить. С ужасом смотрела, как кажущаяся слишком маленькой и хрупкой на фоне своей противницы кошка бесстрашно закрывает меня собой, как медленно, но верно приближается окутанный тенями и туманом монстр, как что-то сверкающее пронзает его непомерно большое тело, которое с шипением распадается на клоки грязно-серой тьмы.

Что?!

Я растерянно моргнула, осознав, что поле боя осталось за нами с Лирой. Кошка стояла, вздыбив шерсть, и оглядывалась в поисках то ли врага, то ли союзника.

А я точно знала, что он стоит за спиной. Непостижимым образом чувствовала чужое присутствие. Хотя… чужое ли?

Лира среагировала первой. Расслабилась и с жалобным мяуканьем кинулась туда, куда я почему-то опасалась посмотреть.

И лишь после этого я вздохнула с облегчением. Кажется, зря я решила, что сегодня кошка гуляет сама по себе. И пусть ее хозяин припозднился, это не важно. Важно, что он все-таки пришел. И пришел до того, как случилось страшное и непоправимое.

Надо бы поблагодарить его. Услышав тихие шаги и приближающееся довольное мурчание, я обернулась и выдохнула:

— Слава богине, магистр А… — Крошечный зеленоватый светлячок, зависший над головой нашего спасителя, на мгновение ослепил… Но не настолько, чтобы я не узнала его и не проглотила заготовленные слова. — Дан?.. — беспомощно пробормотала я, глядя, как доверчиво ластится к декану боевиков кошка Алека Арто.

Город, окутанный вечерним туманом, казался сонным, тихим и безопасным. Даниэль шел теми же переулками, которыми привыкла ходить я, вот только он ничуть не боялся — ни подозрительных шорохов, ни теней, ни приглушенных, съеденных туманом звуков. И я, шагая за ним, тоже ничего уже не боялась. Это было непривычно и странно, словно не наяву, а во сне. Рядом бесшумно ступала Лира; порой чудилось, что она вот-вот сольется с туманными тенями, и тогда я протягивала руку, чтобы коснуться мягкой шерсти и убедиться: кошка никуда не исчезла.

А вот мне бы хотелось. Шагнуть в туман и раствориться в нем. Дан снова пугал. Нет, он не кричал, не ругался. Спросил лишь, не пострадала ли я, и, получив отрицательный ответ, велел следовать за ним. И больше не проронил ни единого слова, будто меня здесь и вовсе не было. Но я чувствовала, как он зол. Видела это в его глазах, в пролегшей меж темных бровей морщинке, в уголках сжатых губ. В том, как прямо он держал спину и как крепко сжимал кулаки. И… пожалуй, я понимала его. Вот только как бы ему объяснить, что моей вины в случившемся нет! Ну… почти нет.

Да, я задержалась, да, пренебрегла простейшими правилами безопасности и свернула с освещенных людных улиц в подворотни, хотя уже однажды едва не поплатилась за такую беспечность… Ох. Ладно, я виновата. Безо всяких «почти» виновата. Но зачем же об этом столь красноречиво… молчать?! В любом случае я же не специально! И мне стыдно. Да, мне стыдно, что из-за моей легкомысленности едва не пострадала Лира. И что Даниэлю пришлось разыскивать и защищать меня. Стыдно! Вот только сказать я об этом не могу. Потому что не знаю, как

подступиться к ожившей ледяной статуе, шагающей впереди и делающей вид, что знать меня не знает.

Было уже гораздо больше восьми, когда мы добрались до академии, но ограничение, похоже, касалось только студентов. Перед деканом ворота открылись немедленно, мне, погруженной в невеселые раздумья, показалось даже, что никакого пропуска ему не понадобилось.

Когда створки бесшумно закрылись за нами, мои нервы не выдержали.

— Дан… Ну скажи хоть что-нибудь! — вцепившись в рукав его куртки, взмолилась я.

Территория академии — от самых ворот до крыльца главного корпуса — была пуста. Тишину нарушал лишь шелест ветра, запутавшегося в кронах парковых деревьев.

Даниэль остановился, резко выдохнул и обернулся ко мне. Щелкнул пальцами, и шум ветра тотчас стих, а мир за пределами пары шагов слегка расплылся, словно огражденный дождевой завесой. Защитный полог. Теперь нас никто не услышит и не увидит. Что ж… Я сама хотела поговорить, начисто позабыв, что не слишком разумные желания имеют противную привычку сбываться. Я сглотнула и едва не попятилась, а господин декан протянул руку и спокойно потребовал:

— Пропуск.

— Что?.. — растерянно переспросила я.

— Отдай пропуск, — повторил Дан.

Очень хотелось уточнить зачем, но… Я не рискнула. Молча сняла цепочку с шеи и опустила амулет в его ладонь. Дан провел по кусочку металла кончиками пальцев, что-то прошептал — и вернул мне.

— И что это было?! — не выдержала я, потому как объяснять что-либо мне не торопились. — Что все это значит?!

— Это значит, что отныне ты сможешь выйти за пределы академии лишь в сопровождении преподавателя или лица, назначенного твоим сопровождающим лично мной, — все так же тихо и спокойно пояснил Даниэль. — В городе тебе делать совершенно нечего. А если вдруг что-то понадобится — скажи мне, я все улажу.

— Ты… Да это же… Это что же — домашний арест?! — выдохнула я, от возмущения едва подобрав слова. Все мысли о собственной вине и о том, чтобы искренне попросить прощения, исчезли, и памяти о себе не оставив.

— Академический, — бесстрастно поправил Даниэль. — Тебя что-то не устраивает?

Он еще спрашивает?!

— Я не твоя пленница! — буркнула я. — Ты не имеешь права…

— Ты моя студентка, — перебил он. — И я имею право. Что-то еще?

— Студентка, да не твоя! — из чистой вредности уточнила я. — Сначала зачисли на свой факультет, а потом уже командуй, сколько влезет!

Фокус не удался. Господин декан, чтоб его демоны гоняли, даже бровью не повел! Зато не преминул напомнить:

— Студентка, может быть, и нет. А вот невеста — да.

Лучше бы молчал, честное слово!

— Ошибаетесь, господин Иридайн, — сложив руки на груди, прищурилась я. — Сами же дали понять, что здесь я вам — никто.

— О, так вот в чем дело, — хмыкнул Дан, и столь пугающая ледяная маска наконец-то треснула, осыпалась колким крошевом. — Не думал, что это тебя так сильно заденет.

Что? Да что он вообще о себе возомнил!

— Не думал, что ты так стыдишься моего общества, — вернула шпильку я.

— Я не стыжусь твоего общества, — усмехнулся он. — И если ты того желаешь, завтра же о наших отношениях будут знать все в академии — от ректора до последнего первокурсника. Уверен, внимание, коим тебя непременно окружат, тебе понравится. Отчего же ты побледнела, Грейси? Неужели я ошибся в своих предположениях?

Он уже откровенно смеялся! Но, стоит признать, в его словах имелся смысл. Всеобщего внимания, тем более связанного с моей личной, какой бы она ни была, жизнью, совершенно не хотелось. Я прикинула, сколько безответно влюбленных в декана студенток, а то и преподавательниц обитает в этих стенах, и содрогнулась, представив, какую сладкую жизнь они способны мне обеспечить. Нет уж! Пусть лучше остаются в неведении! И им спокойнее. И я живее. Да.

— Так что, Грейс? Я жду твоего решения, — напомнил о себе Даниэль.

У-у-у, прекрасно ведь все понял! Это я не могу его раскусить, в то время как для него являюсь открытой книгой. Читай — не хочу…

Я досадливо прикусила губу и с вызовом посмотрела на жениха:

— Спасибо, не надо. Пусть это останется нашей маленькой, почти семейной тайной.

— Рад, что наконец-то мы поняли друг друга, — кивнул он, на сей раз без издевки.

Ох, если бы. Если бы я могла тебя понять! Но, похоже, мне этого просто не дано.

— Я пойду, — неловко передернув плечами под его пристальным взглядом, сказала я. — Провожать не надо. Здесь же безопасно, так? И… где Лира? — нахмурилась я, только сейчас заметив, что кошки нет. Более того, я не помнила, чтобы она входила в ворота! — Мы забыли Лиру! — испугалась я. — Дан!

— Успокойся, с Лирой все в порядке, — не разделил моей тревоги он.

— Но она осталась там! — махнула я рукой в сторону ограды.

— Она вошла, — возразил Даниэль. — Просто ты не заметила. А я все-таки провожу тебя. — И добавил тихо-тихо, но так, чтобы я наверняка расслышала: — Вдруг еще чего-нибудь не заметишь… Вытаскивай потом из очередной передряги. Или академию заново отстраивай…

Я скрипнула зубами, но смолчала и послушно зашагала рядом с Даном к восточному крылу. Ну вот почему он такой? Только я чуть-чуть расслаблюсь, как он тут же выпускает свои колючки! Интересно, он сам-то замечает, что наши отношения порчу не только я?

Взрослый, умный… Ну да, как же!

— В городе сейчас опасно, — заговорил он, когда мы почти дошли. — Нападения нечисти участились, несмотря на усиление патрулей. Возможно, введут комендантский час. Я не следил за тобой, Грейс. Я просто… волновался.

От такого признания я сбилась с шага. Остановилась и недоверчиво взглянула на Дана, но, вопреки подозрениям, в его глазах не было ни следа насмешки. А вот серьезности — хоть отбавляй.

— Все так плохо? — заволновалась я.

Слухи по Террее всякие ходили, но я, поглощенная работой и мечтами об академии, пропускала их мимо ушей, не задумываясь, очередная ли это выдумка или же правда. В который раз уже понимаю, что слишком невнимательна… И в который раз уже эта невнимательность играет против меня!

— Пока трудно сказать, — пожал плечами мой спутник. — Но осторожность еще никому не повредила. Надеюсь, сегодня ты в этом убедилась… И больше не злишься за то, что я ограничил действие твоего пропуска.

Я вздохнула. Пожалуй, да, не злюсь. Что вовсе не означает, что меня все устраивает.

— Дан, — решившись, начала я. — Ты прав — сегодня я поняла, как важна осторожность. И, поверь, впредь не допущу подобной ошибки… Но такое ограничение — уже чересчур! Я…

Мне надо в город. Я обещала помогать мастеру Нарраю до начала занятий, и он будет ждать…

— Я оповещу мастера Наррая о том, что ты не сможешь прийти, — не дослушав, перебил Даниэль. — Ты слишком увлекаешься, Грейс. Всем, что делаешь, не замечая ни времени, ни опасности. С одной стороны, это замечательное качество, с другой же… Я верю тебе. Верю, что специально ты рисковать не станешь. Но вот случайно… Случайно забудешь о времени, с головой окунувшись во что-то интересное или полезное. Готовя чай заработавшемуся мастеру. Засидевшись над бумагами. Или же занося в каталог готовые артефакты. Или… Сколько таких «или» может быть, Грейс? Из-за какого из них ты вновь столкнешься в очередной темной подворотне с очередной тварью, от которой, вполне возможно, тебя уже никто не спасет?!

Я с трудом сглотнула вставший в горле горький комок. Богиня милостивая, да за этот день, долгий, как несколько жизней, я видела Дана — вредного, насмешливого и успевшего стать привычным — таким, каким не видела никогда. Холодным и отчужденным, словно стальной клинок. Нежным и заботливым, будто я и в самом деле что-то для него значила. Непреклонным и решительным, как отец, когда речь заходит о моей безопасности.

И теперь меня мучил вопрос: маски ли это или же настоящий Даниэль именно такой?

— Я не пойду в город одна, — выдавила я из пересохшего горла. — Обещаю.

— Вот и умница, — заметно расслабился он. Улыбнулся даже, но в свете фонарей улыбка эта показалась бледной и неестественной. — Доброй ночи, Грейс.

— Доброй ночи, Дан, — вздохнула я и, преодолев ступеньки невысокого крыльца, отгородилась тяжелой дверью от осенней ночи и слишком задумчивого и усталого взгляда моего спасителя.

Мои соседки еще не спали. Лэн, забравшись на кровать с ногами, листала толстую книгу; рядом с ней лежали разноцветные мешочки, перевязанные ленточками. Судя по наполнившему комнату аромату, там находились сушеные травы. Радиша крутилась перед зеркальной дверцей шкафа, разглядывая себя в новом наряде — узких темных брючках и алой рубашке, и, надо признать, наряд ей очень шел, о чем я и сообщила, к вящей радости девушки.

Ужинать не хотелось, хотя Лэн и предложила разогреть лежащий в холодильном шкафу мясной пирог. В мастерской я пила чай, да и волнения никогда не шли на пользу аппетиту, а волнений этих за один только вечер выпало столько, сколько, пожалуй, и за всю жизнь не выпадало. И это если забыть о том,

что случилось днем. Ох, если бы я только могла забыть…

Нападение и общение с Даниэлем на время вытеснили все остальные переживания, но теперь они вернулись и принялись с новой силой терзать душу. Поймав себя на том, что смотрю на Радишу уже не с восхищением, а с завистью, я сбежала в душ, а после и вовсе забралась в постель, решив, что утро вечера мудренее. Вымотанные долгим днем девчонки последовали моему примеру, и вскоре нашу комнату заполнила уютная, разбавленная проникающим в окна светом фонарей тьма.

— Девочки, — громким шепотом позвала Лэн, — вы еще не спите?

Мы с Радишей слаженно вздохнули. Не знаю, как она, а я не была расположена к ночной болтовне. Но, как оказалось, Лэн собиралась не болтать, а поделиться великой мудростью предков.

— Меня бабушка одному гаданию научила, — хихикнула она в темноте. — Нужно, засыпая, произнести: «Сплю на новом месте, приснись, жених, невесте». Кто во сне явится, тот и будет суженым…

Радиша смущенно фыркнула, я же мысленно застонала. Тьфу-тьфу. Вот только во сне еще господина декана увидеть не хватает!

Содрогнувшись, я от души пожелала девочкам доброй ночи, а себе — не вслух, разумеется, — отсутствия всяческих сновидений и повернулась на другой бок, предвкушая заслуженный отдых.

Не знаю, как соседкам, но мне катастрофически не повезло…

Во сне осень уступила место весне и волновалось шумное море свежей зелени, омытое только что прошедшим дождем, от которого я не смогла — или же не пожелала — укрыться. И посреди цветущего сада я была не одна…

Честно признаться — самой себе можно? — на Даниэля Иридайна без рубашки посмотреть стоило. Вообще-то дома я и смотрела, когда он тренировался с отцом, но тогда он, во-первых, был довольно-таки далеко, а во-вторых, не видел меня. Сейчас же Дан был непозволительно близко. На влажных волосах дрожали капельки воды; они медленно скользили по загорелой коже, под которой выступали четко прорисованные мускулы. В карих глазах танцевали джигу демонята, а от потрясающей улыбки подгибались колени и перехватывало дыхание. Пожалуй, для одной меня всего этого великолепия было несколько… многовато.

— Грейси, — бархатным голосом протянуло «великолепие», кончиками пальцев нежно касаясь моей щеки. — Зашей рубашку, радость моя. Зря, что ли, столько лет на изучение бытовых чар угробила?!

Проснулась я в холодном поту, с отчаянно колотящимся у самого горла сердцем.

Ничего более кошмарного мне еще не снилось…

ГЛАВА 7

Ветер принес на своих крыльях тяжелые, напитанные влагой тучи, и с самого утра шел мелкий занудный дождь. Сад вымок и утратил яркие краски; на мир за окном будто накинули серую вуаль, превратив его в невыразительную, лишенную объема картинку.

После пробуждения среди ночи заснуть я так и не смогла, ворочалась с боку на бок и думала, думала, думала… От этого к утру разболелась голова и окончательно испортилось настроение.

Завтракать, как и ужинать, не хотелось, но Лэн заявила, что голодовка — верный путь к могиле, и все-таки вынудила меня пойти в столовую вместе с ней и подозрительно задумчивой Радишей. В просторной, оформленной в желто-оранжевых тонах столовой было немноголюдно; наверное, студенты еще не прониклись жестким расписанием и вовсю отсыпались. Я бы тоже не отказалась, но вместо этого пришлось под строгим взглядом целительницы-второкурсницы съесть овсяную кашу с кусочками яблока, два ломтика хлеба с сыром и выпить стакан сладкого чая. По стеклу монотонно стучали дождевые капли, и я старалась не смотреть за окно, предпочитая разглядывать солнечно-яркую скатерку.

Жизнь казалась унылой и серой. Даже после чая.

— Сходим в город, когда дождь закончится? — предложила Лэн, и Радиша, растеряв загадочную томность, живо закивала.

А я, вспомнив о вчерашнем, с трудом подавила вздох. Но отказаться не успела — громкий переливчатый вой разрезал сонную тишину столовой, заставив немногочисленных ее посетителей подскочить и, скривившись, зажать уши.

— Это… что?! — выдохнула я, когда похожие на вопль баньши звуки прекратились.

— Сигнал общего сбора, — нервно хихикнула Лэн. — Демоны бы его побрали… За целый год так и не привыкла!

К такому не то что за год — и за пять лет не привыкнешь! Зато не услышать и проигнорировать нереально. Наверняка тех, кто спал и видел сладкие сны, из кроватей в один миг вынесло…

Лэн выскочила из столовой первой. Мы с Радишей, переглянувшись, бросились за ней. Блуждать по коридорам в поисках места общего сбора студентов — сомнительное удовольствие. Хотя… смутно припоминаю, что вчера мне выдали план академии, и наверняка предполагалось, что я, как и подобает приличной студентке, внимательнейшим образом с ним ознакомлюсь. Что ж, будет чем заняться до начала учебы.

Академия не маленькая, чтобы обойти все нужное — с планом в руках, разумеется, — много времени понадобится.

Перебив размышления о будущем, вновь раздался жуткий вой. Неужели кто-то из руководства посчитал, что мы с первого раза не услышали и не поняли?!

В главный холл мы ворвались запыхавшиеся и злые, как и остальные, здесь собравшиеся. Студенты жались к стенам, а у подножия лестницы, расположенной напротив той, с которой я вчера упала, стояли двое мужчин и женщина, облаченные в сине-серебряные мантии. Женщина была высокой, статной, уже немолодой, но невероятно красивой. Белоснежные волосы, собранные на затылке в тяжелый узел, в холодном свете магических сфер отливали серебром; огромные синие глаза смотрели прямо и строго. Она величественно опиралась на руку молодого мужчины, чьи черные волосы были заплетены в длинную, до лопаток, косу. Слева от женщины стоял Даниэль, и я вздрогнула, наткнувшись на его взгляд, а потом и вовсе покраснела, вспомнив сон.

Ох ты ж демоны… Нервы, это все нервы. А вчера я, как назло, так и не зашла в аптекарскую лавку. И уже не зайду. И в самом деле, что ли, идти к Дану и требовать успокоительного? Сам же говорил, если что нужно… А мне нужно. Очень-очень нужно!

Слух резанул третий вопль, на счастье короткий, и в холле установилась практически мертвая тишина.

— Доброго здравия, господа студенты, — сильным, но при этом приятным, мелодичным голосом начала женщина. — Первое в этом году собрание должно было пройти не сегодня и не так, но обстоятельства таковы, что пришлось нарушить наши традиции. Для только поступивших представлюсь: я — магистр Плана Корревайн, ректор Академии чародейства, в которой вам предстоит учиться. Добро пожаловать в эти стены. Старшие курсы — с возвращением. Надеюсь, каникулы вы провели с пользой и полны энергии и желания направить ее в полезное русло. Праздник, посвященный началу нового учебного года, состоится, но позже обычного. Тому есть веская причина.

Она замолчала, и по рядам студентов прошел легкий недовольный гул.

— Тихо, господа, — не повышая голоса, обронил Даниэль, и все немедленно замолчали. Надо же. Не только на меня он так действует, что отрадно. — В городе неспокойно. Сегодняшней ночью произошло нападение нечисти, есть пострадавшие. — На сей раз гомон Дан унимать не стал, терпеливо переждал и продолжил: — Волноваться не стоит. Стены академии надежны, и вам ничто не грозит. С этого дня в Террее введен комендантский

час. Студенты академии должны возвращаться на ее территорию до наступления темноты. Это касается старших курсов. Что же насчет первого и второго… На какое-то время вам придется забыть о походах в город.

Ропот усилился.

— Даже в сопровождении преподавателей? — робко уточнили из толпы студентов.

— Каждый такой случай будет рассмотрен в индивидуальном порядке, — бесстрастно отозвался Даниэль. — Еще вопросы?

— Магистр Иридайн, ладно первогодки… Но нас-то за что?! — возмущенно поинтересовались прямо над моим ухом. Повернув голову, я увидела темноволосого парня, бледного, худощавого, высокого. И очень недовольного изменившимися правилами.

— Лично вас, студент Рингтэй, я бы и вовсе не выпускал за пределы академии, — мрачно произнес Даниэль, глядя при этом почему-то на меня.

Я передернула плечами и задрала нос, всем своим видом показывая, что вообще здесь ни при чем. Парень же отчетливо скрипнул зубами, но на рожон лезть не стал. Как показалось — к вящему разочарованию Дана.

Хм, Рингтэй… Что-то знакомое. Что-то… О, да ведь это по его милости я с лестницы полетела!

Понятно, отчего Даниэль так глазами сверкает. Только, судя по возмущенному сопению, гнев декана кое-кому совершенно нипочем. Не удивлюсь, если защита академии сегодня же подвергнется нешуточному испытанию. Я вновь, не удержавшись, оглянулась… и нарвалась на веселое подмигивание. А отвернувшись от нахала, которому руки так и чесались довольную улыбку подправить, обожглась о злющий взгляд Дана.

Демоны все побери! Учеба еще даже не началась, а мне уже предельно весело! Боюсь даже представить, что будет дальше…

Когда на все вопросы нашлись ответы и студенты слегка успокоились, нас наконец-то отпустили, а преподаватели эффектно исчезли. В прямом смысле слова растворились в воздухе, оставив после себя лишь таинственно мерцающую серебряную дымку. Интересно, это и в самом деле чары перемещения? Говорят, они очень сложные, энергоемкие и не каждому по зубам. Или же все дело в невидимости? Подумав, я хмыкнула и отмела эту забавную, но лишенную смысла версию. Воображение живо подкинуло картинку, как важные и гордые магистры, накинув на себя чары, на цыпочках, чтобы никто не услышал, крадутся вверх по лестнице или же к дверям, на зависть всем гимнастам ловко лавируя меж студентов.

Холл постепенно пустел; кто-то вышел на улицу, остальные разбрелись по коридорам. Мы с девчонками направились в комнату. Не знаю, что намеревались делать они, а мне нужно было разобрать вещи, прикинуть, что может понадобиться, подоставать Дана, раз уж он сам напросился… Изучить план академии, чтобы однажды на потеху господину декану тут не заблудиться. Да и вообще, стоило бы как следует подумать, как быть дальше, чтобы в один вовсе не прекрасный день мой сегодняшний сон не стал печальной явью.

Я не сомневалась, что через два года, когда получу возможность путешествовать без разрешения опекуна, сбегу из Арстона куда подальше, поступлю на боевой и все-таки осуществлю свою мечту. Чего бы это ни стоило. Но до того времени… Два года — немалый срок. И, пожалуй, можно попытаться получить хотя бы теоретические знания. Библиотеку-то Даниэль от меня не закроет, как бы того ни желал.

— Вот ведь… — тоскливо выдохнула Лэн, едва мы оказались в комнате, и плашмя рухнула на протестующе скрипнувшую кровать. — Столько планов поломали!..

— Если тобой закусит нечисть, твоим планам тоже придет конец, — рассудительно заметила Радиша, убирая с глаз длинную челку и пытаясь закрепить ее невидимкой на макушке.

— А ты, я смотрю, совсем не расстроилась, — прищурилась целительница, приподнявшись на локтях.

— А чего расстраиваться? — пожала плечами Радиша. — Стража и маги справятся с угрозой, скорее рано, чем поздно, тогда и наверстаем.

— Ты тоже так считаешь? — переключилась на меня целительница, и я едва не поежилась от ее грозного взгляда. Вот ведь… Повезет же ее будущим пациентам. От такой никто не уйдет живым… то есть невыпеченным.

— Допустим, — повторила я жест Радиши и так же, как она, присела на край кровати.

— Близняшки, — фыркнула Лэн, вновь падая на постель. — Мало того что внешне похожи, так еще мыслят и реагируют одинаково!

Ее слова как ледяной водой окатили. Мы с Радишей уставились друг на друга, словно впервые видя. А ведь и в самом деле… То-то показалось, что где-то я ее уже видела! Да в зеркале и видела. Цвет волос, разрез глаз, рост, телосложение, черты лица — не один в один, конечно, но очень и очень похоже. Особенно это стало заметно сейчас, когда Радиша убрала скрывавшую пол-лица челку. Глаза у девушки, пожалуй, были чуть потемнее, чем у меня, да кожа более светлая, будто и вовсе солнцем не тронутая.

А в остальном, если сильно не приглядываться… Я, да и только.

Ничего удивительного, если подумать. Говорят, у каждого из нас есть двойник. Но увидеть почти что свое отражение вот так близко… Это немного пугало — и одновременно приводило в восторг. Как и то, что ни я, ни она не увидели этого сразу.

— Ну наконец-то заметили, — проворчала Лэн, насладившись нашим изумлением. — Забавно получилось. Жаль, что вы не на одном факультете учитесь, могли бы разыгрывать преподавателей и сокурсников.

Еще как жаль. И вовсе не потому, что о розыгрышах можно забыть… Но сейчас меня это совершенно не волновало.

— Откуда ты? — спросила я у растерянной Радиши, которая, казалось, скорее испугалась, чем удивилась.

— Норстейг, — тихо ответила она.

Белый город, Город метелей, столица Рэстана, северного соседа Арстона. Ясно теперь, почему Радиша такая бледная, — солнце там нечастый гость.

— А здесь чего забыла? — в своей грубоватой манере поинтересовалась Лэн. — В Норстейге замечательная академия, подготовка боевых магов там, как я слышала, на самом высоком уровне.

— Родители переехали, — вздохнула Радиша с такой тоской, что мое сердце невольно сжалось. — Я хотела остаться в Норстейге и учиться там, но мне не позволили.

— Так они теперь в Терреe? — не унималась Лэн.

— Нет, они живут в Дарле, — покачала головой Радиша. — Едва уговорила их отпустить меня сюда…

Я невольно вздрогнула. Надо же… Жизнь щедра на странные совпадения. Дарл не столь уж и велик, гораздо меньше Терреи, и мы с Радишей ходили по одним и тем же улочкам, но так ни разу и не столкнулись. Зато обе оказались в академии. Причем в одной комнате общежития. Интересно, не отпусти родители Радишу, осталась бы она дома? Или же подобно мне сбежала бы? Спросить хотелось, открывать свои тайны — нет. Но Лэн, закончив мучить первую жертву, принялась за меня.

— Я тоже из Дарла, — ответила я. — У меня есть только отец.

Отец, который пока еще не знает, что непослушная дочь, нарушив все наказы и обещания, сбежала из дома. А еще жених, от которого неизвестно чего ждать. Жених, о котором даже упоминать нельзя, да и не хочется. Наверное.

— А мама? — спросила Радиша.

Лэн метнула в нее укоризненный взгляд, да она и сама сообразила, что затронула не самую удачную тему, и прикрыла рот ладошкой.

— Все в порядке, — вздохнула я. — Мама давно погибла. Она была боевым магом. Это ее и погубило.

И губит меня. Отец ужасно боится, что я повторю ее судьбу. И это кажется несправедливым. Стать заложницей чужого страха — чего уж хуже. Я хочу иметь возможность самой выбрать свой путь. Пусть он будет нелегким и полным опасностей, но… Это моя жизнь. И я хочу прожить ее так, как посчитаю нужным. Жаль, что отец до сих пор так и не услышал меня. Возможно, позже, когда я стану взрослее, сильнее и смогу показать, на что способна, он поймет… и простит сегодняшнее своеволие.

— Сочувствую, — сжала мои ладони Радиша.

А я и не заметила, как она оказалась рядом. Глаза, так похожие на мои, и в самом деле были полны печали, и я улыбнулась, пытаясь прогнать горькие воспоминания.

— Ты поэтому поступила на бытовой? — разрушила магию момента Лэн.

Да что же это такое? Моя невнимательность сегодня бьет все рекорды! И Радишу не заметила, и то, как Лэн оказалась рядом, присев с другого бока, — тоже.

— Это была воля отца, — мрачно сказала я, лишь самую малость покривив душой.

Более чем уверена, что он затею Даниэля целиком и полностью одобрит. Сам ведь предлагал поступить «на что-нибудь полезное и безопасное». Вот уж куда безопаснее. И полезнее. Буду им с Даном всю оставшуюся жизнь рубашки штопать…

Не выдержав, я шмыгнула носом.

— Эй, ты чего? — заволновалась Радиша. — Тебя наш разговор расстроил, да?

— Скорее уж твоя бестактность, — поджала губы Лэн. — Заставила вспомнить ее о маме…

И я все-таки разревелась. Наверное, это было глупо, но держать все в себе больше не осталось сил. Да и желания, если уж на то пошло, — тоже. Раньше я никогда не позволяла себе подобных слабостей при посторонних. Только при Дане, но он — другое дело. А сейчас… Я же совершенно не знаю этих девушек, но почему меня не покидает ощущение, что мы давно уже знакомы? Очень правильное и уютное ощущение, надо сказать. И я впервые осознала, что нахожусь там, где и должна. Несмотря ни на что. Девочки сидели рядом, тихонько вздыхая и покорно терпя мой приступ жалости к себе. И, как ни странно, от их молчаливой поддержки становилось легче.

Что ж. Должно же было со мной произойти хоть что-то хорошее в этих стенах?

Винтовая лестница убегала вверх, узкая, с высокими, крутыми ступенями, и от одного ее вида кружилась голова. Да еще, как назло, вспомнилось не столь давно пригрезившееся путешествие по замку, и сердце кольнуло призрачное ощущение того, что все это уже было.

— Ну чего вы там застряли?! — поторопили меня и Радишу, точно так же топтавшуюся внизу. — Там такой вид — ничего прекраснее я не видела. Только не говорите, что высоты боитесь! — лукаво улыбаясь, подначила целительница.

Радиша засопела сердитым ежиком и решительно взялась за перила, и ничего не оставалось, как последовать примеру девчонок.

В конце концов, то был всего лишь сон. И он совершенно ничего не значит.

Я поднималась вслед за Радишей, скользя ладонью по отполированным веками прикосновений перилам, и казалось, что вот-вот услышу шепот замка. Я невольно прислушивалась, но слышала лишь шорох наших шагов, сбившееся дыхание и легкий шелест сквозняков — и постепенно успокаивалась.

Всего лишь замок. Самый обычный, пусть даже и древний, и насквозь пропитанный магией. И мне еще предстоит узнать его получше, побывать в самых таинственных закутках. Это ли не приключения, о которых я мечтала? И никакой город не нужен. Здесь намного интереснее.

На крыше башни танцевал ветер, влажный и все еще пахнущий недавно пролившимся дождем. Мокрая черепица скользила под ногами, и приходилось идти очень осторожно, чтобы, оступившись, не перелететь через низкий парапет.

— Как же здесь красиво! — выдохнула Радиша, добравшись до края крыши.

Не то слово. Совсем как в моем сне. Не город, а расписная игрушка, сверкающая в лучах вырвавшегося из плена туч солнца. Смотрела бы да смотрела. И за вечность не наглядеться.

Солнечные блики слепили, ветер пел, и в какой-то момент сердце переполнило ощущение полной свободы. Такой, которую в себе попросту не удержишь. От которой хочется кричать, запрокинув голову к сияющему небу, или же шагнуть в пустоту, чтобы за спиной вновь распахнулись крылья. Я помнила, каково это, когда они ловят легкие потоки воздуха, даря ни с чем не сравнимые чувства. Мира. Покоя. Безграничной воли.

— Грейс!

Испуганный возглас и крепко сжавшие предплечье пальцы отрезвили. Домечталась, глупая! Чуть было и в самом деле с крыши не шагнула вслед за собственным сном, которому давным-

давно уже стоило растаять без следа, стереться из памяти и мыслей.

— Ты чего творишь?! — хмуро вопросила Лэн, оттаскивая меня подальше от края. — Жить надоело?!

— Я случайно, — выдохнула я, и сама пятясь ко входу в башню.

Свобода, конечно, это хорошо, но только не тогда, когда она длится несколько секунд и заканчивается живописным пятном на земле. Сильно сомневаюсь, что пригрезившиеся крылья выросли бы на самом деле.

Лэн поморщилась и, пробормотав: «Еще одна», отпустила меня. Но уточнить, что она хотела сказать сей загадочной фразой, я не успела…

Девчонки со смесью страха и возмущения взирали на меня, а я не могла отвести глаз от места, где только что стояла сама. Там, на зубчатом парапете, раскинув руки, застыла молодая женщина. Ветер трепал ее белоснежное платье и длинные темные волосы; казалось, еще миг — и она сорвется вниз.

Женщина смотрела мне в глаза и улыбалась. А потом, беззвучно шевельнув губами, шагнула назад…

Не обращая внимания на непонимающие возгласы девушек, скользя и рискуя упасть, я подлетела к парапету, вцепилась в него обеими руками и перегнулась, пытаясь рассмотреть, что там внизу.

Внизу были мощеные дорожки, по которым неспешно прогуливались студенты, и никакого намека ни на труп, ни на переполох, неизменно трупы сопровождающий.

ГЛАВА 8

За стенами академии вновь шел дождь, по-осеннему холодный и мрачный; светильники зажигать не торопились, в коридорах царил мягкий сумрак, уютный и таинственный, и в любой другой день он бы меня порадовал, но сейчас… Я вздрагивала на каждом шагу, всматривалась в таящиеся в углах тени, вслушивалась в шорохи, коими полнился старый замок. В общем, постепенно сходила с ума и начинала жалеть, что не попросила Лэн или Радишу составить компанию. Хотя даже не знаю, как бы они после странного поступка отреагировали на не менее странную просьбу прогуляться до кабинета декана боевиков. Пожалуй, внятно объяснить, зачем мне срочно понадобился Даниэль Иридайн, не раскрывая при этом правды, я бы не сумела. Полагаю, что выдуманными на ходу оправданиями забега по мокрой черепице девчонки тоже не впечатлялись, да я и сама понимала, что от избытка чувств нормальные люди так себя не ведут. Но больше расспрашивать не стали, и то хорошо. После того как мы спустились, Лэн убежала к своим вернувшимся с каникул подругам, Радиша отправилась в библиотеку, ну а я… Мне нужны были ответы, и получить их, не прослыв безумной, я могла только от одного человека.

Заодно порадую тем, что у его невесты, похоже, не все в порядке с головой. Причем еще больше, чем он наверняка подозревал.

Окончательно издергавшись по дороге, на мой взгляд слишком уж длинной, дверь кабинета я распахнула, даже не подумав постучать. В комнате оказалось пусто, но откуда-то раздавались приглушенные голоса. Перешагнув порог и закрыв дверь, я огляделась и заметила, что слева находится еще одна. В прошлый свой визит я ее не увидела, что неудивительно, учитывая мое состояние. Я вообще тогда мало чего разглядела, ну разве что ковер, запомнившийся исключительно своей мягкостью и удобством. Подумав и решив, что не для того, преодолевая страхи, сюда шла, чтобы уйти ни с чем, я двинулась к другой двери, положила ладонь на ручку… И застыла, пораженно прислушиваясь.

Да, я знаю, что подслушивать нехорошо! Но то, что происходило за дверью, было во сто крат хуже!

— Даниэль, ты не можешь так со мной поступить, — игриво растягивая слова, прожурчал — иначе и не скажешь — женский голос. — Мы договаривались, и ты…

— И я занят, — устало откликнулся Дан. — И про

договоренность ты поспешила. Я уже не раз повторял, что не выйдет. Что бы ты ни сделала, ничто ситуацию не изменит.

— Неужели ничто? Ты явно меня недооцениваешь, Дан… — уже откровенно промурлыкала неизвестная девица, и от этого тона и слов, особенно от того, как она произнесла имя моего жениха, на миг в глазах темно стало.

Послышался странный шелест, скрип, что-то упало, раздался короткий то ли вскрик, то ли стон… И я, резко выдохнув, буквально ввалилась туда, где меня никто не ждал.

— Здрасте, — растерянно пробормотала я, переводя взгляд с поднявшегося из-за стола Даниэля на растянувшуюся на полу рыжую девицу и обратно.

Ковер, как и в другой комнате, был ворсистым, каблуки девицы — неприлично высокими; неудивительно, что она столь эффектно навернулась. А учитывая смешную длину ее платья, глубину декольте и то, с какими намерениями она подбиралась к столу декана, жалости к ней я не испытала. Ну вот просто ни капельки.

— Ой, магистр Иридайн, простите, не думала, что вы так заняты, — с изрядной долей яда, которого сама от себя не ожидала, пропела я, не сводя с Дана взгляда. Жаль, молнии им метать не умею. Ох, как же жаль…

В целом вполне трезвую мысль, что мне вообще-то не должно быть до происходящего никакого дела, я отмела сразу же. Это мое дело. Мое, и точка. Кто даже мечтать о личной жизни запретил? Ну так пусть и сам установленных им же правил придерживается! Ж-ж-жених, забодай его демон! При живой невесте стоит и пялится на ноги бесстыжей девицы, не торопящейся подняться с пола и лишь хлопающей густо накрашенными ресницами! Ну… ладно, откровенно говоря, сейчас Дан смотрел только на меня, но… Что было бы, не появись я здесь?! И почему он, кстати, молчит?

— Тебя стучаться, милочка, никто не учил?! — капризно надула пухлые, подведенные алой помадой губки девица и все-таки соизволила подняться.

Поправила юбку ярко-синего, под цвет бесстыжих глаз, платья, не прикрывающего колени, передернула плечами и недружелюбно уставилась на меня. И, судя по выражению глаз, увиденное ей не понравилось. Ну да, не всем же в миниплатьях да на шпильках ходить. Есть и те, кто предпочитает удобные брюки, ботинки и рубашки. В них, по крайней мере, меньше шансов попасть в нелепую ситуацию.

— Нет! — жизнерадостно улыбнулась я. — У отца не было времени, он меня обеспечивал, между прочим, а мой жених еще

более невоспитан, чем я, и ничему хорошему научить не смог!

Дан издал невнятный тихий возглас и, откашлявшись, решительно сказал:

— Госпожа Варди, вам пора. Возвращаться не рекомендую, ничего не изменится. Студентка Лэрэй, раз уж пришли, не загораживайте дверь. Вы мешаете госпоже Варди выйти.

Я мешаю?! Да я ей даже дверь распахнуть готова и платочком вослед помахать. Чтоб уж точно не вернулась.

Девица оскорбленно поджала губы, обожгла взглядом Дана и почему-то меня и, задрав нос, походкой от бедра прошествовала на выход. Зря она так. Видно, одного раза мало было…

Когда в смежной комнате раздался знакомый грохот, Дан даже не дрогнул. Прошел к двери, закрыл ее на ключ, вернулся на свое место и, буквально упав в кресло, закрыл глаза.

— Спасибо, — прозвучало в повисшей тишине, и я не сразу собственным ушам поверила.

— За что? — поинтересовалась, подходя ближе к столу. Подумала и устроилась на краешке кресла для посетителей, сложила ладони на коленях.

— За то, что умеешь удивительно вовремя появляться, — со странной усмешкой отозвался Дан.

Или удивительно не вовремя. Не уверена, что, будь у меня выбор, хотела бы услышать то, что услышала.

— И не стыдно тебе?! — выпалила я, посчитав, что и так долго сдерживалась. Думала дать Даниэлю шанс оправдаться, только, похоже, он в этом абсолютно не нуждался.

— С чего это? — удивился он, открыв-таки глаза. Честные-пречестные, разумеется.

Вот же… наглость какая! Я его, можно сказать, почти с поличным застукала, а он!..

— С того, что тут у тебя полуголая девица не столь давно валялась, — напомнила я.

— Я ее не ронял, — справедливо заметил Дан. — К тому же за поведение посторонних лиц, никак не относящихся ни к академии, ни ко мне лично, я ответственности не несу и нести не собираюсь.

Никак не относящихся к нему лично? Ну-ну, сделаем вид, что верим.

— Это вообще кто? — не сдавалась я, заранее настраиваясь на то, что ответа не получу.

— Не бери в голову, — предсказуемо отмахнулся Даниэль. — Тебя она волновать не должна.

— А тебя? — выдала я прежде, чем прикусила язык.

— Что — меня? — не понял или же сделал вид, что не понял,

Дан.

— Тебя волнует? — мрачно уточнила я.

— А тебя волнует, волнует ли меня? — приподнял брови он.

Издевается. Причем в открытую!

— С какой бы стати? — взяв себя в руки, безмятежно улыбнулась я. — Тебя может волновать кто угодно. Только знаешь что… Тогда и я буду иметь право волноваться из-за кого-то другого.

— Смелое заявление, Грейси, — еще безмятежнее моего улыбнулся Даниэль. — Только совершенно невыполнимое.

— Почему это? — прищурилась я.

— Ты знаешь ответ, — хмыкнул этот, спасибо папочке, жених.

Никаких ответов я не знала и, если честно, знать не желала. Он никогда ко мне серьезно не относился. Вот и сейчас подначивает, как в детстве. А я, глупая, до сих пор ведусь. Обиженно прикусила губу и отвернулась от господина декана, вознамерившегося играть в непонятные игры. Ну вот это уж точно без меня.

— Грейс, — позвал Дан, когда молчание затянулось. — Ты чего-то хотела?

И почему в его вопросе послышался другой? «Чего ты опять натворила?» Интонации творят чудеса, и чудеса эти подвластны магистру Иридайну в полной мере.

— Хотела, — преодолев детское желание крикнуть: «Я с тобой больше не вожусь» и сбежать, подтвердила я. Обиды обидами, а дело есть дело. — Я была на крыше. И видела, как вниз прыгнула женщина…

— Но не видела, как она приземлилась, — закончил Дан. Я ошарашенно кивнула, а он продолжил: — Что ж, тебе повезло. Или же, наоборот, не повезло, это с какой стороны посмотреть.

— Посмотреть на что? — поторопила я задумавшегося Даниэля. — Что это вообще такое было? Ведь не моя же галлюцинация?

— Не твоя, — покачал головой Дан. — Это легенда академии. Призрак не призрак, видение не видение… О ней все знают, но никто ее так и не видел. Почти никто. Ты — одна из немногих, кому она сочла возможным показаться.

— Кто она? — спросила я, затрудняясь определиться, рада ли подобной чести или же нет.

— Леди Эллан, — ответил Дан. И посмотрел на задумавшуюся меня так, словно я непременно должна знать, кто это.

Звучало знакомо, да… Но вспомнить не получилось; я нахмурилась и пожала плечами, признавая поражение в схватке с

собственной памятью.

— Грейс Эллан, — не стал тянуть с ответом и дальше Даниэль. — Та самая, в чью честь академия получила неофициальное имя.

Я изумленно выдохнула. Ого… Неожиданно. И очень-очень странно. Жена Эгана Эллана, благодаря которому стены этого замка стали приютом для будущих магов. Она умерла здесь, отдав свою жизнь ради того, чтобы жили другие. В причине такого поступка легенды расходились, кто-то говорил о выплеске силы, который не удалось вовремя погасить, кто-то — о прорыве грани и нашествии чудовищ, кто-то — о запрещенных ритуалах, в которых что-то пошло не так… Версий было много, и сходились они лишь в одном: если бы не Грейс Эллан, академию, вероятнее всего, попросту стерло бы с лица земли.

— Говорят, ее видят только те, в чьей жизни грядут перемены, — дополнил между тем Даниэль, не дождавшись вопросов. На самом деле их было много, даже слишком, но выбрать какой-то конкретный оказалось не так-то легко.

— А ты… видел ее? — наконец-то определилась я.

Дан кивнул.

— И в твоей жизни что-то изменилось? — не удержалась я.

— Всё, — улыбнулся он, но получилось как-то невесело. — В моей жизни изменилось всё, Грейс.

— Что именно? — подалась вперед я. Ну должна же я знать, к чему готовиться!

— Это уже не важно, — покачал головой Даниэль, и я разочарованно выдохнула и откинулась на спинку кресла. Так нечестно, но… это же Дан. Глупо было ожидать откровений с его стороны. — Важно другое. Раз ты видела леди Эллан, значит, что-то непременно произойдет…

— Плохое? — насторожилась я.

— Необязательно, — ответил он, но заминка, пусть и едва уловимая, мне не понравилась. — Но осторожность, особенно в твоем случае, лишней не будет.

Уточнять, что такого особенного в моем случае, я благоразумно не стала. На сегодняшний день выяснения отношений хватило, и теперь хотелось одного — поразмышлять в тишине и покое. Может, это странно и неразумно, но тревоги я больше не ощущала. Главное, сумасшествие мне не грозило, а с остальным разберусь как-нибудь. К тому же я сбежала из дома, поступила в академию — моя жизнь уже изменилась и продолжает меняться с каждым днем. К добру или к худу, покажет время. Что же до осторожности… пренебрегать я ею не стану, но и лишать себя новых впечатлений и возможностей тоже

не собираюсь. Призрачной женщины и еще более призрачной угрозы для этого слишком мало.

Пообещав Дану вести себя хорошо — скрещенных за спиной пальцев он не заметил — и безуспешно попытавшись стрясти такое же обещание с него, я направилась к двери, повернула ключ и хотела уже выйти, когда Дан позвал меня:

— Грейс. — Я обернулась, гадая, что он еще хочет. Не угадала. Зато удивилась. — Талис Варди раньше работала секретарем магистра Корревайн, — поднявшись из кресла и обойдя стол, сказал он. — Неделю назад ей указали на дверь. Она хочет вернуться. И думает, я ей помогу.

Секретарь ректора? Эта бессовестная девица? Серьезно? Интересно, как долго она продержалась, прежде чем у магистра Корревайн наконец-то открылись глаза. И… почему она считает, что вправе о чем-то просить Даниэля?

— И ты поможешь? — подозрительно уточнила я.

— Нет.

— Тогда почему она так решила? Ты дал ей повод так думать?

Кажется, во мне время от времени — чем дальше, тем чаще — просыпается дознаватель. Настырный и кровожадный, который наверняка бы и пытками не брезговал… Если бы ему дали на них разрешение.

— Боги, Грейс! — вздохнул Даниэль. — Нашла ведь к кому ревновать.

Кто ревнует? Я ревную?! Щеки вспыхнули, но отнюдь не от смущения, а от негодования. Это же надо было такое выдумать!

— Я не ревную, — сдержавшись, с достоинством отозвалась я, — а всего лишь берегу свою репутацию. Знаешь ли, муж с подобными связями, пусть и оставшимися в прошлом, никого не красит!

И, пока Даниэль не придумал очередную колкую гадость, сбежала из его кабинета.

Послышался ли мне тихий смешок или же он прозвучал на самом деле, я так и не поняла.

ГЛАВА 9

На обед я не пошла. Разложила свои вещи, сходила в библиотеку, где взяла нужные книги и узнала, возможно ли брать книги не по списку, а по желанию. Оказалось, что можно, но сложно, и уж точно не на первом курсе. Огорчилась, подумала и решила, что с этой проблемой разберусь позже. В конце концов, спрошу совета у Лэн. Она наверняка сможет подсказать, что делать в такой ситуации.

До ужина я еще успела получить форму. Лэн благородно согласилась проводить нас с Радишей и очень долго смеялась над выражением моего лица, когда я увидела форму, полагающуюся студенткам факультета изящных искусств. Еще и потребовала немедленно ее примерить, едва мы вернулись в комнату, объяснив это тем, что, возможно, придется подгонять по фигуре. Я же чувствовала непреодолимое желание придушить господина декана боевиков, несколько поутихшее за последние часы, но сейчас вспыхнувшее с новой силой.

Да, я прекрасно знала, как одеваются студентки факультета моего кошмара. Просто… вылетело из головы. Но теперь… Теперь предстояло как-то смириться с мыслью, что отныне я обречена носить белоснежное платье, на которое не пожалели ни оборок, ни кружев, ни вышивки. И, пожалуй, в чем-то Лэн права — примерить это безобразие было необходимо хотя бы для того, чтобы удостовериться: я в нем не утону и не стану посмешищем для моих однокурсниц.

Не утонула. Платье село идеально, словно его по моим меркам шили. Мгновенно возникло подозрение, что так оно и было, но представить Дана, с коварным смехом отдающего распоряжения портному, я, как ни старалась, не смогла. Что, впрочем, ничуть не умалило моей злости.

— Настоящая принцесса, — мечтательно вздохнула Радиша, обойдя меня со всех сторон.

— Хочешь поменяться? — мрачно предложила я, поднимая юбку и делая пробный шаг. Стоять в этой… форме можно, а как насчет ходить? Если не придерживать подол, то весьма проблематично…

— Сюда еще туфли положены, — насмешливо напомнила Лэн, кивая на коробку. — Надевай.

Я скрипнула зубами, но туфли примерила. Из тех же соображений, что и платье. Какое удовольствие ходить в обуви, которая мала либо велика? Но и здесь все оказалось в полном порядке, да и каблук, сначала показавшийся слишком высоким,

был весьма удобным и устойчивым. Потоптавшись минут пять по комнате, я признал, что все не так плохо. Особенно если вспомнить, что альтернатива одна — возвращение домой, где отец наверняка обеспечит необходимость носить такие же платья каждый день — давно уже грозился вывезти меня в свет, только времени все не хватаю. Более чем уверена, что после моего побега время на воспитательные моменты он найдет…

Я еще немного покружилась, приноравливаясь к юбкам и каблукам, и вздохнула. Привыкну. Наверное.

Но, несмотря на самовнушение, на форму Радиши — темно-синие брюки, курточку и рубашку — я смотрела с откровенной завистью. Лэн тоже примерила положенную целителям одежду. Серо-зеленое платье и фартук с множеством карманов смотрелись весьма мило и, главное, были удобными. Интересно, искусников-то за что такой вот красотой наказали? И как оную в порядок приводить? Да только для того чтобы постирать это платье, нужно приложить немало усилий и потратить много времени, а ведь потом его еще и отглаживать придется…

Мои невеселые думы прервала Лэн, потянув нас с Радишей в столовую. Есть хотелось, а потому спорить я не стала.

На этот раз в столовой было многолюдно. Почти все студенты приехали, да и тем, кто привык питаться в городе, из-за нововведенных правил пришлось изменить свои привычки. Лэн, с порога высмотрев кого-то в зале, помахала рукой и, когда мы нагрузили подносы едой, повела нас за собой.

— Это Мартин и Кэсс, мои сокурсники, — кивнула целительница на сидящих за столиком — блондинистого, как и она сама, парня и девушку с двумя толстыми косами цвета горького шоколада и смешливыми карими глазами. — А это Грейс и Радиша, мои соседки по комнате.

Она водрузила свой поднос на стол, и мы последовали ее примеру.

— Приятно познакомиться, — улыбнулся Мартин.

— И нам, — отозвалась я, присаживаясь.

Радиша села рядом, из-под челки настороженно поглядывая на новых знакомых. Я ожидала расспросов, кем мы друг другу приходимся, но, как ни странно, их не последовало. Надо же, насколько нелюбопытные друзья у Лэн. Не чета ей самой. Тем лучше, можно целиком сосредоточиться на картофельном пюре.

Целители болтали о какой-то ерунде, умудрившись втянуть в беседу и меня, и даже Радишу, которая, как поначалу казалось, общаться вовсе не желала. И все было тихо да мирно ровно до того момента, как возле нашего стола появился очень знакомый парень. Худой, темноволосый и до неприличия наглый.

Одарив нашу примолкшую компанию благостным взором синих глаз и широко улыбнувшись, парень бесцеремонно выдвинул стул и уселся напротив. Лэн икнула и отложила вилку, коей только что вяло ковыряла рыбную котлету.

— Грейс, — положив руки на стол и склонив голову к плечу, протянул он.

— Карл, — скопировав его позу, мимику и тон, отозвалась я.

Кажется, мне удалось его удивить.

— Знаешь меня? — приподнял бровь Рингтэй.

— Недальновидно и глупо не знать того, по чьей милости едва не свернул шею, — сдержанно ответила я, гадая, какого демона ему понадобилось.

Карл поморщился, будто от зубной боли, и, растрепав пятерней волосы, совершенно обезоруживающе улыбнулся:

— Злишься? Не стоит. Тебе не идет.

— Может, ему вилку в ухо воткнуть? — мрачно спросила Лэн, в то время как я безуспешно подбирала приличные слова. — Вдруг мозг, получив дополнительный стимул, заработает!

— Лэнис, солнце, я тоже тебя люблю, — хмыкнул ничуть не впечатленный парень. — И вообще я за мир во всем мире. Без вилок, тыканья оными в головы ни в чем не повинных окружающих и без затаивших обиду девиц. Я не хотел тебя обидеть, клянусь. Все вышло случайно.

— У него все всегда выходит случайно, — кровожадно прищурилась Лэн, дотянувшись-таки до вилки и многозначительно вертя ее в пальцах. Я вспомнила, что сказала целительница на крыше, и вздохнула — так вот почему «еще одна». — И да, Грейс, он извиняется. Тоже всегда. Поверь, если бы тебе не повезло, он бы проникновенно извинился над твоей могилой. Кстати о могилах. Ты как выжил-то, чудовище? Я думала, магистр Иридайн тебя прямо на месте прихлопнет.

Щекам стало жарко, и я испугалась, что мой яркий румянец заметят все… Но Лэн сверлила взглядом Карла, Карл же не спускал глаз с вилки, словно опасался, что целительница в состоянии исполнить угрозу. Хотя, может, и в самом деле в состоянии. Что я вообще знаю о своих соседках по комнате?

— Было сложно, — скромно отозвался парень. — Декан раздраконился до предела, мое счастье, что я быстро бегаю.

— Твое счастье, что она, — Лэнис ткнула вилкой в мою сторону, и я на всякий случай отодвинулась подальше, — не пострадала.

— И это тоже, — легкомысленно пожал плечами Карл и перевел взгляд на меня: — Ну так что, мир?

Я задумалась. Злиться отчего-то не получалось, как я ни

старалась. Более того, в его присутствии было легко и просто, словно мы знакомы всю жизнь, и даже Лэн, теперь я ясно видела, злилась напоказ, будто лишь для того, чтобы парень окончательно не распоясался.

— Перемирие, — осторожно кивнула я. — А там посмотрим.

Глупо заводить врагов в первые же дни. С друзьями, впрочем, тоже нужно быть осторожнее. Отец всегда говорил, что слишком уж просто их спутать.

— Отлично! — обрадовался Карл.

Он вскочил, едва не опрокинув стул, подмел перьями воображаемой шляпы пол в шутовском поклоне и, стянув котлету у Лэн, ретировался из столовой.

— Убью паршивца, — скрежетнув вилкой по опустевшей тарелке, сквозь зубы прошипела целительница.

— Сколько раз уже обещала, — хмыкнула Кэсс.

— Угу, — мрачно кивнула Лэн. — Этот демон как улыбнется, так рука не поднимается, хотя разум и твердит, что нужно действовать, пока снова не смылся… — Она резко обернулась и в упор посмотрела на меня. — Поздравляю, Грейс. Теперь главное несчастье академии считает тебя своей подругой. Твои шансы выжить в этих стенах только что стремительно уменьшились.

— Не бери в голову, — рассмеялся Мартин, увидев, как вытянулось мое лицо. — Лэн слишком предвзята. Он безобидный и немного… хм…

— Сумасшедший, — ввернула до сих пор молчавшая Радиша, и целитель согласно усмехнулся.

— А что у него с магистром Иридайном? — осторожно осведомилась я. Нужно же понять, во что умудрилась влипнуть и насколько Дан будет зол, когда об этом узнает.

— Тот его не любит, — поморщился Мартин. — Как до сих пор не отчислил — ума не приложу.

— Еще бы он его любил, после того как этот… псих жизнерадостный дважды от замка чуть камня на камне не оставил, — добавила Лэн. — Рингтэй, может, и безобиден сам по себе, но находиться рядом с ним опасно. Помни об этом, — покосилась на меня она.

Я рассеянно кивнула. Вот еще, нашли проблему. Карл Рингтэй казался весьма легкомысленным и безответственным, не удивлюсь, если на следующий день он обо мне даже не вспомнит. Да и вообще… Каюсь, соблазн позлить Дана общением с Карлом был велик, но не хотелось бы стать той самой, переполнившей чашу терпения декана последней каплей, из-за которой парень может вылететь из академии.

Ненастным вечером освещенные мерцающим золотистым светом коридоры казались особенно таинственными и немного пугающими, и путь из столовой в комнату общежития превратился в маленькое приключение. Так легко было представить себя в заколдованном замке, охраняемом свирепым драконом, где за каждым поворотом ждет опасность, а каждый шаг может стать последним, и потому нужно ступать осторожнее, мягче, вслушиваясь в тишину, ловя любой шорох, зорко вглядываясь в даль… Я так погрузилась в придуманную мною же игру, что едва не выпрыгнула из ботинок, когда из темного угла под ноги кинулась тень, на глазах обретая плотность и очертания.

— Л-лира, — заикаясь, выдавила я, вжавшись в шедших позади и не успевших среагировать подруг.

Довольная кошка, растянувшаяся посреди коридора, прищурила мерцающие глаза и басовито мяукнула.

— Вот же демон бесстыжий! — хрипло выдохнула Лэн, когда рядом с кошкой, словно соткавшись из воздуха, появилась еще одна тень, которая, откинув капюшон темно-синей мантии, превратилась в магистра Арто.

— Доброго вечера, девушки, — загадочно, аки сказочный злодей, улыбнулся он, не хуже своей кошки сверкнув желтыми глазами.

— Видали и добрее, — процедила целительница и выступила вперед. — Алек, если ты все-таки доведешь кого-нибудь до сердечного приступа — а я все больше верю в то, что тебе это удастся, — тебя выкинут из академии и на прежние заслуги не посмотрят!

— Не докажут, — усмехнулся темный маг, не обращая внимания на более чем панибратский тон Лэн. — Так что можешь не волноваться. Грейс, — перевел на меня взгляд он, — держи.

Я нахмурилась, но руку протянула, и на ладонь тотчас же упал увесистый мешочек.

— Это что? — опасливо спросила я. Повода не доверять магистру не было, но сердце после его эффектного появления все еще бешено колотилось о ребра, что не способствовало возникновению более добрых чувств.

— Надеюсь, не проклятие, — проворчала Лэн. — Хотя я бы не удивилась.

— Обижаешь, я давно уже отвык столь бездарно тратить силу, — ослепительно улыбнулся магистр Арто и вновь обратился ко мне, едва успевшей проглотить едкое замечание насчет правдивости его реплики: — Я был в городе и заглянул к мастеру Нарраю. Он передал это тебе вместе с пожеланиями удачной учебы. Еще он сказал, что будет рад, если ты когда-нибудь

сможешь его навестить.

— Спасибо, — от души поблагодарила я, прижимая мешочек к груди. На сердце стало легче и теплее, все же я не могла не думать о мастере и о том, как он воспринял нарушение данного обещания.

— Да не за что, — пожал плечами маг. — Знаешь, с тобой в мастерской было намного веселее. И чище.

Не сомневаюсь. Кто еще угостил бы его чайком так, чтобы долго из памяти не стерлось?

Лира раскатисто мурлыкнула, перевернулась на спину, потянулась и, грациозно вскочив на лапы, потерлась о мои ноги — под задумчивое хмыканье Лэн. А потом, шагнув в ту же тень, из которой вышла, исчезла.

— Про запрет покидать эти стены все помнят? — сурово вопросил ее хозяин и, дождавшись двух кивков — моего и прячущейся за мной Радиши — и одного недовольного фырканья от Лэн, последовал примеру Лиры.

— Позер, — вздохнула целительница. — А еще преподаватель.

— А что, второкурсникам позволено вот так запросто общаться с магистрами? — поинтересовалась Радиша, когда мы все-таки добрались до комнаты. Слава богине, без новых потрясений.

— Ну, в официальной обстановке я себе такого не позволяю, — откликнулась целительница, перебирая лежащие на ее кровати мешочки с травами. — Но неофициально — почему бы и нет?

— Потому что он старше и вообще преподаватель! — недоумевала Радиша. — Почему он позволяет тебе такое?

— Преподавателем он стал гораздо позже, чем моим братом, — рассмеялась Лэнис.

— Магистр Арто — твой брат?! — не поверила я. — Но ведь вы совершенно не похожи! Более того, он — темный, а ты — светлая!

— Ну и что? — пожала плечами она. — Сходство еще ничего не значит. Вы с Радишей почти как две капли воды, хоть и не родственники. А мы с Алеком… У нас один отец, но разные матери. Я пошла в свою, он — в свою. Вот и весь секрет. Кстати о секретах. Грейс, что он тебе дал?

Потрясающий талант переводить разговор на другую тему, ничего не скажешь. Но мне и самой было интересно, что же передал мастер Наррай, а потому я, развязав тесемки, заглянула в мешочек. Нахмурилась и вытряхнула его содержимое на покрывало.

В ярком свете среди россыпи монет — моего жалованья — мягко сиял серебряный медальон. По его окружности, едва заметно мерцая, складывались в завораживающий узор незнакомые символы. В середине распростерло лучики-стрелы стилизованное солнышко. Осторожно подцепив кончиками пальцев затейливо сплетенный кожаный шнурок, я перевернула кругляш. Те же символы на сей раз окаймляли тонкий серп месяца.

— Интересная вещичка, — протянула Лэн, и я медленно кивнула.

Интересная, да. И сильная. Чары невидимыми, но осязаемыми искорками покалывали кожу, впитывались в нее, словно стремясь стать частью меня. И это ничуть не пугало, напротив, казалось естественным и правильным. К тому же… Мастер Наррай не желает мне зла, причин у него для этого нет, да и магистр Арто, несмотря на пакостный характер, вряд ли бы принес сюда опасную вещь. Отбросив последние сомнения, я решительно надела медальон. Холод ожег кожу, мгновенно сменившись ласковым теплом. Значит, амулет специально для меня сделан. Странно, но приятно. И понять бы еще, для чего он предназначен.

Я все еще рассматривала медальон, поворачивая его то одной стороной, то другой, когда за окном раздался далекий, но оттого не менее пронизывающий вой. Тягуче-тоскливый, разливающий по венам не страх даже — самый настоящий ужас.

Мы с девочками застыли, не смея дышать… и подпрыгнули от громкого, настойчивого стука в дверь.

ГЛАВА 10

Радиша метнулась к двери, опережая протестующий возглас Лэн, распахнула створку… И гневно вскрикнула, отшатнувшись от порога.

— О, извини, я случайно! — раздался знакомый голос.

— Случайно?! Да если бы я не увернулась, ходила бы с синяком на все лицо! — обиженно выпалила Радиша и попыталась закрыть дверь. Поздно — Карл, извернувшись, протиснулся в комнату и обвел нас сияющим взглядом.

— Но ты же увернулась! — улыбнулся он зло сопящей девушке. — И я же извинился.

— А я говорила, — фыркнула Лэн. — Чего тебе надо, несчастье?

— Мне скучно, — пожал худыми плечами Карл и без приглашения уселся на кровать целительницы. — Отличный амулет, Грейс, — подмигнул он мне, — жаль только, пока пустой…

— В каком смысле — пустой? — насторожилась я.

— Грейс, не разговаривай с этим нахалом, он сейчас же уходит, — нахмурилась Лэн.

— Не-а, я остаюсь, — отмахнулся Карл. — А в том, что это лишь заготовка. Ей нужно настроиться на тебя, и тогда можно будет наполнить ее какими угодно чарами, чтобы они наиболее эффективно работали, причем так, как нужно тебе.

— Нет, не остаешься, — не успокаивалась Лэн и даже попыталась поднять парня, впрочем, безуспешно.

— Остается, — возразила я, решив, что определенная польза от Рингтэя все-таки имеется. — И как долго придется носить медальон, прежде чем можно будет чем-нибудь его наполнить?

— Около двух месяцев, плюс-минус пара недель, — отозвался Карл. — Лэнис, мне щекотно, да и вообще, смирись уже, не то надорвешься. Считай, что я пришел к Грейс.

— Тогда какого демона ты развалился на моей кровати?! — возмутилась Лэн, отчаявшись сдвинуть его с места.

— Привычнее и удобнее, — светло улыбнулся Карл. — Тебе же не жалко?

— А, Тьма с тобой, — устало махнула рукой целительница, падая рядом. — Но как же ты достал!

— Да ладно, — с сомнением глянул на нее Карл. — Когда бы я успел?

— Это твой особый дар, — выдохнула Лэн. — А теперь выкладывай, что тебе здесь надо на самом деле. Песни про скуку

можешь оставить при себе, это понятие и ты просто несовместимы. Так что?

Лэн уставилась на Карла грозным взором, и тот смущенно отвел глаза.

— Ну хорошо, — шутливо поднял руки вверх он, — я хотел вам кое-что показать. Пойдете?

— Ты куда собрался, чудовище? — насторожилась Лэн. — За окнами воет что-то, слышал?

— Не за окнами, а в городе, так что пусть себе воет, мы в город не собираемся, — мотнул головой Карл.

— А куда собираемся? — подала голос Радиша, присаживаясь с другой стороны от парня.

— Никуда, — отрубила Лэн.

— На экскурсию, — одновременно с ней ответил Карл.

— Опоздал, мы уже ходили, — хмыкнула Лэн.

— И в залы ритуалов? — не поверил Карл. — Туда даже не всех старшекурсников пускают. А там… Настоящая история академии. Есть на что посмотреть. Но если вы не хотите…

— Хотим ли мы темным вечером шататься с тобой по подвалам? — вздернула брови целительница. — Ну вот даже не знаю, что сказать…

— Конечно же да! — выпалила заметно оживившаяся Радиша.

Лэн, подавившись возмущением, изумленно икнула, а я, попытавшись совладать с необъяснимым чувством, настойчиво толкающим на безумства, быстро и без особых сожалений проиграла ему и спросила:

— Когда выходим?

— Один псих, две сумасшедшие и бедная я, вынужденная присматривать за этим дурдомом, — шепотом причитала Лэн, когда мы спускались по длинной темной лестнице, надежно скрытой за потайной дверью.

Дверца эта находилась в переходе между главным холлом и столовой. Час был непоздний, и мы рисковали попасться с поличным, пока Рингтэй вспоминал, где именно находится и каким образом открывается тайный ход. Лестница оказалась узкой, ступени — разными по высоте и ширине, а местами выщербленными настолько, что невозможно было поставить ногу, и мы спускались очень осторожно, чтобы не преодолеть спуск кувырком.

Фонарь, который нес Карл, давал неровный и тусклый свет, но приходилось довольствоваться тем, что есть. «В подвалах странный магический фон, любое, даже самое безобидное заклинание может исказиться и дать непредсказуемый

эффект», — пояснил Карл, когда мы увидели фонарь и удивились, зачем он вообще понадобился, если каждый из нас способен создать световой шар.

— И кто тебя вынудил? — недоуменно вопросил Карл, расслышав жалобы шедшей позади целительницы. — Признайся, тебе самой до ужаса интересно, что находится в подвалах!

— Мне неинтересно, — не очень убедительно возразила Лэн.

— Тогда зачем ты здесь?

— Ты как вообще этот ход нашел? — проигнорировав вопрос, проворчала она.

Карл развернулся на узкой ступеньке, поднял повыше фонарь, отчего на его бледное лицо легли желто-алые отсветы, и провещал на редкость заунывным тоном:

— Внимайте же, смертные, ибо мне было видение… — Но, поймав злобный взгляд целительницы, сдался: — Проследил за магистром Рартом.

Лэн едва заметно поежилась, а я вспомнила, что именно им пугал любопытных студентов Дан, и спросила:

— А кто он такой?

— Историк. В его ведении находится наш музей, да и к академии он относится как к одному большому и важному скле… хм, музею, — отозвался Карл, опасно покачиваясь с пятки на носок.

— А чего его все боятся?

— Не его, — поморщилась Лэн, — его энтузиазма. Вот проведешь день под его началом, стряхивая пыль с чучел неведомых зверушек, полируя неопознанные железяки и начищая имеющие историческую ценность поверхности, тогда поймешь…

— Говорят, он полугном, — вставил Карл, поджав одну ногу и продолжая раскачиваться на другой.

— Гномы уже полвека как в человеческие поселения и носа не показывают, — усомнилась я.

— Магистру Рарту стукнуло куда больше, чем полвека, — отмахнулась Лэн. — Так что вполне возможно, слухи не врут. Это объяснило бы его упертость, одержимость и прочие чрезвычайно милые черты характера. Хотя некоторым представителям людского племени это тоже свойственно. Чудовище, хватит уже испытывать мои нервы на прочность! Живо встал на обе ноги, пока они целы. И вообще, чего мы здесь застыли? Если в вас проснулся здравый смысл и вы все-таки передумали, возвращаемся.

Карл усмехнулся, эффектно, чуть при этом не поскользнувшись, развернулся и продолжил путь. По стенам вновь поползли пугающие тени, лестница наполнилась

таинственным эхом шагов. И чего Лэн не нравится? Все лучше, чем в комнате от безделья страдать. Обогнув целительницу, я поспешила вслед за Карлом. Радиша, вцепившись в мой локоть, не отставала.

Казавшаяся бесконечной лестница окончилась внезапно. Вжавшись в стену, чтобы перешагнуть очередную погрызенную каким-то голодным великаном ступеньку, я обнаружила, что она была последней. Карл стоял рядом, то опуская фонарь, то поднимая его над головой, то ли вспоминая, куда идти дальше, то ли подавая неведомые сигналы, то ли…

— Ты ведь здесь впервые, горе? — обозначила третий вариант Лэн, ступив на надежный пол. Судя по растерянной улыбке Карла, целительница попала в цель.

— Так ведь даже интереснее, — пожал он плечами, на всякий случай отступая от шумно выдохнувшей девушки. — Здесь всего один коридор, можно посмотреть, куда он ведет. Вернуться всегда успеем.

— Успеем, — кивнула Радиша и шагнула к Карлу. — Грейс, ты с нами?

Куда бы я делась. Меня просто-таки тянуло сюда, и уйти, не попытавшись понять, в чем дело, было бы нелепо. Кивнув, я посмотрела на Лэн… и, вздрогнув, отшатнулась. Позади целительницы, на ступенях лестницы, застыла облаченная в просторные белые одежды полупрозрачная женщина. И это была вовсе не Грейс Эллан.

Сглотнув, я шагнула вперед. Призрак, вытянув руки с поблескивающими когтями, качнулся навстречу.

— Вот же демон, — пораженно прошептал Карл, и я почувствовала на плече его ладонь. — Лэн, не двигайся.

— Почему это? — нахмурилась она.

— Послушай меня хотя бы раз! — шепотом рявкнул Карл. — У тебя за спиной скорбянка. Если хотите выжить, замрите!

Время текло слишком медленно. Я боялась не то что пошевелиться, даже моргнуть; казалось, что все тело затекло, и нестерпимо хотелось размять руки и ноги, но приходилось терпеть, чтобы не погубить ни себя, ни других.

Скорбянка, как назвал призрака Карл, тоже не двигалась. Молча покачивалась на месте, словно легкая занавеска на сквозняке, и вызывала ужас одним своим видом. Теперь я в подробностях разглядела ее лицо: узкое, бледное, с черными провалами вместо глаз, с рваным, рассекшим бескровные губы шрамом. Бесцветные волосы неопрятными тонкими прядями свисали до колен. И белые одежды обернулись древним, кое-где

истлевшим саваном. Омерзительное зрелище. Хотя Лэн приходилось еще хуже — она видела лишь нас и понятия не имела, что именно творится у нее за спиной. Даже не представляю, каких монстров рисовало ее воображение.

Карл, несмотря на собственные слова об искажении магического фона, осторожно плел какое-то заклинание, а я, словно в недавнем сне, вновь слышала, как шепчут стены, как поет переполненный энергией воздух… Все чувства обострились до предела, и крепла уверенность, что у меня хватит сил справиться с чем угодно. Сил, но не знаний. Это я понимала четко и потому не лезла на рожон, предоставив совершать подвиги магу, худо-бедно отучившемуся целый год и наверняка хоть что-то вынесшему из лекций и практических занятий.

— Медленно отходим, — словно в ответ на мои мысли, прошептал Карл, когда нас с женщиной в белом разделила прозрачная стена.

Не знаю, как Радиша, которой мне не было видно, но я, подобно Карлу, и не подумала развернуться. Так и попятилась, не спуская глаз с призрака, даже не заметившего, что добыча ускользнула перед самым его носом.

— Что ты сделал? — прошипела я, надеясь, что не наткнусь на стену… или же на очередной сюрприз.

— Полог невидимости плюс иллюзия, — устало — видимо, пришлось вложить немало сил — отозвался Карл. — Она продолжает видеть и ощущать нас. Где-то еще с минуту, а потом…

— Что потом? — напряженно спросила Лэн.

— Либо исчезнет, либо пойдет искать, — неохотно признался Карл.

— И что будет, когда найдет? — испуганно поинтересовалась Радиша.

— Мы скормим ей Рингтэя и, пока она будет жрать, убежим, — мрачно улыбнулась целительница.

Карл тяжело вздохнул, но возражать не стал. Я бы на его месте тоже промолчала, потому как смотрела Лэн весьма кровожадно, даже меня проняло.

Через несколько шагов коридор свернул, о чем лично я узнала, когда Карл вписался спиной в стену. Лэн, разумеется, не сочла нужным предупредить его об этом, а на сдавленное ругательство лишь довольно усмехнулась. За поворотом мы немного расслабились, словно то, что призрак остался за стеной, могло нас спасти.

— И что теперь? — спросила Радиша. — Так и будем здесь скитаться, пока нас не найдут?

— Вопрос только, кто первый: преподаватели или эта тварь, — уточнила Лэн.

Судя по выражению лица Карла, лично для него разница была невелика. Для меня, впрочем, тоже.

— Мы ее уничтожим, — наконец решительно заявил он.

— Позволь узнать как? — прищурилась целительница. — Вместе с академией, разнеся своими заклинаниями подвал? Полагаю, в третий раз у тебя обязательно получится!

Карл досадливо прикусил губу и взлохматил волосы, что вкупе с лихорадочным блеском глаз придало ему немного безумный и вместе с тем трогательно-беззащитный вид.

— Выбора нет, придется рискнуть, — встала на его сторону я. — Только скажи, что нужно делать…

— Скорбянки сами по себе не заводятся, — получив нежданную поддержку, приободрился Карл. — Для этого нужен ритуал, а для привязки сущности к определенному месту требуется особый знак… Вернее, несколько знаков, сплетенных в один. Такое под коврик не спрячешь, особенно в подвале. Вот то, что нам придется отыскать.

— И что дальше? — не воодушевилась Лэн.

— Я попробую это стереть.

— Так просто? — удивилась Радиша.

— Не слишком, — уклончиво ответил Карл. — Предлагаю решать проблемы по порядку. Для начала нужно найти знак.

— Причем до того, как найдут нас, — зябко повела плечами я.

Насчет того, что коридор здесь один, Карл ошибся. Вскоре мы добрались до небольшого округлого зала, из которого вели три коридора — помимо нашего. Тщательный осмотр стен, пола и даже потолка ничего не дал. То есть нацарапано на камне было много чего, от банального «здесь был Васиэль» до глубокомысленных выражений, отражающих всю тщетность студенческого бытия, вот только искомого знака не имелось. Что, впрочем, неудивительно: кто бы ни притащил такую мерзость, как скорбянка, в академию, упрощать задачу по ее обезвреживанию он, само собой, не планировал. Оттащив вознамерившегося увековечить свое пребывание в подвалах Карла от более-менее чистого участка стены, мы недолго думая свернули в левый коридор.

В слабом свете фонаря осматривать стены было непросто. Дело осложняло еще и то, что из нас четверых только Карл знал, как выглядит знак. Парню приходилось проверять каждую нашу подозрительную находку, что замедляло и без того небыстрый процесс.

— Что это за тварь такая? — пропыхтела Лэн, приподнимаясь на цыпочки и вглядываясь в высокий потолок — скорее для очистки совести, нежели из необходимости, потому как неизвестный злоумышленник вряд ли бы смог до него дотянуться.

— Дважды восставший дух умершего насильственной смертью человека, — пробормотал Карл, поднимая фонарь повыше. — Прибил бы того, кто эту дрянь выдумал. Вот представьте себе: упокоили вы призрака, который, конечно, жути наводит и жить нормально не дает, но реальный вред причинить в большинстве случаев не способен, и, совершив доброе дело, сами успокоились. А потом какой-нибудь… бессовестный тип проводит ритуал, вновь вытаскивает несчастного из-за грани, да еще и выворачивает его при этом так, что из безобидного клочка тумана он превращается в хищную тварь, которая горазда не только выть, но и кусаться… Вместе с кровью всю душу за один присест высосет и только голоднее станет… Извращенцы демоновы! — в сердцах выругался парень, пиная стену, и зашипел уже не от злости, а от боли.

— Полегче, — поморщилась Лэн. — Сломаешь ногу — нести тебя на себе не станем, уж не обессудь.

— Без меня все равно не выберетесь, — непривычно мрачно отозвался Карл. — Впереди еще одна развилка. Демоны все побери… Здесь до скончания веков бродить можно, и все без толку!

— Ты что же это, сдаться вознамерился?! — прищурилась Лэн, шагнув к тяжело дышащему Карлу. — Нашел время, ничего не скажешь! А ну соберись! Тебе нас еще вытаскивать.

— Ты сама сказала, что я скорее академию разрушу, чем нас спасу, — криво улыбнулся он.

— Погорячилась, — невозмутимо отозвалась целительница. — Дури в тебе много, но мозг, надо признать, тоже наличествует. Временами. Так что сделай милость, включи его — и действуй. Я в тебя верю.

На мгновение показалось, что Карла удар хватил — он застыл на месте с широко распахнутыми глазами и странной улыбкой и даже, кажется, дышать перестал. Похоже, такого он от Лэн еще не слышал. Впрочем, надо отдать парню должное, пришел он в себя быстро. Попросил нас отойти подальше и принялся вычерчивать что-то прямо на полу, слегка касаясь его мерцающими кончиками пальцев. Силовые линии ложились на камень одна за другой, а я, сжав кулаки, припоминала все известные мне молитвы, прося бога и богиню о помощи. Судя по тому, как побледнели Радиша и Лэн, слова Карла об искаженном магическом поле они тоже хорошо расслышали. Оставалось надеяться, что он знал, что

делает. Я припомнила, что по милости Карла академия дважды едва не рухнула, и поняла, что на надежды и молитвы полагаться неразумно.

Но окончательно испугаться я не успела — Карл выпрямился, держа в вытянутой руке клубок бледно-золотистых ниток. Клубок светился и еле заметно пульсировал, словно сердце неведомого существа.

— Это что? — благоразумно не спеша подходить к Карлу, спросила Лэн.

— Проводник, — выдохнула я, разглядывая покоящиеся на ладони парня чары.

Я умела делать нечто подобное, но созданное Карлом было во сто крат сложнее. Не знаю, какие значения он вложил в формулу, но силы и концентрации это потребовало гораздо больше, нежели мое баловство.

— И как он поможет уничтожить скорбянку? — не понимала целительница.

— Никак, — хрипло ответил Карл. — Он выведет нас отсюда.

— Если есть другой выход, — добавила я.

— Он есть, — кивнул боевик. — Я это учел.

— А то, что скорбянка может подстерегать нас по пути? — не сдавалась Лэн.

— Как правило, эти твари не настолько умны, — покачал головой Карл. — Знак может быть где угодно, настроить проводника на него я не могу, и шансов найти его не так уж и много. Скорбянка осталась позади, исчезать в одном месте и появляться в другом, как обычные призраки, она не способна. И если мы поторопимся…

— Идем, — решила я за всех, поняв, что выяснять отношения можно до бесконечности — или до явления голодной скорбянки.

Клубок подпрыгнул на ладони парня, завис на мгновение, закрутился волчком и, оказавшись на полу, покатился вперед, оставляя за собой мерцающий в полумраке след. Мы пошли по нему, соблюдая осторожность и не забывая перед тем, как завернуть за угол, проверить, нет ли там кого. Карл на ходу вертел головой по сторонам, все еще надеясь увидеть знак. Поймав себя на мысли, не торим ли мы дорожку для скорбянки, я обернулась и успокоилась: след проводника таял сразу же за нашими спинами. Хорошая работа, особенно в условиях, когда из-за искаженного поля чары вполне могут давать сбой. Теперь я начала понимать, почему Карла при всех его разрушительных талантах до сих пор не исключили.

Клубочек катился из коридора в коридор, вел нас маленькими и большими залами, тонущими в темноте, гулкими,

неприветливыми. Может быть, освещенные, они производили совсем другое впечатление, но сейчас казалось, что мы не в академии, а в каком-нибудь заброшенном гномьем городе, спешно покинутом хозяевами из-за неведомой напасти. Тем более что и напасть у нас имелась. Злорадное эхо время от времени доносило жалобные стоны и тихий, пробирающий до ледяных мурашек плач.

— По кому скорбит скорбянка, по кому она рыдает? Может быть, к тебе взывает, моя милая смуглянка, — зловещим шепотом продекламировал Карл и получил отнюдь не ласковый подзатыльник от Лэн.

— За что? — обиделся парень, потирая шею.

— За подрыв и без того пришибленного боевого духа команды, — прошипела целительница. — Нашел что припомнить!

— Так в тему же, — пожал он плечами. — К тому же за разговорами не страшно…

— Особенно за такими, — нервно хихикнула Радиша.

— Ты — будущий боевой маг, закаляйся, — бросил на нее укоризненный взгляд Карл.

— Зато я никоим образом не боевой маг и закаляться не желаю, — надулась Лэн.

— А я бы послушала, — вздохнула я, поймала взгляд целительницы и поспешно добавила: — В другой раз.

— Никакого другого раза, — отрезала Лэн. — В этот бы выжить!

Не знаю, заметила ли она, как побледнел Карл, как едва заметно хрустнула ручка фонаря…

— С вами все будет хорошо, — тихо, но твердо сказал он, и от этой короткой фразы стало не по себе.

— А с тобой? — спросила я, но ответа не получила. И, что удивительно, даже Лэн на нем не настояла.

— Говорят, что раньше на этом самом месте была колыбель богов, — сделав вид, что вопроса и вовсе не слышал, задумчиво проговорил Карл. — Здесь они обрели свою суть и форму, здесь положили начало нашему миру. Замок возвели гораздо позже, но магия их рождения никуда не делась, и до сих пор стены академии хранят величайшее сокровище — Сердце первозданной силы…

— Это правда? — жадно спросила Радиша.

— Уверена, что в каждом учебном заведении есть такая легенда, — хмыкнула Лэн. — Надо же как-то выделиться.

Ох, Лэнис, что же ты недоверчивая-то такая? — вздохнул Карл. — Скажи еще, что никогда шепота стен не слышала.

— Для этого я, видимо, слишком мало по голове получала, —

не проникла целительница, а вот я невольно вздрогнула.

Слышал ли этот шепот сам Карл или же просто по привычке дразнит Лэн? Спросить хотелось, но довериться было страшно. Слишком мало я знаю этих ребят, чтобы делиться подобным. Да и поверят ли? Скорее всего, сочтут сумасшедшей.

Карл с Лэн продолжали спорить, Радиша благоразумно не вмешивалась. Я полюбовалась светящимся следом проводника, подняла голову… вздрогнула и остановилась, успев схватить за руку Карла.

В арочном проеме, отделяющем очередной зал от очередного же коридора, парила, упреждающе вскинув руки, леди Эллан. Поймав мой взгляд, она помотала головой и, беззвучно что-то сказав, растворилась в пропитанном сыростью и мраком воздухе.

— Нам туда нельзя, — отчетливо поняла я.

— Туда — тоже, — кивнув назад, нервно передернулась Радиша, когда до нас донесся горький всхлип. Гораздо громче, а значит, и ближе, чем в предыдущий раз.

ГЛАВА 11

Словно в дурном сне, от которого невозможно очнуться, скрипел раскачивающийся фонарь, плясали на стенах тревожные отблески заключенного в стекло пламени, эхом метались по узкому коридору смешавшиеся отзвуки торопливых шагов, тяжелого дыхания, все приближающегося плача…

Объяснить, что вперед идти запретил призрак леди Эллан, не удалось — Карл подхватил меня под руку и потащил за собой. Позади бежали Радиша и Лэн, от которой я при первой же попытке остановиться получила чувствительный тычок в спину. Да и не хотелось уже спорить и в чем-то убеждать товарищей по несчастью. Все равно выбора нам не оставили. Не знаю, что там впереди, кроме обещанного проводником Карла выхода, но вот скорбянка нас точно не пощадит. А так… Может, и удастся выскочить отсюда прежде, чем к старой проблеме добавится новая.

Коридор вывел нас в просторный зал с неожиданно низким потолком. Стены терялись в темноте — кроме самой дальней, к которой и тянулась нить проводника. На гладком камне, переплетаясь лучами, болотной зеленью светились две восьмиконечных звезды, в центре каждой из них расположилось лишенное век и ресниц око со змеиным зрачком.

— Все демоны тьмы, — выдохнул Карл, до боли сжав мою руку и невольно попятившись.

— Это и есть тот самый знак? — спросила Лэн.

— Это два знака, — севшим голосом ответил Карл. — Целых два знака…

— И целых две скорбянки, — похолодела я, разглядев смазанное движение чуть в стороне от звезд.

На свободной ладони сам собой расцвел огненный лепесток — и тут же увял, напоследок обжегши кожу.

— Ну что ты творишь, — укоризненно покачал головой Карл. — Про фон помнишь?

Вот уж про что я думала в последнюю очередь, так это про фон! Гораздо сильнее волновал другой вопрос, который сорвался с губ Радиши:

— Что же нам делать?

Первая скорбянка была на подходе, вторая же не замечала нас… Пока что не замечала, но сколько продлится такое везение?

Карл не ответил. Наклонился и вновь принялся что-то чертить слабо светящимися кончиками пальцев. А вскоре стало понятно, что именно. Круг. Небольшой, чтобы хватило сил его

контролировать, но и немаленький, чтобы мы все могли поместиться без риска при любом неосторожном движении пересечь силовой контур.

Активные действия безнаказанными не остались. Вторая скорбянка, до сих пор паривша возле звезд, резко обернулась и, вытянув костлявые руки, медленно поплыла к нам. В зеленоватом свете она смотрелась еще более жутко, чем первая. Да и, пожалуй, была немного крупнее… и улыбчивее. Бескровные губы растянулись в страшную гримасу, обнажив крепкие острые клыки и подвижный черный язык, то и дело эти клыки облизывающий.

Кто-то явно предвкушал сытный ужин.

— Тьма-а-а, — простонала Лэн, и я, оглянувшись, поняла: эти подвалы — последнее, что вижу в своей до обидного короткой жизни.

Карл закончил вычерчивать защиту в самый последний момент, и первая скорбянка с размаху натолкнулась на невидимую преграду. Взвизгнула, осознав, что дальше не пройти, прижала костлявые ладони к ставшему непроницаемым воздуху и двинулась по кругу в надежде отыскать слабое место. Карл шагнул ближе к нам, пошатнулся, но устоял.

— Выдержит? — шепнула Радиша, вцепившись в него перепуганной кошкой.

— Не знаю, — признался Карл. — Я побоялся действовать в полную силу. Из-за фона. А так…

Не договорив, он махнул рукой, но и без того все было понятно.

Защитный круг, напитанный минимумом силы, и две хищные твари, пусть и не слишком разумные, но и не совсем тупые и явно умеющие ждать. Когда мы спустились в подвалы, был вечер. Здесь я совсем потеряла счет времени, но вряд ли его прошло слишком много. Впереди целая ночь. И даже если мы не явимся к завтраку, кого это удивит? Если нас кто и хватится — магистр Арто своей сестры или же Дан меня, — то не раньше вечера. Так долго круг не продержится. Так долго не продержимся мы…

К первой скорбянке присоединилась вторая. Теперь они водили вокруг нас хоровод, то и дело шипя друг на друга, но, к сожалению, избавиться от конкурентки ни одна так и не решилась, То ли уверенности в собственных силах у тварей было маловато, то ли нас попросту по-братски — то есть по-сестрински — поделили.

Несмотря на предостережение Карла, я еще дважды пыталась вызвать огонь — и дважды морщилась от боли, когда чары оставляли на коже ожоги. Лэн неотрывно следила за перемещениями скорбянок, беззвучно шевеля губами: то ли

молилась, то ли, что более вероятно, ругалась. Радиша, скрестив ноги, сидела в центре круга и за его пределы старалась не смотреть. Карл, прикрыв глаза, о чем-то сосредоточенно размышлял, застыв у самой границы силовой линии. Напротив него скорбянки останавливались чаще всего. Бессильно скребли воздух когтями, хныкали-шипели и вновь пускались в свой жуткий хоровод.

Брешь в защите я заметила первой. Скорбянки в очередной раз парили возле Карла, Лэн не сводила с них глаз, и я, решив, что времени на предупреждения нет, метнулась к истончившейся преграде, чувствуя, как пульсирует на кончиках пальцев призванная сила, упала перед едва мерцающей линией на колени… и вздрогнула всем телом от пронизывающего холода, когда чужая когтистая ладонь сжалась на плече.

В своих подсчетах мы безбожно ошиблись. В подвалах академии, по сути самого безопасного места в городе, было целых три скорбянки.

Напитать линию силой я все-таки успела — правда, уже с той стороны круга, из которого меня вырвали с обидной легкостью. Холод усилился, он словно бежал по венам вместе с кровью, заставляя сердце биться все медленнее и медленнее, а мысли — исчезнуть. Каждый вдох давался с трудом, глаза застилала мутная пелена, но даже сквозь нее я отчетливо видела два черных провала, полные голодной тьмы. Прикосновения чего-то острого к шее я почти не почувствовала. Следом слегка кольнуло оба запястья, и показалось, что тело стало невесомым. Земля ушла из-под ног, но я не упала — зависла в воздухе, не ощущая больше ничего: ни собственного веса, ни тепла, ни холода, ни боли. Словно сама превратилась в воздух. Словно…

Громкий крик разорвал густую обволакивающую тишину и сплетенный из равнодушия и отрешенности кокон, в который меня заботливо завернули скорбянки.

Кричала Радиша. Каким-то неведомым образом я узнала ее, вздрогнула, будто очнувшись от сна, забилась в невидимых путах. Зашипели недовольные слишком активной жертвой твари, одна из которых присосалась к шее, а две другие — к запястьям.

Ужас пополам с отвращением затопил меня, придал сил. Я рванулась прочь из костлявых рук, но твари, успевшие хлебнуть крови, оказались сильнее. В глазах потемнело от осознания, что не отбиться, не спастись… А в следующий миг я уже лежала на полу, а между мной и скорбянками стоял Карл. Приподнявшись и оглянувшись, я увидела в разорванном круге обнявшихся девчонок и зажмурилась. Зачем… Зачем он это сделал?! Из-за меня одной теперь погибнут все!

Дотронувшись до шеи и обнаружив что-то неприятно липкое, я поспешно вытерла ладонь о безнадежно испорченную рубашку. О гом, что это — кровь, та же, что перепачкала манжеты, я старалась не думать. Раны, к счастью, больше не кровоточили. Просто не нежить, а комары-переростки какие-то… Собрав оставшиеся силы, я кое-как поднялась на ноги, которые так и норовили подогнуться, словно в них не осталось ни костей, ни мышц, и, вцепившись в рубашку Карла, потянула его назад. Всего пара шагов. Если мы дойдем и замкнем контур… То проживем на несколько минут дольше.

Только вот скорбянки не желали ждать ни минуты. Взвился к низким сводам тоскливый плач, резко оборвался, и твари синхронно качнулись к нам. Мы с Карлом, отшатнувшись, не удержались на ногах и оказались на полу у самой границы круга, пересечь которую уже не успевали.

Когда когтистая лапа твари почти сомкнулась на моем горле, перед глазами промелькнуло что-то ослепительно-белое — и скорбянка, взвыв, отпрянула. Отсеченная от тела рука, разжав пальцы, шлепнулась на пол и истаяла черным дымом.

Разбираться, что к чему, я не стала. Схватив Карла за плечо, рывком пересекла черту защитного круга. К счастью, парень медлить тоже не стал, последовал моему примеру и одним касанием замкнул за нами линию. Кто-то из девочек судорожно всхлипнул, но я не оглянулась. Застыла у самого края защиты, чувствуя, как с каждым мгновением все быстрее бьется чуть было не заледеневшее навеки сердце. То, что я чуть не переступила границу, поняла лишь тогда, когда Карл отдернул меня от нее.

Зря только волновался. Скорбянки все равно не обратили бы на это ни малейшего внимания. Сейчас они, забыв о нас, подобно огромным мотылькам кружили вокруг Даниэля, рядом с которым стоял фонарь, светивший куда ярче нашего.

— Магистр Иридайн, — пробормотала Радиша с явным облегчением, будто его появление могло избавить нас от проблем.

— Он нас убьет, — дрожащим голосом предрекла Лэн.

— Если его самого не убьют, — едва слышно прошептала я, с ужасом осознавая, что ни защиты, ни оружия у Дана нет.

Тем временем скорбянкам надоело изучать новую добычу и они, горестно стеная, бросились на нее. Я зажмурилась, впиваясь ногтями в ладони. Не могу смотреть на это! Не могу…

— Долго он не продержится, — вернул меня в реальность Карл, и я рискнула открыть глаза.

Еще одна скорбянка лишилась конечности, но аппетита сей факт тварям не испортил. Более того, на месте обрубков уже

клубилось нечто темное, вытягиваясь, меняясь… Обычные чары и в самом деле оказались бессильны против порождений противоестественного ритуала.

Дан по-кошачьи мягко двигался по краю мрака и даваемого фонарем света, словно дразня скорбянок. То замедлялся, подпуская их ближе, то одним плавным шагом увеличивал расстояние, и, лишь приглядевшись внимательнее, я поняла, что он выплетает какие-то чары. Осторожно, тщательно отмеряя силу и явно учитывая влияние здешнего фона. Но уверенности в том, что у него все получится, не имелось. У Карла, кажется, тоже.

— Он справится, — не согласилась с нашими выводами Лэн. — Он же не какой-то недоучка!

— Три скорбянки, Лэнис, любого архимага с потрохами сожрут и еще попросят, — непривычно грубо оборвал девушку Карл. — Магистр не доберется до знаков. Ему просто-напросто не дадут.

— Зато про нас все забыли, — подхватила я, догадавшись, куда клонит парень.

— До тех пор, пока мы сидим здесь!

Целительнице, в отличие от меня, идея Карла по душе не пришлась. Я от нее, впрочем, тоже была не в восторге, но выбор оказался невелик: либо сидеть здесь и смотреть, как умирает Дан, а после и самим стать ужином тварей, либо же воспользоваться шансом и хотя бы попробовать спастись.

— Кто высунется из круга — завтра же вылетит из академии, — спокойно, но с ощутимой угрозой бросил Дан, казалось бы полностью поглощенный скорбянками.

Слышать наш разговор он конечно же не мог, зато, видимо, слишком хорошо знал меня и Карла, на которого обещание декана не произвело никакого впечатления.

— Не высунемся — вылетать будет некому, — хмыкнул парень, и я кивнула, соглашаясь.

Или вылетать. Или выгонять. Или и то и другое сразу. Как ни крути, ни один вариант не радовал.

— Я с вами, — подхватилась бледная до синевы Радиша.

— Нет, — мотнула я головой, — останься с Лэн. Вместе вы продержитесь дольше… в случае чего.

— В случае если вас сожрут у нас на глазах? — мрачно уточнила целительница и вприщур посмотрела на Карла. — Слышишь, ты, чудовище, я ведь никаких денег на некроманта не пожалею! Оживлю и сама прибью…

Он криво усмехнулся и, не отвечая, шагнул прочь из круга. Я, бросив взгляд на Дана, едва сумевшего увернуться от когтей нежити, последовала за парнем. Что делать со звездами, понятия

не имела, но целиком понадеялась на знания Карла. Позади рыдали, стенали и шипели скорбянки, тихо, сквозь зубы ругался Даниэль, впереди мертвенной зеленью сияли восьмилучевые знаки… И опять накатило ощущение, что это — всего лишь дурной сон.

Не так я представляла себе учебу в академии…

Вблизи звезды не только светились, но и обдавали холодом, похожим на тот, что едва не заморозил меня. Карл резко выдохнул, протянул руку, несколько раз сжал и разжал ладонь и, когда ее охватило голубоватое мерцание, осторожно коснулся пальцами одного из лучей. Тот дернулся, изогнулся, будто живой, но Карл не дрогнул, продолжая наполнять линию своей энергией. Поняв, что болотная зелень становится все тусклее, я поспешила последовать примеру Карла. Со стороны это казалось легко; на самом же деле пальцы сразу свело судорогой, и они потеряли чувствительность. Зато холод плющом обвил запястье и медленно пополз вверх по руке. Сжав зубы, я попыталась отрешиться от неприятных ощущений, упрямо обводя линию за линией, которые извивались, стремясь избежать прикосновений, и медленно гасли, теряя силу.

У Карла получалось лучше и быстрее, его звезда погасла первой, и в ту же секунду раздался жуткий вой, от которого захотелось упасть на колени и зажать уши ладонями. Быстро обернувшись, я увидела, что скорбянок стало меньше ровно на одну особь. Черный дым тонкой струйкой потянулся к потолку, нелепо дернулся, заметался — и втянулся в пол. Зато две другие твари бросились на Даниэля с еще большим энтузиазмом. Дан покачнулся, уворачиваясь от одной, и, попав под когтистую лапу второй, упал неловко на бок, не успев смягчить удар.

— Грейс, куда?! Звезду стирай! — рявкнул Карл, но я уже не слушала.

Прежде чем я справлюсь со звездой, эти твари разорвут моего жениха на столько клочков, что вовек не соберешь. Если только я не вмешаюсь. Если только…

Добежать я тоже не успевала. Пришлось действовать на ходу, потратив все силы… и отчаянно надеясь, что академия устоит.

Мне невероятно повезло: несмотря на неправильный магический фон, огненный диск получился на диво крепким, острым и точным. Алой вспышкой сорвавшись с рук, он пролетел сквозь кинувшуюся на Дана скорбянку, располовинив ее. Но радость, охватившая меня, через пару мгновений сменилась дикой болью. Лишь сейчас, бросив взгляд на обожженные до локтей руки, я осознала, что везение здесь ни при чем и искаженный фон взял-таки свое. Закусила губу до крови, рухнула

на колени, давя крик, но все-таки не сдержалась — когда Даниэль, отмахнувшись от почти распавшейся на две части, но все еще пытающейся двигаться твари, подставил спину уцелевшей нежити.

— Да-а-ан!..

Я вложила в этот крик и предупреждение, и переполнявшую меня боль, и желание очнуться от затянувшегося кошмара… И уж никак не ожидала, что вместе с ним выплеснется и чистая сила, которая впечатала в стену скорбянку, сбила с ног едва поднявшегося Дана, Карла и девчонок, заодно уничтожив защитный круг, бесследно стерла привязавшие тварей к подвалу звезды… Но этого ей было мало. Не растратившись до конца, сила заплескалась, словно река в слишком тесном русле, ища выход. Подозрительно завибрировал пол, с потолка посыпалось что-то мелкое и острое, послышался громкий, отозвавшийся дрожью в теле треск…

О боги! Кажется, у меня с первого же раза получилось то, что дважды так и не вышло у Карла…

ГЛАВА 12

Мир дрожал, грохотал и рассыпался на куски, порождая гул в ушах и оставляя привкус железа на языке. Глаза слезились от колючей пыли, метавшейся вместе с обезумевшей силой. Эта же пыль мешала дышать, и я задержала дыхание, оглохшая, ослепшая, испуганная почти до потери сознания.

— Дыши, — прошептали мне на ухо.

К доброму совету я прислушалась, набрала в грудь жгучего воздуха и, очнувшись от оцепенения, обнаружила, что все еще стою на коленях, а Дан крепко сжимает мои плечи и чего-то хочет.

Понять бы еще, чего именно…

— Дыши, Грейс! — хрипло, с явным трудом повторил он. — Глубже! Успокойся. Все хорошо. Все в порядке.

Его тихий уверенный голос действительно успокаивал, и бешено колотящееся сердце наконец-то замедлило бег, а дыхание выровнялось и больше не причиняло боли. Словно бы это не смешанная с магией пыль обдирала легкие, а мои собственные страхи.

— Вот так, — заметил это Дан. — Молодец. А сейчас позови свою силу обратно.

Позвать? Легко сказать, гораздо труднее сделать… Я, конечно, слышала, что такое возможно, вот только испытать это на практике не довелось — просто подобных выплесков у меня прежде никогда не случалось.

— Я не умею, — мотнула головой. — Я…

— Сумеешь, — не принял возражений он. — Закрой глаза. Дыши. И представляй, что она возвращается к тебе.

Я послушно прикрыла веки и представила, что к моим рукам тянутся серебристые потоки воздуха. Что они льнут к коже, прохладными лентами обвивают обожженные ладони и запястья — и растворяются, вновь становясь частью меня. И с каждой такой лентой боль в руках притуплялась, будто сила пыталась хоть как-то загладить причиненный вред.

Забрать обратно все до капли не получилось, но и того, что я сделала, оказалось достаточно. Стены перестали сотрясаться, и потолок больше не грозил обрушиться. Вот только в голове по-прежнему шумело, а перед глазами плыло туманное марево, в котором почти терялись и встревоженный Дан, и Лэн, кинувшаяся осматривать мои руки, и жмущаяся к ней Радиша, и Карл, переминающийся с ноги на ногу и смотрящий на декана исподлобья, будто ожидая немедленного наказания.

— Что с ней? — пробормотала Лэн.

— Вы же у нас целитель, студентка Арто, неужели не поняли? — устало усмехнулся Дан. — Ваша подруга сильно перенервничала, что привело к выплеску силы. Ничего страшного, к утру будет здорова.

На этих словах пол исчез, и я взмыла в воздух… Дернулась было, но, поняв, что это вовсе не фокусы скорбянок, просто Дан подхватил меня на руки, успокоилась. Идти я бы не смогла. Что там — я и говорить была не в состоянии. Не знаю, каким чудом еще находилась в сознании.

Когда мы выбрались в коридор, из моего личного тумана выступили еще две фигуры. Одна из них, встревоженно муркнув, бросилась к Дану и с силой потерлась о его ноги, отчего он пошатнулся, но, к счастью, устоял.

— Опоздал, — бросил он магистру Арто, строго прикрикнувшему на разошедшуюся Лиру.

— Ну уж извини, — насупился желтоглазый маг. — Сам знаешь, как местный фон действует на… — Он осекся, словно собирался сказать нечто, не предназначенное для посторонних ушей, окинул нашу потрепанную компанию задумчивым взглядом и хмыкнул: — На выход, герои.

— Нужно проверить, не осталось ли чего, — задержался Дан, когда мимо нас прошли молчаливые Лэн, Радиша и Карл. — И не грозит ли академии обвал…

— Сделаю, причем без тебя, — кивнул магистр Арто. — Ступай отсюда, тебе помощь целителя не помешает. Да и ребятам…

— Ребята свое непременно получат, — мрачно пообещал Дан, и я малодушно закрыла глаза, постепенно погружаясь в зыбкое забытье, которому успешно противилась последние несколько минут.

Подъем по лестнице я еще запомнила. И то, как сильно и быстро билось сердце Даниэля под моей щекой. И то, как он отпустил ребят, заявив, что жаждет видеть их рано утром в своем кабинете. И их торопливые шаги, возвещавшие, что меня подло бросили на растерзание магистра Иридайна. Даже не спросили, куда он собирается тащить мое бездыханное тело, предатели!

И я бы честно возмутилась, но на этом моменте организм решил, что с него довольно, и сознание все-таки провалилось в мягкую и уютную тьму, в которой не было места ни волнениям, ни размышлениям и где властвовал один лишь покой.

Пробуждение было приятным. Сон отпустил плавно, оставив ощущение легкости и желание беспричинно улыбаться. Я и

улыбалась, лежа с закрытыми глазами на чем-то мягком и удобном, вдыхая кажущийся знакомым аромат летнего луга и слушая убаюкивающий шелест дождя по стеклам и уютное потрескивание пламени. До тех пор, пока не вспомнила, что в моей новой комнате камина нет и быть не может.

Распахнув глаза, я приподнялась, осматриваясь. Определенно эту комнату, тонущую в разбавленном отсветами огня полумраке, я видела впервые. Напротив большой кровати, на которой я лежала, находилось окно, закрытое тяжелыми шторами — разобрать, какого они цвета, не получилось. Справа в небольшом камине танцевало золотистое пламя, рядом стояло глубокое кресло, а в кресле, сосредоточенно изучая какие-то бумаги, сидел Даниэль. Босой, по-домашнему растрепанный, в простых брюках и рубашке с закатанными до локтей рукавами, сейчас он ничуть не походил на грозного декана боевого факультета.

Зрелище было настолько умилительным, что его неправильность я осознала не сразу. Он что же… к себе меня притащил? Выдохнув и упав обратно на постель — силы все же не рассчитала, не так уж их и много осталось, — я рассмотрела-таки свои руки и осторожно потрогала шею. Ожоги прошли бесследно, а вот клыки скорбянок оставили белесые отметины. Некрасиво… и чешется почему-то.

— Очнулась? — тихо спросил Дан, поднимаясь с кресла и подходя ближе.

Ответа от меня явно не ждали, просто приподняли вместе с подушкой и подтянули чуть выше, помогая сесть, а затем в моих ладонях оказался наполненный до краев стакан.

— Выпей, — настойчиво предложил Дан, и я сделала глоток.

От подогретого со специями сладкого вина стало не просто тепло — жарко. И даже силы появились. По крайней мере, один вопрос я задать сумела:

— Н-напоить решил?

— Да. Напоить и коварно воспользоваться твоим беспомощным состоянием. Предел моих мечтаний, — присев на край постели, демонстративно возвел глаза к потолку Дан. Я вспыхнула — и от его тона, и от выпитого вина, — а он только головой покачал: — Грейс, откуда у тебя в голове столько глупостей?

Отвечать на столь издевательские вопросы я посчитала необязательным. Оскорбленно засопела, отвернулась… и лишь тогда заметила, что из одежды на мне только рубашка, и та явно не моя.

— А это еще что такое? — подергав за ворот, вновь повернулась к Дану я.

— Чистая одежда. Взамен того, что осталось от твоей, — терпеливо пояснил он.

— А… Но… — безуспешно попыталась подобрать слова я.

— У меня есть служанка. Тебя переодела она, — откровенно забавляясь, ответил на так и не высказанное возмущение Дан.

Ну надо же, служа-а-анка у него есть… Лентяй! Наверняка уже предвкушает, что после завершения моего обучения сможет прилично сэкономить. Так вот шиш ему, а не бесплатная домработница!

И вообще…

— А что я здесь делаю? — наконец-то задала я вопрос, с которого и стоило бы начать этот разговор.

— Лежишь, — коротко отозвался Дан.

— Почему я лежу здесь? — нахмурилась я.

— Предпочла бы остаться в подвале? — приподнял брови он.

— Предпочла бы лежать в своей комнате, — отрезала я.

Не то чтобы мне не нравилось, да и кровать у Дана намного удобнее, чем в общежитии… Но, в конце концов, кое-кто предельно четко дал понять, что в академии я ему никто! А простым студенткам в комнатах деканов лежать не полагается. Сильно подозреваю, что это не слишком хорошо влияет на репутацию.

— В своей комнате необходимую помощь ты бы не получила, — покачал головой Даниэль.

— Не знала, что ты у нас еще и целитель, — фыркнула я.

— Устранять последствия выплеска силы учат всех преподавателей независимо от их специализации, — улыбнулся он. — Студенты — народ нежный, чуть перенервничают — и мало никому не покажется.

— Простите великодушно, господин Иридайн, что я перенервничала из-за такого пустяка, как ваша жизнь! — обиделась я.

— Прощаю, — благосклонно кивнул Дан, но не успела я возмутиться, как он серьезно добавил: — Тебе не стоило рисковать, Грейс. Я бы справился.

— Я не знала, — проглотив обиду, опустила взгляд я. — Я думала, что ты… что тебя…

— Тебя бы это расстроило? — делано удивился Дан.

Я помолчала, раздумывая над ответом. Я знала его всю свою жизнь. Я привыкла к нему. И пусть подчас он совершенно невыносим, но…

— Да, — решительно подняв на него глаза, честно ответила я, и с удовольствием отметила, что теперь господин декан удивлен по-настоящему.

Интересно только, чем именно: тем, что я бы не обрадовалась, случись с ним несчастье, или же моей внезапной откровенностью, которая и для меня самой стала неожиданностью.

— Ладно, — еще больше взъерошив волосы, проговорил наконец Дан. — До утра осталось несколько часов. Тебе нужно поспать.

Мне кажется или кто-то пытается замять тему? Впрочем, я ничуть не возражаю, никогда не любила откровенничать… И уж тем более непривычно было вот так, без обычных колкостей, разговаривать с ним.

— Что с нами будет? — отважилась я прояснить туманное будущее нашей невезучей компании, когда Даниэль поднялся.

— Завтра… Вернее, уже сегодня я назначу вам наказание, — ответил он.

— Значит, нас не исключат?

— А тебе так хочется отправиться домой? — усмехнулся Дан.

— А разве тебе этого не хочется? — прищурилась я.

Странно, я была уверена, что он воспользуется первым же более-менее подходящим предлогом, чтобы выдворить меня из академии. А если учесть, что конкретно этот предлог был весомее некуда…

— С чего ты взяла? Я никогда этого не говорил.

Не говорил, верно. Более того — даже не попытался настоять на том, чтобы я немедленно вернулась к отцу. Раньше я не задумывалась над этим, но сейчас… Сейчас самое время все прояснить.

— Почему ты позволил мне остаться? Не из-за моего же желания?

— Не получилось бы остаться здесь — ты нашла бы способ сбежать из Арстона, ничуть в этом не сомневаюсь. Я всего лишь хотел, чтобы ты была у меня на глазах. Чтобы я хоть как-то мог контролировать совершение тобой глупостей. А что касается твоих желаний, Грейс, — зачастую они опасны. И в первую очередь — для тебя самой.

Вот и прояснила. Лучше бы уж и не лезла к нему со своими вопросами, право слово!

— Мы хотели всего лишь погулять! — вспыхнула я. — Мы не пошли в город, остались в академии, и не наша вина, что в ней оказалось небезопасно!

— Вашей вины действительно нет. Потому ваша развеселая компания продолжит обучение.

— В таком случае получается, что ты собираешься наказать невиновных? Это, по-твоему, справедливо?!

— Наказание наказанию рознь, — туманно ответил Даниэль и тоскливо поинтересовался: — Ты наконец-то угомонишься или же будут еще вопросы?

Он серьезно хотел так просто от меня отделаться? Слишком наивно с его стороны. Вопросы конечно же были. Очень много вопросов, которые все равно не дали бы уснуть.

— Будут! — нахмурилась я, поежившись от неприятных воспоминаний. — В подвалах было три скорбянки. И всего две звезды. Как такое вообще возможно? Мы не заметили третью?

Дан вздохнул и прислонился к спинке кровати. Похоже, он уже пожалел, что не ушел молча.

— Третьей звезды не было, — все-таки сказал он. — При переплетении двух знаков можно без проблем привязать к ним трех тварей. При этом они слабее, чем при полной привязке, зато и маг тратит намного меньше сил.

— Значит, тот, кто это сделал, посредственный маг, — заключила я. — Решил взять не качеством, а количеством…

— Чего взять? — не понял Даниэль.

— Тебя! — с готовностью пояснила я.

— Зачем? — опешил он.

— А я откуда знаю? — развела я руками. — Хотя предполагаю, что врагов у тебя должно быть немало. — С его-то милейшим характером и очаровательной способностью выводить из себя кого угодно за считаные мгновения это совершенно неудивительно. — Перешел кому-то дорожку, может, кто-то метил на место, которое ты занял, или зачет кому не поставил, или на экзамене завалил, или…

— …не принял кого на желанный факультет… — глядя в потолок, закончил Даниэль.

— Я в ритуальной магии ничего не смыслю, а денег, чтобы нанять даже самого дрянного специалиста, нет, — с сожалением вздохнула я.

— Утешает, — серьезно кивнул Дан, но отблески веселья в его глазах я все-таки заметила.

— Между прочим, я не шучу, — надулась я. — Как ты вообще оказался в подвале? Только не говори, что ежевечерне совершаешь прогулки по подземельям!

Я ждала, что он привычно отшутится, скажет, что еще не обзавелся такой странной привычкой, или же ответит, что нашу компанию кто-то видел и посчитал нужным сообщить о том декану, но ничего подобного не случилось. И тем невероятнее стала его растерянность, которую он безуспешно попытался скрыть.

— Это не важно, — нахмурился Дан, отступая на шаг в тень,

чтобы спрятать выражение глаз.

Путаясь в одеяле, я подалась вперед. Терпеть не могу, когда что-то скрывают! Будь то мимолетные отблески чувств или же правда, какой бы она ни была.

— А вот я так не думаю, — возразила, соображая, как не дать ему уйти, оставив меня ни с чем — и самому оставшись один на один с какой-то проблемой. Возникшей, более чем уверена, именно после моих вопросов. Но, насколько я знала из собственного опыта, такого способа не существовало. Что ж, придется действовать грубо… и надеяться, что на сей раз получится. — Я не успокоюсь, пока ты все не расскажешь! Не сомневайся даже, тебе это совершенно не понравится!

— Не сомневаюсь, — слабо улыбнулся он, вновь нахмурился и с силой потер лоб, будто что-то вспоминал, но так и не мог вспомнить.

— Дан? — настороженно позвала я, когда он, пару раз пройдясь от окна до двери и обратно, опустился в кресло. — Что-то не так?

— Похоже, все не так, — неуверенно прозвучало в ответ, когда я уже потеряла надежду услышать хотя бы слово. — Ты, наверное, будешь смеяться… Но я не знаю, зачем спустился в подвалы.

Вопреки его предположениям, ничего даже отдаленно похожего на веселье я не испытала. Для проблем с памятью Дан был еще молод, и это, как и то, что до моих расспросов он и вовсе не задумывался над причиной своего поступка, наводило на очень нехорошие мысли.

— Совсем-совсем не знаешь? — подозрительно уточнила я. — И не помнишь, о чем вообще тогда думал?

— Просто захотелось пойти в ту часть подвалов, — медленно покачал головой Дан. — Потянуло со страшной силой. И… я был уверен, что мне туда нужно. Что это вопрос жизни и смерти.

— И ты помчался решать столь важный вопрос в одиночку? — нервно сцепила пальцы на уголке одеяла я.

Я и раньше знала, что жених мне достался сумасшедший, но и в мыслях не было, что настолько!

— Я так привык, — дернул плечом Дан, отводя взгляд.

Привык. И наверняка о подобных привычках знают все кому не лень. Но не успела я открыть рот, как меня перебили:

— Это еще ничего не докалывает.

По-моему, это как раз таки доказывало абсолютно все, но, вместо того чтобы выслушать разумные доводы, господин декан поднялся, словно неразумного котенка водворил меня с края кровати на середину и, сноровисто подоткнув одеяло, сурово

приказал:

— Спи. И голову лишними глупостями не забивай, у тебя своих с избытком.

— Да пожалуйста, — сердито пропыхтела я, выбираясь из-под одеяла — кое-кто явно переусердствовал, посчитав, что дышать мне вовсе не обязательно. — Если в другой рал тебя все-таки сожрут, я же еще и в выигрыше останусь. И, честное слово, плакать не стану!

— Не плачь, — легко согласился Даниэль. — Смысла в этом не будет. И спи уже. Даже не мечтай, что утром твой невыспавшийся вид меня разжалобит и я отменю наказание.

— Никогда не мечтаю о несбыточном, — буркнула я и сама натянула одеяло на голову, чтобы больше не видеть и не слышать этого безумца, не желающего прислушаться к доводам разума. Пусть даже эти доводы и озвучила я… Хотя, может, именно по этой причине они так и остались непонятыми. Обидно.

Но Дан прав. Плакать о том, чего уже не исправишь, смысла нет, как и в том, чтобы обижаться на того, кто никогда не воспринимал тебя всерьез, кто, как ни старайся, не изменит своего мнения. Лучше уж действительно поспать. По крайней мере, полезнее…

Но уснуть не удалось.

В наступившей после ухода Дана тишине по-прежнему барабанил по стеклам дождь да сыто шелестело каминное пламя. Ничего не изменилось, даже темнее не стало, но вместе с тем что-то было не так.

Громко тикали стоящие на каминной полке часы. Жуткий звук, который явно стал громче, потому как раньше я его не замечала.

Тик-так. Все не так. Тик-так. Все не так. Тик-так. Все не…

Я стискивала зубы и пыталась дышать спокойнее и ровнее, но ненавистные мерные щелчки не просто будили — усиливали страхи, как старые, так и новые.

Тик.

Что-то затаилось в углах, не сводя с меня злобного взгляда.

Так.

Оно пряталось на потолке и стенах в тенях, танцующих с отблесками каминного пламени.

Тик.

Оно подкрадывалось ко мне, спрятавшейся с головой под одеялом, тяжело дышало в затылок, ледяными щупальцами касалось шеи и запястий, и те вновь наливались острой болью, сочились стремительно остывающей кровью — под надрывный плач, более похожий на выворачивающий душу вой.

Так…

— Дан! — не выдержав, вскрикнула я, скидывая на пол тяжелое, душащее одеяло. И хищные тени бросились врассыпную, прильнули к темным углам, затаившись до поры до времени…

Дверь распахнулась в следующий же миг.

Быстрые, приглушенные ковром шаги, прохладная ладонь, легко коснувшаяся горячего лба, мой срывающийся шепот, за который утром наверняка станет стыдно, но который я не успела остановить:

— Прости… Мне страшно…

Я сжалась, подсознательно ожидая насмешек, но вместо них дождалась лишь еще одного прикосновения к растрепавшимся волосам и тихого: «Все хорошо, я рядом».

Он не ушел. Сел в кресло, сметя бумаги на пол, и ободряюще улыбнулся, поймав мой недоверчивый взгляд. Но удивляться больше не было сил. Тени отступили, а потом и вовсе исчезли, и все шорохи ночи больше не казались враждебными. Наоборот, они успокаивали, складываясь в колыбельную, на волнах которой было так сладко уплывать…

Но прежде чем заснуть, я все-таки отметила, что в этой колыбельной больше не слышно, как отмеряют мгновения ненавистные часы.

ГЛАВА 13

Кабинет декана боевого факультета щедро заливал солнечный свет. Сквозь приоткрытое окно доносились ароматы омытого дождем сада и беззаботный щебет птах. И вся эта утренняя благостность совершенно не вязалась с настроением четырех несчастных студентов, вытянувшихся перед хозяином кабинета. Карл был на удивление молчалив и бледен, Лэн кусала губы и бросала на него не сулящие ничего хорошего взгляды, Радиша не поднимала глаз от пола и теребила кончик заплетенных в косу волос. Даже я, зная, что отчисление нам не грозит, нервничала. Неведомое наказание, вернее, воображение Дана, определившее его выбор, пугало. А озвучивать приговор нам отчего-то не спешили.

Даниэль, единственный из присутствующих казавшийся выспавшимся (каким только чудом, хотелось бы знать), разглядывая нас столь внимательно, будто надеялся заметить нечто новое. Вот уже пять минут молчал и разглядывая, и я чувствовала, что еще немного — и не сдержусь, высказав ему все, что думаю.

А думала я о многом… С самого раннего утра, когда, проснувшись, вместо Дана обнаружила записку с подробной инструкцией, где в доме можно позавтракать и как после этого добраться до академии.

За окном было уже светло, но вряд ли настолько, чтобы торопиться. Я бросила взгляд на часы, но их стрелки замерли, едва отмерив полночь. Судя по следам на деревянном корпусе, кто-то остановил их магическим импульсом, не особо заботясь, удастся ли потом все исправить. Я невольно улыбнулась и решила все-таки не затягивать со сборами. Одежда висела на спинке кровати — не та, в которой я была вчера, но тоже моя. Размышлять, откуда она здесь взялась, я не стала, порадовавшись, что она вообще есть. Разгуливать по территории в рубашке господина декана по вполне понятным причинам отнюдь не прельщало. Отыскав ванную и приведя себя в порядок, я переоделась и побрела на поиски кухни.

Если судить по дому Даниэля, преподаватели академии жили неплохо. Небольшой и уютный, на втором этаже — спальня и смежный с ней кабинет, напротив имелась еще одна комната, предназначенная для гостей. Неширокий коридор вел к забавной полукруглой лестнице. На первом этаже располагались гостиная, столовая и крошечная кухонька. Намазав свежую булочку вареньем и заварив обнаруженный в шкафу травяной чай, я

крепко призадумалась. Да, в доме на первый взгляд было чисто и аккуратно, но эта заслуга явно принадлежала бытовым чарам, от которых слегка щекотало в носу, а вовсе не заботливым женским рукам. Если только служанка господина декана не была магом, во что лично я никогда бы не смогла поверить. Да и вообще, какой уважающий себя маг (да и просто профессионал!) возьмет деньги за выполненную спустя рукава работу? И уж точно не позволит себе замести пару носков под диван… Немного побродив по дому и заметив множество подобных мелочей, я окончательно утвердилась в мысли, что никакой служанки у Дана нет и вряд ли когда-либо была, и почувствовала себя подло обманутой. Не знаю, по каким таким срочным делам он сбежал ни свет ни заря, но сделал это исключительно вовремя.

Из дома я вышла, решив, что после драки кулаками не машут и более-менее успокоившись. Настолько, что даже смогла полюбоваться им снаружи, ибо белые стены, увитые плющом, резная дверь и выполненные под стать ей ступеньки крыльца, красная черепичная крыша и ажурный балкончик определенно того стоили. Не дом, а игрушка. Миновав живую изгородь, образованную невысокими, аккуратно подстриженными кустами, я убедилась, что не только декану положена такая прелесть. Дома стояли на приличном друг от друга расстоянии, и подходить ближе я не рискнула, но даже издалека они казались столь же привлекательными.

За ночь распогодилось. Ощутимо припекало солнышко, ласковый теплый ветерок за пару минут выдул из головы все мысли, оставив только беспричинную радость. Ну и капельку здоровой злости, с которой я не спешила расставаться. В таком состоянии я и добралась до главного корпуса академии, по случаю раннего часа почти безлюдного, а потом и до кабинета господина Иридайна, возле которого уже томились мои товарищи в ожидании не слишком справедливого возмездия за вчерашние подвиги.

Даниэль будто только меня и ждал. Не успели мы с ребятами и словом перекинуться, как дверь распахнулась и нас издевательски-вежливо пригласили пройти внутрь.

Ну, мы и прошли. Первым — Карл, судя по уверенной походке чувствовавший себя здесь если не как дома, то очень близко к тому; следом — Лэн, попавшая сюда впервые и озирающаяся с неприкрытым любопытством; замыкали крошечную процессию все еще немного злая я и вцепившаяся в меня Радиша, на которую собственный декан действовал как удав на кролика.

И вот теперь этот удав гипнотизировал нас многообещающим

взором, не торопясь прояснять нашу судьбу. Наткнулся на мой взгляд, вздрогнул и наконец-то соизволил озвучить свое высочайшее решение.

— Что ж, господа приключенцы, — с плохо скрытой насмешкой протянул он, — за проявленную отвагу вас полагалось бы наградить, за безрассудство — примерно наказать, и я долго размышлял, чего вы заслуживаете больше. В итоге пришел к выводу, что в случившемся вы не виноваты, а значит, и наказывать вас не за что. А потому с этой минуты и до самого ужина вы поступаете в полное распоряжение магистра Рарта…

— Магистр Иридайн, но за что?! — не хуже сирены общего сбора взвыл Карл, на фоне чего хоть и сдавленное, но весьма ядреное ругательство Лэн осталось незамеченным. — Вы же сами сказали, что не станете нас наказывать!..

— А это и не наказание вовсе, — хмыкнул Даниэль, наслаждаясь произведенным эффектом. — Это профилактика. Занятия начнутся лишь завтра, и я хочу быть уверен, что до того момента ваша компания больше ни во что не ввяжется. И потом, убьем нескольких василисков одним ударом. Магистру Рарту нужна помощь, мне — хотя бы небольшая передышка, вам — безопасный выплеск энергии…

«И академия целее будет», — так и повисла в воздухе невысказанная, но оттого не менее ощутимая фраза.

Дракон был прекрасен. Идеален от увенчанной острым гребнем изящной головы до кончика гибкого хвоста, от мощного разворота крыльев до мельчайшей трехгранной чешуйки. Казалось, дракон замер лишь на миг, что он вот-вот оттолкнется от пола и взмоет под высокие каменные своды, расправит крылья и, играючи разрушив преграду, взовьется в чистое утреннее небо, такой же неуловимый и свободный, как ветер.

Придуманное Даном наказание меня не испугало. Было даже интересно, потому как в магических музеях я еще не бывала. И пока что реальность оправдывала ожидания. Мне понравился и сам музей, расположенный в отдельном корпусе, двухэтажный, с фантазийными башенками на крыше, большими арочными окнами и колоннами, с широкой лестницей, охраняемой парой мраморных единорогов. И смотритель, тот самый великий и ужасный магистр Рарт, одним своим именем приводящий в трепет студентов, тоже пришелся по душе. Невзирая на рассказанные товарищами по несчастью страшилки, увидеть гнома, пусть даже и наполовину, невероятно хотелось. Прошли те времена, когда волшебные народы запросто жили среди людей, а жаль… Так вот, магистр Рарт походил на сказочного гнома

настолько, насколько это вообще было возможно. Невысокий, полноватый, но отнюдь не грузный, с добродушным круглощеким лицом, обрамленным рыжеватой, заплетенной в две косицы бородой, с ясными, умными голубыми глазами, он оказался подвижным, шумным, многословным и создавал впечатление целой толпы. С непривычки даже голова закружилась, когда магистр, непрестанно тараторя и в ярких красках расписывая, как же ему повезло, что мы согласились помочь, показывал нам фронт предстоящих работ.

Чего здесь только не было! И стеклянные шкафы с многочисленными артефактами, имеющими скорее историческую, нежели практическую ценность, и различные занятные вещицы совершенно непонятного предназначения, такие, как пара потрепанных сапог с полуоторвавшейся подошвой, широкополая темно-фиолетовая шляпа с прожженной в нескольких местах тульей, витой посох с набалдашником в виде головы какой-то малопривлекательной хищной твари, дырявый растянутый носок явно не первой свежести и тому подобные странный предметы. А еще — статуи магических существ. Возле одной из них я и застыла словно зачарованная, напрочь позабыв и о своих товарищах, и о магистре Рарте.

— Как живой, — завороженно прошептала я, обходя застывшее совершенство по кругу.

— Он и был живой, — подтвердил магистр Рарт.

— Что значит «был»? — возмутилась я, пораженная мыслью, что дракона убили ради того, чтобы выставить в академическом музее его чучело. — Вы что же… Как же так?!

— Выдохни, а то лопнешь, — хмыкнул Карл. — Ничего ужасного не случилось. Драконы каждые двадцать пять лет меняют шкуру. Конкретно эту музею в прошлом году презентовал лично ее бывший владелец. А наши умельцы придали ей, кхм, первозданный вид. Неплохо получилось, да?

Этого факта о драконах я, к своему стыду, не знала.

— Ничего, деточка, — успокаивающе улыбнулся магистр Рарт, — бывает. У тебя доброе сердце. И раз уж тебе так приглянулся наш дракон, то, полагаю, ты с радостью приведешь его в надлежащее состояние.

Карл издал странный булькающий звук и кинул на меня преисполненный искреннего сочувствия взгляд. Я занервничала, но осторожно кивнула — а что еще оставалось делать? Просияв, магистр молнией метнулся к стене, погремел там чем-то и брякнул под ноги широкое ведро, в котором обнаружились разноцветные бутылки, мягкие тряпочки и пористые, шершавые на вид диски.

Недоброе предчувствие кольнуло сердце еще до того, как полугном, улыбаясь, радостно обозначил мою задачу:

— Нужно отполировать каждую чешуйку, чтобы отражала свет, как зеркало. И поскольку магией здесь пользоваться нежелательно…

Жест в сторону ведра был красноречивее любых слов. Еще раз смерив взглядом дракона и оценив его уже с другой позиции — высоты да ширины, я мысленно застонала, начиная догадываться, отчего студенты всеми правдами и неправдами избегают сомнительной чести попасть в цепкие руки магистра Рарта.

Драконьи чешуйки, самая крупная из которых была с мою ладонь, а самая мелкая — с мизинец, напоминали драгоценные камни — алмазы и изумруды. Больше всего было «изумрудов», «алмазы» же рисовали по шкуре затейливый узор. Сию красоту полагалось сначала протирать пористым диском, пропитанным остро пахнущим мятой зельем, а потом до блеска полировать мягкой тряпочкой. Несложная работа. Просто нудная. Поначалу было даже интересно наблюдать, как под моими руками тусклые «драгоценности» обретают блеск, переливаясь в ярком свете. Где-то на сотой чешуйке я сбилась со счета и заскучала. По другую сторону дракона над его хвостом страдал Карл — магистр Рарт справедливо решил, что одна я со своей задачей до конца дня не справлюсь. Возле стеклянных стеллажей мучилась Лэн. Ей доверили начищать исторически ценные артефакты, не столь давно поступившие в музей. Не знаю, где их откопали, но выглядели оные весьма непрезентабельно, что и предстояло исправить целительнице. Радише поручили вычесывать неопознанное чудо-юдо повышенной волосатости. Что это такое и добровольно ли оно рассталось со своей шкуркой, никто из нас уточнить не осмелился.

— Как же мне повезло, что не перевелись еще сознательные студенты, готовые потрудиться на благородной академии, — соловьем заливался магистр, и с каждым его словом на душе становилось все пасмурнее. — Большинство молодых людей, увы, черствее бездушного камня. Наловчились скрываться так, что и не поймаешь!

Натирая очередную — и все еще не последнюю! — чешуйку, я искренне позавидовала столь полезному умению. После сегодняшнего я оным тоже обязательно овладею. И Дана отблагодарю. Ох и отблагодарю же! Пока не знаю, как именно, но придумаю. Не одна я этого дракона помнить буду…

Подтянув великоватые перчатки, я тоскливо взглянула на окно. Солнышко сияло призывно ярко, намекая, что в жизни есть

гораздо более полезные и приятные занятия, нежели полировка дракона. Подавив тяжелый вздох — достаточно было и тех, что ежеминутно издавал Карл, — я примерилась к особо мелкой — чуть больше ногтя — чешуйке-изумруду, притаившейся под крылом, но не успела даже как следует дотронуться до нее, как она с тихим шелестом оказалась на ладони.

Я сглотнула, сжала ладонь и воровато оглянулась. Магистр Рарт стоял над душой Радиши, ревностно контролируя процесс превращения покрытой колтунами неведомой зверушки в пушистый, тщательно расчесанный одуванчик. Убедившись, что у моего преступления не было свидетелей, я прижала чешуйку к покинутому ею месту, надавила — и едва не выругалась, когда она не пожелала становиться частью дракона.

Колебалась, взвешивая все «за» и «против», я недолго. Еще раз оглянувшись, прошептала нужную формулу и вновь приложила вредную чешую на положенное ей место. Клейкие чары работали везде и всегда, не давая осечек… но не сейчас. Треклятый «изумруд», продержавшись всего пару мгновений, шлепнулся в вовремя подставленную руку, дракон подозрительно вздрогнул, заскрипел и накренился. Я отшатнулась, запнулась о ведро, опрокинула его и чуть было сама не присоединилась к покатившимся по полу бутылкам.

— Демоны все побери! — выдохнул Карл и вцепился в драконий хвост, не давая чучелу завалиться вперед.

Карлу вторил, причем куда как громче и витиеватее, магистр Рарт, вмиг позабывший о перечислении способов приведения в порядок шерстистых монстров. Я отчаянно надеялась, что закаленный работой со студентами полугном шутя спасет ситуацию, но он — то ли от растерянности, то ли потому, что никакого иного способа не существовало, — тоже вцепился в многострадальный хвост. Что-то затрещало. Я зажмурилась, ожидая, что хвост вот-вот отвалится и обездоленный дракон рухнет-таки на пол, и хорошо если при этом меня не придавит…

Как ни странно, обошлось.

Хвост выдержал. Дракон, подозрительно поскрипывая, восстановил равновесие. Магистр Рарт и Карл, тяжело дыша и дрожащими руками утирая пот, осели на пол.

Я стояла ни жива ни мертва. Проклятая чешуйка жгла ладонь даже сквозь плотную перчатку…

Тишина, воцарившаяся в музее, тупым ножом пилила нервы. Когда я уже готова была признаться во всех грехах, полугном, кряхтя, поднялся на ноги, небрежно отряхнул одежду и неожиданно широко улыбнулся:

— Бывает. Закрепили плохо… опять. Главное, что в этот раз

никто не пострадал!

В этот раз? Так, значит, были и другие?

— Дракона уже роняли? — озвучила мои мысли прикрывшаяся пушистым чудищем Радиша.

— Он сам упал, — буркнул мгновенно покрасневший Карл. — И вообще, единственным потерпевшим в той истории был я!

— Вообще-то я имел в виду хрустальную статуэтку грифона, — неодобрительно покачал головой магистр Рарт.

Под насмешливое хмыканье Лэн Карл кисло улыбнулся, а я быстро сунула чешуйку в карман брюк.

Это сейчас полугном невероятно добр и благодушен, но вряд ли он таковым останется, узнав, что произошедшее было вовсе не несчастным случаем.

Остаток дня прошел без происшествий. Магистр Рарт объявил перерыв на обед и угостил нас бутербродами (судя по кривизне и величине кусков, явно собственноручно приготовленными), после чего мы вновь приступили к делу. Поначалу я боялась дотрагиваться до дракона — не дай богиня, снова что-нибудь да отпадет, — но постепенно страх исчез, убаюканный монотонной работой. Полугном, занятый починкой каких-то странных конструкций, казалось, физически не был способен молчать. На сей раз восторги по поводу бесплатной рабочей силы сменились довольно-таки увлекательной лекцией о драконах, их классификации, привычках, обычаях и о том, какую ценность для магии, и не только, представляют собой драконьи чешуйки. В общем, в музее академии находилось целое состояние, на которое, если верить магистру, можно приобрести небольшое уютное королевство. Осознав это, я почувствовала себя не только осквернительницей, но и воровкой, однако желания немедленно во всем признаться так и не появилось. Зато появилась усталость. Солнце клонилось к западу, за окнами становилось все темнее, все ярче разгорались магические светильники, и уже отполированные чешуйки, отражая их сияние, разбрасывали по полу, потолку и стенам слепящие блики.

— Ненавижу драконов, — едва слышно пробормотал Карл.

К концу невероятно долгого дня я тоже подрастеряла недавнюю восторженность, но до ненависти все же было далеко. Более того — после рассказов магистра Рарта я начала мечтать о встрече с настоящим драконом. Все же шкура, пусть даже и превращенная в столь прекрасное произведение искусства, совсем не то. Хотелось посмотреть, как дракон двигается, как летает, как общается с людьми… А еще было ужасно интересно, как он справляется с полировкой чешуи и заморачивается ли вообще этим вопросом.

Представив, как дракон, сложившись в замысловатую позу и сосредоточенно прикусив кончик языка, начищает собственную чешую специальной щеточкой на длинной ручке, я едва не рассмеялась. А пока я предавалась фантазиям, Карл закончил с самой последней чешуйкой и с победным приглушенным воплем запрыгал вокруг сверкающего дракона. Радиша, давно уже справившаяся с расчесыванием неопознанного монстра, заканчивала нанизывать на длинную серебристую нить разноцветные бусины. Лэн, закусив губу, пару раз прошлась чистой тряпочкой по пузатому, чересчур щедро украшенному самоцветами кубку и с длинным вздохом облегчения отставила его в сторону.

Этот день все-таки закончился. Наше наказание — тоже. Полугном, придирчиво осмотрев результат работы, довольно кивнул и отпустил нас с миром, напоследок заявив, что будет рад нам в любое время. Дружно побледнев, мы пробормотали в ответ что-то вежливо-расплывчатое и поспешно выскочили на улицу, пока магистр не решил осчастливить нас еще каким-нибудь «небольшим», но очень важным заданием.

— Думал, не выживу, — шумно выдохнув, признался Карл, когда музей с его одержимым смотрителем остался позади.

Вокруг таинственно шелестел объятый сумерками парк, шуршал под ногами мелкий гравий и пока еще редкие опавшие листья. Пахло свежестью и чем-то горьковато-сладким, непередаваемо осенним.

— Это намного хуже скорбянок, — согласилась с ним Лэн, морщась и разминая руки.

— А мне даже понравилось, — помолчав, выдала Радиига.

— Иди в постоянные помощницы, — недоверчиво хмыкнул Карл. — Магистр Рарт будет счастлив до безумия.

— Да, мне понравилось, но не настолько, — поспешно уточнила она.

В общежитии мы распрощались с Карлом и направились к себе. Я думала только о том, как бы поскорее добраться до душа и кровати, а вот Лэн оказалась гораздо крепче. В музее нам так и не удалось поговорить о произошедшем накануне, и целительница сочла, что сейчас самое время исправить это недоразумение.

— Ты была в лечебнице? — спросила она по дороге. Лгать ей не хотелось, как и говорить правду, и я неопределенно кивнула, что в полумраке коридора вполне могло сойти за согласие. — Брат сказал, чтобы мы о тебе не волновались. И одежду твою забрал, чтобы ты смогла переодеться.

Так вот кого нужно благодарить за то, что не пришлось бежать от дома Дана до общежития в одной рубашке…

— Смотрю, подлечили тебя неплохо, — продолжала тем временем целительница. — Всего-то ночь прошла, а ты бодра и здорова, словно ничего не случилось, хотя и заработала сильнейшее истощение.

— Профессионалы своего дела творят чудеса, — смущенно буркнула я, вновь задумавшись, каким образом Дан оказался в числе этих самых профессионалов.

— Вот и славно, — кивнула Лэн и тут же хищно прищурилась: — А что это было в подвалах?

— А что было в подвалах? — не поняла я, окончательно сбитая с толку резкой сменой темы разговора.

— Перед тем, как на нас чуть потолок не рухнул, — пояснила она, не сводя со своей жертвы, то есть меня, цепкого взгляда. Радиша согласно кивнула, с неменьшим любопытством уставившись на меня с другой стороны. — Как ты там магистра назвала? — Лэн насмешливо изогнула брови и томно протянула: — Да-а-ан?

Я лишь чудом не сбилась с шага. Вот ведь… Запомнила же, причем в такой момент, когда только о собственной сохранности следовало бы волноваться!

— «Магистр Иридайн» слишком длинно, — невозмутимо отозвалась я. — И потом, вас беспокоит только это? А как насчет того, откуда там вообще взялись эти твари?

Маневр удался, и вопрос о якобы допущенной мною фамильярности был забыт. По крайней мере, пока.

— Это нас тоже беспокоит, — вздохнула Радиша.

— Еще как, — кивнула Лэн. — Я вчера Алека расспрашивала, но он сказал, что понятия не имеет… Или просто не хочет делиться, — немного подумав, мрачно добавила она.

И не он один. Дану тоже мои вопросы не понравились. А они тем временем никуда не делись, как и те, кто виновен в появлении особо опасной нежити в стенах академии. Нет, я не сомневалась, что к расследованию будут приложены все силы, просто находиться в неведении было невыносимо. Да и хотелось большей уверенности, что этого не повторится и что можно не бояться притаившегося за очередным поворотом коридора чего-нибудь жуткого и неприлично голодного.

— Еще он потребовал, чтобы мы не болтали о случившемся, — поморщилась Лэн. Будто и так непонятно! И вообще, я не то что говорить, вспоминать об этом не хочу…

Вспоминать я тоже не хотела, но память нег-нет да подбрасывала обрывочные картинки, обещая ночью устроить полноценное представление. И в темпом коридоре, и в светлой комнате, до которой мы дошли в полном молчании, то и дело

мерещилось невесть что. Что-то уловимое лишь краешком глаза — и бесследно растворяющееся при любой попытке рассмотреть его получше.

— У тебя, случайно, нет чего-нибудь успокаивающего? — спросила я Лэн перед сном, поняв, что спокойным оный не будет.

— Есть, причем совершенно не случайно, — усмехнулась целительница и скрылась на кухоньке.

Впрочем, вернулась она быстро — и не с пустыми руками. Большая бутыль, наполовину наполненная изумрудной, словно пресловутая драконья чешуя, жидкостью, была водружена на стол и благоговейно осмотрена.

— Это что такое? — опасливо поинтересовалась Радиша.

— Успокоительное, — вцепившись в тугую крышку, ответила Лэн. — Сама делала. Убойная вещь…

— Ты хотела сказать «успокаивающая»? — хмыкнула я.

— Я хотела сказать ровно то, что сказала, — отмахнулась целительница и все-таки открыла бутыль. Но комнате поплыл сладкий клубничный аромат, не особо вязавшийся с цветом чудо-зелья. — И нечего так смотреть, — заметив наши скептические взгляды, обиделась Лэн. — Здесь все натуральное и самое лучшее. Сейчас сами убедитесь!

Последняя фраза прозвучала угрожающе. Радиша нервно сглотнула и попятилась. Мне отступать было некуда — все пути отхода надежно перекрыла Лэн.

— Нам завтра на занятия, — попыталась воззвать к ее совести я.

— И потому надо как следует выспаться, — закивала целительница, наливая зелье в стакан. — Пей!

Посмотрев на нахмурившуюся девушку, я поняла, что либо выпью предложенное, либо обзаведусь злейшим врагом… и залпом осушила стакан. На вкус зелье оказалось под стать запаху — нечто кисловато-клубничное, довольно-таки приятное и согревающее. Оно теплой волной прокатилось по телу, расслабляя, избавляя от напряжения, освобождая голову от мыслей. Почувствовав, что ноги становятся ватными, я торопливо просеменила к своей кровати и нырнула под одеяло.

— Вот видишь, а ты боялась! — словно сквозь толщу воды, донесся торжествующий голос Лэн. — Сладких снов, Грейс.

Действительно, убойная вещь… Надеюсь только, что не в самом что ни на есть прямом смысле.

Перед тем как окончательно сдаться действию зелья, я нащупала под подушкой припрятанную чешуйку. Кончики пальцев легонько кольнуло, и ладонь сама собой сжалась вокруг изумрудного кругляша.

Так я и уснула. И страха в моих снах больше не было. Его место заняло бескрайнее синее небо, затканные солнечными лучами облака и прозрачный воздух, разрезаемый плавными взмахами сильных крыльев.

ГЛАВА 14

Утро добрым не было. Началось оно с немелодичного воя — облегченной версии сигнала общего сбора. С кроватей меня и Радишу словно ветром сдуло. Стоя посреди комнаты, мы ошарашенно переглядывались и пытались сообразить, что случилось; привычная же Лэн лениво потягивалась, раздумывая, не понежиться ли в уютной постели еще немного.

Одна радость, после ее зелья чувствовала я себя отдохнувшей и достаточно бодрой для первого учебного дня. Собственно, на этом радости и заканчивались. Девчонки облачились в свои формы очень быстро и без проблем, мне же пришлось помучиться, чтобы не запутаться в кружевах, крючочках да шнурочках, коими сверх всякой меры снабдили платье. Благо что Лэн подсобила, без нее я бы провозилась намного дольше. Она же помогла и с прической: по закону подлости именно сегодня простая коса выходила удивительно кривой, и после пятой неудачной попытки целительница взяла дело в свои умелые руки.

— Красиво, — оценила она полученный результат.

— Но непрактично, — мрачно отозвалась я, рассматривая в зеркале девицу, которая могла бы быть кем угодно — от дебютантки на балу до младшей принцессы Арстона, но никак не магом, пусть даже и бытовиком.

— Зато изящно, — вставила Радиша, поймала мой угрюмый взгляд и виновато улыбнулась.

На завтрак мы еще с вечера решили не ходить. На кухне оставалось немного еды, как раз хватило, чтобы перекусить. Так что сборы прошли без спешки, и комнату мы покинули тоже неторопливо. Для меня, непривычной к длинным неудобным юбкам, это было особенно важно. Не хотелось растянуться посреди коридора на радость снующим туда-сюда студентам.

После перехода в учебный корпус нам пришлось разделиться. Мне предстояло подняться на третий этаж, найти нужный кабинет и каким-то чудом пережить этот день, не запутавшись в платье, не задохнувшись в корсете и не сойдя с ума от одной только мысли, что придется провести так не менее двух лет.

Искомый кабинет оказался на удивление небольшим и совершенно непохожим на учебную аудиторию. Скорее уж на гостиную в богатом доме, уютную, со вкусом обставленную. Светлые стены, широкие окна, занавешенные прозрачными воздушными шторами, удобные диван и кресла, столик, накрытый ажурной белоснежной скатертью, простая ваза с живыми чайными розами.

На диване в рядок сидели три девушки в таких же платьях, как и мое, — рыжая и две блондинки. Одно из кресел занял молодой человек в ослепительно-белом, как и наряды девушек, костюме, вычурности которого позавидовал бы самый франтоватый придворный нашего короля. Лица всех четверых выражали крайнюю степень уныния; подозреваю, что я в эту компанию вписалась просто-таки идеально.

— Вот и все в сборе наконец-то! — прервал наши настороженные переглядывания звонкий голос, и возле окна прямо из воздуха появилась высокая статная женщина, облаченная в очень похожее на нашу форму платье, только еще более сложного кроя.

Как ни странно, но оно ей безумно шло, оттеняя едва тронутую солнышком светло-золотистую кожу, синие глаза и темно-шоколадные волосы, собранные в замысловатую прическу. Молодая, красивая, очень уверенная в себе… сильная. Я ощущала эту силу, а стоило чуть прищуриться, как фигуру женщины окутывало золотисто-медовое сияние, яркое, чистое и теплое. Не то чтобы я знала многих искусников, напротив, среди знакомых не было ни одного бытовика, но отчего-то в глубине души затаилось убеждение, что такой силой они точно не наделены. Много ли ее нужно для бытовых чар? И не жалко ли, обладая подобным даром, тратить его на пустяки?

Я мельком глянула на своих малочисленных сокурсников и заподозрила, что их мучает тот же вопрос.

— Присаживайся, дорогая, — улыбнулась женщина, и я поспешно заняла свободное место на диване рядом с рыженькой девушкой. — Я — магистр Сантея Стай, ваш куратор. Со всеми вопросами, не важно, касаются ли они учебы или же других моментов, можете обращаться ко мне. Я проведу ваши первые занятия, чтобы разъяснить самые основы. — Она обвела нас внимательным взором и легко улыбнулась: — Наверняка вы задаетесь вопросом, почему вас так мало…

Не знаю, как остальные, но лично я подумала, что здесь собрались неудачники, не сумевшие вовремя убежать или же напрочь лишенные выбора. Вслух, естественно, я ничего не сказала. Судя по лицам «неудачников», мыслили мы в одном направлении.

— Потому что кто-то слишком умный решил, что нашей силы не хватит на что-то большее? — ядовито бросил парень, когда я уже сочла, что все дружно промолчат.

Я с интересом, смешанным с чем-то весьма похожим на уважение, посмотрела на него. Сидел он неестественно прямо, словно проглотив копье, то и дело нервно одергивал кружевные

манжеты, которые его явно раздражали. Бледный, что только подчеркивалось длинными, до плеч, темными волосами, с лихорадочным румянцем на щеках, упрямым взглядом серых глаз и непримиримо сжатыми губами. Подумалось, что парня сюда доставили под прицелом десятка арбалетов, а может, чем и похуже пригрозили — слишком уж сильная неприязнь к этому месту и будущей учебе чувствовалась в нем. Пожалуй, даже я не была столь агрессивно настроена, хотя оснований для этого было предостаточно.

А вопрос он очень правильный задал. Не отказалась бы узнать, за что остальные сюда угодили. Подозреваю, что не все могут похвастаться чересчур заботливыми папочками и вредными женихами…

— А по-вашему, изящным искусствам обучаются только самые слабые маги? — изогнула аккуратные брови Сантея Стай. — Вы всерьез полагаете, что здесь изучают лишь способы уборки, готовки и штопки? Да, все это присутствует в программе, но то лишь вехи на вашем пути, которые вы освоите для того, чтобы полнее контролировать и понимать свою силу. И вообще, мало ли людей желает изучать живопись, архитектуру, музыку? Это тоже изящные искусства. Наполненные магией, они приобретают совсем иное значение…

— А если мы не желаем изучать все эти изящные вещи? — не сдавался парень. — Я знаю уровень своих сил, и то, что меня определили на ваш факультет… это оскорбление!

— Вовсе нет, — серебристым колокольчиком рассмеялась магистр Стай, не обратив внимания на резкий тон. — Это — признание ваших сил. Вы отнюдь не слабы. Наоборот, многим боевикам такая сила и не снилась. Но в вашем случае к ней приложена и редкая особенность — способность созидать. И мы научим вас направлять ваш дар на благо самой жизни, воплощать его в прекраснейшие творения, отдавать миру частичку себя — чтобы получить несоизмеримо больше.

Вот это поворот. С минуту мы ошарашенно молчали, недоуменно переглядываясь.

— Как правило, на каждом курсе — две группы, основная и специальная, если, конечно, для специальной удается набрать хотя бы пару студентов, чего не случалось уже лет пять, — продолжила магистр, насладившись нашим замешательством. — В этом году в основной группе первого курса насчитывается пятнадцать человек. Они будут учиться по стандартной программе. Вы пятеро — в спецгруште. У вас есть общие занятия с другими студентами, а есть и индивидуальные, направленные на более полное раскрытие ваших способностей.

— То есть штопать и готовить мы будем более изящно, чем остальные? — не выдержав, мрачно уточнила рыженькая.

— Дорогая, — снисходительно улыбнулась магистр изящных искусств, — ни о штопке, ни о готовке я сейчас не говорю вообще. Вы знали, что этот замок построили пятеро искусников? Конечно же нет, об этом мало где упоминается. А вы слышали о мосте Верности, что в Анхейме?

— Одно из необъяснимых чудес нашего мира, — ответила рыженькая.

Одно из самых красивых чудес. Видела я его лишь на картинках, но и этого хватило, чтобы впечатлиться раз и навсегда. Лет триста назад в южном городе Анхейм, разделенном на две части одноименной широкой рекой, всего за ночь появился необычный мост. Он словно сплетен из солнечных лучей и держится в воздухе безо всяких опор. Ступени его круты и высоки, перил нет и в помине, и пройти по нему могут лишь искренне любящие друг друга люди, крепко держась за руки. Легенда гласит, что мост создал безумно влюбленный и столь же ревнивый чародей, чтобы испытать свою ветреную невесту. Испытание завершилось трагедией: разомкнув руки на середине пути, оба бесследно сгинули в бурных речных водах. С тех пор мост, как ни странно, пользуется популярностью. То и дело находятся сумасшедшие, готовые рискнуть жизнью, чтобы доказать друг другу — любовь до гроба существует. Собственно, после оного доказательства именно в гробу многие из них и оказываются… Что совершенно не отпугивает жаждущих опасной романтики безумцев.

— Создавший его чародей тоже был искусником? — спросила я.

— Одним из сильнейших, — кивнула магистр Стай. — Искусники вместе с целителями создают музыку, врачующую тело и душу; из-под рук искусников выходят необыкновенные артефакты, многим из которых суждено прославиться в веках, как то случилось с мечом Этаны, поразившим бессмертного Черного дракона; искусники способны на иллюзии, неотличимые от реальности…

Сантея Стай взмахнула рукой, и рядом с ней появилась точная ее копия, только одетая по-мужски. В руках копия держала меч, который в мгновение ока оказался у горла дернувшегося было парня.

— Неотличимые во всех смыслах, — усмехнулась иллюзорная магистр Стай, когда студент осторожно ощупал лезвие и убедился, что порезаться им вполне возможно.

— Каждый из вас способен на что-то прекрасное. Пока еще

нельзя сказать, на что именно, но ради того, чтобы узнать, стоит постараться. Если вы сумеете овладеть своей силой в полной мере, преград для вас попросту не будет, — подытожила реальная магистр Стай. Повинуясь движению ее руки, иллюзия отступила, насмешливо поклонилась — и исчезла.

Я прижала руку к груди в попытке успокоить часто, до боли, бьющееся сердце. В душе зарождались смутные чувства, разобраться в коих я пока что не могла. Впервые за несколько дней, проведенных в академии, появилась надежда на будущее гораздо лучше того, с которым я так и не сумела смириться.

— А форма? За что вы так над нами поиздевались? — мученически выдохнул парень, яростно дернув за многострадальный манжет. Кружева даже не затрещали, хотя сил отчаявшийся студент вложил немало.

— Форма — одна из постоянных тренировок ваших навыков, — пожала плечами магистр. — Она зачарована. Надеюсь, вы уже обратили внимание, что она не мнется и грязь к ней не пристает. А еще ее невозможно порвать, даже если делать это целенаправленно. Она не промокает, кружева всегда остаются свежими и жесткими, пуговички не тускнеют, шнурочки не распускаются… Это базовые чары. Простые и одновременно самые важные. По мере изучения определенных чар оные будут выплетаться из общего полотна, и тогда вы сами должны будете их поддерживать. Так вы очень быстро научитесь постоянному контролю и работе с мелкими плетениями, что пригодится вам в будущем…

Горестный полувздох-полустон вырвался у нас на диво слаженно, словно после долгих репетиций. Перспективы стать крутыми магами-созидателями были неопределимо далеки и туманны, а необходимость зубрить банальные чары — слишком близка и неотвратима.

Наши страдания вызвали у магистра лишь мимолетную улыбку. А потом мы знакомились. Так я узнала, что кареглазую блондинку зовут Армея Литт, а зеленоглазую — Ксанта Рэй. Обе девушки окончили одну школу и с детства мечтали стать целительницами. Смущаясь, они признались, что сами целительные чары им не особо давались, но надежда — вещь упрямая, и девушки решили, что главное — упорство и хорошее образование. Но не сложилось — на целительский их не взяли, предложив место на факультете изящных искусств. Остались девушки лишь потому, что дома их не ждало ничего интересного, но и радостью по поводу поступления никто из них не пылал. До сего момента.

Рыженькая Натея Варэй никогда не видела себя никем, кроме

боевого мага. Сил у девушки хватало, смелости и упрямства — тоже, а вот от вида крови, пусть даже и иллюзорной, на вступительных испытаниях она упала в глубокий обморок. Решив, что это всего лишь случайность, Натее дали второй шанс. С тем же результатом. Представив, какие перспективы ждут ее на поле боя, девушка расстроилась и хотела забрать документы, но ей предложили попробовать найти свое призвание на другом факультете. Натея, не особо раздумывая, согласилась, о чем пожалела на следующий же день, но упрямство сыграло свою роль — менять решения было не в ее правилах. И, судя по рассеянной улыбке, в этот раз не слишком-то надежный принцип Натею не подвел.

Джас Такрей вообще не планировал учиться, считая, что лучшие уроки может преподать лишь сама жизнь. Младший отпрыск знатного рода, этой жизни он успел хлебнуть сполна. Трижды сбегал из дома, в предпоследний раз прожил на улицах около полугода, прежде чем родители сумели его отыскать и вернуть — не без активного сопротивления беглеца — в отчий дом. Сильнейший выплеск эмоций пробудил дремавший до поры дар, и мальчика отправили в магическую школу. Пробыл он там всего пару месяцев, после чего Такрею-старшему пришлось расстаться с круглой суммой, чтобы покрыть расходы на отстройку восточного крыла школы. Джаса отправили к родителям спустя еще пять месяцев, когда школа едва не лишилась западного крыла… С тех пор его с переменным успехом обучали дома. Схватывал он все на лету, а вот скучные теоретические изыскания считал лишними и вредными, предпочитая оттачивать полученные знания практическим путем. Слава богам, никто серьезно не пострадал, а для возмещения иного ущерба отец Джаса был достаточно богат. И, чего уж там, терпелив. Но всему приходит конец, и терпение господина Такрея лопнуло в тот день, когда несовершеннолетний отпрыск опять сбежал. На сей раз — в приграничный гарнизон. Наверное, многострадальный папочка прикинул, сколько останется должен, в случае если дитятко проберется на территорию соседнего и пока что дружественного королевства и успеет совершить там какую-нибудь диверсию, и по-настоящему ужаснулся. На возвращение Джаса были брошены все силы, а потом проблемного ребенка связали очень неприятной магической клятвой (чем именно его к тому принудили, Джас отказался сознаваться наотрез, хотя обо всем остальном поведал не таясь). Суть клятвы состояла в том, что Джас обязан отучиться в академии на любом выбранном руководством оной факультете, не сбегая, ничего не разрушая, слушаясь преподавателей и забыв

— хотя бы на время — о своем вздорном характере.

Последней в очереди на исповедь была я. Пришлось откровенно — ну почти — рассказать о своих злоключениях. Естественно, Даниэля я не упомянула и упоминать не собиралась, и единственным страшным злодеем в моей личной сказке невольно оказался отец. Только было непонятно, как именно определили уровень моих сил, ведь стандартные испытания я не проходила.

— Стена, — улыбнулась магистр Стай. — Будь уровень твоих сил меньше требуемого, на территорию академии ты не попала бы при всем желании.

Ну конечно. Хоть одним вопросом меньше стало…

Остаток занятия магистр рассказывала, как будет проходить обучение, порекомендовала книги, которые понадобятся, советовала, что носить с собой на пары… Время пролетело быстро, и сигнал, знаменующий конец лекций, прозвучал неожиданно.

Аудиторию я покидала с полным сумбуром в мыслях. Я уже успела представить этот день во всех, несомненно, мерзких подробностях, и произошедшее казалось совершенно нереальным, словно я, одурманенная зельем Лэн, все еще не проснулась.

Остановившись у открытого по случаю прекрасной погоды окна, я вдохнула пряный осенний воздух и неуверенно улыбнулась.

Что ж… Все не так плохо, как я того боялась. Можно сказать, что все очень даже хорошо. Возможность создавать что-то уникальное дорогого стоит. Это вам не носки при помощи чар штопать.

Да, это хорошо. Только… Мое ли? Шанс стать настоящим творцом манил, но мечты о вольном ветре, тысячах дорог и опасных схватках с нечистью все еще жили в моей душе.

Я закрыла глаза, глубоко вдохнула и выдохнула, успокаивая бешено стучащее сердце.

Два года. У меня есть целых два года, чтобы разобраться в себе и понять, чего я хочу на самом деле.

ГЛАВА 15

Мосле вводного занятия у нас была общая лекция с основной группой. Магистр Дара Кэр, светловолосая, невысокая и полноватая, в белом кружевном платье напоминающая сдобное пирожное со взбитыми сливками, полтора часа воодушевленно рассказывала скучающим студентам о прелестях факультета, на котором нам, по ее мнению, посчастливилось учиться. Наша «особая» пятерка, похоже, тосковала сильнее остальных. После описанных магистром Стай перспектив обещанный завтра урок изящного магического шитья не вдохновлял. Я осторожно разглядывала студентов из основной группы, в которую затесалось трое парней. Насколько я могла судить, остальные ребята присутствовали здесь по своей воле. Что же, каждому свое. Это я терпеть не могу шить и готовить, а кто-то, возможно, станет отличным портным, к которому будут выстраиваться очереди, или же потрясающим кулинаром, готовящим блюда самому королю.

Поначалу нам предстояло изучить базовые чары, и лишь потом каждый пойдет своим путем, оттачивая способности, к которым лежит душа. То есть на первых порах в моем понимании будет не слишком приятно и весело, зато потом… Я вздохнула, обрывая неясные мечты, и вновь сосредоточилась на высоком голосе магистра Кэр. Ненадолго, правда. Следующие пять минут я просто считала, сколько раз она употребит слово «изящно». Сбилась на третьем десятке и махнула на это сомнительное развлечение рукой.

После изящного — во всех смыслах — введения в специальность была история магии, общая для всего потока. К тому моменту, как мы добрались до нужной аудитории, она была наполнена студентами, как банка огурцами. Шумными такими, пестрыми и не слишком-то воспитанными огурчиками, которых очень развеселила наша форма…

Глубоко вздохнув, я решила пропускать мимо ушей грубые шуточки, скользнула взглядом по рядам и увидела Радишу, возле которой было два свободных места. Она помахала мне, и я двинулась к ней, по пути сцапав за руку медленно, но верно краснеющего Джаса.

Все-таки судьбы злополучной школы магии нашей академии я не желала. Особенно сейчас, когда появились какие-то надежды на будущее.

— Спокойно, — прошипела я, не без труда таща опешившего, но несопротивляющегося парня за собой. Неудобные юбки едва

умещались в узком проходе и мерзко шелестели, вызывая новые смешки и провоцируя зубовный скрежет. — Я не сомневаюсь, что ты играючи забьешь их слова обратно им в глотки, ты тоже это прекрасно понимаешь, и пусть сие знание греет тебе душу.

— Практическое подтверждение согрело бы лучше, — буркнул Джас, тем не менее следуя за мной.

— Давай начнем с теории? — попросила я, едва не запутавшись в платье на ступеньках. — Она безобидная, и за нее не наказывают. Вдруг тебе понравится!

Он хмыкнул нечто неопределенное, но спорить не стал. Добравшись-таки до цели и при этом не убившись и никого не убив (хотя и очень хотелось), я усадила парня между собой и Радишей и перевела дух. Кажется, получилось. Другой вопрос, надолго ли…

— Это Джас, мой сокурсник, — сказала я удивленной явлением мрачного незнакомца соседке. — А это Радиша. Она будущий боевой маг и моя подруга. И ей, кстати, очень даже по нраву наша форма.

— Ага, — ошарашенно кивнула девушка. — Очень.

Джас окинул ее пронизывающим до костей — Лэн бы оценила — взглядом и, не обнаружив ничего подозрительного, немного расслабился. И тоже, как и Карл, как и сокурсники Лэн, не спросил, кем мы друг другу приходимся. Странно. Он же не может не видеть, как мы похожи? Или уже не похожи? Я бросила взгляд на Радишу. Нет, с утра ничего не изменилось, более того, сейчас с заколотой челкой она была почти полной моей копией… Но никого, кроме Лэнис, это отчего-то не смущало.

Даже Даниэля. Я вспомнила, как утром, накануне отработки в музее, он скользнул по Радише равнодушным взглядом… Вряд ли он рассмотрел ее в подвалах, темно было и вообще не до того. Можно сказать, что вчера Дан видел Радишу впервые, тем более рядом со мной. В сравнении, да… И абсолютно никак не отреагировал, будто наша схожесть его ничуть не удивила. А ведь должна была! Не каждый же день у него невесты в глазах двоятся!

История магии, и без того не слишком привлекательная, окончательно перестала волновать. Всю лекцию, которую вел на редкость занудный пожилой магистр с труднопроизносимым и совершенно не запоминающимся именем, я сидела как на иголках. Записывала что-то в толстую тетрадь, не вникая в смысл и желая одного — поскорее добраться до Дана и решить-таки неожиданную загадку.

Долгожданный сигнал, возвещающий окончание лекции и первого учебного дня, прозвучал для меня сладчайшей музыкой. Смерив мрачного Джаса оценивающим взором, я все же признала,

что стать его тенью, дабы ежесекундно взывать к блаженно дрыхнущему благоразумию, все равно не получится, а потому придется положиться на удачу. Махнув рукой на прощанье ему и Радише, я быстро, насколько позволяло проклятое платье, направилась к кабинету Даниэля, надеясь, что найду его там. Вариант навестить жениха вечером в его доме я отмела сразу — ждать не хотелось. Как и ходить по территории в темноте, зная, какие милые зверушки могут в ней таиться.

Еще одна тема для разговора. Что-то их становится все больше и больше…

План академии я изучила вдоль и поперек, но все равно умудрилась свернуть не туда и проплутала по коридорам лишних полчаса, отчего настроение вконец испортилось. К тому же я забыла постучать, на ходу толкнула дверь… И застыла на пороге, глазам своим не веря.

За столом в приемной, смежной с кабинетом Дана, сидела Талис — рыжеволосая девица, которая недавно навернулась на этом самом ковре, запутавшись каблуками в его ворсе. Причем сидела с таким видом, словно имела на это законное право, и перебирала бумаги тонкими пальчиками с длиннющими ногтями ярко-розового, как и губы, цвета. Сегодня на ней было лимонно-желтое платье с почти приличным декольте и почти приличной длины, что стало ясно, когда девица вскочила на ноги, едва меня разглядев.

Надо же, запомнила. Мелочь, а приятно. Хотя в целом в ситуации ничего приятного конечно же не имелось.

— Чего надо? — недружелюбно осведомилась она, пока я подбирала приличные слова.

— Декана, — тем же тоном ответила я, понимая, что для этой девицы приличных слов в принципе не существует.

— А его нет, — злорадно улыбнулась она. — Занят. Своих дел хватает, чтобы еще и с сопливками с чужих факультетов нянчиться!

Вот же… Ведь говорил, что помогать этой бесстыжей не собирается, а на деле мало того что похлопотал, так еще и к себе взял!

— Вот пусть сам об этом и скажет, — заявила я, решительно проходя в приемную.

— Я же сказала, что господина Иридайна нет! — недовольно поджала губы Талис, явно не ожидавшая сопротивления с моей стороны.

— А я никуда не тороплюсь, — изящно — да-да! — опускаясь на стоявший у стеночки стул, широко улыбнулась я. — Не хмурься, не ровен час, морщины появятся…

Лицо рыжей разгладилось как по волшебству. Злобно попыхтев, она уселась обратно за стол и сцапала целую стопку бумаг, чтобы хоть чем-то занять руки. Ага, один из страхов противника обнаружен… А где один, там и второй отыщется. Но как следует развернуться мне не дали. Чуть скрипнула, отворяясь, входная дверь, и на пороге показался Даниэль.

— Ты что здесь делаешь? — в ту же секунду рявкнул он.

Девица резво подскочила, выронила бумаги и улыбнулась. Улыбка, кстати, вышла на редкость жалкой и неубедительной. Чего это она так на своего любимчика реагирует? Я вот и не вздрогнула. Почти.

— Я по делу, — сообщила мрачно, решив, что без разговора — и уже на совсем другую тему! — не уйду.

— А я не вас спрашивал, госпожа студентка, — отмахнулся Дан, сверля взглядом девицу. — Я жду объяснений.

— Магистр Корревайн сказала, что я могу остаться в академии, и предложила эту должность, — вскинула заметно дрожащий подбородок Талис.

— А больше госпожа ректор ничего не сказала? — недобро прищурился Даниэль, закрыв дверь. — Например, что неплохо бы для начала поинтересоваться моим мнением?

Говорил он вроде бы тихо, но с такими интонациями, что даже мне неуютно стало. И представить боюсь, каково сейчас растерянно хлопающей накрашенными ресницами девице… Впрочем, поделом. Сама же нарвалась, причем не в первый раз.

Встав и отступив поближе к стеночке, чтобы ненароком не попасть под горячую руку, я откровенно наслаждалась импровизированным спектаклем. Злость на Дана потихоньку разжимала ледяные пальцы и таяла в жарких лучах устроенного Талис разноса.

— Но я думала… — пробормотала она, сжав кулачки, и жалобно всхлипнула.

— Если бы ты действительно подумала, то поступила бы иначе, — устало вздохнул Дан. — Будь добра, собери свои вещи и покинь мой кабинет. И передай магистру Корревайн, что помощника я найду сам.

Я ожидала, что девица будет спорить, но та безропотно подхватила крошечную сумочку, сгребла туда несколько вещичек вроде расчески и пузатой бутылочки духов и, стараясь не смотреть на Дана, выскользнула за дверь. Меня, впрочем, все-таки успела одарить хлестким, не сулящим ничего доброго взглядом.

Даниэль стоял возле стола, прикрыв глаза, и, кажется, ни на что не обращал внимания. М-да, однозначно, момент для разговоров я выбрала не самый удачный. Как бы тоже не

огрести… за компанию.

Осторожно, придерживая юбки и опасаясь увязнуть каблуками в ковре, я прокралась к двери, нащупала ручку…

— Грейс, тебе что-то нужно? — остановил меня Дан.

О, заметил-таки. Обернувшись, я настороженно посмотрела на него. Замотанный-то какой. Бледный, и тени под глазами залегли. Да уж, в таком состоянии точно не до сомнительных девиц. И мои расспросы, похоже, тоже лишними будут.

— Я ей не помогал, — по-своему понял мой взгляд Дан.

— Убедилась уже, — пожала я плечами.

— Так что ты хотела?

Ну… Сам же спросил. Был бы не в настроении, дал бы уйти. Верно же?

— Поговорить, — рискнула я. — Появились вопросы, и я…

— Прости, очень много работы, — покачал головой Дан. — Давай встретимся вечером?

— Но… — разочарованно протянула я.

— Грейс, я действительно очень занят, — смерив тоскливым взглядом кипу брошенных Талис бумаг, оборвал он. — Обещаю, что отвечу на все твои вопросы. Но не сейчас, хорошо?

Даниэль обогнул стол, сел, придвинул к себе несколько исписанных мелкими буковками листов…

— Ну хотя бы на один! — уперлась я. Все равно ответ много времени не займет, а я чувствовала, что вот-вот разорвусь от любопытства на тысячу маленьких Грейс. Не менее, кстати, любопытных, чем оригинал. И кому тогда хуже будет?

— Чего тебе? — обреченно отозвался Дан, не поднимая глаз от бумаг.

— А тебе ничего странным не показалось? — выпалила я и досадливо поморщилась. Заранее заготовленная фраза вылетела из головы, и вопрос получился бессмысленным.

— С тех пор как ты здесь появилась, каждый день странный, — пробормотал господин декан и все-таки оторвался от работы. — В чем дело, Грейс? Что мне должно было показаться странным?

— Радиша… Что ты о ней думаешь?

— А кто это? — нахмурился он.

Вот такого ответа я точно не ждала!

— Вообще-то твоя студентка, — осторожно напомнила я, не понимая, серьезен он или издевается.

— Полагаешь, что я должен знать всех своих студентов? — устало вздохнул Дан.

— Эту ты забыть вряд ли успел, — поджала губы я. — Она в подвалах была. И в твоем кабинете вчера утром.

— А… — поскучнел Дан. — И что с ней не так?

— Я же спрашиваю, что ты о ней думаешь?

— Я вообще о ней не думаю, — усмехнулся он. — А что, должен?

— Нет! — топнула я от досады, в результате чего едва не подвернула ногу. — То есть да! То есть… Радиша и я…

— Опять что-то натворили? — перебил мои путаные объяснения Дан.

— Да нет же! — обиделась я. Ну почему у него сразу же такие мысли возникают?! — Ты не находишь, что мы… похожи?

— Нахожу, — кивнул Даниэль и, пока я не успела задать следующий вопрос, добавил: — Случай с подвалами прямое тому подтверждение. Вы обе виртуозно умеете влезать туда, куда не следует.

— Я имела в виду внешне, — разочарованно пояснила я.

— Не заметил, — отрезал Дан, вновь утыкаясь в бумаги, и уточнил, не поднимая глаз: — У тебя все?

Я озадаченно потерла переносицу, но больше доставать Дана не рискнула и вышла в коридор.

Интересно. То ли он и в самом деле витает где-то столь далеко, что на нашу грешную реальность внимание перестал обращать, то ли не так уж мы с Радишей и похожи, как мне показалось. А еще самой Радише и Лэн… Нет, что-то здесь не сходится. Понять бы еще, что именно.

ГЛАВА 16

Как-то так получилось, что вечером я осталась одна. Лэн убежала на встречу с сокурсниками, предупредив, что вернется поздно; вслед за ней по своим делам ушла и Радиша. Я изучила расписание на завтра, собрала сумку, полистала конспекты по истории магии и заскучала. И весьма удивилась, осознав свои чувства. Дома у меня не то чтобы не было подруг… Просто с одной мы в пух и прах разругались три года назад, когда выяснилось, что она не только рассказывает мои секреты в школе, но и распускает лживые сплетни, а вторая вот уже год как вышла замуж и уехала далеко на запад, и с тех пор мы лишь переписывались, причем письма от нее стали приходить все реже и реже. И я понимала, что недалек тот день, когда так и не дождусь новой весточки. В общем, к одиночеству я привыкла настолько, что не особо-то оно и тяготило, но последние дни постоянно находилась в довольно-таки шумной компании… И, пожалуй, мне это нравилось.

Захлопнув тетрадь и отправив ее в сумку, я вытащила из-под подушки драконью чешуйку — и чуть не выронила от удивления. В наполнявших комнату сумерках она слабо мерцала, словно в самой ее глубине сияла крохотная изумрудная искорка. Я провела по чешуйке кончиками пальцев. Холодная. И не греется совсем. Почему же она все-таки оказалась у меня? И правильно ли я поступила, ничего не сказав ни магистру Рарту, ни Дану? При мысли о том, чтобы добровольно расстаться с чешуйкой, сердце протестующе заныло. Ну уж нет! Теперь она моя. Не отдам, и точка! Да и что они с ней сделают? Обратно приклеят? Под стекло положат? Продадут? Неприятное чувство усилилось. Нет. Не стоит кому-либо об этом знать.

Подумав, я сочла, что кровать — не самое безопасное место для хранения. Да и в целом комната доверия не внушала. Решение пришло само собой: потянув за шнурок, я вытащила из-за ворота рубашки подаренный мастером Нарраем медальон. Повертела его в руках, в слабых изумрудных бликах любуясь выгравированными рисунками солнышка и луны, и, нащупав незаметный выступ, нажала на него. Чешуйка поместилась меж распахнувшихся створок без труда, словно именно здесь ей было самое место. Закрыв медальон, я еще немного подержала чуть потяжелевший кругляш в ладонях и вновь спрятала под одежду.

Острые коготки, царапающие сердце, исчезли. Я недоуменно нахмурилась, не понимая, что это вообще такое было. С другой стороны, ничего страшного не произошло. Я всего лишь

позаботилась о сохранности чешуйки. Незаконно унесенной из музея… Вздохнув, я решила пока что смириться со своей внезапно обнаружившейся темной стороной — уж слишком больно она кусалась на любую попытку призвать ее к порядку — и отправилась на кухню, чтобы поужинать. Но не успела и шага сделать, как раздался тихий стук. За окном парило нечто белое, настойчиво тыкающееся в стекло. Стекло протестующе звенело. Нечто не сдавалось.

Пришлось открыть створку и впустить в комнату бумажного голубка, который, описав круг под потолком, опустился в мои протянутые ладони, вздрогнул и вспыхнул безобидными искрами, превращаясь в аккуратно сложенный лист бумаги.

Письмо. Неужто от Вераны? Слегка дрожащими пальцами развернув листок и скользнув взглядом по ровным строчкам, я с разочарованием поняла, что это послание вовсе не от далекой подруги. Но когда я вчиталась, разочарование сменилось предвкушением с легким привкусом досады.

Письмо было от Дана. Он приглашал на ужин, обещал выслушать все мои вопросы — и по возможности на оные ответить.

И мне бы от души порадоваться — все же не отмахнулся и в самом деле предложил встретиться, — но столь обтекаемая формулировка заставила лишь негодующе фыркнуть. Ага, по возможности, как же! Не понравится вопрос — не будет и возможности. Ну да ладно. Это гораздо лучше, чем ничего. Заодно узнаю, чем у нас деканы ужинать привыкли.

Спрятав письмо под одеяло, я подбежала к двери… и остановилась, в нерешительности кусая губы. Вспомнилась и наглая Талис в нарядах на грани приличия, и даже куратор Сангея Стай, утонченная и необыкновенно красивая… Сжав дверную ручку, в красках представила себя. Домашние темные брюки. Голубая рубашка, наверняка слегка мятая после чтения на кровати. Коса еще растрепалась… Какой-то очень невыгодный контраст. С другой стороны… Это же Дан. К такой мне он привык. Если я оденусь иначе, что он подумает?

Я тяжело вздохнула и толкнула было дверь, но снова застыла, борясь с собой.

Битва закончилась до обидного быстро — и, увы, не в мою пользу. Я закрыла дверь, хлопком зажгла свет, отыскала в недрах шкафа изумрудное, совсем как драконья чешуйка, платье и быстро переоделась. С опаской оглядела себя. Рукава-фонарики, вырез круглый, неглубокий, юбка в меру пышная, слегка прикрывает колени. Ничего вроде, аккуратно и невызывающе, но при этом весьма мило. Удобные туфельки тоже нашлись.

Собственно говоря, у меня они были одни. А платьев — два. Не очень их люблю, прихватила из дома на всякий случай — и то долго сомневалась, а нужно ли. Выходит, не зря тащила. Наверное… Я расплела косу, попыталась уложить волосы в узел, но передумала и оставила их распущенными. Я нечасто так делала, а потому в зеркало смотрела с любопытством. Интересно получилось. Милая такая девочка-одуванчик с каштановыми волосами до талии и невинным взглядом зеленых, в тон платью, глаз. Словно собралась не ответы на мучащие вопросы получать, а на самое настоящее свидание… Дурочка.

С силой сжав невесть с чего вспотевшие ладони, так, что ногти в кожу впились, и подавив порыв переодеться в более привычное, я погасила свет и выскочила за дверь, словно за мной демоны гнались. И едва не впечаталась в стоявшего за порогом Карла…

— Ой, прости, я случайно! — подхватив меня, скороговоркой сказал он, отступил на шаг и удивленно приподнял брови: — Грейс, это ты? И не узнал поначалу!

— Богатой буду, — отмахнулась я, решив принять его слова за комплимент, чтобы окончательно не лишиться душевного равновесия. — Тебе что-то надо?

— Кого-то, — улыбнулся Карл.

— А никого нет, — разочаровала его я. — Лэн к друзьям убежала, Радиша тоже куда-то ушла.

— Радиша? — нахмурился приунывший после известий о целительнице Карл. — А кто это?

Я изумленно уставилась на него. И он туда же?!

— Невежливо забывать девушку, которая чуть не погибла с тобой в одном подвале, — выдала я.

— Я не нарочно, — пожал плечами Карл.

— Кто бы сомневался, — хмыкнула я. — Ты что же, и правда ее не помнишь?

— Да помню я, — поморщился он и неуверенно добавил: — Вроде. То есть я знаю, что у тебя и Лэн есть подруга, но вот ее внешность почему-то не представляю…

Странности продолжаются, однако. Я попрощалась с Карлом и двинулась в путь, размышляя: а стоит ли говорить о Радише с Даном? Что, если у девушки есть секрет, знать о котором посторонним вовсе не обязательно. На лестнице я все-таки решила для начала поговорить с самой Радишей, а потом действовать по обстоятельствам, каковыми бы они ни оказались.

О том, что осенним вечером может быть прохладно, я вспомнила, лишь сбежав по ступенькам крылечка, когда не слишком-то ласковый ветерок хлестнул по спине, взъерошив

волосы и рассыпав по обнаженным рукам крупные мурашки.

«Вернемся! — панически возопил очнувшийся глас разума. — Не выставляй себя еще большей идиоткой, чем уже умудрилась!»

В кои-то веки я с ним согласилась, но в этот исторический момент, безнадежно его испортив, на мои плечи опустилась тяжелая теплая куртка.

Резко обернувшись, я оступилась — демоновы каблуки! — и едва не упала, но меня поддержали за локоть и укоризненно попеняли:

— Что ж ты, совершенно о себе позаботиться не можешь?

— А зачем? У меня есть ты, вот и заботься. Тебе по статусу положено! — по привычке свредничала я и запоздало огляделась по сторонам — не слышал ли кто моих слов. И не видел ли, как господин декан неловких студенток под ручки ловит…

Время-то еще непозднее, прогуливающихся по саду студентов достаточно, а сумерки не настолько густые, чтобы невозможно было разглядеть, кто там у крыльца беседует.

— Не волнуйся, полог на месте, — усмехнулся Дан, заметив мое беспокойство. — Никто ничего не видел.

Облегчение смешалось с неожиданной и весьма неприятной досадой, с которой, впрочем, я быстро справилась.

— А что ты тут делаешь? — спросила я Дана, заворачиваясь в его куртку, как в плащ.

— Тебя жду, — хмыкнул он. — И надо сказать, ты не особо торопилась…

Ух ты, его это в самом деле задело?

— А если бы я решила проигнорировать твое приглашение? — поинтересовалась я.

— Ты-то? — приподнял Даниэль брови, демонстрируя вежливое удивление. — Да, ну меня бы ты еще проигнорировала… А вот возможность устроить допрос — никогда.

Я шумно выдохнула, возмущенная и одновременно смущенная тем, как меня, оказывается, хорошо успели изучить. Хорошо… и одновременно — плохо. Что ж, господину декану далеко не все полагается знать, и то, что его проницательность на некоторые вещи до сих пор не распространяется, радует.

— Как и возможность поужинать, — проворчала я. — Надеюсь, ты собрался кормить меня не одними ответами? Хотя и от них не откажусь!

Дан тихо рассмеялся и протянул мне руку. Поколебавшись пару мгновений, я все же ухватилась за его локоть, и мы неспешно двинулись в направлении преподавательских домов.

— А тебе не холодно? — спросила я, покосившись на

невозмутимо шагающего рядом Дана, который даже не ежился под порывами ветра, хотя темно-серые брюки и белоснежная рубашка были не самой подходящей одеждой для прогулок зябким осенним вечером.

— Ничуть, — отозвался он.

Я недоверчиво хмыкнула и от всей щедрой души предложила:

— Давай я тебе куртку верну. Это же моя ошибка, зачем тебе за нее стра…

Окончание фразы пришлось проглотить. Честное слово, таких взглядов я даже у василисков не видела, притом что Большую энциклопедию магических существ иллюстрировали самые лучшие художники и сии чудища на картинках казались более чем живыми.

— Еще предложения будут? — подозрительно ласковым тоном, никак не вязавшимся с убийственным взором, спросил Даниэль, и я, подчиняясь очнувшемуся чувству самосохранения, энергично замотала головой. Более того — до самого дома рта так и не раскрыла, боясь выдать очередную глупость и окончательно отбить у Дана всякое желание общаться.

Так, в полном молчании, мы и добрались до цели. У меня немного замерзли ноги в слишком уж легких для подобной погоды туфельках, и, пока Дан открывал дверь, я нетерпеливо переминалась рядом.

Наконец мы попали внутрь. В небольшой, освещенной плавающими под потолком огоньками прихожей я замешкалась, вцепившись в куртку. Нестерпимо захотелось развернуться и сбежать, но Дан уже закрыл дверь и даже ключ пару раз провернул и теперь с недоумением смотрел на меня. Пришлось отдавать его собственность обратно. Будто не с курткой, а с броней посреди поля боя распрощалась… Обхватив себя за плечи, я шагнула в неярко освещенную гостиную, намереваясь пройти на кухню, да так и застыла у порога.

В гостиной жарко горел камин, рядом стояли красиво сервированный круглый столик и два небольших и явно уютных кресла.

Почему-то этот ужин я представляла себе по-другому. Более… обыденно, что ли. Я вновь окинула подозрительным взглядом стол, оценила кружевную скатерть, пару витых зажженных свечей, чье пламя походило на сбежавшие из камина искорки, высокую бутылку темно-зеленого стекла и пару фужеров… и попятилась.

Далеко, впрочем, продвинуться не получилось. Почти сразу я наткнулась на препятствие, которое, тяжело вздохнув, устало поинтересовалось:

— Ну и что на сей раз тебе не по нраву?

С ответом я нашлась не сразу. Просто не смогла быстро собрать разлетевшиеся мысли и выделить самое главное. А Даниэль этим бессовестно воспользовался! Заявив, что голоден, как оборотень в полнолуние, бесцеремонно сцапал меня под локоток и, невзирая на вялое сопротивление, практически дотащил до одного из кресел, дождался, когда я сяду, убедился, что прямо сейчас сбегать не собираюсь, и занял свое место.

Отойдя от первого шока, я решила пока не возмущаться. Немного подумав и поборов невесть откуда взявшуюся стеснительность, сбросила туфли и подогнула под себя озябшие ноги. Так-то лучше. От камина струилось мягкое живительное тепло, прогнавшее рассыпавшиеся после расставания с курткой мурашки, и я почувствовала себя увереннее. И в самом деле, чего это я… Будто с незнакомым человеком на самое настоящее свидание попала. Это всего лишь Даниэль. И всего лишь ужин. И пусть даже в гостиной приглушен свет, на столике горят свечи, Дан выглядит так, словно на аудиенцию к королю собрался, а я умудрилась нарядиться в платье…

— Ты прекрасна, Грейси, — именно в этот момент, будто подслушав мои сумбурные мысли, улыбнулся Дан. — Платье тебе очень идет.

Мысли окончательно спутались и вылетели из головы. Я уставилась на Дана так, словно на его месте оказался тот самый василиск из энциклопедии. Впрочем, вряд ли оный смог бы поразить больше.

— Тебе тоже, — выдавила из себя я, не без любопытства понаблюдала, как взметнулись брови Дана, сообразила о причинах и поспешно добавила: — Не платье, конечно. Ну то есть, может, оно тебе очень даже идет, и вообще… Э-э…

Демоны-ы-ы… Чувствуя, что щеки вспыхнули жарким румянцем, я, спасая более чем неловкую ситуацию, некультурно ткнула пальцем в бутылку и преувеличенно бодро заявила:

— И ты разрешишь мне это нить?

— Почему бы и нет? — подозрительно сдавленным голосом спросил Дан. Он не улыбался, но смешинки, пляшущие в глазах, выдавали его с головой.

Стало грустно и немножко обидно. Жаль, не послушалась столь редко посещающего меня гласа разума и не вернулась в комнату. Сколько глупостей я уже наговорила? И сколько еще наговорю… В последнем сомневаться не приходилось. Так было всегда: чем сильнее я смущалась, тем страннее себя вела. А сейчас меня смущало абсолютно все!

— Потому что в последний раз ты сказал, что

несовершеннолетним пигалицам алкоголь противопоказан, — пробормотала я, наблюдая, как Дан ловко разливает нечто шипучее и ярко-вишневое по бокалам. — Успел изменить мнение?

За тонкую ножку бокала я взялась с опаской. Вино мне довелось попробовать лишь однажды, в день собственного шестнадцатилетия, и тогда оно было светлым, почти прозрачным. Во второй раз, в разгар выпускного бала, я даже пригубить его не успела — Дан отобрал едва ли на четверть наполненный стаканчик, причем не только у меня, но и у моих одноклассниц, с которыми мы попытались таким вот незаконным способом отметить окончание магической школы. Впрочем, я несильно о том жалела, чего не скажешь о девчонках, почему-то обидевшихся не на «милашку» Даниэля, а на меня, из-за которой этот «милашка» оказался в неподходящее время в неподходящем месте.

Но с тех пор минуло почти полгода. Я уже взрослая. Ну, почти. И даже если Дан это признал…

Наши бокалы слегка соприкоснулись, по гостиной поплыл нежный хрустальный звон, и я поднесла вино к губам… Предвкушающий взгляд Даниэля заметила не сразу — лишь после того, как сделала первый глоток.

— Ты… — выдохнула я, глядя на кусающего губы — в попытке сдержать улыбку — Дана.

— Я очень редко меняю мнение, Грейси, — все-таки не выдержав, рассмеялся он, и я поспешно сделала еще один глоток, чтобы не сказать какую-нибудь гадость. Тем более что напиток оказался приятным, кисловато-сладким, с сочным вишневым ароматом, ну а то, что алкоголя там и в помине не было, не слишком-то расстроило.

«Это же Дан», — в который уже раз напомнила я себе. Стоило ли надеяться на что-то другое?

— Вкусно, — вместо колкости сказала я. Судя по озадаченному выражению лица, такой покладистости от меня не ожидали. Ну и чудненько. Полагаю, нам еще есть чем друг друга удивить. — Люблю вишню.

— Знаю, — улыбнулся Дан.

Еще бы ему не знать. В беззаботном детстве, когда наши отношения еще не были омрачены тенью брачного, будь он трижды неладен, договора, мы в четыре руки собирали вишню — и нашу и соседскую, которая отчего-то казалась намного крупнее и слаще, — в большую глубокую миску, после чего, устроившись на крыше конюшни, расправлялись с сочными ягодами, соревнуясь в дальности метания косточек. Ну… тихо-мирно мы

могли высидеть от силы минут пять, после чего обязательно находили повод для ссоры, в результате которой я на несколько дней оказывалась под домашним арестом. Потом все забывалось, меня прощали, к нам вновь приезжали Дан с его отцом… И все начиналось заново.

Да, было весело. И вкус той вишни я до сих пор помню…

— Ты способна съесть даже отъявленную кислятину. Такую, что росла у Эммертенов. И стоило ведь ее рвать.

Оказывается, не я одна. Неожиданно. И приятно.

— Стоило, — кивнула я. — У Эммертенов была большая злющая собака, и я очень хотела посмотреть, кто из вас быстрее бегает.

— Всегда подозревал, что посылала ты меня туда вовсе не за вишней, — хмыкнул Дан, который, как показала практика, бегал гораздо лучше злобного пса.

— Вишня Эммертенов того не стоила, — серьезно подтвердила его чуть ранее сказанные слова и жалобно попросила, осознав, что воспоминаниями сыт не будешь: — Надеюсь, ты не станешь мстить и все-таки накормишь меня, как и обещал?

Дан показал себя с лучшей стороны и, забыв о прошлых обидах, положил мне на тарелку аппетитный кусочек курочки, запеченной с ароматными травами. Еще здесь были разные сорта сыра, который я просто обожала, фрукты, хрустящие ломтики поджаренного до золотистой корочки хлеба, вазочка с тягучим клубничным вареньем, маленькие кремовые пирожные… Все то, что я любила. Но самым приятным сюрпризом стало блюдо, таинственно накрытое крышкой, под которой обнаружились тонкие блинчики, свернутые аккуратными конвертиками и начиненные сладкой вишней без косточек.

— Если ты только скажешь, что сам это приготовил… — задумчиво протянула я, отдав должное вкусностям.

— Я бы с удовольствием, но времени совсем нет, — улыбнулся Дан. — Зато в городе есть замечательная кофейня, где можно выбрать или же заказать что угодно.

— Ну и слава богине, — расслабилась я и в ответ на удивленный взгляд пояснила: — Не можешь же ты быть лучше меня во всем. Это же просто несправедливо!

Ужин определенно удался. По крайней мере, первая его часть. Сытая и довольная, я сидела, откинувшись на спинку кресла, и лениво потягивала шипучий напиток. Уютно потрескивали поленья в камине, танцевали огоньки свечей, и было так хорошо, так спокойно…

— Устала? — вкрадчиво спросил Даниэль, стоило лишь на

миг прикрыть глаза.

— И не мечтай! — тут же взбодрилась я. Отставила бокал, подалась немного вперед и испытующе глянула на господина декана, устроившегося в кресле напротив. — Ты мне еще ответы на вопросы должен…

— И когда же я успел задолжать? — делано изумился он, скрестив руки на груди.

— В момент, когда пообещал ответить, — пожала я плечами. — Ну так что?

— Ты же все равно не отстанешь, да? — с явными нотками обреченности в голосе спросил он, и я с готовностью закивала.

Разумеется, не отстану! Я вообще сюда только ради ответов и шла! Не то чтобы мне не понравился ужин — еще как понравился! — но не пищей же единой жив человек! А любопытство способно сгубить не только кошку.

ГЛАВА 17

Убедившись, что моя жертва покорна судьбе и даже не пытается сбежать, я взялась за подготовку к допросу… то есть разговору. Чувство неловкости давно исчезло, и я вновь стала собой, что несказанно радовало. Выскользнув из кресла, я с наслаждением потянулась, обвела взглядом гостиную, сгребла с дивана подушки и разложила возле камина. Удобно устроилась среди них на полу и приглашающе похлопала по ковру, глядя на задумчиво созерцавшего мою активность Дана:

— Присаживайся, не стесняйся.

Когда-то я слышала — не помню уже, где и от кого, — что правильно созданная атмосфера в доверительной беседе играет не последнюю роль. Вот я и создала эту самую атмосферу. Куда уж правильнее? Все-таки общение через стол, пусть даже и круглый и уставленный всякими вкусностями, — это не то, что душевный разговор без видимых барьеров, невольно разделяющих собеседников.

— Спасибо, мне и здесь неплохо, — насмешливо отозвался Даниэль, и не подумав покинуть кресло.

— Неплохо — это все-таки еще не хорошо, — не сдавалась я. — И потом, мне вот точно плохо. Как я, по-твоему, должна тебя слушать? Шею выворачивать?

— Слушай, не выворачивая, — хмыкнул Дан.

У, упрямый какой! Но в этом я с ним вполне могу потягаться.

— Ну уж нет. Тогда я не буду видеть твои глаза. И ты с легкостью соврешь!

— То есть глаза в глаза я соврать не в состоянии? — уязвленно спросил Даниэль.

Словно я его в воровстве обвинила, а не в неспособности лгать в лицо! Какой ужас. И за этого человека мне замуж идти?

— Вот и проверим, — запихнув недовольство в самый темный уголок души, как можно ласковее улыбнулась я и снова похлопала по ковру. — Давай-давай, чем скорее начнем, тем скорее ты от меня избавишься.

Умею я все-таки подобрать весомые аргументы! Конкретно этот ни разу еще не подводил.

— Убедила, — вздохнул Дан и перебрался ко мне — с таким видом, будто я его как минимум из дома выселила. Повозился с подушками и недовольно прищурился: — И что дальше?

— А дальше ты расскажешь, что это такое было в подвалах, почему об этом до сих пор никто не знает и не повторится ли подобное! — выпалила я.

— Не повторится, — усмехнулся Дан, отобрал подушку, которую я вертела в руках, и, положив на колени, оперся о нее. — Паника в академии не нужна, поверь. Мы сделали все необходимое. Виновный пойман и уже во всем сознался.

— Пойман? — едва не подпрыгнув на месте, подалась вперед я. — И как же вы его поймали?

— Любое заклинание несет отпечаток силы своего создателя. Чем умелее маг, тем сложнее заметить этот отпечаток. Наш вредитель не особо умел.

— И кто же он? — жадно спросила я, поняв, что Дан продолжать не собирается.

Так ведь и придется чуть ли не клещами информацию тянуть! Ни на мгновение расслабиться нельзя…

— Аспирант, не получивший дальнейшего финансирования сомнительных проектов, — поморщился Дан. — Ректор предложила ему продемонстрировать жизнеспособность своих идей прежде, чем академия потратит на их воплощение хотя бы медную монетку. Вот он и… продемонстрировал.

Я невольно поежилась, вспомнив результаты демонстрации. Ну что сказать… Оные были весьма жизнеспособны. Как по мне, так чрезмерно.

— То есть он просто хотел отомстить, — протянула, вглядываясь в лицо Дана. По-прежнему бледный, даже отсветы каминного пламени красок не добавляют. И теперь-то понятно, отчего он выглядит таким усталым. — Но ведь тогда разумнее было бы мстить магистру Корревайн, а не населять скорбянками подвал, в котором мог оказаться кто угодно!

Хотя… О каком разуме можно говорить, если человек притащил в академию, полную ни в чем не повинных людей, опаснейших тварей, способных выйти из-под контроля в любой момент — и сожрать не только окружающих, но и своего создателя?

— Кто бы там ни оказался, отвечать пришлось бы именно ректору, — покачал головой Даниэль. — И если бы этот мститель был более умелый… или хотя бы умнее… Мы бы никого не нашли и ничего не доказали.

— Но это же был его проект, — возразила я. — Вы бы все равно все поняли.

— Проект не только его. И будь он аккуратнее… Честно, на него бы я подумал в самую последнюю очередь.

— Ну хорошо, — после небольшой паузы проговорила я. — С этим вроде как разобрались. Обиженный ректором аспирант, неправедная месть и все такое… Но какого демона тебя-то в подвалы потянуло?!

— Тебе нужна была помощь, — с кристально честными глазами ответил Дан.

— И? — не уловила связи я.

— Заботиться о тебе мне по статусу положено, — все с тем же выражением лица повторил он мои слова.

— Дан! — вспыхнула от негодования я. Издевается! Снова! Да сколько же можно?!

— Грейс? — склонил голову набок этот… этот… у-у-у, демоны бы его побрали!

— Ты же обещал! — замахиваясь подобранной с пола подушкой, крикнула я. — Обещал ответить!

— По мере возможности, — невозмутимо напомнил он, ловко уворачиваясь от импровизированного снаряда. — Об этом я тоже заранее предупредил. Не находишь, что я с тобой предельно честен?

— Нахожу, что ты меня предельно бесишь, — ответила такой же честностью я.

— Что ж, — с философским видом пожал плечами Даниэль. — Хоть что-то в этом мире не меняется.

Можно подумать, не его же собственными стараниями!

— Полагаю, допрос окончен? — с плохо скрытой надеждой поинтересовался Дан.

Наивный какой. Неужели и вправду считает, что этого достаточно, чтобы вывести меня из игры?

— Еще чего, — фыркнула я, подумав, что одной атмосферы для доверительного разговора мало. В первую очередь нужно само доверие…

И все-таки, несмотря ни на что, правильно я решила не разговаривать за столом. Лучше выплеснуть обиду, швырнув подушку, чем воткнув женишку в руку вилку или разбив о его голову бутылку. Для него лучше, ибо подозреваю, что сие успокоило бы меня намного эффективнее.

— Вопросы не закончились. И я верю, что ты все же изыщешь возможность на них ответить!

На что угодно спорить готова, что на сей раз наивной посчитали меня. Ну и пусть. Я хотя бы попробую.

— Ты знал, что на самом деле представляет собой бытовой факультет? — не дав противнику как следует опомниться, пошла в наступление я.

— Естественно, — снисходительно улыбнулся он. — Этого только новички не знают. И очень удивляются, когда в очередной попытке задрать бытовиков разбивают собственный лоб.

— А что я попаду в спецгруппу, ты тоже знал? — напряженно спросила я.

— Предполагал, — кивнул Дан, и на сердце сразу стадо легко-легко.

— Почему же тогда не объяснил, что меня ждет на самом деле? — тем не менее немножко обиделась я.

— Потому что сказать с полной уверенностью, что все получится, не мог, — пожал он плечами. — Сантея сама выбирает себе студентов. Повлиять на ее решение невозможно. Но… я почти не сомневался, что ты ей понравишься.

Сантея, значит… То, что Дан назвал магистра Стай по имени, неприятно царапнуло, и я постаралась как можно скорее отгородиться от этого неправильного ощущения.

— А если бы не понравилась?

— Что толку обсуждать то, чего не произошло и уже не произойдет? — с улыбкой отмахнулся Даниэль и, прежде чем я успела возмутиться, спросил: — Лучше скажи, что ты сама по этому поводу думаешь? Тебе понравилось? Хочешь учиться?

Я умилилась. Надо же, наконец-то соизволили поинтересоваться, чего именно я хочу! Помнится, в самый первый день мое мнение никого не волновало… Но возмущаться вслух не стала. Эдак мы окончательно рассоримся — и я лишусь даже призрачного шанса на откровенность со стороны Дана.

— Не знаю, — неуверенно протянула я. — Перспективы, конечно, заманчивые. И да, пожалуй, я хотела бы уметь создавать что-то свое. Но…

— Попробуй, — искушающе улыбнулся Даниэль. — Что ты теряешь?

Мечту, лелеемую с детства. Не предам ли я ее, если мне и в самом деле понравится учеба? Не предам ли я маму?..

— Грейс, — придвинувшись ближе, осторожно взял мои ладони в свои Дан, — мы взрослеем и меняемся, и наши мечты меняются вместе с нами. Ничего страшного в этом нет. Нет никакого предательства в том, чтобы испытать что-то новое. Хотя бы ради того, чтобы понять, была ли прошлая мечта настоящей.

— Ты что, еще и телепатом успел стать? — огорошенная, уставилась на него я.

Не первый же раз угадывает, что у меня на душе!

— Не нужно быть телепатом, чтобы понять, о чем ты думаешь, — вздохнул Дан. — Все мысли отражаются в твоих глазах.

— Шутки у тебя дурацкие, — пробормотала я, но взгляд — на всякий случай, мало ли! — все же отвела.

Он рассмеялся и, взъерошив мне волосы, немного отодвинулся. Но левую ладошку так и не выпустил…

— Еще вопросы, госпожа Лэрэй? — насмешливо приподнял

брови допрашиваемый.

— Конечно же, господин Иридайн, — непреклонно отозвалась я. И ненадолго задумалась, следя за танцем языков пламени.

Хотелось спросить о Радише, но одновременно что-то противилось этому, нашептывая, что для начала надо бы поговорить с ней самой. И я решила довериться интуиции. Рассказать Дану о соседке я всегда успею, да и потом… У него определенно есть тайны. Почему бы и мне не завести хотя бы одну?

— Что ты знаешь о драконьих чешуйках? — определившись, подняла глаза на Дана я.

Такого вопроса он точно не ожидал.

— А что именно тебя интересует? — осторожно уточнил Даниэль. — И, главное, почему?

— Ну-у-у… — Я поерзала на месте, вновь перевела взгляд на камин и сказала: — Я в музее — благодаря тебе, между прочим, — дракона чистила… Каждую чешуйку пришлось вручную натирать. — Дан подавился смешком, а я, гордо проигнорировав столь вопиющее поведение, продолжила: — Вот в процессе и стало интересно… Магистр Рарт говорил, что они очень ценные. Для зелий там, артефактов всяких… А сами по себе они на что-то способны? Предположим, если от дракона оторвать одну чешуйку и постоянно носить с собой, что будет?

— Очень короткая жизнь, — предельно серьезно сообщил Дан. Я даже рискнула на него посмотреть, обнаружила, что в глазах демоны отплясывают, и заподозрила неладное. И не прогадала же. — Если ты вдруг каким-то чудом оторвешь от дракона чешуйку, то дракон тебя отыщет — не важно, как быстро и далеко ты успеешь от него убраться, — и жестоко отомстит. Они, знаешь ли, весьма трепетно относятся к целостности своей шкуры.

Стало неуютно. Свободная рука метнулась к груди, сквозь ткань платья нащупала медальон…

— Тебе нехорошо? — нахмурился Дан. — Ты побледнела…

Его пальцы скользнули по моему запястью, нащупали пульс… да я и так могла сказать, что он зашкаливает!

— Все хорошо, — бледно улыбнулась я, стараясь успокоить разошедшееся сердце.

Ведь действительно хорошо! Конкретно этот дракон добровольно отдал старую шкуру академии, не мог же он не учитывать, что студенты способны отломать даже то, что отломать в принципе невозможно? И потом, я ничего не делала. Чешуйка сама в ладонь упала. Вот только я в этом так и не созналась… И не сознаюсь! За такую ерунду не преследуют и уж

тем более не убивают. И вообще…

— А как дракон узнает, что не хватает одной-единственной чешуйки? — озадачилась я, представив, как ящер каждый вечер осматривает себя, изворачиваясь под невероятными углами. М-да, ничуть не лучше, чем дракон, начищающий собственную шкуру… — И как найдет того, кто умудрился ее утащить?

— Чешуйка — часть дракона. А свою часть они где угодно отыщут, — улыбнулся Даниэль, удостоверившись, что покидать сей бренный мир прямо сейчас я не собираюсь.

— Что, даже часть уже сброшенной шкуры могут почувствовать? — осторожно уточнила я.

— Если того пожелают, — кивнул Дан и строго воззрился на меня: — Грейс, ты что-то натворила?

— Ничего я не творила! — искренне возмутилась я. Правда же ничего! — Почему ты всегда в чем-нибудь меня подозреваешь?

— Как правило, мои подозрения оправдываются, — тихо ответил он.

Возразить очень хотелось… вот только не получалось.

Ну… Может быть, и так. Но все равно неприятно!

— Я просто спросила, — выдернув свою ладонь из его, звенящим от обиды и немножко от досады голосом заявила я. — А ты сразу же…

— Прости, — не дав развить и углубить мысль, выдохнул Дан. Он вновь поймал мои ладони, словно боялся, что я убегу. — Прости, пожалуйста. Я не должен был так себя вести. И не желал тебя обидеть. Поверь, мне очень жаль.

Развивать и углублять чего бы там ни было резко расхотелось.

В канун прошлых новогодних праздников на главной площади Дарла соорудили ледяную горку. Умопомрачительно высокую, то стремительно спускающуюся вниз, то взмывающую ввысь, круто изгибающуюся и только что кольцами не заворачивающуюся… Мало кто рисковал с нее скатиться — от одного вида страшно за целостность собственных костей становилось. Я вот, невзирая на запрет отца, рискнула… До сих пор помню те ощущения: от первобытного ужаса, рождающего лишь одну мысль — «Больше никогда!», до невероятного восторга и желания, чтобы этот безумный полет никогда не заканчивался.

С Даном было так же.

— У меня есть еще один вопрос, — еле слышно прошептала я. — У тебя ведь нет никакой служанки?

— Нет, — так же тихо признался Даниэль.

Я смотрела в ставшие такими близкими карие глаза, завороженная золотистыми искорками в их глубине, и больше

вообще ни о чем не думала. Душу постепенно наполнял совершенно непонятный восторг, да стучало все громче и громче сердце, в ударах которого отчетливо слышалось одно слово: «Дура».

Но мне было уже все равно. Опять.

И даже представить боюсь, к чему бы все это привело, не раздайся посреди полутемной гостиной оглушительный раскат грома.

ГЛАВА 18

— А чем это вы тут занимаетесь? — невинно поинтересовался до отвращения бодрый голос.

Я с трудом вывернулась из-под тяжеленной Лиры, которая, довольно мурча, вылизывала мои щеки, и недобро посмотрела на вольготно развалившегося в кресле магистра Арто.

Всегда знала, что наглости ему не занимать, но, честное слово, такого даже от него не ожидала!

И не только я.

— Ужинаем, — сквозь зубы процедил Даниэль, даже не попытавшись подняться навстречу дорогому гостю.

— Правда? — удивился темный маг, окинул гостиную быстрым взглядом и вновь уставился на нас. Желтые глазищи, отражая огонь, загадочно мерцали.

Лира, сверкнув точно такими же глазками и коротко мяукнув, боднула меня головой в плечо так, что я, не удержавшись, упала на подушки.

— Алек, тебя сюда кто-то приглашал? — предельно любезно спросил Дан.

— А разве лучшим друзьям нужно приглашение? — хмыкнул тот.

Вот уж кому приглашение точно не требовалось… Как и стучать в двери и ждать, когда ему откроют. Зачем, если можно эффектно объявиться прямо посреди гостиной?

Магистр Арто сцапал со стола блинчик и отправил его в рот. Целиком.

— Вкусно, — блаженно заявил он. — Знал бы, что здесь стали так кормить, пришел бы пораньше.

Дан закатил глаза и сжал подушку, наверняка представляя на ее месте горло «лучшего друга». Лира нервно дернула хвостом и, перекатившись, устроила голову на коленях Дана. Я вздохнула с облегчением: сразу бы так! Нет, я, конечно, люблю кошек в целом и конкретно эту в частности, но в том, что на тебя внезапно бросается нечто пушистое и тяжелое, удовольствия крайне мало. Вообще не поняла, за что удостоилась такой чести, все же с Даном Лира знакома намного дольше, чем со мной.

Признаться, я была даже рада, что магистр Арто появился здесь так не вовремя. То есть — весьма вовремя. От одной мысли, что могло бы выйти в ином случае, становилось нехорошо. А вот с другой стороны… Что он теперь подумает? И кому расскажет? Я покосилась на Дана. Он выглядел недовольным, но отнюдь не растерянным и уж точно не смущенным. Словно его вовсе не

волновало, что кто-то обнаружил нас вдвоем. Интересно почему, если сам же предпочитал держать наши отношения — если то, что нас связывает, можно так назвать — в тайне? Но, как бы там ни было, разбираться в этом сейчас не стоило. А вот уйти — еще как стоило. Но едва я попыталась встать, как Лира вновь метнулась ко мне…

— Я, пожалуй, пойду, — пробормотала я, неловко выпутываясь из ее цепких лапок.

Кошка мурчала и расставаться с законной добычей не спешила; Дан с магистром Арто с нескрываемым интересом наблюдали за нашей возней, но не вмешивались. У, злыдни! Разозлившись, я все-таки ухитрилась выползти из кошачьих объятий, а заодно и Дана в бок ткнуть, намекая, чтобы он наконец вспомнил о приличиях и прекратил позорить и себя и меня… еще больше, чем мы уже опозорились.

— Ну что ты, Грейс, не нужно уходить, — замахал руками темный. — Право слово, даже неудобно, что я вломился так… Я и вовсе сгорю со стыда, если невеста моего друга сбежит от него из-за моей оплошности.

— Прежде Тьма станет Светом, чем ты чего-то устыдишься, — проворчал Дан, тоже поднимаясь, а я едва обратно не села.

Это что же получается… Мне запретил кому-либо рассказывать, а сам тем временем разболтал все магистру Арто! И только ли ему?!

— Так ты… вы знаете?! — едва не задохнувшись от возмущения, гневно воззрилась на желтоглазого я.

— У Дана нет тайн от лучшего друга, — усмехнулся он.

О том, что этот самый лучший друг отчего-то до сих пор оставался тайной для меня, я благоразумно промолчала. Не сейчас. С остальным бы разобраться!

— И… давно знаете? — уточнила я, дабы полнее оценить масштаб катастрофы.

— Да с самой вашей помолвки, — беззаботно пожал плечами магистр и, прикрыв глаза, буквально проглотил пироженку.

— То есть… в лавке мастера Наррая ты… вы прекрасно знали, кто я?! — чувствуя, что выдержка вот-вот откажет, спросила я.

— Ты бы уж определилась, хочешь ли и дальше выкать, — добродушно улыбнулся магистр Арто. — И да… Я прекрасно знал, кто ты такая.

— Так какого демона тогда из себя выводил?! — прошипела я, воспользовавшись любезным предложением и окончательно определившись.

— Это было забавно, — признался темный братец Лэн.

— Кипяток тебе тоже забавным показался?

— Какой еще кипяток? — нахмурился Дан, до сих пор молча наслаждавшийся бесплатным представлением.

— Это не важно, — неожиданно смутившись, быстро ответил Алек.

— Как и проклятие? — невинно улыбнулась я, осознав, что детали нашего знакомства Даниэлю неизвестны.

— Какое еще… Демоны, Алек, ты что, повесил на Грейс проклятие?!

О-о-о, проняло-то как!

— Ты бы тоже повесил, ошпарь она тебя кипятком, — скривившись от не самых приятных воспоминаний, сдался-таки темный.

— А сказал, что все прошло отлично, — упрекнул друга Дан.

— Так ведь все действительно прошло отлично, — пожал тот плечами. — В конечном счете все остались живы.

— Чудом, — буркнул Дан.

— Что прошло отлично? — насторожилась я.

— Не важно, — слаженным хором заверили лучшие друзья.

Я скрипнула зубами, поняв, что меня откровенно дурят и что демона с два в этом сознаются.

Что Алек Арго забыл в лавке мастера Наррая? Следил? Но зачем? К тому же для этого ему вовсе не обязательно было драконить моего начальника! Нет, дело заключалось в чем-то другом… И так как мне отказываются признаваться, в чем именно, подозреваю, что связано оно со мной. Хотя… Может, это уже паранойя. Просто очередной секрет Дана, которым он не собирается делиться. Обидно, конечно, но привычно. Переживу.

И все-таки какое счастье, что Алек испортил этот вечер и не позволил забыть, что с Даном надо быть осторожнее!

— Я пойду, — твердо заявила я, потрепав неслышно подкравшуюся Лиру по бархатистым ушкам. — Надеюсь, ваше свидание, мальчики, пройдет более… плодотворно.

И, прежде чем кто-то успел хоть что-то сказать, выскользнула из гостиной в прихожую. Руки почему-то дрожали, и провернуть ключ получилось не сразу… А за потерянные секунды пришлось заплатить.

— Грейс, подожди, — прижал дверь плечом Дан. — Ну вот ты снова обиделась.

— Ну что ты, — вздернув подбородок, ответила я. — Разве есть веская причина?

— Полагаю, что есть, — вздохнул он. — Послушай… Существуют вещи, о которых я просто не могу рассказать. Не могу — или же не имею права. Не думай, что это доставляет мне

удовольствие.

— Я думаю, что по-прежнему остаюсь для тебя неразумным ребенком, — горько улыбнулась я. — И просто не понимаю, для чего было все это… — Махнув в сторону гостиной рукой, я вцепилась в дверную ручку и попросила: — Отойди, пожалуйста. Мне и в самом деле пора. Уже поздно.

— Ты вовсе не неразумный ребенок, — не слишком убедительно возразил Даниэль. — И я пытался хоть как-то наладить наши отношения.

— Думаешь, это возможно?

— Думаю, это зависит только от нас. У меня не очень-то пока получается, да?

— Старайся лучше, — фыркнула я, постепенно успокаиваясь.

То, что Дан вообще счел нужным что-то объяснить, было внове. Еще один крутой вираж на ледяной горке… Пожалуй, мне тоже стоило постараться. Хотя бы самую малость.

— Тогда позволь все исправить, — почувствовав перемену в моем настроении, тоже расслабился он. — Я быстро выпровожу Алека. Останься. Если хочешь.

Предложение было неожиданным… и очень соблазнительным, несмотря на мои обиды и нежелание Дана быть откровенным. Но…

— И что я буду врать девочкам на этот раз, объясняя, где была и почему пришла так поздно? — спросила я и добавила с сожалением: — К тому же твой Алек все равно уже все слопал. Просто удивительно, куда в него лезет?

Дан усмехнулся и больше уговаривать не пытался. Только протянул мне свою куртку и открыл дверь. Крикнул, что скоро вернется, и вышел следом.

— Я и одна прекрасно доберусь, — не оборачиваясь, сказала я. — Сумасшедшего вы поймали, а значит, на территории безопасно.

— Знаю, — кивнул Дан и, прибавив шаг, поравнялся со мной. Еще и мою руку себе на локоть положил. — Хочу удостовериться, что ты благополучно доберешься до общежития…

— И ничего не натворю по пути? — не удержавшись, вставила я.

— Теперь ты читаешь мои мысли, — тихо рассмеялся Дан, и меня, как ни странно, ничуть это не задело.

Я знала, что он ни о чем таком не думал. Или, по крайней мере, очень хотела в это верить.

У крыльца общежития я отдала Дану куртку и, махнув на прощанье рукой, скрылась за тяжелой дверью.

Здесь, в отличие от улицы, было светло, тепло и оживленно.

Хлопали двери, то и дело раздавались голоса и взрывы смеха, где-то заунывно тянули песню о нелегких учебных буднях. Пока поднималась по лестнице, пару раз едва избежала столкновения со спешащим пародом. Слава богине, я была настороже и вовремя вжалась в стену, иначе бы полетела вниз… снова. Только на сей раз вряд ли бы меня кто подхватил.

Лэн сидела на кровати и что-то читала.

— Милое платье, Грейс, — улыбнулась она, едва я перешагнула порог.

Я смущенно пожала плечами и, опасаясь расспросов, решила сразу перейти в наступление:

— Ты не знаешь, нашли ли создателя скорбянок?

— Ага, — без особого энтузиазма кивнула целительница. — Брат сегодня рассказал. Свихнувшийся аспирант постарался.

— Вот оно что, — протянула я и присела на свою кровать. — А что он еще тебе рассказал?

— Да ничего, — дернула плечом она, как показалось — немного раздраженно. — Он не слишком-то охотно делится информацией. А я уже привыкла и стараюсь не лезть к нему со своим любопытством лишний раз.

Я незаметно поморщилась. Ну вот, и здесь тупик! А ведь Алек наверняка знает, что его лучший друг в подвалах на ночь глядя забыл!

Хотя… Может, Лэн недостаточно заинтересована, чтобы как следует допросить братца? Значит, нужно ее заинтересовать!

— Хотелось бы знать, как магистр Иридайн вообще нас тогда нашел, — поболтав в воздухе ногами, задумчиво, словно ни к кому не обращаясь, пробормотала я.

— А тебя это так волнует? — насмешливо фыркнула Лэн, откладывая книгу. — Почему?

— А тебя разве нет? — удивилась — надеюсь, достаточно искренне — я. — Сама подумай, разве это не подозрительно? Как он узнал, что творится в подвалах? А вдруг… Вдруг на ком-то из нас маячок висит?!

Это вполне объяснило бы нежелание Дана отвечать на простой, в сущности, вопрос. И если это правда… Даже не знаю, что я тогда сделаю!

— Да нет на нас никаких маячков, — легко отмела мои предположения Лэн.

— Как ты можешь быть уверена?

— Я уверена, — твердо сказала она.

— Они могут и под иллюзией скрываться, — не сдавалась я.

— Грейс, ну поверь, нет на тебе ни маячка, ни иллюзии… Ничего, — фыркнула целительница. — Я в этом разбираюсь,

честное слово.

Уточнить, в чем кроется причина такого спокойствия, я не успела из-за громкого, требовательного стука.

Лэн метнулась к двери, распахнула ее, и в комнату ввалился запыхавшийся Карл.

— О, привет! — выдохнул он. — Ты-то мне и нужна!

— Чтобы втоптать в пол? — недовольно поморщилась целительница, едва успевшая избежать столкновения с господином Я Случайно.

— Не, — замотал головой Карл, не впечатлившись ядовитым тоном. — Конспекты вернуть. Вот! — С этими словами он вручил Лэн толстую тетрадь. — Спасибо, пригодилось!

— Даже спрашивать боюсь, для чего тебе могли пригодиться конспекты по точечному массажу, — пробормотала она и внезапно рассмеялась, бесцеремонно разглядывая парня: — Ты со стеной поцеловался? Или с чужой девушкой?

— Ни с кем я… — возмутился было Карл, но под насмешливым взглядом целительницы тут же сдался: — А ты откуда знаешь?!

— Вижу последствия на твоей физиономии, — хмыкнула Лэн, и я непонимающе нахмурилась.

О каких последствиях речь? Физиономия, то есть лицо Карла было обычным, ну, может, только чуть более осунувшимся и бледным, чем всегда.

— Как ты можешь их видеть?! — не поверил он. — Я за этот амулет целых две серебрушки отдал! Ну, попадись мне этот мас-с-стер… — Карл осекся, вздохнул и, бросив на Лэн странный взгляд, с досадой добавил: — А, ну да. Забыл. Вот ведь…

— Ты бы лучше другие конспекты почитал, — хихикнула целительница. — Есть множество травок, укрепляющих память… И да, ты так и не ответил на вопрос!

— Не важно, — окончательно сник Карл, зачем-то прикрывая ладонью левый глаз. — Я того… пойду.

И действительно пошел. Вернее — побежал.

— Может, мазь тебе какую дать? — крикнула вслед ему Лэн, но ответа так и не получила и закрыла дверь, вздохнув: — Бестолочь…

— Что случил ось-то?! — выведенная из себя еще одной тайной, почти взвыла я.

— Да ничего страшного, всего лишь здоровенный фингал, замаскированный иллюзией, — хмыкнула Лэн и, наткнувшись на мой хмурый взгляд, пояснила: — Я вижу сокрытое. Сквозь почти любые иллюзии. Врожденный дар. Хотя, если вспомнить, что порой под ними скрывается… скорее проклятие.

Я даже дыхание затаила. Вот, значит, как. И стоило ломать голову, когда ответ оказался столь прост?!

— Грейс? — обеспокоенно позвала Лэн и потрясла меня за плечо. — Ты чего?

— А ты в курсе, что наше с Радишей сходство видишь только ты? — почему-то шепотом спросила я.

Ответить нахмурившаяся целительница не успела. Едва слышно скрипнула дверь, и в комнату вошла наша таинственная соседка. Под мышкой она держала толстенную книгу и, судя по рассеянному взгляду, мыслями витала отнюдь не в бренной реальности.

Удостоив нас кивком и мимолетной улыбкой, она прошествовала к окну и, устроившись на подоконнике, открыла книгу.

Мы с Лэн переглянулись и вновь уставились на Радишу. Мои нервы оказались слабее…

— На тебе какой-то амулет? — вскочив на ноги, выпалила я. Надоело уже ходить вокруг да около!

— Что? — вздрогнула Радиша. В ее глазах промелькнул панический страх, который, впрочем, уже через миг сменился растерянностью. — О чем ты?

— О том, что никто, кроме Лэн, не замечает нашего сходства. Более того, вообще не обращает на тебя внимания! А Лэн видит сквозь иллюзии. Потому я и спрашиваю: на тебе какой-то амулет?

Радиша побледнела. Книга соскользнула с ее колен и глухо ударилась о пол. Показалось даже, что девушка сейчас просто-напросто выбьет стекло и выпрыгнет из окна…

— Эй, спокойно, — вмешалась Лэн. — Мы тебе зла не желаем и не причиним, если, конечно, ты не замышляешь ничего плохого…

— Да ничего я не замышляю! — вскинулась Радиша, соскочив с подоконника. — Я ничего плохого не сделала! И делать не собираюсь!

— Тогда ответь, для чего тебе это? — Целительница шагнула к ней и, подцепив тонкий шнурок, вытащила на свет белый кусочек хрусталя размером с полпальца.

— Это тайна! — отшатнулась Радиша, и Лэн выпустила амулет из рук. — И не только моя!

— Иные тайны приводят к печальным последствиям, — покачала головой Лэн. — Ты уж прости, но я просто обязана сообщить руководству академии…

— Нет, пожалуйста! — не на шутку испугалась Радиша. — Я и правда ни в чем не виновата!

— Тогда и скрывать что-то от нас нет никакого смысла, —

продолжала давить на нее Лэн. Даже жалко бедную девушку стало, но… Я молчала. Потому что целительница права — иные тайны опасны.

Радиша прикрыла глаза и замотала головой. По щекам скользнули слезы, и я… не выдержала, несмотря на все здравые размышления.

— Лэн, ну нельзя же так! — укоризненно посмотрела я на целительницу, загораживая жертву допроса.

— Раз «так» нельзя, сделаем по-другому, — невозмутимо отозвалась Лэн. — Радиша, не реви. И давай руку.

— Что? — распахнула она блестящие от слез глаза.

— Руку, говорю, давай, — вытянув свою собственную, нетерпеливо пошевелила пальцами целительница. — И ты, Грейс, тоже. Ну же!

Нет, ей бы армией командовать! Такой талант пропадает!

Едва наши ладони соприкоснулись, как Лэн, строго предупредив, чтобы не смели шевелиться, что-то быстро пробормотала, выдохнула и раздельно произнесла:

— Клянемся, что все, сказанное сейчас, останется между нами, если соблюдение тайны не несет вреда никому и ничему.

Повинуясь грозному взору, мы с Радишей повторили клятву. Ладони окутало мерцающее золотистое облачко, кожу слегка защипало…

— Вот и все! — довольно резюмировала Лэн, разрывая контакт. — Теперь можешь говорить, тебе ничего не грозит.

И Радиша, поняв, что деваться некуда, сдалась.

Она действительно родилась и выросла в Норстейге. И ни сама Радиша, ни ее семья ни за что не покинули бы любимый город, не случись два года назад одна весьма неприятная история.

Ее старший брат связался с сектантами. Теми самыми, что прославляют Темных богов, отрицая существование Светлых, и просто-таки жаждут вернуть из бытия своих кумиров. Оказывается, эти сумасшедшие не только в Арстоне расплодились сверх меры. В Рэстане, по словам Радиши, лет пять назад они и вовсе чуть было к власти не пришли. Светлая пара миловала. Было бы вообще замечательно, если бы она этих деятелей отправила прямиком к своим давно сгинувшим темным конкурентам. Но так далеко и глубоко в дела людские боги, видимо, вникать не захотели…

В общем, однажды окончательно спятивший парень потащил на очередную тайную сходку свою несовершеннолетнюю сестру. И если сам он особого внимания не привлекал, оставаясь всего лишь безвольной пешкой, то девочкой отчего-то сразу

заинтересовались. Настолько, что домой безмозглый братец вернулся один.

Радиша плохо помнила те недели, что провела в пристанище сектантов. Ее постоянно чем-то поили, и в ее мыслях, как и в воспоминаниях, царил вязкий туман. Сохранились лишь какие-то бессвязные обрывки: тягучие песнопения, летящие темные одежды, тяжелые сладкие благовония, чей-то голос прямо в ее голове — слов не разобрать, но от одного его звука становилось легко и хорошо и казалось, что за неведомые цели этих незнакомых людей и жизни не жалко.

Еще она помнила холодный мраморный жертвенник, с которого ее в самый последний момент стащил отец. То, как им удалось уйти и почти не пострадать, тоже утонуло в наркотическом тумане.

Официальное обращение к властям ничего не дало. Они то ли не смогли найти тех, кто едва не принес Радишу в жертву исчезнувшим богам, то ли просто не захотели. Так или иначе, но после пары месяцев активных поисков на них махнули рукой, уверили издергавшихся родителей, что виновные наверняка уже бежали чуть ли не на край света, и… успокоились. А семью Радиши с тех пор начали преследовать несчастья. Сначала нелепо погиб брат, успевший осознать содеянное и вроде бы даже искренне раскаяться. Потом под карету едва не попал отец. Пару раз Радишу пытались похитить прямо посреди оживленной улицы, однажды ночью вломились в дом, благо что неподалеку проходил отряд стражи и от нападавших удалось отбиться. Но вот доказать, что все происходящее на совести сектантов, не получилось. Понимая, что защиту дочери никто не обеспечит, глава поредевшего семейства взял дело в свои руки, связался с теми, с кем законопослушным подданным короля связываться ни в коем случае нельзя… и инсценировал несчастный случай, якобы унесший жизни его самого, жены и дочери.

В то время как знакомые приходили в себя после трагедии, семья Радиши была на полпути в Арстон. Большая часть состояния осталась в карманах тех, кто помог им бежать, и денег хватило лишь на дорогу, скромный домик в Дарле… и простенькие, но довольно-таки эффективные амулеты, позволившие не привлекать внимания к устроившимся на новом месте беглецам.

— Как он работает? — повертев в руках кусочек хрусталя, который Радиша позволила потрогать, не снимая, впрочем, с шеи, спросила я.

— Он маскирует ауру, а заодно и глаза отводит. Он не меняет внешность, а делает ее для окружающих настолько неприметной,

что они не могут ее запомнить. В итоге все знают о моем существовании, но оно никого не интересует, — грустно улыбнулась Радиша.

— Нас, допустим, еще как интересует, — сказала Лэн, но беглянку это вряд ли обрадовало.

Хотя… Может, не так-то это и просто — скрываться ото всех и не иметь возможности с кем-нибудь поделиться. Не знаю, смогла бы я…

— А почему на меня не подействовало? — запоздало спохватилась я. Со всеми переживаниями совершенно упустила, что тоже вижу Радишу такой, какая она есть на самом деле.

— Потому что я тебя приглядеться заставила, хмыкнула Лэн. — Амулет-то не особо качественный, на пристальное внимание не рассчитанный. Если знаешь, на что смотреть, — обязательно увидишь.

— Денег на что-то лучшее не хватило, — смущенно буркнула Радиша. — Да и потом… Мы даже и не предполагали, что есть кто-то… как ты.

— Кто-то, как я, — редкость, — протянула Лэн.

— К счастью, — добавила Радиша.

— Думаешь, они тебя и здесь могут найти? — шепотом спросила я.

От ее рассказа по спине до сих пор мурашки бегали и в душе что-то переворачивалось. А еще плакать хотелось.

— Я просто боюсь, — беспомощно обхватила себя за плечи девушка. — Вы же слышали, что сейчас в городе творится? Нападения нежити, ритуалы всякие… Знала бы, из Дарла и носа не высунула бы!

— Здесь тебе ничто не грозит, — уверенно сказала Лэн, и Радиша слабо улыбнулась.

— Знать бы еще, отчего мы так похожи, — вздохнула я.

— Не имею ни малейшего понятия, — развела руками Радиша. — Мы даже родились в разных странах, так что точно не родственники.

— Ну почему же? Может, дальний предок общий был, — выдвинула версию Лэн.

На ней-то мы и решили остановиться. До истины все равно не докопаемся, а так — хоть какое-то объяснение.

Спать ложились взбудораженными, и на этот раз даже Радиша не отказалась от чудо-настойки Лэн. Через полчаса комнату наполнило мерное дыхание девушек, а вот я так и не смогла заснуть, хотя по телу и разливались приятные расслабляющие волны. Сердце стучало быстро-быстро, до противного напоминая ход сошедших с ума часов, и мысли

вертелись с той же скоростью — ни за одну толком ухватиться не получалось. Ужин с Даном, его странное поведение и множество тайн, рассказ о мстительных драконах и моя собственная тайна об уютно разместившейся в медальоне чешуйке; необычные способности Лэн и то, что пришлось пережить Радише… То, что она до сих пор переживает, вынужденная скрываться каждый день, боясь однажды вернуться в кошмар, из которого выбралась лишь чудом. Я ворочалась с боку на бок, думая обо всем сразу, а потом будто в бездонную яму провалилась. Но и по ее темным стенам шустро сновали разноцветные хвостатые мысли, дразнясь и не даваясь в руки. Я ловила их, но пальцы то и дело сжимали странно густой воздух. Дробный топоток маленьких лапок постепенно сливался, усиливался, менялся, пока не превратился в пугающий до дрожи в коленках звук.

Тик-так. Тик-так. Тик… Так…

Яма обернулась длинным, по-прежнему темным коридором, расцвеченным сполохами пробегающих мимо ящерок-мыслей, и я побежала вместе с ними, чувствуя, как заходится сердце, ощущая, что позади движется что-то такое, с чем я не сумею справиться.

Тик-топ. Топ-так.

Зловеще-мерный ход часов и чужой топот, неспешный, но неумолимо приближающийся. Бесконечный бег. Бесконечные черные стены и слившиеся в одну сплошную яркую полосу ящерки. Бесконечный ужас, почти затопивший сознание. И чья-то рука, крепко сжавшая мою ладонь.

— Мы ведь быстрее всех, Грейси! — прошелестел смутно знакомый голос, прогоняя страх. — Нас никто не догонит, верно?

И я снова бегу. Уже не одна. И отчего-то в глубине души зарождалась уверенность в том, что все будет хорошо…

— Все будет хорошо, — эхом откликнулся голос, который я все-таки узнала.

— Дан! — выдохнула я… и проснулась.

По окну стучали крупные капли дождя. Девочки мирно спали. Я сходила на кухню, выпила воды и, вернувшись, нырнула под одеяло. С опаской, ибо от словно наяву пережитого кошмара все еще трясло, но усталость взяла свое — и я уснула. На сей раз без сомнительных сновидений.

ГЛАВА 19

Две пары, общие для всего курса, прошли быстро. Первой была история развития магии искусств, второй — то самое обещанное магическое шитье, которое, несмотря на ожидания, мне даже понравилось. В основном возможностью самостоятельно воссоздать все необходимые материалы… Магистр Кэр давала нам теорию, но под конец разрешила испытать свои силы и показала, как преобразовать энергию в прочные универсальные нити. И вроде бы ничего сложного здесь не было, однако получилось, как ни удивительно, у одного Джаса. Рассмотрев лежавший на ладони потрясенного собственными успехами парня бледно-золотистый клубочек, магистр Кэр от души похвалила способного ученика, пообещала, что у остальных тоже непременно все выйдет, и отпустила нас на перерыв.

Следующей парой стояла физическая подготовка. Я, соскучившаяся по утренним пробежкам, по-настоящему обрадовалась, но вот тут-то и начались сюрпризы, и не сказать что приятные…

Перво-наперво нам пояснили, что в раздевалках у каждого имеется именной шкафчик, а в шкафчиках уже лежит форма для тренировок. Не ожидая подвоха, я распахнула свой… И даже зубами от злости скрипнула. Форма, как и обещали, там обнаружилась. Брюки, рубашка и обувь. Снежно-белые. С кружавчиками! Понятно, что и это было для отработки базовых чар, но… Но выглядело как неприкрытое издевательство! В итоге мы с девушками нарядились так, будто не на банальную пробежку собрались, а как минимум на королевскую охоту. Парням, как выяснилось парой минут позже, тоже не повезло, но если трое ребят из основной группы были просто растеряны, то Джас Такрей — откровенно зол.

Однако самое страшное заключалось в другом. На открытой площадке — благо что погода наладилась — мы оказались не одни. Здесь же томились в ожидании начала занятия целители и — вот же пакость! — боевики. Все первокурсники, разумеется, но оттого ничуть не легче. И девочек среди них почему-то не было, хотя я знала, что помимо Радиши на курсе их еще две или даже три.

Что там Дан говорил? Пока лоб не расшибут, не отстанут? Жаль, не догадалась уточнить, как быстро у студентов бытового открывается дар строить непрошибаемые стены…

Наше появление незамеченным не осталось. И если целители вели себя более-менее прилично, то боевики не сочли нужным

скрыть свое слишком хорошее настроение. Понимая, что занятие рискует превратиться в пошлый мордобой, я пробралась ближе к Джасу, явно уже присмотревшему первую морду для битья, и сцапала его за правый локоть. Стряхнуть меня не получилось, и сокурсник, смерив помеху страдальческим взглядом и получив в ответ немного нервную улыбку, успокоился. Подозреваю, ненадолго…

— Это обычная разминка, чтобы отвлечь вас от скучных лекций, ничего сложного не предвидится, — едва мы построились, объявил магистр Шан Кройт, невысокий лысоватый мужчина в удобной темной — везет же! — форме. — Потому для нее и объединили несколько курсов. От вас, — палец преподавателя указал на белоснежных нас, — никто не требует того же, что и от них, — палец переместился на до сих пор зубоскалящих боевиков. — Но и разгильдяйства и попыток схалтурить я не потерплю. Любой маг должен быть здоров и крепок, и я намерен предпринять все возможное, чтобы хотя бы немного привести вас в форму, — с заметным недовольством в голосе закончил магистр. — Всем все ясно?

Нестройный хор не пылающих энтузиазмом голосов был ему ответом, после чего нам было велено пробежать пару кругов. На пробу, так сказать. Подумалось, что магистр просто хочет посмотреть, не упадет ли кто из бытовиков или целителей после этой самой пары бездыханным телом.

Не упали. Почти. Боевики, кое-кто из целителей, а также я, рыжая Натея и Джас даже не запыхались, а вот большинству пришлось куда хуже. Судя по гримасе, исказившей лицо магистра Кройта, масштабы предстоящей работы он оценил и в восторг от них не пришел. Но и сдаваться не собирался — вон как губы решительно сжимает и глазами сверкает. Кремень, а не мужчина.

Оставшуюся часть пары в основном мучили боевиков, пообещав нам, «болезным», составить особую программу. Я с завистью взирала на бегающих, прыгающих и подтягивающихся ребят, но попросить разрешения присоединиться к ним не осмелилась. Покосившись на Натею и Джаса, увидела огоньки той же зависти и в их глазах. Эх, не были бы боевики столь противными… Но ведь нет, даже сейчас умудряются отпускать в нашу сторону сомнительные шуточки! А магистр Кройт словно и не слышит.

Еще хуже стало после того, как пара закончилась. Преподаватель, буркнув что-то на прощанье, ушел, целители тоже шустро смылись от греха подальше, и к нам тут же подкатились боевики. Нас было двадцать, их — тридцать. Мальчишки под два метра ростом и с внушительным разворотом плеч, жаль только,

головы при этом пустые и дурные. От мысли, что, сложись все иначе, и я могла бы сейчас стоять среди них, стало неприятно, и я выдвинулась вперед, закрывая растерявшихся ребят… ну и за компанию с Джасом, который, подозреваю, готовился перейти от теории к практике.

— Ну и задохлики, — смерив взглядом троих парней с нашего курса и намеренно игнорируя Джаса, протянул так же выдвинувшийся вперед блондинистый заводила. — Неудивительно, что на бытовой попали. Иголку-то хоть в руках удержать в силах? А то вдруг кружавчики порвутся, как зашивать-то будете?

Боевики заржали, словно застоявшиеся кони. Наши девочки возмущенно засопели, мальчики же сникли, притихли и попытались затеряться среди сокурсниц. И я их понимала: против тридцати здоровенных лбов мало кто пойти осмелится. Из искусников так уж точно никто. Исключая, разумеется, Джаса, который, позабыв о болтающейся на его локте мне, вприщур глянул на белобрысого и задушевно пообещал:

— Еще слово, и зашивать придется не наши кружавчики, а тебя. И не гарантирую, что получится.

Я едва не застонала. Ну вот, все старания демонам под хвост! Сейчас точно бить будут. Не нас всех, так Джаса.

Но немедленной расправы не последовало. Кажется, боевики вообще не ожидали, что кто-то из безобидных с виду жертв выступит с таким оригинальным предложением. Белобрысый недоверчиво хмыкнул и окинул готового к драке Джаса оценивающим взглядом. Ну… Если бы я не знала о его бурном прошлом, тоже засомневалась бы, что он действительно способен выполнить угрозу.

— Ну давай, попробуй, — наконец что-то для себя решив, широко ухмыльнулся белобрысый. — Один на один. Посмотрим, как ты ответишь за свои слова.

— Двое на двое, — поспешно вмешалась я.

Джас вздрогнул и посмотрел на меня как на сумасшедшую. Подозреваю, выражение моего лица было весьма недобрым, ибо сокурсничек и слова поперек не сказал.

— Трое на трое, — встала рядом Натея.

Не представляю, какие мотивы были у нее, но от такой компании точно не отказалась бы.

— Без девчонок обойдемся, — поморщился белобрысый. — Шли бы вы отсюда, а?

— А что так? Страшно проиграть? — невинно уточнила я.

— Слушай, мелочь, — уставился на меня боевик, — мы девчонок не бьем. Принципиально.

— Ага, вы только над заведомо слабыми издеваетесь. Принципиально, — передразнила я. — И потом, кто говорит о драке?

— Мы говорим, — неодобрительно буркнул Джас.

— Не-а, — покачала головой я. — Мы говорим о том, что они, — подобно магистру Кройту ткнула пальцем в опешивших боевиков, — ничуть не лучше нас. И о том, как это доказать.

— И как же? — хмыкнул белобрысый.

Остальные молчали, то ли сказать нечего было, то ли не принято у них вожака перебивать. Зато сверлили взглядами так, что даже неуютно на миг стало.

— А так же, — передернув плечами, заявила я. — У вас на полигоне полоса препятствий есть? — Полигон я видела по дороге на площадку, правда издали, но в наличии оной полосы не сомневалась. А получив подтверждение, обрадованно заключила: — Тогда встретимся вечером там. Выясним, так ли вы круты, как пытаетесь показать за чужой счет!

Белобрысый скривился, но возражать не стал. Оглянулся на свою банду, вновь обернулся к нам… и кивнул.

— Хорошо. Хотя много ли чести выиграть у девчонок…

— Наверное, побольше, чем их задирать, — мрачно ответила Натея.

— Ты выиграй для начала, переживать потом будешь, — посоветовала я.

— А что на кону? — выкрикнули из толпы боевиков.

Надо же какие… Отстоять собственную честь слишком мало для них?

— Если мы выиграем, отстанете от нас раз и навсегда, — при молчаливой поддержке искусников озвучила главное я.

— А если выиграем мы, до конца обучения приводите в порядок нашу одежду, — нагло потребовал стоявший ближе всех к белобрысому вожаку шатен.

— А моська не треснет? — в один голос возмутились наши блондинки — Армея и Ксанта.

— Если треснет, и ее зашьем, — кровожадно пообещала Натея.

— До конца первого курса, — внесла поправки во вражеское предложение я.

— А то действительно треснет так, что зашивать никаких ниток не хватит, — любезно дополнил Джас.

— Да будет так, — согласился белобрысый, и они с Джасом скрепили договор крепким рукопожатием. Показалось даже, что у кого-то кости захрустели, и, судя по довольной улыбке Джаса, не у него.

Уточнив время решающей встречи, вражеские армии разошлись. Вернее, боевики, то и дело оглядываясь и громко споря, удалились в сторону главного корпуса, ну а мы остались. И в нашем лагере спокойствия тоже не наблюдалось…

Ровный свет магических фонарей заливал полигон, оставляя в быстро сгущающейся тьме гудящих подобно улью зрителей. Последних, кстати, собралось неожиданно много — будто вся академия вознамерилась посмотреть, как искусники с боевиками соревноваться будут. Более чем уверена, что и ставки делали, причем не в нашу пользу. Поежившись от ощущения множества любопытных взглядов, я постаралась забыть, что здесь есть кто-то еще, кроме нас шестерых. Натея, как и я, тоже волновалась и нервно кусала губы. Джас был не то чтобы спокоен — он предвкушающе улыбался и нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Соперники — белобрысый заводила Брай, нахальный шатен Винс и русоволосый, неприлично тихий для боевика Кайт — одаривали нас скептическими взорами и даже предложили не позориться и заранее сдаться, но были вежливо посланы к демонову дедушке — не мной и не Джасом, а Натеей. Ей же и выпало начать соревнования — вместе с Кайтом.

— Никакой магии, — строго напомнил Джас.

— Никакой магии, — эхом откликнулся Брай.

И первая пара, повинуясь громкому хлопку, сорвалась с места.

Натея оказалась быстрее, зеленый лужок до первого препятствия она пробежала играючи и ров с тонкой жердочкой-мостиком перемахнула, не останавливаясь. Кайт чуть замешкался, чем подарил нашей рыжей еще немного времени, за которое она забралась по веревочной лестнице и ступила на туго натянутый канат. Девушка шла легко, будто по твердой дорожке, и даже за страховочный поручень не держалась. Я следила за ней, затаив дыхание, и до боли сжимала кулаки. Когда Кайт только начал путь по канату, Натея уже преодолела его и, проигнорировав лестницу, спрыгнула на землю.

— Ненормальная! — выдохнул Брай, и я с ним мысленно согласилась. С такой высоты прыгать — недолго все кости переломать!

К тому же безумие оказалось заразным. Видя, что его прилично обогнали, Кайт занервничал и тоже сиганул вниз, в отличие от Натеи не рассчитав прыжок… Что-то вспыхнуло, кто-то вскрикнул, и над полигоном раздался усиленный магией насмешливый голос:

— Участник команды боевиков сошел с дистанции в связи со

сломанной шеей. Очко присуждается команде искусников.

Алек! Я завертела головой, пытаясь понять, где он, но за пределами полигона было слишком темно. А в следующий миг под негодующий ропот и одобрительный свист невидимой толпы мимо нас в огромной сияющей сетке, похожей на хозяйственную авоську, проплыл нахохлившийся Кайт. Живой и невредимый только благодаря тому, что некоторые преподаватели сочли нужным сюда прийти…

Брай отчетливо скрипнул зубами, но смолчал. Когда волнения улеглись, а к нам вернулась немного смущенная быстрой победой Натея, пришел черед испытаний для второй пары. Переглянувшись, мы с Винсом шагнули вперед…

— Без глупос-с-стей! — в унисон прошипели Джас и Брай, а последний еще и увесистый кулак продемонстрировал. Вряд ли мне, но я на всякий случай тоже впечатлилась.

— Угу, — так же слаженно отозвались мы и, дождавшись хлопка, сорвались на бег.

На Винса я не смотрела. Вообще постаралась забыть о сопернике, полностью сосредоточившись на себе. Несмотря на то что последние дни я не тренировалась, бежать оказалось приятно, а тело слушалось охотно. Прыжок Натеи через ров я повторила не задумываясь, так же легко забралась по веревочной лесенке, ступила на канат… и поняла, что канатоходца из меня не выйдет. В исполнении Натеи это смотрелось естественно и непринужденно, я же, подозреваю, сильно походила на нетрезвого медведя, переходящего ручей по стволу тоненькой березки. Стиснув зубы и запретив себе оглядываться и представлять, как выгляжу со стороны, я продолжала двигаться вперед. Главное, что голова не кружилась и ноги не дрожали, а остальное — пустяк, не стоящий внимания. В конце концов, уж здесь-то я не обязана быть *изящной!* Столь же неизящно я даже не спустилась — съехала по лестнице, благо что ладони защищали перчатки, и, слыша за спиной пыхтение Винса, изо всех сил рванула дальше. Взбежала по наклонной доске, в прыжке дотянулась до края стены, лишь чудом успев за него зацепиться, перевалилась на другую сторону и угодила во что-то жидкое и липкое, по чему предстояло проползти, не задевая натянутой низко над землей сетки-паутинки, явно заговоренной и реагирующей на малейшее прикосновение. Как именно — выяснять не хотелось. Выдохнув, я припала к земле и поползла. Позади громко сопели и сдавленно ругались, но тоже упорно ползли и даже, кажется, догоняли. Ну уж нет! Неужели какой-то нахальный тип шустрее меня?! И я ускорилась, по-прежнему следя, чтобы ненароком не коснуться сетки.

Мелькнула мысль, что зря мы столь дружно отказались от формы. Она зачарована и грязь бы не прилипла, а после такого, пожалуй, замучаешься одежду отстирывать… Еще подумалось, что кое-кто в последнее время слишком много ел и мало тренировался — как ни стыдно признаться, но ползти было тяжеловато. Когда липкая жижа сменилась нормальной землей, я вскочила на ноги и, не тратя времени на отряхивание, понеслась навстречу очередному препятствию.

Лабиринт с высокими дымчато-туманными стенами, которых тоже нельзя было касаться, я терпеть не могла. Вот и сейчас почувствовала себя мышью, вынужденной метаться от стенки к стенке в поисках укрытия. Узкий коридорчик петлял самым невероятным образом, словно вырытый сумасшедшим кротом ход. Даже голова закружилась от бестолкового мельтешения, и я пару раз едва не задела мерцающий голубым контур. В этой дурной ловушке все преимущество потеряла! Выскочив наконец-то на волю, жадно глотнула свежий воздух и устремилась к очередному рву, более широкому, чем первый, над которым протянулся один-единственный мостик, узкий и на первый взгляд совершенно ненадежный, покоящийся на таких же тонких подпорках. И если бы кто-нибудь из нас отстал, все сложилось бы иначе, но… Если я в лабиринте замешкалась, то Винс, напротив, не растерялся, и до рва мы добрались одновременно. Почти. Все же я была на полшага впереди и первой ступила на хлипкую жердочку. Скользнула по ней, стараясь не думать о том, что внизу предвкушающе булькает нечто густое и зловонное, и тут мостик подозрительно заскрипел и зашатался. Выругавшись про себя, я сделала еще шаг, не оборачиваясь на придурка, по милости которого мы оба могли оказаться не в самом выигрышном положении.

Жердочка тряслась, как ивовая ветка на ветру. Сцепив зубы, я двигалась вперед. Позади сопел Винс, куда более тяжелый и неуклюжий, чем я. Ну и… досопелся. Нам оставалось не так уж и много, когда раздался громкий хруст, ругательство, зловещий плеск и отчаянный вскрик.

Я помнила, что здесь находится Алек, который не позволит случиться беде. Я прекрасно это помнила! Но зачем-то резко, рискуя свалиться, обернулась и в последний момент схватила Винса за руку, не позволяя ему последовать за обвалившейся в ров частью моста… Дернула парня на себя, оскользнулась и, потеряв равновесие, полетела вниз, не успев как следует вцепиться в протянутую ладонь боевика.

Зажмурилась, готовясь к погружению с головой в дурно пахнущую гадость, но над самой ее поверхностью меня что-то

подхватило и потащило наверх. Приоткрыв глаз, я обнаружила, что подобно морковке вишу в той же «авоське», где не столь давно болтался Кайт, и тихо застонала от досады. Какой позор! Столь глупо проиграть, ну что за наказание! И ведь винить, кроме себя любимой, некого!

— Участница команды искусников сошла с дистанции по причине болезненного утопления, — с заметным сожалением сообщил голос Алека. — Очко присуждается команде боевиков.

— Она меня спасла! — возмущенно крикнул Винс, добравшийся до другой стороны рва. — Так нечестно!

О. Такого от соперника я точно не ожидала! «Авоська» зависла надо рвом — вот же зараза, мог бы и подальше протащить! — и Алек непреклонно заявил:

— Правила есть правила. Благодарность выразите потом.

И я полетела дальше. Правда, у начала полосы взбунтовалась и, что есть сил дернув за одну из веревок «авоськи», прошипела:

— А ну отпусти! Я еще живая, в морг не хочу!

Ничуть не сомневалась, что создатель сетки услышит. Может, так оно и было, но вот реакции никакой не последовало.

«Авоська» миновала освещенный полигон, проплыла над возбужденно галдящими зрителями, и меня аккуратно вытряхнуло на открытой смотровой площадке, расположенной чуть в стороне. Она тоже была погружена во тьму, зато сам полигон отсюда просматривался великолепно.

— Утонула так утонула, — вкрадчиво сообщили на ухо. Дернувшись, я врезалась во что-то мягкое и обиженно охнувшее. — Осторожно, иначе оба свалимся! — выдохнул немного подбитый мною Алек.

— А нечего подкрадываться к утопленницам, они нервные и шуток не понимают, — огрызнулась я. — Какого демона ты меня там не оставил?!

— Пожалуйста, я тоже рад, что тебе не пришлось выкупаться в отборной грязи, неизвестно откуда натасканной в этот ров, — насмешливо поклонился он.

— Спасибо, — чуть смутившись, запоздаю сказала я — как ни крути, но я действительно была благодарна. — Теперь ответишь?

— Отсюда видно лучше, — хмыкнул желтоглазый. — Я решил, что тебе захочется с максимальным комфортом посмотреть решающий раунд.

— Хочется, — буркнула я, обхватывая себя за плечи. — Только здесь ветер и холодно, а одежда мокрая.

Не говоря уж о том, что грязная, но это было самой мелкой из проблем. Впрочем, Алек проблем не видел вовсе. Два небрежных пасса — и одежда высохла, а площадку окутал невидимый

круговой щит, отлично защищающий от ветра. Сразу стало теплее и, как было обещано, комфортнее.

А народу-то и в самом деле набралось немало! Если учесть запрет покидать территорию академии, неудивительно. Пожалуй, тут собрались все, кому выход в город заказан. Какое-никакое, а развлечение. И оно было бы гораздо зрелищнее, не будь здесь Алека. Еще бы. Один сломал бы если не шею, то ногу или руку точно, вторую пришлось бы доставать из зловонного рва, и не факт, что удалось бы до того, как стало слишком поздно. Передернувшись, я покосилась на спасателя. Он с интересом наблюдал за происходящим на полигоне. Винс как раз добрался до наших команд, и они что-то весьма бурно обсуждали, размахивая руками. Жаль, не слышно…

— Это было очень благородно, — не глядя на меня, обронил Алек.

— Это было очень глупо, — не согласилась я. — Я подвела своих. Теперь вся надежда на Джаса.

— Иногда победа не столь важна, Грейс, — все так же не сводя глаз с полигона, проговорил магистр Арго. — Важнее остаться человеком.

Я только вздохнула. В глубине души я совершенно не жалела о содеянном. Ну вот ни капельки. Просто, если Джас не поднажмет, этому человеку, как и остальным девятнадцати, предстоит целый год содержать в порядке форму боевиков. Нерадостные такие перспективы.

— А что ты здесь делаешь? — спросила, чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей.

— Такие соревнования не редкость, — пожал плечами Алек. — И несчастные случаи поначалу бывали. Потому по негласным правилам обязательно присутствие хотя бы одного взрослого мага, способного подстраховать неразумных детишек.

— Вот спасибо, — обиженно проворчала я, хотя не так уж он и не прав. Неразумные мы и есть. Иногда. — А почему именно ты?

— А захотелось. Искусники боевиков на моей памяти еще ни разу не вызывали. И знаешь… Я поставил на вас.

— Опрометчиво, — скривилась я. — Да и ректор за такое по головке не погладит!

— Конечно же не погладит! — кивнул господин старший преподаватель и тут же подмигнул: — В первую очередь потому, что не узнает.

— Значит, госпожа ректор такие представления не посещает? — рассеянно спросила я.

— Они ей неинтересны, — подтвердил магистр Арто.

— А Даниэлю? — не удержалась я.

— Он бы от такого развлечения не отказался, — едва заметно улыбнулся Алек. — Но, к сожалению, у него срочные дела в городе.

Я быстро кивнула и отвернулась. С одной стороны, он не видел моего глупого поражения и путешествия в «авоське», но с другой… он вообще ничего не видел! Считал бы он после такого, что я не создана для боевого? Ведь если бы не эта нелепая случайность, у меня были все шансы обойти Винса! И вообще… Наверное, просто хотелось, чтобы сейчас здесь был не Алек, а Дан. Но чего не было, того не было, и страдать по этому поводу в мои планы не входило.

— Знаешь, — протянул вдруг Алек подозрительно беззаботным тоном, — я бы обязательно отбил тебя у Дана. Будь ты более спокойной, ласковой и покладистой.

— Будь я более спокойной, ласковой и покладистой, Дан бы демона с два подпустил тебя ко мне, — фыркнула я, даже не посмотрев на насмешника. Что бы я там увидела? Очередных отплясывающих джигу демонят в желтых глазах?

Такая я Дану была бы нужна… наверное. А может, и нет. Сложная тема, не стоит начинать думать над ней… снова. Только голова заболит и настроение испортится.

От головной боли меня все же спасли. Придя к согласию, Джас и Брай пожали друг другу руки и, дождавшись сигнала, побежали. Тут уж не до посторонних мыслей стало. Задержав дыхание и выдвинувшись на самый край площадки, я следила за каждым движением Джаса, с досадой отмечая, что Брай ничуть ему не уступает. Парни шли практически вровень, словно специально тренировались, вырабатывая такую невероятную синхронность. Даже в лабиринте не сбились! Но на выходе из лабиринта Джаса качнуло, он потратил несколько драгоценных мгновений на восстановление равновесия, и Брай вырвался вперед. По всему было ясно, что на мостике, восстановившемся за время выяснения отношений между командами, он окажется первым…

Я обреченно зажмурилась, понимая, что это все — мы проиграли. Но, услышав дружный возглас толпы и невнятное восклицание Алека, распахнула глаза. И зажала рот обеими ладонями, чтобы не закричать в голос. Брай еще не добрался до моста, а Джас… Он явно разгонялся, забирая левее перехода.

Мой ненормальный сокурсник собрался прыгать. И прыгнул-таки! У меня сердце в пятки ухнуло, Алек вскинул руки, готовясь ловить Джаса в свою «авоську», толпа зрителей затаилась… И взорвалась бурными аплодисментами, когда Джас приземлился

по другую сторону рва. На самом-самом его краю, едва удержавшись, но все же!

Джас откатился от края, уперся руками в землю, оттолкнулся… и упал на одно колено. Зрители разочарованно загудели, Алек сочувственно вздохнул, а я от подобной несправедливости чуть с площадки не свалилась. Богиня, ну за что?! Что за день-то такой, сплошное невезение! Ладно еще я и моя глупость, но Джас… Он ведь невозможное совершил! И победа по праву принадлежала ему! И тут такое… Нет, это нечестно! Между тем Брай преодолел мостик, но, вместо того чтобы направиться к оставшимся препятствиям — еще одной лестнице и стенке, подбежал к Джасу. Я опять остро пожалела, что не могу слышать, о чем они говорят. А вот то, что увидела, немало удивило. Джас ухватился за протянутую Браем руку и поднялся. После чего парни как ни в чем не бывало направились к началу полосы.

— Эй, вы, двое! — не выдержав, окликнул противников Алек. Я поморщилась — уж слишком громко получилось. Для полигона самое то, а здесь уши почти заложило. — Кому победу-то засчитывать?!

Джас и Брай остановились и показательно пожали друг ДРУГУ руки.

— Полагаю, победила дружба, — хмыкнул Алек, и его слова потонули в эмоциях зрителей.

Они свистели, аплодировали, кричали что-то подбадривающее или, напротив, осуждающее… В общем, мнения разделились, но мне было уже все равно. Потому как для нас — для искусников, которых еще сегодня утром никто не воспринимал всерьез, — все изменилось. Это была победа. Несмотря ни на что — безоговорочная!

— Что-то он хромает сильно, — прищурившись, протянул Алек. — Может, подбросить его до лечебницы?

— Даже не вздумай! — представив, как Джас болтается в «авоське», ужаснулась я и под добродушный смех магистра Арто бросилась по узким ступеням вниз, чувствуя, что за спиной от нежданной радости вот-вот крылья вырастут.

— Джас! — На победителя я кинулась, словно полоумная кошка на деревце. Еще и вцепилась от избытка чувств ничуть не хуже — попробуй оторви. — Ты… Ты совершенно ненормальный!..

— Кто бы говорил, — невнятно отозвался наш прыгун, мужественно терпя невзгоды в лице восторженной меня.

— И потому ты решила его задушить? — рассмеялась Натея.

— Да вы все сумасшедшие, — усмехнулся Брай.

— И поэтому с нами лучше дружить, — отпустив-таки Джаса, прищурилась я.

Похоже, настало время выяснить, как «ничья» повлияет на условия нашего спора. Да и в целом на взаимное сосуществование в стенах академии.

— Почему бы и нет? — открыто улыбнулся Брай и протянул руку: — Никаких обид?

— Никаких обид, — обменявшись взглядами с Джасом и Нат и получив их молчаливое одобрение, пожала ладонь боевика я.

Кажется, сегодня, как это ни странно, и в самом деле победила дружба.

ГЛАВА 20

Разбавленные слабым светом фонарей сумерки пахли недавно закончившимся дождем, желтеющими листьями и чем-то горько-сладким, почти неуловимым, зарождающим в сердце непонятную тоску. Таким воздухом хотелось дышать и дышать, желательно — в тишине и одиночестве, но шествующая впереди развеселая компания портила все удовольствие. Я старательно перешагивала мелкие лужицы и, чувствуя себя старой занудной бабкой, мрачно размышляла, как вообще согласилась на прогулку. Не то чтобы я не хотела, нет… Просто тянуло что-то за душу, нашептывая, что это не самая лучшая идея и стоило бы остаться в комнате. И чем дальше, тем сильнее невидимая кошка впивалась коготками в дремлющую совесть, пробуждая не только ее, но и дурные предчувствия.

А ведь все так хорошо начиналось! Утро я встретила в парке, увязавшись вместе с Радишей на пробежку. Когда мы уходили, Лэн, приоткрыв один глаз, обозвала нас ненормальными и, завернувшись в одеяло с головой, вновь уютно засопела. Что уж и говорить, очень хотелось последовать ее примеру, но, вспомнив вчерашнюю полосу препятствий, сие искушение я стойко поборола. Кстати о вчерашнем. На занятии, послужившем поводом для спора с боевиками, Радиши и остальных девчонок из ее группы не было из-за того, что им досталась бракованная форма и они решали этот вопрос, но на полигоне они все-таки присутствовали, причем болели не за своих. «Они неплохие, — в ответ на мое удивление пожала плечами Радиша, — просто те еще задаваки». В общем и целом итог соревнований девочек устроил.

Нас — тоже. Сегодня уже мало кто ухмылялся, завидев нашу группу. Кто-то даже здоровался, желая хорошего дня. Определенно это стоило того, чтобы поваляться в грязи и весь оставшийся вечер провозиться, приводя в порядок и себя и одежду!

Даниэля я сегодня так и не видела. То ли до сих пор в академию не вернулся, то ли здесь дел накопилось столько, что времени ни на что другое не хватало. Наверное, этому стоило бы радоваться — кто знает, как он отреагирует на мою инициативу, вылившуюся в соревнование с боевиками, — но отчего-то было грустно.

Неприятности подкрались ближе к вечеру. Незаметно и поодиночке.

Мы с Лэн — Радиша убежала в библиотеку — тихо-мирно

сидели у себя, готовились к завтрашним занятиям и болтали о всякой ерунде, когда за дверью раздался подозрительный шум, похожий на столкновение чего-то металлического с чем-то не особо мягким, но и не слишком удароустойчивым, зловещее шипение и невнятные ругательства. И я бы не обратила на это никакого внимания, потому как в коридорах общежития чего только не случается, но дальнейшее развитие событий не оставило меня равнодушной.

— Извини, я случайно! — скороговоркой выпалил знакомый голос и тут же возмущенно вскрикнул, вторя густому звону: — Эй!

— А я — специально! — раздался другой голос, мрачный — и не менее знакомый.

— Джа-а-ас, — простонала я и, подорвавшись с места, под изумленным взглядом целительницы кинулась в коридор.

Зрелище было поистине душераздирающим. На полу валялись осколки тарелок вперемешку с чем-то неопознаваемым, но в недавнем прошлом явно съедобным, а над всем этим великолепием стояли растерянный Карл, потирающий лоб, и хмурый Джас в заляпанной чем-то рубашке и с устрашающего вида подносом в руках. С таким никакого оружия не надо, приложил пару раз противника по голове — и готово. Судя по всему, мой скорый на расправу сокурсничек как раз примерялся повторно тюкнуть случайно — ну конечно же — налетевшего на него Карла по лбу, не замечая, что левую ладонь будущего боевика окутывает бледно-золотистое сияние.

Трупы напротив двери ничуть не прельщали; пришлось отобрать поднос и затолкать парней в комнату, пока на шум не выглянули любопытные соседи. Там же их и познакомила, а потом и помирила — не без помощи Лэн и ее ехидных комментариев. Заодно и новые чары, которые сегодня проходили, опробовали, далеко не с первой попытки, но все же очистив рубашку Джаса. За это время Карл навел порядок в коридоре, а потом посетовал, что от роскошного ужина один поднос и остался. Еще и Джаса, ставшего невольной причиной катастрофы, укоризненным взором окинул. Тот, впрочем, ничуть не впечатлился, посоветовав Карлу в следующий раз внимательнее смотреть вперед, чтобы не размазывать еду по невинным прохожим. Я приготовилась к очередному витку разногласий, но тут в дверь постучали, и в нашей комнатке стало еще теснее.

Брай с Винсом чувствовали себя не очень уверенно, хотя и пытались это скрыть. Меня бы тоже смутили откровенно веселящаяся Лэн и Карл, просто-таки горящий любопытством.

— Я только что сообразил, что так тебя и не поблагодарил.

Спасибо! — с чувством выдохнул Винс, переступив-таки порог комнаты. — И прости, пожалуйста, что не сумел удержать.

— Кака-а-ая прелесть, — очень громко умилилась Лэн и так посмотрела на Винса, что бедный парень покраснел, а Карл, напротив, побледнел и недобро прищурился.

— У нас, кажется, еще пирог оставался, — поспешно сказала я, соображая, можно ли в принципе собрать в столь тесном помещении такую разношерстную компанию без плачевных последствий. — Хотите?

При упоминании пирога ребятки взбодрились, а вот Карл печально вздохнул — он все еще скорбел по погубленному ужину. Но не успели мы с Лэн и шагу в сторону кухни сделать, как в дверь снова постучали… И я запоздало пожалела, что не пошла в библиотеку вместе с Радишей.

— А что вы здесь делаете? — едва зайдя в комнату, в которой и без того было тесно, с любопытством осведомился Алек Арго.

Где-то я уже слышала этот вопрос…

— Пирог съели! — выпалила Лэн, и я едва удержалась от смешка — видимо, особой прожорливостью ее братец отличался всегда, а не только в тот вечер у Дана.

— Контрольную сдам завтра! — чуть ли не одновременно с целительницей выпалил Карл.

— Здрасте, — растерянно пробормотали Брай и Винс, не ожидавшие явления преподавателя и столь бурную на него реакцию.

— Живем, — решила-таки ответить по существу я. — А вы?

— А *мы* к вам! — еще шире улыбнулся желтоглазый. — Правда, я полагал, что народу здесь все-таки поменьше… Но так даже лучше!

— Спасайся кто может, — мрачно пробормотала Лэн.

— Ну, кто хочет и дальше киснуть в тесной комнатушке, да еще и без пирога, который так некстати закончился, может спасаться, — милостиво разрешил Алек. — Остальным же предлагаю прогуляться и отметить победу дружбы по-настоящему.

— Куда прогуляться? — насторожилась Лэн.

— В город, — безмятежно отозвался ее брат. — И остальных героев позовите, а то нечестно получится.

— Алек, ты… — запыхтела целительница, но я перебила, испугавшись семейных разборок:

— Вы же не забыли, что нам нельзя выходить без сопровождения преподавателя?

— А я, по-твоему, кто? — искренне изумился магистр Арто.

«Желтоглазый нахал», — подумала я.

— Ходячая проблема, — озвучила еще один недалекий от истины вариант Лэн.

— Старший преподаватель, с которым хоть на край света, — поняв, что шанс выйти в город вот-вот испарится, вмешался Карл.

— На край и не нужно, — усмехнулся Алек. — Сходим в одно хорошее место. Единственное — никакой выпивки, за этим следить буду строго. В академии сие не поощряется и наказывается, так что не обессудьте. Ну и разбегаться не рекомендую, поверьте, в случае чего вам влетит куда сильнее, чем мне.

— Ну да, конечно, — едва слышно в поднявшемся радостном гомоне фыркнула Лэн. Но на прогулку тем не менее согласилась — и меня уговорила.

Пожалуй, стоило проявить большее упрямство, но… в город хотелось. И праздника — тоже. Мы действительно его заслужили, и с нами будет преподаватель, а значит, никаких правил мы не нарушим.

«Так Дану и скажешь», — вкрадчиво шепнул здравый смысл, но я отмахнулась. Я дала ему слово не ходить за ворота академии в одиночестве. Про то, что нельзя пойти в компании студентов и его лучшего друга, речи не было.

За двадцать минут, выделенных Алеком на сборы, к нам присоединились Натея, Ксанта, Армея и Кайт. Я не поленилась сбегать за Радишей, но та наотрез отказалась, сославшись на подготовку к завтрашним занятиям, на которую троица боевиков, похоже, дружно забила. Пересчитав нас и выдав ценные указания, главным из которых было во всем его слушаться, Алек возглавил нашу маленькую толпу, вывел за ворота по собственному пропуску и направился в неизвестность.

Было еще не поздно, но уже стемнело. По улицам сновали прохожие, некоторые оглядывались на нас с любопытством, кто-то шарахался к краю дорожек, очевидно напуганный чрезмерным оживлением в наших нестройных рядах. Мы с Лэн шли позади. Я гадала, какого демона здесь делаю, подруга беззаботно глазела по сторонам и довольно улыбалась.

— Зачем ему это? — не выдержав, дернула целительницу за рукав куртки я.

— А? — рассеянно переспросила она. — А, ты об Алеке? Скучно ему. Вот и развлекается в меру возможностей.

— Что, и в самом деле заняться нечем? — не поверила я.

— А я и не говорила, что нечем, — хмыкнула Лэн. — Еще как есть, но — скучно. Ну и пусть его. Нам же лучше. Когда бы еще из академии выбрались? К тому же он слишком хорошо знает таких, как твои новые друзья. Им бы все равно стало тесно, не сегодня —

так завтра. И они бы все равно нашли способ улизнуть за ворота. И вряд ли бы эта выходка окончилась благополучно. Можешь у Карла спросить, он уже ученый. А так… И Алеку веселье, и ребятки целее.

Как ни странно, но я успокоилась. Действительно, в комнате еще насижусь. Алек взрослый и знает, что делает. Наверное. Да и насчет ребят Лэн права. Долго бы они не вытерпели. Лучше уж так.

За этими размышлениями не заметила, как дошли. Улочка была длинной, узкой и тихой, фонари здесь горели слабо и неохотно, а в одном из проулков и пряталась наша цель.

Стена старого дома выглядела обшарпанной, вниз убегали крутые каменные ступеньки, на каждой из которых стояло по магическому фонарю, дававшему приглушенный золотистый свет. С большой вывески, висевшей над изукрашенной завитушками дверью, щурил глазищи черный кот с чрезвычайно наглой мордой. Рядом с ним розовыми светящимися буквами тянулась надпись «У доброй Феи». Какое отношение нахальный котяра имел к фее, тем более доброй, я так и не поняла.

Внутри оказалось очень даже мило — светло, чисто, вдоль стен расставлены круглые столики, на каждом по разноцветному фонарику, в центре что-то вроде сцены, тоже круглой, напротив входа — стойка. Зал не пустовал, но места было достаточно, и мы без проблем заняли самый большой стол. А едва расселись, как к нам подошла женщина в ярко-розовом платье, на которую я уставилась во все глаза. И вовсе не из-за наряда, ко всему прочему щедро присыпанного блестками. Была она высока, широка в плечах и тонка в талии, обладала светлыми локонами, спадающими ниже пояса, и кулаками, коим позавидовал бы любой уличный боец. Причем ручки сии оказались на диво ухоженными, а длинные аккуратные ноготки покрыты лаком в цвет платья.

— Алек, привет, радость моя ненаглядная! — почти что басом промурлыкала она, продемонстрировав в улыбке ровные белоснежные зубки, наверняка способные перекусить средней толщины цепь. — Смотрю, новеньких привел?

— Здравствуй, Феи, — широко улыбнулся в ответ магистр Арто, и я поняла, что к феям это заведение никакого отношения не имеет и что мы удостоились чести лицезреть его колоритную хозяйку. — У ребят, можно сказать, праздник. Порадуешь вкусненьким?

— Как же иначе, все будет в лучшем виде, — подмигнула «фея» Феи и, окинув нашу притихшую компанию взором синих глаз, удалилась — походкой легкой и стремительной, несмотря

на внушающие трепет и невольное уважение формы.

— О-о-о, — только и сказал Джас.

В общем-то ошарашенными не казались лишь «ненаглядная радость» Алек, его сестрица и Карл. На остальных знакомство произвело неизгладимое впечатление.

— А-а-а, — передразнил Алек, явно наслаждавшийся произведенным эффектом. — У Феи очень вкусно готовят. Еще здесь часто выступают музыканты, фокусники и прочие артисты. Студенты любят это место.

— А любят ли здесь студентов? — пробормотала Натея.

— Феи — сильный маг, — снисходительно глянул на нее Алек. — Стены, потолок и мебель заговорены на совесть, еще ни разу менять не приходилось. Ну и горячие головы она остужает быстро. Как проверять не рекомендую. Не смертельно, но очень неприятно. — И он поморщился столь выразительно, что стало ясно: утверждение основано на личном опыте. Ну вот ни капельки не удивлена! — Так что, когда отменят запрет на выход в город, можете сами в этом убедиться.

— Когда только это будет, — пробурчала Лэн. — Может, пора уже? Пока сюда шли, никто на нас не покусился.

— Скажи спасибо патрулям, — парировал ее брат.

— Магистр, а правда, что старшекурсников в патрули берут? — спросил Карл.

Судя по заблестевшим глазам, вопрос волновал всех.

— Правда, — кивнул Алек.

— А как же мы?! — забавно надулся второкурсник.

— А вы — особо мелкие недоучки, которыми мы рисковать не имеем права, — хмыкнул вредный преподаватель.

— Но так нечестно! — возмутился Карл. — Мы тоже многое знаем и умеем! И тоже хотим…

— …насмешить до колик какую-нибудь нежить, авось сама в муках сдохнет, — невежливо перебила парня Лэн, и он, обиженно засопев, умолк.

— Грубо, но в сущности верно, — подтвердил правоту целительницы Алек. — Куда рветесь-то? Успеете еще погеройствовать. Или думаете, что это ваш последний шанс?

Если мальчишки так и думали, то вслух ничего не сказали. А там и ужин принесли. Чего здесь только не было! И кусочки запеченного с травами мяса, и маленькие аппетитные бутерброды, и приправленные зеленью салаты, и картофельные котлетки в грибном соусе… Вазочки с воздушным кремом, разноцветные шарики мороженого и прочие радости, а из напитков — два кувшина с кисловато-сладким соком и горячий мятный чай. Самое то для большой голодной компании, от

которой тут же откололся один желтоглазый маг.

— Веселитесь пока что, — насмешливо сказал он перед уходом и, прищурившись, зловеще добавил: — И помните: если вы не видите меня, это еще не значит, что я не вижу вас.

И мы действительно веселились. Если у меня и были сомнения, как ребята поладят между собой, то они очень быстро развеялись. Даже Карл и Джас, коих познакомил поднос, общались без ожидаемой неприязни, что позволило вздохнуть спокойно. Академия точно не выстояла бы, вознамерься эти двое на полном серьезе выяснить, кто из них круче.

Было хорошо и спокойно. Я потягивала сок из высокого бокала, поглядывала на смеющихся ребят, еще совсем недавно незнакомых друг с другом, и ловила себя на странном чувстве, что так оно и должно быть. Весело, шумно, беззаботно. Правильно.

Зал постепенно наполнялся. На круглом помосте, устроившись прямо на полу, перебирал струны гитары молодой длинноволосый мужчина в живописной одежке — такими в книжках обычно рисуют странствующих музыкантов, и казалось, что он только-только сошел с какой-нибудь картинки, чтобы заглянуть к Феи и немного поиграть на радость жаждущим отдыха и развлечений людям.

А еще по залу вольготно ходили коты. Большие, черные и наглые, совсем как на вывеске. Одни с надменным выражением моськи игнорировали презренных двуногих, другие милостиво позволяли себя гладить, третьи сами ластились, терлись пушистыми боками о ноги. Одного такого я потискала вволю, на время выпав из общего веселья, и решила, что при первой же возможности обязательно сюда вернусь.

Но умиротворение длилось недолго. В какой-то момент стало неуютно и зябко, а в душу снова вцепились невидимые острые коготки. Показалось даже, что кто-то пристально смотрит на меня, но, сколько ни оглядывалась, ничего подозрительного я так и не заметила. Зато от напряжения и неприятных мыслей разболелась голова и очень захотелось выйти на свежий воздух, чтобы прийти в себя. Ребята, в отличие от меня не страдающие паранойей, что-то горячо обсуждали, и я тихонько, чтобы не мешать, выбралась из-за стола и выскользнула за дверь. Взбежала по ступенькам, поежилась от холодного ветерка и натянула прихваченную куртку.

После ярко освещенного помещения тьма осенней ночи казалась особенно густой, и одинокий фонарь, стоявший в отдалении, с ней не справлялся. Было тихо, лишь из-за плотно прикрытой двери долетали приглушенные отголоски веселья, и

отчего-то стало грустно и одиноко. Совсем недавно я ощущала себя частью большой компании, а сейчас… Вздохнув, я отвернулась от входа в царство Феи и сделала несколько шагов к выходу из переулка. Остановилась, посмотрела вверх, не обращая внимания на тут же съехавший капюшон. На иссиня-черном небе тускло светили звезды. Маленькие, далекие и тоже одинокие. Да что ж такое! Я тряхнула головой, словно это могло помочь избавиться от непрошеных мыслей.

— О чем задумалась? — в тот же миг вкрадчиво прошептали над самым моим ухом.

Успокоиться удалось на диво быстро. Голос я узнала сразу, да и кто еще был способен на такие выходки?

— О тебе, — развернувшись, прямо посмотрела на довольно прищурившегося Алека я.

— Даже так? — улыбнулся он. — Неожиданно, но приятно.

И подмигнул, да с таким видом, что любая девица, не знающая его, залилась бы краской смущения.

— Между прочим, флиртовать со студентками — нехорошо, — на всякий случай напомнила я, хотя и так ясно было, что магистр Арто от скуки страдает.

— А ты не моя студентка, — усмехнулся он.

— С невестами лучших друзей — еще хуже, — нашла более весомый аргумент я. — И потом, только время зря потратишь.

— Что, нравится Дан? — оживился Алек.

— Не нравишься ты, — мило улыбнулась я, не поддавшись на откровенную провокацию.

— Эх, Грейс, — с наигранной тоской вздохнул он. — Красивая ты, только колючая не в меру. А я все гадал, чего это Дан расцарапанный ходит…

— Расцарапаешь его, как же, — едва слышно пробормотала я. Еще неизвестно, кто из нас колючее и чьи царапины болят дольше. И добавила куда громче: — Если что, убегать я не собиралась. Душно стало, вот и вышла подышать.

— Твое «подышать» мне чуть сердечного приступа не стоило, — проворчал Алек. — Предупредить нельзя было?

— Я тебя не видела, — пожала я плечами. — А вот ты, помнится, говорил, что видишь все.

— Ты шустрая, — неодобрительно покачал головой Алек.

— И вредная, и непослушная, и вообще сплошная головная боль, — огласила я еще несколько пунктов из длинного списка собственных несовершенств, давным-давно составленного отцом и время от времени пополняемого Даном. — А также любопытная и памятливая, хотя многие отчего-то считают это злопамятностью. Чего ты на самом деле забыл у мастера Наррая?

Что у вас с Даном за тайные дела? Они касаются меня?

— Э-э, — неуверенно протянул Алек, сбитый с толку резкой сменой темы и моим напором. Он даже попятился и руки перед собой выставил. Впрочем, в себя пришел быстро и откровенничать не пожелал: — Ты уверена, что эти вопросы стоит задавать мне? У жениха спрашивай.

— А то ты не помнишь, что он ответил, — поморщилась я.

— Сочувствую, — участливо покивал Алек, — вот только помочь ничем не могу. В семейные разборки принципиально не вмешиваюсь!

Я разочарованно вздохнула. И здесь не повезло! Хотя на удачу не особо и рассчитывала, но маленький огонек надежды все же теплился. Теперь он окончательно погас, зато любопытство разгорелось с новой силой. Ну ничего, я еще придумаю, как разговорить Дана.

— Вернемся? — спросил Алек.

— Не хочется, — мотнула я головой, прислушавшись к ощущениям. Несмотря на уют и позитивную атмосферу, возвращаться и в самом деле не было никакого желания. — Можно я здесь побуду?

— Хорошо, — поколебавшись, разрешил он. — Здесь в общем-то всегда тихо… Только далеко не отходи. Все равно пора уже заканчивать посиделки. Сейчас быстро соберу наших и пойдем.

Алек скрылся за дверью. Спустя миг по основной улочке прошагал патруль, кожи щекотно коснулись поисковые чары, ласково скользнули по волосам и устремились дальше, сочтя меня неопасной. И на душе как-то легче стало. Может, и наведут порядок. Улыбнувшись, я вновь посмотрела на небо. Показалось, что звезды стали ярче и будто бы теплее. Заметив прочертившую темно-синее полотно хвостатую искорку, я зажмурилась, загадывая желание, и услышала за спиной легкие шаги. Хотела было обернуться, но тут меня резко дернули назад, и кто-то крепко прижал к себе, обхватив одной рукой поперек туловища, а второй зажав рот. Я даже ни осознать, ни испугаться толком не успела, как что-то ослепительно сверкнуло, земля ушла из-под ног, в ушах тонко и противно зазвенело, перед глазами замельтешила снежная вьюга, а внутри все перевернулось.

Портал! Поспешный, грубый… нестабильный.

Несмотря на захлестнувший страх, способность мыслить я не утратила. Обмякла в руках похитителя, дождалась, когда хватка чуть ослабнет, и изо всех сил рванулась прочь, разрушая настройки чар, не думая, насколько это опасно и к чему в итоге может привести…

Звонко лопнула невидимая струна, кто-то хрипло выругался,

злобно взвыла «вьюга», исчезая в беспроглядной тьме, и меня неласково швырнуло на что-то твердое — чудом в сознании осталась.

В гудящей голове вспышками боли перемежались воспоминания о творящемся в городе безобразии, в том числе о пропадающих людях и жертвоприношениях. «Живой не дамся», — твердо решила я, пытаясь подняться и открыть слезящиеся глаза.

Удалось, причем почти сразу. Только помогло мало — ни фонарей, ни светящихся окон здесь не было и в помине. Лишь густая темнота и чьи-то сдавленные болезненные стоны неподалеку. Вряд ли это случайная жертва, вроде как никому на голову точно не падала, а значит, живой из портала выбралась не только я. Плохая новость. Но есть и хорошая: я-то уже более-менее пришла в себя, а вот мой похититель — нет. Знать бы еще, в каком направлении бежать.

Глаза немного привыкли к темноте, и я увидела скорчившийся силуэт. Огляделась растерянно, соображая, что делать. Пустырь какой-то. С одной стороны тянется и тянется, теряясь во тьме, с другой проступают очертания домов. Туда я и рванула, понадеявшись на удачу. Бежала не особо быстро — все еще было дурно, руки и ноги дрожали, а в сердце нарастала тупая боль. Неожиданно запнулась за что-то, упала на колени, еще и штаны порвала. Кожу засаднило, в голове потемнело… А в следующий миг надо мной просвистел сгусток бледно-зеленого пламени. Вот и все мое везение — похититель очнулся и обнаружил, что несговорчивая добыча пытается улизнуть. Не поднимаясь с земли, кувыркнулась в сторону. По месту, где я только что лежала, растеклась и тут же погасла зеленоватая лужица света. Ах так, да?

На ноги я вскочила, уже полностью готовая к защите. Как папа ни прятал книги по боевой магии, а кое-чего все-таки не учел. Его старые записи я давным-давно стащила из кучи предназначенного для сожжения хлама и изучила вдоль и поперек. И немало интересного почерпнула. На практике только никогда не применяла, потому как понимала — опасно. Ни опыта, ни нормальных тренировок под присмотром взрослого мага, так и дом недолго сжечь… да и себя заодно. Но сейчас выбора не осталось — уж лучше сгореть в пламени собственных чар, пытаясь отбиться, чем угодить на жертвенник или послужить исходным материалом для очередной нежити.

Заклинание было сложным и сильным. Совсем не тот уровень, к которому я привыкла и который не столь давно опробовала на агрессивной копии Лиры. Просто оно первым пришло в голову, и я даже не задумалась о том, чтобы подобрать

другое. Правую руку обожгло, но тут же отпустило, и в ладони, словно ее продолжение, очутился огненный хлыст. Сразу стало светлее, однако порадоваться не получилось — зазевалась, отвлеклась и не сумела увернуться от очередной пакости. Боль вгрызлась в плечо, словно почуявший кровь хищник, и меня словно в черный омут затянуло. Помню только, что взмахнула хлыстом и что даже вроде как попала, помню короткий злой вопль, глухое, полное угрозы рычание — и больше ничего.

Я задыхалась. Упав на землю, царапала ее ногтями в попытках вдохнуть, а внутри росла тьма. Она заполняла тело, проникала в кровь, рвала тонкие светлые нити моей силы, извращая ее, отсекая, заменяя собой. Словно хлынувшая сквозь взорванную плотину вода, эта тьма сносила все на своем пути. Единственным лучиком света в ней оставалось что-то на моей груди. Из последних сил протянула руку, и пальцы сжались на чем-то гладком и прохладном.

Медальон! Обхватила его крепче, вжимая в ладонь, держась за него, как за спасительную соломинку. В голове немного прояснилось, и я осознала, что лежу на боку, подтянув ноги к животу, в стороне пылает все еще не развеявшийся огненный хлыст, а буквально в паре шагов, закрывая меня собой, утробно рычит огромная, жутковатая в алых отблесках черная кошка. Лира — а это, бесспорно, была она — не подпускала ко мне заметно хромавшего мужчину, которого я в мешанине тьмы и света разглядеть не сумела. С трудом села, дотянулась до хлыста, и он, послушный моей воле, превратился в легкое копье. Руку вновь обожгло, и тьма внутри оживилась, всколыхнулась. Сжимая медальон, я встала на колени и метнула копье в того, кто неумело, но настойчиво пытался обездвижить Лиру. Попала или нет, так и не узнала. Сначала пришла боль, от которой тело выгнулось дугой, а потом и освободившаяся тьма накатила волной, затопила сознание и утянула за собой.

Дальнейшее воспринималось яркими, не связанными между собой вспышками.

Смутно знакомый голос, выплетающий заклинание, щедро приправленное бранью; вой заблудившейся в печной трубе вьюги и негромкий хлопок; что-то мокрое, тыкающееся в лицо и жалобно мурчащее; причитания и попытки привести меня в чувство; короткие злые фразы, призывающие закончить реветь и ни в коем случае не применять целительские чары… А я и слова сказать не могла во время этих кратких вспышек, лишь цеплялась слабыми пальцами за медальон, боясь выпустить его. Казалось, что тогда я и вовсе не выберусь, просто не хватит сил. Не выберусь или же…

Что произойдет в ином случае, я не знала, но чувствовала, что это будет еще хуже. Хотя куда уж?

Как холод улицы сменился теплом жилой комнаты, даже не заметила. Очередной проблеск сознания случился, когда я уже лежала на чем-то мягком. А еще рядом был кто-то, к кому захотелось крепко-крепко прижаться и не отпускать. Никогда. Только сейчас я поняла, как сильно замерзла, как там бесконечно темно и одиноко… и как я хочу вернуться. Пальцы бессильно скользнули по медальону и разжались, но испугаться я не успела — мою ледяную ладонь крепко сжала ладонь горячая, словно пламя. И от этого пламени, медленно поползшего вверх по руке, тьма пятилась, ворчала недовольно, выпускала из когтей светлые ниточки силы, которую я вновь ощущала частью себя, пусть и слабо, странно, но все же. Когда чужое, но вместе с тем такое родное пламя добралось до сердца, стало гораздо лучше. Холод отступил окончательно, тьма растаяла, и я смогла вдохнуть полной грудью и открыть тяжелые, но уже послушные моей воле веки… чтобы тут же утонуть в теплых карих глазах, оказавшихся совсем близко от моих.

ГЛАВА 21

В уже знакомой комнате царил приятный полумрак и по-домашнему уютно потрескивало каминное пламя. Совсем не та обстановка для выяснения отношений, но деваться, похоже, было некуда.

— Я все объясню, — едва слышно прошептала я и на всякий случай зажмурилась, хотя ни злости, ни даже упрека в обращенном на меня взгляде не читалось.

— Не волнуйся, мне уже все объяснили, — устало усмехнулся Даниэль, отпуская мою ладонь.

Я недовольно закусила губу, борясь с желанием потянуться следом и снова вцепиться в его руку — согреться-то согрелась, но отчего-то так было спокойнее. И вздрогнула, почувствовав, что в щеку ткнулось что-то холодное и мокрое. Распахнула глаза и, улыбнувшись, зарыла освобожденные пальцы в густую черную шерсть.

— Лира, фу, — укоризненно покачал головой Дан, но кошка не обратила на столь невежливое замечание никакого внимания. Напротив, гордо фыркнула и запрыгнула на кровать, заставив ее хозяина отшатнуться, привалилась ко мне горячим боком и мерно замурлыкала.

Радость моя! Мне кажется или с нашей последней встречи она немного подросла?..

— А где Алек? — спросила я, едва не вторя мурчанию Лиры — так хорошо сейчас было.

— Я его придушил и закопал, — невозмутимо отозвался Дан.

И вот понятно же, что пошутил, но мелькнуло в его глазах что-то, заставившее насторожиться.

— А если серьезно? — уточнила, почесывая разомлевшую кошку за ухом. — Он не виноват, это я…

— А если серьезно, — перебил Дан, — в этом только моя вина. Я разрешил повести вас в город, забыв, что у Алека непростые отношения с ответственностью, а у тебя — талант попадать в неприятные ситуации.

— Я не хотела, — надулась я, хотя только что пыталась доказать, что во всем виновата сама.

— Даже представить боюсь, во что бы все вылилось, захоти ты такого осознанно, — хмыкнул Дан и, не дав в очередной раз возмутиться, уже совсем другим тоном спросил: — Как ты? Что-нибудь болит? Никаких странных ощущений нет?

Я честно прислушалась к себе, даже глаза прикрыла, чтоб наверняка. И отрицательно покачала головой:

— Мне хорошо. Даже очень. Только спать хочется, но все равно — хорошо… Дан, а почему я у тебя? Я же…

Я вспомнила рвущую на кусочки боль и, замолчав, поежилась. Почему Алек отнес меня к Дану, а не в лечебницу, к целителям, которые наверняка сумели бы помочь? Хотя ведь и Дан помог — причем уже во второй раз. Что еще более странно, непонятно и вообще…

— Так было нужно, — туманно ответил Даниэль.

И я бы обязательно разозлилась, но… мне и в самом деле было слишком хорошо. Бодрой я себя не чувствовала, нет, но и больной — тоже. Растекающееся по венам тепло погружало в ленивую негу, и на возмущение сил уже не оставалось. Как и желания. Потом как-нибудь. Добавлю в список вопросов еще один — и не сегодня, так завтра все-таки добьюсь ответа. Не от Даниэля, так от папы. Просто… очень кстати вспомнилось, что за всю свою жизнь я ни разу серьезно не болела и в лечебнице не была, а если и случались незначительные проблемы, то целительскую магию ко мне не применяли — только травки и прочие снадобья, изготовленные без помощи чар. И раньше это совершенно не занимало и подозрений не вызывало, но теперь… Что-то было не так. Настолько не так, что даже сейчас не давало полностью расслабиться и уснуть, обнимая уютно мурчащую, теплую и пушистую Лиру. Да и кроме этого имелось еще столько вопросов! Кому я понадобилась и что стало с моим несостоявшимся похитителем, например… Или как меня нашли, если прервавшийся портал практически невозможно отследить? А еще…

— Спи, — легко провел ладонью по моим волосам Дан, пресекая нескончаемый поток размышлений и попытки сопротивляться невесомой дреме. — Главное, что все закончилось, и закончилось благополучно. Подробности — потом.

«Потом», — искушающе мурлыкнула Лира. «Потом», — мысленно согласилась я, закрывая-таки глаза и позволяя себе отрешиться от непонятных — пока что! — проблем.

Засыпала я в обнимку с Лирой — и проснулась с ней же. Кошка едва слышно мурлыкала, согревая и отгоняя страхи, и ночью, несмотря на пережитое, снилось что-то очень хорошее, оставившее после пробуждения чувство легкости в душе и мечтательную улыбку на губах.

Солнышко светило так ярко, что далее задернутые шторы не оставляли сомнений: день выдался погожий. Я со вкусом потянулась, не торопясь вставать. Опять Дан пожертвовал своей комнатой… Разумнее было бы выделить гостевую и не страдать

понапрасну, он же вторую ночь по моей вине нормально отдохнуть не может. Но… мне здесь нравилось. Как и его забота. На столике возле кровати обнаружился стакан с водой и записка. Воду я выпила, записку прочитала и с чистой совестью вернулась в постель. Мне, оказывается, день отдыха положен, так что неприятностей из-за пропущенных занятий не будет, из-за любопытных соседок — тоже. Дан заверил, что в лечебницу девчонок все равно не пустят, потому проверить, была ли я там, они не смогут. А значит, и допроса с пристрастием не учинят. Успокоив себя подобными размышлениями, я прикрыла глаза и, прижавшись к Лире, вновь уснула. Так быстро и легко, словно до того и не спала вовсе. Только и успела подумать, а вода ли была в стакане…

Следующее пробуждение тоже вышло приятным. Несмотря на то что Лиры на месте не оказалось. Спать больше не хотелось, валяться без дела — тоже, и я все-таки встала. На сей раз меня, слава богине, не переодевали, только обработали одежду бытовыми чарами, так что была она чистой, но очень мятой. Зато на спинке стула висело синее платье, простое и милое. Рядом стояли домашние туфельки. Все это было новое и не мое… но моего размера. Посомневавшись, я все-таки решила переодеться и, приведя себя в порядок, вышла из комнаты.

День уже клонился к вечеру, и я не знала, нужно ли дождаться Дана или же лучше уйти сейчас. Но ломать голову над этой проблемой не пришлось. Еще у лестницы почуяла соблазнительные ароматы, заставившие вспомнить, что не ела я со вчерашнего вечера. Спустившись, словно зачарованная пошла на кухню, откуда и доносились умопомрачительные запахи, и застыла у порога, умиленно наблюдая за разогревающим что-то, несомненно, вкусное Даном.

— А со мной поделишься? — спросила я и в следующую секунду оказалась в объятиях господина декана, причем таких крепких, что едва дышать могла.

Определиться с отношением к происходящему не успела — меня отпустили так же быстро, как и поймали, и невозмутимо, будто ничего и не было, сказали:

— Для тебя и готовлю. Проголодалась?

— А-а-а… Ага, — ошарашенно пробормотала я и прошла-таки к уже сервированному столу, стараясь выкинуть из головы случившееся.

Очередной лихой вираж ледяной горки имени Даниэля Иридайна… Пора бы уже привыкнуть.

Помощь предлагать не стала: я здесь гостья и вообще больна, а он и так неплохо справляется.

Если честно, я ожидала подвоха. Особенно после столь, хм, горячей встречи. Но Дан и не думал ругаться, припоминать мое слишком беспечное поведение, обещание быть осторожней… Вместо этого, раскладывая по тарелкам овощное рагу с грибами, приправленное ароматными травами, он сказал:

— Слышал о вашем соревновании. Вы молодцы. Ты — особенно.

Я даже дара речи на миг лишилась! Чего-чего, а похвала — это последнее, что я рассчитывала услышать от Дана. Хотя сегодня он еще более странен, чем обычно.

— А… спасибо, — отозвалась неуверенно и вцепилась в ложку, чтобы хоть чем-то занять руки. — Только я проиграла. И вообще…

— Полагаю, от этого проигрыша выиграли все, — хмыкнул Дан и придвинул тарелку. — Ешь. А я пока расскажу, что вчера случилось и чем все закончилось. Если тебе, конечно, интересно…

Я энергично закивала. Сюрпризы продолжались — неужто хотя бы сегодня он поделится информацией добровольно?

И поделился ведь! Пока я отдавала должное овощам, Даниэль дополнил картинку вчерашнего новыми кусочками, сделавшими ее полнее… но вот понятнее ли?

Оказывается, мое исчезновение заметили сразу — Алек и в самом деле очень быстро собрал ребят и вышел на улицу первым, не обнаружил меня, зато увидел еще не растаявший след сбившегося портала и заподозрил неладное. На пару с Феи ему удалось подцепить след и определить, где именно выкинуло меня и моего похитителя. Причем туда ринулась вся наша бравая компания… Правда, им досталась роль зрителей, потому как с похитителем разобралась Феи, основательно приложив его своими чарами. Даже слишком основательно — бедолага этого не пережил. Его до сих пор так и не опознали, зато при осмотре обнаружили татуировку, означающую принадлежность к культу Темных богов, а еще амулет, делающий своего хозяина невидимым для специальных поисковых чар. Уверена, что стражам это очень не понравилось… Такие ведь не только люди носить могут. Нацепи его на ошейник — и невидимая для патрулей тварь может резвиться в городе хоть всю ночь напролет.

По основной, и на данный момент единственной, версии сектантам опять понадобилась жертва, и так уж совпало, что не повезло именно мне. Или, напротив, не повезло сектантам? Меня же сразу нашли и спасли. А будь на моем месте другой человек, все могло закончиться куда печальнее. А так еще и ниточка появилась. Амулет очень уж редкий и в изготовлении непростой,

и шанс найти любителей нежити и жертвоприношений есть. Только вот очень и очень призрачный.

В общем, совершенно неутешительные сведения. Да и непонятного много осталось. Например, как там оказалась Лира? Точно помню, что с Алеком кошки не было. Но едва я попала в опасную ситуацию, она появилась, причем гораздо раньше своего хозяина. И Дан ничего определенного ответить не смог, только пожал плечами и пробормотал, что кошки — существа загадочные и непостижимые. Ну точь-в-точь как некоторые деканы, да.

— А почему я опять у тебя, а не в лечебнице? — подозрительно прищурилась я.

— Ты предпочла бы жесткую койку и неласковых целителей мягкой постели и Лире? — очень натурально удивился он.

— Дан! — вспыхнула я, почти выведенная из себя постоянными отговорками. Что-то все-таки никогда не меняется!

— В этом не было необходимости, — и бровью не повел женишок.

Не было… Не было?! Да меня от боли наизнанку выворачивало, до сих пор не верится, что жива осталась!

Кажется, я зарычала, но, вместо того чтобы устыдиться, раскаяться и исправиться, то бишь чистосердечно во всем признаться, Даниэль невозмутимо обронил:

— Ты в курсе, что через две недели возвращается Стефан?

Резко стало не до расспросов, тайн, кое-чьей вредности и прочих вещей, всего лишь миг назад казавшихся важными. Даже руки от захлестнувшего волнения задрожали!

— Откуда ты знаешь? — придушенно охнула я.

— Есть такая штука… почта называется, — усмехнулся Дан, с интересом следя за моей реакцией.

Вот не мог сразу сказать? Вместо этого придержал козырь для самого неподходящего момента!

— Обо мне спрашивал? — немного отойдя от шока, решила выудить как можно больше информации я.

— Конечно же, — безмятежно улыбнулся Дан, и у меня душа в пятки ухнула. Даже этот мучитель заметил! — И не бледней, пожалуйста. Он уверен, что ты послушно сидишь дома. По крайней мере, на письма ты отвечаешь исправно.

Укоризненный взгляд я проигнорировала. Отчаянные времена требуют отчаянных действий. Заподозри отец, что меня нет дома, я бы и до академии добраться не успела. Так что, сбегая, я продумала и этот момент. Папа регулярно посылал магических вестников, и приходилось писать в ответ хотя бы пару слов. За небольшое вознаграждение и кое-какую помощь в личных делах сию почетную обязанность я перепоручила сыну местного

портного, с которым мы не то чтобы дружили, но ладили весьма неплохо. У парня талант подделывать чужой почерк и стиль общения, так что, покидая Дарл, на этот счет я совершенно не беспокоилась. И, судя по тому, что папа до сих пор уверен в моем послушании, справляется мой помощник отлично. Но я все равно была зла! Наверняка ведь отец написал, что скоро вернется. Неужели трудно было предупредить?! А может, и не написал. Может, захотел сделать дочке сюрприз. Если так, то он вполне удался… Папа должен был приехать к моему дню рождения, и я беспечно полагала, что впереди еще почти два месяца спокойной жизни. Как же я ошиблась!

— И почему ты меня не выдал? — мрачно спросила я.

— Зачем? — удивился Дан. — Пусть твой отец спокойно завершит дела. Разобраться с ситуацией он всегда успеет.

— Домой не вернусь, — на всякий случай напомнила я.

— Не волнуйся. Думаю, против твоей учебы на факультете искусников Стефан возражать не станет, — утешил Дан.

Ага. Не станет. При условии, что позволит открыть рот и объяснить, где и чему именно я обучаюсь… Что весьма и весьма сомнительно!

— Не волнуйся, — повторил Даниэль, накрывая мои дрожащие ладони своими. — Я сам все ему объясню.

Я встрепенулась и неверяще посмотрела на него. Нет, не смеется. Совершенно серьезен. И от сердца немного отлегло, хотя и былой легкости не осталось. Все-таки папу я обманула, предала его доверие, и совесть, несмотря на все доводы и убеждения, что со своей жизнью я должна разбираться сама, нет-нет да колола душу неприятными иголками.

За окном начинало темнеть, и кухонька медленно погружалась в полумрак. Настроение было почти таким же…

— Я пойду, — проговорила я. — Спасибо. За все.

Дан ладоней не убрал.

— Останься, — предложил он. — Ты еще слаба, отдых тебе не помешает.

— У себя отдохну, — пожала я плечами.

— С твоими-то соседками? — улыбнулся Дан. — Вот уж вряд ли.

— Они хорошие, — вступилась я за девчонок. В самом же деле хорошие. А то, что любопытные, — так я и сама такая. — И за меня волнуются.

— Ладно, — кивнул Дан и поднялся. — Идем, провожу.

Отказываться не стала. Пусть территория академии и безопасна, но так было спокойнее, да и вообще… Последнее время я все чаще ловила себя на том, что с Даном хорошо и

уютно. Странное такое чувство, и я еще не разобралась, нравится мне оно или нет.

На крыльцо я вышла первая, застегивая куртку. Ради разнообразия свою собственную. Вдохнула по-осеннему прохладный воздух… и едва со ступенек не упала. Справа что-то мелькнуло, послышался тихий шорох и треск… Я попятилась, ткнулась в только что шагнувшего за порог Дана и испуганным шепотом остановила его. Он нахмурился, прикрыл глаза, словно прислушиваясь к чему-то. Я же всматривалась в сгущающиеся сумерки, но так ничего и не увидела. Дан тоже не преуспел.

— Никого нет, — уверенно заключил он. — Да и кому надо ходить под моими окнами?

Я только плечами пожала. Совсем нервы расшатались…

До общежития дошли без приключений. Дан отдал мне пакет с моими вещами, пожелал доброй ночи и дождался, когда я войду внутрь. Показалось, что он хотел еще что-то сказать… но отчего-то не сказал. Наверное, сегодня мне и в самом деле много чего мерещится.

Как раз над этим и раздумывала, поднимаясь по лестнице. Неудивительно, что в конце концов с кем-то столкнулась, и благо что не на ступеньках, а на площадке. Кто-то охнул, на пол полетели тяжелые папки, а сама я устояла на ногах только потому, что меня вовремя поддержали.

— Простите! — выдохнула я и, не поднимая глаз, присела, чтобы собрать то, что уронили по моей вине.

— Ничего страшного. — В приятном голосе звучала улыбка, и я все-таки рискнула посмотреть на жертву моей задумчивости.

Притом что голос я не узнала, парень показался знакомым. Смуглый, с зелеными, совсем как у меня, глазами, длинные черные волосы собраны в низкий хвост. Вот только где я его видела, вспомнить не смогла.

За последнюю папку мы схватились одновременно; я инстинктивно потянула ее на себя, смутилась и отпустила, чем вызвала у хвостатого новый приступ веселья, тщательно скрываемого, но все равно просачивающегося во взгляде и улыбке.

— Спасибо, — кивнул он, когда я передала ему часть собранных папок.

— За то, что чуть по лестнице не скатился? — вздохнула я, все еще переживая, хотя никто вроде не пострадал. Даже папки и те не раскрылись и своего содержимого не растеряли. — Всегда пожалуйста. Это я умею.

— «Чуть» не считается, — легкомысленно пожал плечами в ответ незнакомец и, прищурившись, с улыбкой протянул: — Но от

возмещения морального вреда не откажусь.

— Да ты даже не испугался! — возмутилась я, теряя остатки раскаяния. — А меня твоими кирпичами и задеть могло!

— Я хорошо прячу свои переживания, но так и быть, твои обязательно компенсирую, — хмыкнул парень. — До встречи!

И, подмигнув наглым зеленым глазом, сбежал.

Я растерянно нахмурилась, пытаясь понять, что это вообще только что было, а потом, махнув рукой, пошла дальше. День сегодня, наверное, такой. Все слишком странные. И я, похоже, уже от этого устала.

Девчонки были в комнате. Сидели каждая на своей кровати, что-то читали… Но, едва я переступила порог, дружно кинулись ко мне с расспросами о моем самочувствии.

Чувствовала я себя в полном соответствии с сегодняшним безумным днем. Хотелось одновременно рассмеяться и расплакаться. С очередностью не определилась, так что спокойно обняла Лэн и Радишу, переоделась и, устроившись на кровати в окружении соседок, приготовилась слушать.

Лэн с удовольствием поделилась красочными подробностями вчерашнего вечера, которые Дан почему-то опустил. То ли расстраивать не хотел, то ли пугать… то ли время сэкономил, решив, что я все равно их узнаю, не от него, так от друзей. И правильно сделал, все-таки описания, как именно я выглядела после портала и короткой схватки с похитителем и как эффектно размазала его по мостовой Феи, хоть и были весьма интересны, но отвлекали от главного. Дан сосредоточился на фактах, которых мне не хватало, Лэн — на эмоциях, которые я уже и так пережила. Но целительницу я не перебивала, понимая, что ей тоже высказаться надо. Отдельно — относительно своего брата. Радиша даже уши прикрыла, отказываясь слушать такое о преподавателе, который пока что ничего у них не вел, но в ближайшем будущем собирался.

— Алек не виноват, — наконец не выдержала я. — Кто же знал, что сектанты настолько обнаглеют?

— Не выгораживай его, — сверкнула потемневшими глазищами Лэн. — Он вообще не знает, что такое ответственность!

Что-то подобное и Дан говорил. Бедный магистр Арто. В любой ситуации кто-то всегда остается крайним. В этот раз не повезло ему, хотя я тоже была виновата.

— Если бы не Лира, тебя бы не нашли! — продолжала горячиться подруга. — Хотя я до сих пор не понимаю, как она тебя нашла? И почему вообще искала!

— Что значит «почему»? — растерялась я. — Разве не Алек ей

приказал? И потом, мы с ней поладили…

— Лиры с моим братцем не было, — криво улыбнулась Лэн. — И вот как раз насчет того, как вы могли поладить… Это безмерно удивляет.

— Почему? — Обида невольно просочилась в голос и царапнула сердце.

— Лира — тень, — коротко пояснила Лэн, и никаких чувств, кроме изумления, во мне не осталось.

Тень… Теневая кошка. Я много о них читала и прекрасно помнила, что преданы тени лишь своему хозяину — темному магу, из частички души и силы которого и рождаются. К окружающим они терпеливы, но не более. И попробуй протяни такой кисе руку — мгновенно без нее останешься…

Я вспомнила, как гладила Лиру и как она млела под моими прикосновениями, а еще то, как кошка ластилась к Дану, и непонимающе нахмурилась. Как же такое возможно?

— Прежде Лира вела себя так только с Даниэлем, — проследив за изменениями выражения моего лица и посчитав, что правильные выводы сделаны, продолжила Лэн. — Но они с братом давным-давно знакомы и в каких только переделках не побывали, так что это вполне объяснимо. Но ты… — Подруга прищурилась, и огонек предвкушения, зажегшийся в ее глазах, мне очень сильно не понравился. — Так где ты, говоришь, провела эту ночь? — вкрадчиво уточнила она.

— В лечебнице, — осторожно ответила я, все еще не понимая, куда клонит целительница, но уже начиная нервничать. — Где же еще?

— Действительно, — подозрительно ласково улыбнулась Лэн. — Где же еще? Или же с кем?

— Лэнис! — осуждающе воскликнула Радиша.

— Что еще за намеки? — выдохнула я.

— Это не намеки, Грейс, — покачала головой целительница. — Я была в лечебнице. Меня конечно же не пустили, но я упрямая и всегда своего добиваюсь. Представь мое удивление, когда я выяснила, что тебя там ни разу не было!

Я обреченно вздохнула. Эх, Дан, знал бы ты, на что способны не в меру любопытные девчонки, продумывал бы свои гениальные планы гораздо лучше!

— Зато был и есть Алек, молчаливый и с художественно подбитым глазом, и злой, как тысяча демонов, декан Иридайн, который — я собственными ушами слышала! — обещал моему братцу открутить голову, если нечто подобное повторится.

— Сама же сказала, он декан, ему положено, — попыталась отбиться я, чувствуя, что все напрасно.

— Деканы своим подчиненным за провинности морды не бьют! — безапелляционно отвергла спасительную версию Лэн. — А вот перенервничавшие влюбленные безответственным друзьям — очень даже. А еще есть Лира, которая реагирует на тебя так же, как на Даниэля… Которого ты, испугавшись, так трогательно назвала Даном… И отсюда вопрос: что вас связывает?!

— Брачный договор, — ясно осознав, что Лэн не отстанет и все равно — рано или поздно — докопается до истины, попутно вконец истрепав мои нервы, сдалась я.

Как в омут вниз головой нырнула… и внезапно испытала огромное облегчение.

— Ой… — тихо пискнула Радиша и зажала рот ладошкой.

— Хм, — ошарашенно моргнула целительница, очевидно ожидавшая услышать историю пылкой запретной любви, ничуть не похожую на приземленную реальность. — Кажется, наша очередь приносить клятву молчания, — полюбовавшись на мрачную меня и переглянувшись с Радишей, добавила она.

— Не надо клятвы, — помотана головой я. — Хватит простого обещания.

Прислушавшись к себе, поняла, что ничуть не жалею о случившемся. Как же я не люблю врать! А в последнее время только этим и занималась. Изворачивалась, словно застигнутый врасплох воришка, придумывала тысячи отговорок, боялась… чего? Сама не знаю. Конечно, в чем-то Дан прав и всей академии совершенно необязательно знать о нас, но… девчонки — дело другое. Почему-то я была уверена: они не подведут. И потом, давно уже хотелось с кем-то поделиться своими мыслями и сомнениями, которые уже не первый год терзают, а в последние дни так и вовсе душу основательно погрызли. Не с папой же это обсуждать? И уж тем более не с причиной моих страданий. Дан сильно изменился, но понятнее оттого не стал. Как и мои чувства, в которых я окончательно запуталась и отчаялась разобраться. И все это, перемешавшись и переплетясь, изрядно пугало.

Отвечая на нетерпеливые расспросы подруг, я мысленно перенеслась в тот день, когда нас с Даном позвали в дом и огласили, как мне показалось, почти что смертный приговор. Я была мелкой, но прекрасно понимала: брак, особенно закрепленный чарами, как того требовали условия договора, — это навсегда. Даниэль отреагировал спокойнее, я же спокойствием никогда не отличалась. Папе пришлось долго утешать и уговаривать меня. А перед этим — еще дольше искать, потому как бегала я быстро, знача все укромные уголки Дарла и отлично умела прятаться.

Папа обещал, что это для моего же блага и что, повзрослев, я

все обязательно пойму и даже оценю. Шли годы. Я взрослела. Мне завидовали подруги и совершенно незнакомые девицы, а я отчего-то все никак не могла понять и уж тем более оценить доставшееся неизвестно за какие грехи счастье. Дан счастливым тоже не выглядел, но, вынуждена признать, вел себя гораздо разумнее и достойнее, чем я. За некоторые вещи стыдно до сих пор, и подростковый период, осложненный вынужденной помолвкой, я стараюсь не вспоминать. Дан, подозреваю, тоже…

— И вы друг друга ни капельки не любите? — разочарованно спросила Радиша.

Я прикусила губу и приложила ладони к полыхнувшему лицу. Раз уж решила быть откровенной — нужно быть откровенной до конца. Пришлось достать из самых темных глубин памяти то, что я наивно надеялась похоронить навеки. Тем более что это оказалось не таким сложным и страшным, как представлялось.

Мне было почти шестнадцать, когда что-то в моей душе начало меняться. К своему собственному ужасу, в очередной визит Даниэля я поняла, что больше не хочу грубить ему или же откалывать злые шутки, что мне небезразлично, какое выбрать платье и как уложить волосы, что от одного его взгляда щекам становится жарко, а сердце стучит чуть громче положенного… Это пугало. И одновременно — манило. Впервые в жизни я влюбилась. Казалось — навсегда.

На шестнадцатилетие папа устроил мне настоящий праздник. Я чувствовала себя принцессой — в пышном светло-голубом платье, в окружении школьных друзей, под руку с тем, кого я отчаянно ненавидела и так же безоглядно полюбила. В тот вечер я ловила его восхищенные взгляды и… До сих пор помню, какое счастье душу переполняло. Наверное, при желании я бы и без крыльев взлететь сумела. Мы танцевали. И разговаривали. Не так, как обычно, нет. Чуть ли не впервые с момента помолвки наше общение можно было назвать нормальным и даже приятным. Для меня так точно.

Это случилось поздним вечером, после первого в моей жизни бокала игристого вина, растворившего крохи разума и придавшего смелости. Притвориться, что мне стало дурно, оказалось легко, как и попросить Дана проводить меня на свежий воздух. Увы, но даже прохладное дыхание осенней ночи не остудило мой пыл. Не знаю, о чем подумал Дан, когда я вцепилась в него и неумело прижалась к его губам, но ответил он очень даже… хм… азартно. Так, что и ноги подкосились, и голова закружилась, не говоря уж о том, что все мысли из нее выветрились. Тогда между нами осталась лишь нежность, доверие и тепло, в котором хотелось греться вечно. А потом… сказка

кончилась. Отстранившись от меня, раскрасневшейся и смущенной, Дан невозмутимо заявил, что общий уровень моей подготовки его, конечно, не устраивает совершенно, но он готов исправить этот недостаток с помощью ежедневных практических занятий. Если я попрошу.

В тот миг, невзирая на опьянение от вина и поцелуя, я отчетливо поняла, что единственное, о чем готова попросить Даниэля, так это пойти к демонам на рога. Даже дорожку подробно описала. Как ни прискорбно, но маршрут ему не понравился, и моя просьба так и осталась невыполненной. Отчасти.

Дан стал появляться очень редко, отговариваясь работой, но я только рада была. Потому что одно дело сказать себе, что все, закончилась вечная любовь, не успев начаться, и совсем другое — заставить глупое сердце в это поверить.

И все же мне удалось… по крайней мере, я искренне так считала. До недавних пор.

Последнее вслух не произнесла. И мысленно-то непросто оказалось. Пожалуй, для полной откровенности — даже с самой собой — я еще не созрела.

Зато об ужине, подозрительно похожем на свидание, рассказала. И о сегодняшнем странном поведении Дана — тоже.

— Может, он пытается показать, что неравнодушен к тебе? — с мечтательной улыбкой предположила романтичная Радиша.

— Вот уж вряд ли. Мы десять лет помолвлены, причем ему уже не шестнадцать, чтобы так себя вести, — поморщилась я. — Не проще ли сказать об этом прямо?

— Ну я бы не исключала такую возможность, — прищурилась более практичная Лэн. — У моего братца в голове столько ерунды, что порой диву даешься… Не думаю, что у Даниэля иначе.

Я только вздохнула. Еще недавно возразила бы, что прекрасно знаю Дана и потому уверена в своих словах и выводах, но оказалось, что на самом деле ничегошеньки-то я не знаю. Что толку гадать, все равно с правильным ответом промахнусь. Как всегда.

Но в одном точно не было сомнений: на душе после разговора с подругами заметно полегчало.

ГЛАВА 22

Дни шли за днями, спокойные и не очень, наполненные учебой, походами в столовую, разговорами и ожиданием бала, который должен был состояться в конце недели. Проблемы с сектантами и напряженной обстановкой в городе, из-за которых бал и отложили, еще не разрешились, но, видимо, оттягивать столь ожидаемое студентами событие руководство академии больше не могло. Однажды на утренней пробежке я видела, как несколько магов возились с воротами; позже Дан пояснил, что они меняли настройки артефактов, отвечающих за безопасность. Теперь, даже обвешавшись амулетами, подобными обнаруженному у моего несостоявшегося похитителя, в академию никто не проникнет. А для вящего спокойствия маги еще и территорию обошли, то и дело останавливаясь и вглядываясь в неведомую конструкцию. Результаты обхода всех устроили. Посторонних злоумышленников не нашлось.

И можно было бы вздохнуть с облегчением и полностью сосредоточиться на учебе, но впереди маячил бал, а у меня не имелось подходящего платья. Даже у Радиши было, не говоря уж о Лэн. Как-то не думала я, сбегая из дома, о балах и прочих глупостях, что не помешало оным подкинуть проблем. Я бы с радостью не пошла — танцы никогда не числились среди моих увлечений, — но Лэн, а следом за ней и Радиша принялись уговаривать. А если уж Лэнис Арто чего-то хотела, она этого добивалась. Любой ценой. Я даже предположить боялась, до чего она додумается, но пока что ничего страшного не происходило, и постепенно я расслабилась и даже робко понадеялась, что Лэн попросту забыла. С тем, как их гоняли на занятиях, было бы немудрено.

Нашей группе тоже доставалось. Мы разучивали бытовые чары, преподаватели постепенно выплетали их из формы, волей-неволей вынуждая поддерживать ее в надлежащем состоянии самостоятельно. Еще приходилось усваивать много информации по общим дисциплинам, и о поблажках здесь никто даже не мечтал.

Были и более интересные занятия. Перед одним из таких магистр Стай попросила нас посетить библиотеку и почитать о единорогах. На все расспросы она лишь загадочно улыбалась и качала головой, обещая, что нам понравится. Я прониклась, воодушевилась и сразу же после окончания учебного дня собралась в библиотеку, попытавшись прихватить с собой сокурсников. Только вот оказалось, что единороги были

последним, о чем они желали думать в этот не по-осеннему яркий и теплый денек.

В ответ на мое предложение Армея и Ксанта мило покраснели, захлопали длиннющими ресницами и, накручивая на пальцы белокурые волосы, пролепетали что-то про прогулку, которую пропустить никак не могут. Сразу стало ясно, что прогуливаться они будут не одни.

— Нат? — выжидательно посмотрела я на рыжую. Та закусила губу и уставилась в пол.

— У тебя тоже прогулка? — подозрительно осведомилась я.

— Тренировка, — залившись румянцем, отозвалась Натея.

Тренировка, угу. Спорить готова, что от прогулки блондинок оная ничем не отличается! Разве что тренером.

Когда только успели?!

Наверное, выражение моего лица было то еще, потому как девчонки, торопливо попрощавшись, дружно сбежали.

Что ж, еще не все потеряно. И я с надеждой посмотрела на Джаса.

— Я не юная девица, чтобы интересоваться единорогами! — не дожидаясь вопроса, нагло — зато честно — заявил он и, пока я не опомнилась, очень быстро скрылся с глаз моих.

Даже не попрощался, демон бесхвостый!

— Да чтоб вас всех, — тоскливо пробормотала я, понимая, что придется идти в библиотеку в полном одиночестве, ибо никакой причины, даже неуважительной, придумать не смогла. В отличие от девчонок, гулять мне было не с кем, да и в наглости Джасу я заметно уступала.

Зато кое-кто вполне мог с ним посоперничать…

В библиотеке, по случаю погожего денька пустой и тихой, я расположилась за уютным круглым столиком, покрытом зеленой скатеркой, и разложила перед собой несколько книг про единорогов. И даже пролистать одну, не особо толстую, успела, когда кто-то шумно опустился на соседний стул, а перед моим носом вместо книги оказалась большая кружка, до краев наполненная восхитительно горячим ароматным какао.

— Обещанная компенсация, — широко улыбнулся уже немного подзабытый хвостатый парень. Правда, сегодня вместо хвоста его волосы были заплетены в косу, но сути это не меняло.

И все же… Где я его видела? Понятно, что академия большая и студентов много, всех не запомнишь, но… было ощущение, что встречались мы вовсе не в коридорах, аудиториях или же в столовой. И уж точно не в толпе.

— Что-то не так? — приподнял темные брови невольный объект моих раздумий и добавил огорченно: — Не любишь какао?

Последнее вкупе с по-детски жалобно нахмуренными бровями прозвучало забавно, но с настроя не сбило.

— Ты кто? — прищурилась я, отчаявшись хоть чего-то добиться от собственной памяти.

— Марк, — хмыкнул он. — Прости, что сразу не представился. Так что, Грейс, ты любишь какао?

— Люблю, — рассеянно отозвалась я и тут же спохватилась: — А откуда ты знаешь мое имя?

— Это моя работа, — туманно пояснил хвостатый Марк и настойчиво придвинул ко мне кружку. — Пей, а то остынет, и компенсация потеряет всякий смысл.

Я нерешительно обхватила кружку ладонями. Какао я действительно любила, а сейчас еще и очень хотела. Ну не отравит же он меня, правда? Я этому Марку ничего плохого сделать не успела… наверное.

Мимо прошла библиотекарша, пухленькая пожилая женщина со строгим выражением лица, но с добрыми глазами. Окинула взглядом нашу парочку, укоризненно покачала головой при виде нежелательного соседства книжек и кружки, но, поймав улыбку Марка, ничего не сказала. И я таки решилась.

Какао оказалось горячим и безумно вкусным. И вроде бы совершенно безопасным.

— Теперь ты не злишься? — подперев щеку рукой, поинтересовался Марк.

— А я злилась? — удивилась я, делая еще один глоток. — Не помню.

А может, не такое уж и простое это какао. Согрело не только тело, но и сердце, и если бы я и в самом деле злилась, то простила бы все и сразу. А еще он знает, как меня зовут…

Мотнув головой, приказала себе выбросить глупые мысли. Последние события, конечно, были на редкость неприятными, но это не повод искать подвох в каждом мгновении. Какао само по себе вещь волшебная. А что до имени… Не глухой же он. Вполне мог слышать, как меня кто-нибудь окликал.

Хвостатому ответ явно по душе пришелся.

— Вот и славно, — просиял он. — Терпеть не могу нерешенных дел и обид. У тебя есть с кем пойти на бал?

Такого внезапного во всех смыслах поворота разговора я не ожидала, а потому замешкалась. Самым верным было бы сказать, что у меня нет даже в чем пойти, не говоря уж о том с кем. Но это никого не касалось, и уж тем более едва знакомого парня, которому вообще неизвестно что надо. И я, решившись, кивнула:

— Да, есть.

— Жаль. — В голосе Марка и в самом деле чувствовалось

сожаление, оно же плескалось и в его глазах. — Но… Знаешь, еще не поздно передумать. Я лучше. Дай знать, если что.

Он легко поднялся на ноги, шутливо поклонился и ушел, оставив меня в компании книг, недопитого какао и в растерянности. И лишь через несколько мгновений я обнаружила, что улыбаюсь. Странный какой… Но обаятельный. И какао опять же вкусное.

И я поспешно запила непрошеную улыбку остывающим напитком.

В комнату я зашла, полная мыслей о беспечных друзьях, единорогах… и какао. Последнее немного смущало и даже злило, но продолжало упрямо крутиться в голове, что приводило не в лучшее расположение духа. Соседки вернулись с занятий раньше и теперь прилежно сидели над книгами. Вернее, сидела Лэн, Радиша лежала, держа увесистый томик на вытянутых руках. Я вяло махнула отвлекшимся на миг девчонкам, бросила на пол сумку и потянулась к шнуровке платья, когда раздался короткий требовательный стук. Таким не просят разрешения войти, таким уведомляют, что визит неизбежен. Мы и опомниться не успели, как дверь распахнулась, являя нам очень мрачного Даниэля Иридайна.

Я вздрогнула и зачем-то спрятала руки за спину. Радиша сдавленно пискнула и, уронив книгу, благо не на лицо, забилась в угол кровати. Лэн расплылась в поистине людоедской улыбке, встала и, исполнив идеальный придворный реверанс, который не испортило даже простое домашнее платье, с наслаждением протянула:

— Господин декан! Какими судьбами? Под пологом крались или же шествовали гордо и не скрываясь?

— Ну и зараза же ты, Лэнис, — устало бросил Дан, смотря почему-то на меня.

Я передернула плечами, словно пытаясь стряхнуть странный взгляд, и упрямо поджала губы, по привычке заранее готовясь обороняться.

— И горжусь этим, — вздернула аккуратный носик целительница. — Грейс, Радиша, собирайтесь, мы идем в город!

— В город? — растерялась я. Определенно сегодня день неожиданностей какой-то!

— Вы? — изумленно переспросил Дан.

— В город. Мы, — упрямо повторила Лэн. — В конце концов, мы, как верные подруги, должны проследить, что ты к Грейси приставать не будешь, и мало ли что вы помолвлены — правил приличий еще никто не отменял!

Я подавилась воздухом. Дан лишился дара речи. Стоял

посреди комнаты, хлопал глазами да зубами скрипел.

— Лэ-э-эн, — первой отмерла я. — Ты чего творишь?!

— В город собираюсь, — лучезарно улыбнулась она. — Со стороны господина декана было так любезно предложить свою компанию!

— А он предлагал? — с сомнением покосившись на все еще бессловесного от злости жениха, спросила я.

— Предлагал, — выдохнул тот. Ну слава богине, а то я уже волноваться начала, что лопнет. — Тебе.

— А я без них не пойду, — наконец-то сориентировалась я — не без помощи Лэн, чувствительно щипнувшей меня за бок. Спохватилась и уточнила: — И вообще, зачем нам туда?

— По магазинам, естественно, — ответила за Дана Лэн. — Правда, я думала, пойдем мы с Алеком…

— Вы уже ходили с Алеком, — буркнул Дан. — Спасибо, мне хватило.

— Алек не… — завела я привычную уже песню, получила очередной ласковый щипок от целительницы и, проглотив возражения, покорно кивнула: — С тобой так с тобой.

О том, чтобы отказаться от похода, и мысли не возникло. Я догадывалась о цели, только вот понятия не имела, как Лэн удалось это провернуть. На один короткий миг даже успела пожалеть, что рассказала ей про Дана, ибо боялась представить, что и в каких выражениях она ему наговорила.

— Будем через десять минут, — протараторила Лэн и невежливо указала Дану на дверь. Тот окинул задумчивым взглядом целительницу, дверь и меня, кивнул и вышел.

— Зачем? — тоскливо спросила я. Больше для порядка, чем из необходимости.

— За платьем, — хмыкнула Лэн. — И так, по мелочи. До бала всего ничего осталось, не думала же ты, что я забуду?

Вообще-то думала. Но инстинкт самосохранения посоветовал промолчать, что я и сделала.

Переоделись мы быстро. Мы — я и Лэн. Радиша идти в город отказалась наотрез, на все наши уговоры и заверения, что с Даном безопасно, отчаянно мотала головой и прикрывалась книгой, словно щитом. В чем-то я ее понимала. После произошедшего со мной подруга засыпала только после настойки Лэн, да и в целом стала более дерганой и замкнутой. Боялась, несмотря ни на что. Так что, потерпев поражение, в город мы отправились вдвоем. Если не считать Дана, разумеется.

За ворота выйти было даже приятно, и я просто наслаждалась негаданной прогулкой, вертя головой по сторонам и отмечая, как неотвратимо наступающая осень исподволь меняет облик Терреи,

щедро используя золотые и багряные краски. Погода постепенно менялась, небо успело укрыться серым пологом туч, но, несмотря на это, город сиял. Я попыталась представить, как он выглядит под лучами солнца, и мечтательно улыбнулась.

Надо будет подгадать солнечный денек и уговорить Дана на недолгую прогулку. Ведь не отказал же он Лэн, значит, и мне не откажет. Наверное.

Я с сомнением покосилась на шедшего рядом жениха, и он, словно разгадав мои коварные планы, поспешил разрушить горько-сладкое, как осенние запахи, настроение.

— Грейс, если тебе нужны деньги…

— Нет, — поспешно ответила я. — У меня есть.

Вроде и не сказал он ничего такого, напротив, хотел как лучше, но отчего-то стало не по себе. Все-таки Дан не папа, а я и у того не любила что-либо просить, хотя и прекрасно знала, что никогда не откажет.

Деньги действительно были. Жалованье, выданное мастером Нарраем, я до сих пор не трогала. Там, конечно, не особо много, но на платье, по моим прикидкам, должно хватить. Еще и на туфли останется. Я с сожалением вздохнула. Одни убытки от этих балов!

Дан одарил меня подозрительным взглядом, но спорить не стал.

Лэн целеустремленно шла впереди. Она заявила, что знает, где можно приобрести наряд красивый и недорогой, и я полностью доверилась ей. Дан в девчоночьи дела и вовсе не вмешивался. Он вообще был на диво молчалив, только то и дело смотрел так, словно хотел чего-то спросить, но не решался. Поразмыслив, я пришла к выводу, что он злится. За то, что девчонкам теперь все известно. Но, с другой стороны, рассказал же он Алеку? Так почему мне нельзя с кем-то поделиться?

У небольшой лавки с прозрачной витриной, оформленной золотыми и алыми листьями, мы остановились. Лэн тут же нырнула внутрь; я замешкалась, засмотревшись на гордо шествующего мимо пушистого рыжего кота, и в дверях столкнулась с выходившей из лавки женщиной…

Которая при ближайшем рассмотрении оказалась ведьмой. Красивой, темной и очень знакомой.

Ведьма крепко держалась за локоть моего бывшего шефа и просто-таки лучилась счастьем и энергией.

— О, Грейс! — воскликнула госпожа Райна, да так радостно, будто не случайную знакомую увидела, а подругу, с которой минимум год не встречалась. — Ты еще не передумала? В моей школе всегда найдется для тебя место!

— Ей и в академии неплохо, — вмешался доселе молчавший Дан. Дружелюбия в его тоне я не заметила… Еще и ладони мне на плечи положил, словно опасаясь, что я от него сбегу.

— Хм, — приподняла идеальные брови ведьма, рассматривая моего жениха словно под увеличительным стеклом. — На-а-адо же, — протянула озадаченно и широко улыбнулась. — И не думала, что такое возможно! Вы же…

— Райна! — одернул жену мастер Наррай. — Простите, богов ради, господин Иридайн. Женщины… — Бывший шеф почувствовал злобный взгляд темной ведьмы, запнулся и закончил: — …такие женщины. Рад видеть вас в добром здравии.

— Взаимно, мастер, — искренне сказал Дан, пожимая протянутую руку.

— Вы знакомы? — нахмурилась я.

— Террея — небольшой город, — беззаботно отозвался женишок, и мастер кивнул, подтверждая.

Слишком уж поспешно и нервно, и, судя по презрительному хмыканью, это заметила не только я. Но высказываться госпожа Райна не стала, махнула рукой и скользнула на другую сторону улицы. Ярко-алое платье, как всегда эффектное и даже вызывающее, мелькнуло лепестком пламени, гармонично вписываясь в осеннюю Террею.

Вздоха облегчения бывший начальник скрыть не сумел.

— Мастер Наррай, у вас все в порядке? — осторожно поинтересовалась я.

Не мое дело, конечно, но… Привыкла я к нему, вот и сейчас ощутила легкий укол волнения.

— Все хорошо, — улыбнулся артефактор. — Пытаюсь наладить отношения.

— И как? — не удержалась я. Укоризненный вздох Даниэля нагло проигнорировала.

— Пока жив, — лаконично отозвался мастер.

Что ж, своего рода достижение.

— Удачи вам, — от души пожелала я. — И спасибо за медальон! Он мне, кажется, жизнь спас…

— Медальон? — непонимающе приподнял брови мастер Наррай. — Какой еще… А-а-а, медальон! — внезапно сменив и тон, и выражение лица, быстро кивнул он, будто что-то за моей спиной мгновенно починило его память. Я даже оглянулась на всякий случай, но ничего, кроме Дана, не обнаружила. — Рад, очень рад, что он пригодился.

— Дорого-о-ой! — перекрывая гул улицы, позвала госпожа темная ведьма. — Иди сюда!

Мастер страдальчески поморщился, но быстро взял себя в

руки. Сказал, что будет рад видеть меня в своей мастерской, попрощался с нами и пошел на зов жены.

— Странный он какой-то, — пробормотала я, ни к кому не обращаясь. Но ответ получила:

— С такой женой любой был бы странным. Иди, а то Лэнис все платья купит, и тебе ничего не останется.

— А ты не идешь? — удивилась я.

— Здесь постою, — покачал Дан головой, бросив на стеклянную витрину полный паники взгляд. Ага, все с ним ясно. Ну и к лучшему, чувствую, и одной Лэн будет более чем достаточно. — Тебе точно не нужно…

— Точно! — отрезала я и гордо скрылась за дверью.

И, едва переступив порог, оказалась в царстве разноцветных тканей, белопенных кружев, шелковых лент и прочих девичьих радостей, коим Лэн предалась без остатка, с упоением и безумным блеском в глазах. Я поначалу растерялась и попятилась, но подруга, чудом заметив мое появление, непреклонно вовлекла в процесс выбора наряда и меня. Молоденькая светлокосая продавщица тоже заразилась от целительницы, азартно предлагая все новые и новые платья и активно их обсуждая. Через пять минут зарябило в глазах, через десять — накатила зависть к оставшемуся снаружи Дану и малодушное желание сбежать. А через двадцать я увидела его…

Оно было прекрасно. Настолько, что я, не испытывавшая особых восторгов при виде платьев, замерла, мгновенно представив, как оно смотрелось бы на мне. Как выяснилось, шикарно смотрелось! Нежный насыщенно-фиолетовый шелк приятно льнул к коже, подчеркивал фигуру, цвет волос и глаз, которые, казалось, стали ярче. Смелый, но не нарушающий приличий вырез, украшенный мелкими искристо-зелеными камешками лиф, летящие рукава и юбки, на которых распускались искусно вышитые весенние листья. Ростовое зеркало отражало не меня, а незнакомую восторженную красавицу. И внезапно остро захотелось, чтобы Дан увидел меня такой. Захотелось снова, как и два года назад, поймать его восхищенный взгляд…

Я зажмурилась и потрясла головой, избавляясь от нелепых мыслей. С этим определенно нужно что-то делать! Не для того я столько времени потратила, пытаясь забыть о подобных глупостях, чтобы сейчас наступить на те же грабли!

— Что-то не так? — забеспокоилась Лэн, чутко уловив смену моего настроения.

— Все в порядке, — через силу улыбнулась я. — Просто думаю, что выбрать.

— О чем здесь думать?! — ахнула она. — Это — и точка!

Продавщица закивала, поддерживая, а я только вздохнула, понимая, что этот наряд не куплю. И дело было не в моих недавних мыслях. Вернее, не только в них.

Цена ожидаемо соответствовала потрясающему платью. Нет, оно не было запредельно дорогим, но пришлось бы потратить все имеющиеся деньги. И кто знает, не понадобятся ли они на что-то более важное, притом что до стипендии еще далеко, а у Дана я никогда не попрошу и у отца после всего, что натворила, — тоже.

— Я добавлю, — догадавшись, в чем проблема, щедро предложила Лэн, но я мотнула головой.

Не стоит. И на балу, если подумать, делать мне нечего.

Озвучить свои мысли не решилась, опасаясь, что подруга живьем за такое съест. Пришлось еще походить по залу, приглядываясь к платьям и ценам, и наконец-то нашлось то, что устроило и душу и кошелек. Не такое шикарное, конечно, но смотрелось оно вполне неплохо. Его я и купила, хотя Лэн и сопела недовольно, намекая, что не слишком одобряет мой выбор.

С обувью и прочей мелочью определилась намного быстрее. Дан в лавке все-таки появился, уже когда все было упаковано и мы приготовились тащить коробки на себе. К счастью, этого не потребовалось: господин декан договорился о доставке, что позволило нам с Лэн еще немного побродить по городу и даже посидеть в уютном кафе. Дан с наших посиделок сбежал, сказав, что быстро вернется, и строго-настрого повелев с места не двигаться. Отсутствовал он и в самом деле недолго — с заказанными к чаю пирожными мы успели расправиться лишь наполовину.

И лишь оказавшись на территории академии, под защитой надежных стен, я осознала, что все это время опасалась очередных неприятностей. Выдохнула, прикрыв глаза, но попытку Лэн улизнуть и оставить нас с Даном вдвоем заметила и пресекла, вцепившись в бессовестную подругу обеими руками. Не менее бессовестный женишок многозначительно хмыкнул, обещал доставить покупки сразу же, как они появятся у него, и, попрощавшись, зашагал к главному корпусу.

— Ну и дурочка, — скорчив забавную гримаску, проворчала Лэн.

— Небитый битого не учит, — вяло отмахнулась я, и на этом, к величайшей радости, обсуждение моей более чем странной личной жизни сошло на нет.

И без того было над чем голову поломать. В итоге я едва вообще ее не сломала, пополнив список вопросов к Дану и

укрепив уверенность в том, что расслабляться с ним нельзя ни в коем случае.

ГЛАВА 23

Проснулась я глубокой ночью от странных звуков. Где-то в городе тоскливо завывала нежить; что-то скрипело и шелестело, кто-то раздраженно шипел… Поморгав в полной темноте, я хотела было укрыться с головой и снова уснуть, но сдавленный смешок поменял планы. Пришлось, ежась от неожиданного холода, вставать и осматриваться…

Привыкшим к мраку глазам открылось прелюбопытнейшее зрелище. Покачиваясь на сквозняке, немелодичному пению неизвестной нежити вторили распахнутые настежь створки окна. Возле него стояла облаченная в длинную белую рубашку Лэн. С развевающимися светлыми волосами она вполне могла сойти за призрака. Только вот призраки обычно молчаливы, целительница же приглушенно ругалась и, кажется, пыталась то ли выпихнуть, то ли, наоборот, затащить в комнату кого-то громко сопящего и отчаянно цепляющегося за подоконник. Рядом, зажимая ладошкой рот, бессовестно веселилась Радиша.

— И долго он там висит? — поинтересовалась я у нее, не решаясь отвлекать целительницу от важного дела. В личности полуночного любителя чужих окон сомнений не возникло ни на миг.

— Минут пять уже, — шепотом отозвалась Радиша. — Интересно, что случится раньше: он отвалится или Лэн сдастся?

— Я его сама сейчас отцеплю, пусть убьется, если ума нет, — прорычала подруга.

— Я крепко держусь, — громко проинформировал немного дрожащий, но оттого не менее решительный голос. — И буду держаться, пока не согласишься!

— На что? — Подойдя ближе к окну, я заглянула через плечо пышущей негодованием Лэн и едва не присвистнула.

Карл явно был не в себе, когда отважился ломиться в окно вредной дамы сердца, не учтя, что довольно-таки долго придется висеть за этим самым окном. В легкой домашней одежде на пронизывающем ветру наверняка было невесело.

— Пойти. С ним. На бал, — отрывисто ответила целительница и рявкнула: — Залезай живо, чудовище!

— Не залезу, — упрямо заявило оное и совсем некстати шмыгнуло носом. — Пока не согласишься.

— А с кем ты идешь? — спросила я.

— Ни с кем, — поджала губы Лэн.

— Тогда почему с Карлом не хочешь?

— Потому что он придурок! — простонала она. — Ты только

полюбуйся, что устроил!

— А иначе ты и слушать бы не стала! — обиженно донеслось из-за окна.

— А ты пробовал?! — возопила потерявшая остатки терпения Лэн.

— А он не пробовал?! — хором удивились мы с Радишей.

Признаться, я успела вообразить, что не единожды отвергнутый парень прибег к последнему варианту, а оказалось, что более легкие ему и в голову не пришли. Или же пришли, но были забракованы как заранее обреченные на провал. И вот даже не знаю, стоит ли его за это винить…

Наши осуждающие взгляды скрестились на целительнице — видимо, мы с Радишей мыслили в одном направлении. Лэн нервно передернула плечами, полюбовалась на из последних сил цепляющегося за окно Карла… и шумно выдохнула:

— Пойду. Пойду я с тобой на бал, чудовище ты эдакое, только залезь уже в комнату и не испытывай мои нервы на прочность — они и так твоими стараниями не толще паутины!

Карла пришлось затаскивать общими усилиями, но мы справились. Главное, что при этом соседей не перебудили. Лэн отвесила чокнутому поклоннику подзатыльник, закутала его в теплый плед, усадила на свою кровать и, витиевато ругаясь, практически силой напоила каким-то зельем собственного приготовления. Надеюсь, все же не отравой. Карл сопротивлялся, но шансов против Лэн у него не было изначально. Мы с Радишей с любопытством наблюдали за ночным представлением и сдержанно — чтобы не попасть под горячую руку — хихикали в особо драматичных моментах.

Наконец Лэн сочла, что простуда «чудовищу» не грозит, и выставила его из комнаты. В дверях Карл застрял, и целительнице удалось выпихнуть его лишь после клятвенного подтверждения, что на бал они пойдут вместе.

— Достал! — простонала Лэн, закрыв дверь и бессильно привалившись к ней спиной.

— Ну так дала бы ему свалиться или же замерзнуть, это навсегда избавило бы тебя от проблемы, — невинно улыбнулась Радиша, за что удостоилась угрожающего сопения и неласкового взгляда. Впрочем, ни то ни другое так и не смогло скрыть довольную улыбку целительницы.

Засыпала я в хорошем настроении. И снилось мне нечто странное и совершенно нелепое. Зал, освещенный лишь полной луной и украшенный живыми цветами, среди которых порхают яркие бабочки; я в том самом платье, кружащаяся под сказочную мелодию; Дан, забирающийся по плющу в огромное арочное

окно… и множество белоснежных, сияющих в волшебном полумраке единорогов.

А следующий день оказался щедр на сюрпризы. И первый из них преподнесла Сантея Стай.

Мягкая, ярко-зеленая, не подозревающая о приходе осени трава льнула к босым ногам. Шелестели по-весеннему свежими листьями деревья, обрамляющие похожую на изумруд поляну. В воздухе разливался медвяный аромат, от которого слегка кружилась голова, а губы улыбались сами собой, и танцевали мерцающие золотистые искры, разглядеть которые можно было, лишь прищурившись. Так же сияли и пасшиеся здесь белоснежные, невероятно изящные лошади, от ухоженных шелковистых хвостов до острых кончиков серебристых рогов являвшие собой воплощение истинного волшебства.

Сантея Стай, прекрасная, как это утро, место и вера в чудо, вместе взятые, неспешно подошла к единорогам, застыла в нескольких шагах от них и, низко поклонившись, протянула руку. Через томительно-долгую минуту от небольшой стайки отделился самый любопытный и дружелюбный единорог. Окинув непрошеных, но тихих и вежливых гостей взором дивных лиловых очей, он осторожно приблизился, пофыркал, перебирая передними копытами, и ткнулся в ладошку нежно-розовым мягким носом. Шумно обнюхал, отступил, тряхнул головой, отчего в воздух взлетело еще одно облачко золотистых искр, и положил голову на плечо магистра. Она улыбнулась и провела ладонью по длинной, завивающейся кольцами гриве.

А меня словно толкнуло что-то. Как сделала первый шаг — не помню. Но казалось, что все делаю правильно, так, как нужно именно сейчас. Шла медленно, в полной мере ощущая и упоительную прохладу травы под ногами, и свежую сладость воздуха, и лучики солнца на щеках, отчего на душе становилось невероятно легко и светло. Чудилось — вот-вот взлечу, и даже крыльев, как в моих странных снах, не понадобится.

До магистра Стай я дойти не успела. Навстречу, столь же медленно, выдвинулся еще один единорог, помельче и поизящнее первого. Не дожидаясь ни поклонов, ни протянутых рук, воплощение магии грациозно скакнуло в сторону и легонько пихнуло меня мордой в плечо. Я рассмеялась и, набравшись смелости, коснулась переливающейся в солнечном свете гривы. Чистый шелк! И по пальцам словно крошечные молнии пробежали. Не больно, щекотно только… И радостно отчего-то.

Вчера я много читала о них. И картинки разглядывала более чем внимательно. Но реальность превзошла все ожидания. Даже

сон, который по пробуждении показался красивой сказкой. Да и то ни один сон не способен поведать, каково на ощупь самое настоящее чудо…

До сих пор настороженно взирающие на нас единороги, не столь бесшабашные, как поприветствовавшая чужаков пара, расслабились, зафыркали, подошли ближе…

— Вас приняли, — тихо сказала магистр Стай, но услышали ее все.

Ребята, послушно замершие на краю поляны, вздохнули с облегчением и наконец-то рискнули последовать моему примеру.

Утром, идя на первую пару, мы и представить не могли, что нас ждет. А ждала нас сияющая Сантея Стай, мастерски открытый ею портал, невообразимо дивный край и волшебство. А перед этим — небольшая лекция, показавшаяся поначалу скучной. О том, как создавать исцеляющие амулеты, не будучи ни целителями, ни артефакторами. Всего-то и нужно, что обладать силой искусников и парой-тройкой шерстинок единорога. Ингредиент, конечно, не слишком распространенный, но отнюдь не редкий.

— Шерсть единорога можно купить в любой магической лавке, — блеснула познаниями Армея, и Ксанта закивала, поддерживая закадычную подругу.

— Можно, — хитро прищурилась магистр Стай. — А можно и добыть собственными руками. Так гораздо интереснее… И у вас будет гарантия, что это действительно шерсть единорога, а не какого-нибудь козла.

— Зачем козел? Где козел? — вздрогнул успевший задремать Джас.

— Убежал, пока вы спали, господин Такрей, — рассмеялась магистр и одним взмахом руки открыла серебристый портал. — Идем ловить?

И мы пошли…

Честное слово, могла бы — осталась бы здесь навсегда!

Пока девчонки, робея, налаживали контакт с единорогами, Джас ошалело хлопал глазами и, кажется, пытался сообразить, а проснулся ли он на самом деле. Пока он, встрепанный и растерянный, топтался на травке — так же, как и мы, босиком, ибо на том настояла магистр Стай, — ластившаяся ко мне единорожка проявила к нему нешуточный интерес. Обогнув меня, живое чудо бочком, чуть пригнув голову, двинулось к парню. Тот, оценив перспективу близкого знакомства, вздрогнул и осторожненько, не сводя глаз с единорога, спрятался за моей спиной.

— Ты чего? — удивилась я, не поняв смысла сего маневра.

— Говорил же, я не юная девица, чтобы единорогам умиляться, — нервно пробормотал Джас. — И вообще, чего этому чуду от меня надо, чего б ему к девчонкам не липнуть?!

Помянутое чудо передернуло ушами и слегка подалось вперед, хлопая густыми ресницами.

— Так она ж сама девочка, — осенило меня, и я коварно подтолкнула Джаса навстречу заинтригованной даме. — Давай налаживай контакт!

— Не умею ладить с лошадьми, — упирался тот.

Единорог оскорбленно фыркнул и попятился.

— Это и не лошадь, — возмутилась я. — Выбирай выражения!

— Простите, — смущенно буркнул совершенно дезориентированный Джас под внимательным взглядом прекрасных глаз.

Белоснежная леди снисходительно тряхнула шикарной гривой и игриво ткнула неучтивого кавалера носом в плечо. Хорошо хоть не рогом…

Что ж, знакомство состоялось. Магистр Стай осталась довольна, а единороги охотно поделились не только шерстью, но и золотистыми искрами, осевшими в прозрачном сосуде крупной пыльцой. «Искусникам все сгодится», — загадочно пояснила магистр на наш вопрос, зачем это вообще нужно. Пришлось утешить себя мыслью, что рано или поздно о назначении волшебной пыльцы нам расскажут.

Казалось, что на чудесной поляне мы пробыли всего ничего, но, вернувшись, обнаружили, что занятия уже закончились. Пообещав, что создание амулетов освоим в следующий раз, магистр Стай нас отпустила.

А в комнате меня ждал очередной сюрприз. Даже два.

С Лэн мы столкнулись у общежития, вместе и к себе поднялись. И, едва переступив порог, чуть на полу не растянулись, споткнувшись о небрежно сложенные коробки с яркими узорами на светло-бежевых боках. Вот и покупки подоспели…

— О, наконец-то! — хлопнула в ладоши Лэн, обойдя коробки и смерив их хищным взором. Жаль, не удалось посмотреть, как Даниэль их тащит…

— А он их и не тащил, — раздался тихий голос Радиши, и лишь тогда мы ее заметили.

Девушка сидела, забившись в угол своей кровати и накрывшись пледом так, что только взволнованно блестящие глаза и встрепанная макушка виднелись.

— А кто тащил? — поинтересовалась Лэн, подобравшись к подруге и приложив ладонь к ее лбу. Девушка и в самом деле

выглядела больной.

— Магистр Арто, — совершенно убитым тоном выдала Радиша. — И я, увы, была здесь…

— И что? — озадаченно спросила я.

Целительница же резко убрала руку, слегка порозовела и закусила губу. Кажется, я была единственной, кто так и не понял сути проблемы.

— Он принял меня за тебя… — прошептала Радиша. — Спросил что-то, а потом… Извинился и сбежал. Это же невозможно, правда? — добавила она с отчаянной надеждой. — Чтобы и он через чары видел…

— Ой, — выдала Лэн, прикрыв ладошкой рот.

— Что «ой»? — уже предчувствуя очередные неприятности, насторожилась я.

— А я вам не сказала, да? — виновато потупилась она. — У нас с братом один дар…

Вот только этого нам сейчас и не хватало! Радиша, до последнего надеявшаяся на лучшее, побледнела, натянула плед на голову и жалобно всхлипнула. Наверное, представила, что придется объясняться, что-то доказывать… А может, испугалась, что вести о необычной студентке достигнут не тех ушей.

— Без паники! — решительно заявила Лэн. — Я с ним поговорю. Немедленно. Никаких проблем не будет, клянусь!

И она метнулась к двери. На пороге затормозила, обернулась и скомандовала:

— Грейс, покажи Радише платье, пусть хоть немного отвлечется!

Я смерила коробки тоскливым взглядом. Если бы не они, Алек не пришел бы. Как же все не вовремя… С другой стороны, то, что он столь долго не сталкивался с Радишей лицом к лицу и не обращал на нее пристального внимания, можно объяснить лишь везением, а оное рано или поздно просто обязано было закончиться. И стоит ли так переживать? Лэн все уладит, в ней я ничуть не сомневалась. Да и Алек, хоть и бывает зараза заразой, на подлость не способен. А значит, все обойдется. Должно обойтись!

В этом и убеждала Радишу, пока потрошила коробки и показывала ей обновки. Туфли, сумочку, на которой настояла Лэн, всякую мелочь вроде чулок и кое-какой косметики… Платье оставила напоследок. К тому моменту подруга уже пришла в себя и даже улыбалась, с поистине девчоночьим любопытством разглядывая мои покупки.

Платье покоилось в самой большой коробке. Слишком уж большой… Я нахмурилась. Помнится, вчера она была немного

меньше… Или же показалось?

Но, как бы я ни медлила, все равно пришлось открывать, хотя не слишком приятное предчувствие и покалывало кожу. Неопасное, просто… было ощущение, что содержимое коробки мне не понравится.

Я ошиблась. И одновременно оказалась права.

Нежнейший фиолетовый шелк мягко замерцал, обласканный заглянувшим в окно солнышком.

Руки задрожали. Губы тоже. Да и в глазах подозрительно защипало… Так и не коснувшись неожиданного подарка, я резко встала и выбежала из комнаты, не реагируя на взволнованные оклики Радиши.

Похоже, я обзавелась дурной привычкой врываться к декану боевиков. На этот раз еще и столкнуться с ним умудрилась, запнувшись-таки о ворс ковра. Меня Дан подхватил. Бумаги, которые держал, — выронил, еще и лежавшие на столе смахнул…

Но ругаться не стал.

— Что случилось, Грейси? — спросил напряженно, не пытаясь выпустить из рук то, что практически само туда упало.

Он еще спрашивает?!

— Зачем? — выдохнула, безуспешно дернувшись в невольных объятиях. — Я не просила!

— Ты никогда ни о чем не просишь, — усмехнулся Дан, даже для приличия не уточнив, о чем я вообще.

— Потому что мне ничего не надо! — еще активнее затрепыхалась я. — И отпусти меня!

Слишком близко. От этой близости мысли не туда сворачивают и ругаться уже не хочется… А надо!

Отпустили. Окинули странным взглядом и руки на груди скрестили, словно приготовившись к защите. Только вместо защиты перешли в нападение…

— Это просто платье, Грейс. Возможно, слишком дорогое для студентки-первокурсницы, но вполне привычное для дочери Стефана Лэрэя. И для моей невесты. Имею же я право сделать невесте подарок?

Заготовленные возмущения вылетели из головы, но желание выразить эмоции лишь возросло.

Невесте? Подарок?! И не надоело ему издеваться?!

— Я не…

— Не просила, помню, — невозмутимо перебил Даниэль. — О подарках не просят, Грейси. Их просто дарят. От чистого сердца. Потому, что хотят порадовать. И как бы ты ко мне ни относилась… Не отказывай мне в этой возможности.

Сердце пропустило удар. Вот зачем так улыбаться?! Но я

упрямо выдохнула и уточнила:

— А в чем еще тебе не отказывать? В желании контролировать мою жизнь? Опекать на каждом шагу, как дитя неразумное? Террея, может, и небольшой город, только и я не законченная дура, Дан! Мастер Наррай принял меня из-за тебя? Это ты за меня просил?

Даниэль промолчал и глаза отвел. Что ж, хотя бы изворачиваться не стал… Теперь я знаю, чего стоит моя самостоятельность. Догадка и до этого по сердцу скребла, но, подтвержденная, и вовсе наотмашь ударила.

— Я бы и без тебя справилась! — выдохнула я, стараясь сдержать жгучие слезы. Сама же уверяла, что уже не ребенок. И плакать при нем больше не буду! — А ты в меня совсем не веришь!

— Я верю! — с какой-то злой горечью возразил Дан. — Как верю и в то, что в Террее немерено опасностей, особенно для молодой девушки! Верю, что ты до невозможности упряма и не умеешь просить о помощи, даже когда она необходима! А я хотел тебе помочь. Хотел! Но прекрасно осознавал, что ты никогда ничего от меня не примешь!

Он замолчал и прикрыл глаза, пытаясь успокоиться.

— Медальон… тоже от тебя? — тихо спросила я, пораженная его вспышкой и тем, как больно она отозвалась в моем сердце. Отозвалась и что-то перевернула. Так, что на миг дыхание перехватило, в глазах потемнело… и злость отступила.

Странно. И даже немного страшно. Но… правильно.

— Да.

На сей раз Дан был предельно краток и откровенен, но это почему-то не радовало. Сглотнув, я подошла ближе и осторожно коснулась ладонью его сжатой в кулак руки.

— Спасибо…

Похоже, не такой реакции он ждал. Вздрогнул, посмотрел недоверчиво… То же недоверие сквозило и в его вопросе:

— За что?

— За все, — упрямо ответила я. — За медальон. За платье. За заботу.

За то, что все еще терпишь меня. Последнее вслух не произнесла, хотя и хотелось. Пожалуй, достаточно на сегодня откровений. И пустых ссор — тоже.

— Ты ли это, Грейс? — протянул Дан, глядя на меня так, будто впервые увидел.

Я и сама этим вопросом успела задаться. Какая-то часть меня, мелкая, но очень вредная, требовала продолжения скандала. Шептала настойчиво, что глупо так легко сдаваться, когда правда

на моей стороне. Разве это я виновата в том, что наши отношения не задались? Разве не Дан оттолкнул меня два года назад? А сейчас он обижается, что я ничего от него не хочу… Но я решительно задавила этот искушающий шепоток, понимая, что иначе ничего не изменится. И на сей раз именно я буду в этом виновата. Да и потом, если отринуть давнюю обиду, то, наверное, такая забота была даже приятна. Осталось лишь научиться ее принимать…

— А тебе что-то не нравится? — улыбнулась я и, пока Дан не успел ответить что-нибудь не то и испортить хрупкий момент, добавила: — Извини за беспорядок. Давай помогу разобрать?

Дан ошарашенно кивнул, и я, расправив юбки, торопливо присела и принялась собирать бумаги. Он так же молча опустился на колени рядом, осторожно подхватывая тонкие листы и складывая их на краю стола. Не все подряд, а по стопкам. Что ж, раз предложила помощь — надо идти до конца. Один он с этими завалами до вечера возиться будет… И я попросила Дана объяснить, что и как складывать. Он окинул меня очередным, исполненным подозрений взглядом, но все же объяснил. Дело пошло веселее… правда, все в том же молчании, которое уже стало напрягать.

Ну хорошо. Если Даниэль все еще не может осознать, какая умная и послушная невеста ему досталась, и прийти в себя от нежданного счастья, я сама тему для разговора найду.

— Тебе, вообще, нравится это все? — выровняв очередную стопочку, в которой оказались контрольные выпускников, обвела я рукой кабинет и живописно разбросанные бумаги, число которых, невзирая на все наши старания, мистическим образом не уменьшалось. Поймала удивленный взгляд Дана, сообразила, что явно не так сформулировала вопрос, но исправиться не успела.

— Ты единственная, кто поинтересовался, — сказал Дан, отложив в сторону свою стопку, и задумчиво потер подбородок. — Знаешь… Кажется, я и сам до сих пор над этим не задумывался.

Я недоверчиво хмыкнула.

— Почему же ты этим занимаешься? Зачем вообще согласился?

Хотел чего-то нового, — пожал плечами Дан. — Интересно было, выйдет ли. И потом, это дает определенные полезные связи и… доступ в те разделы библиотеки, куда простым преподавателям ход заказан.

— И зачем он тебе? — недоуменно спросила я.

Как-то не замечала за ним раньше особой любви к редкой

литературе. Хотя… я слишком многого не замечала. Просто не позволяла себе. Во избежание.

— Интересно, — повторил Дан, причем со столь равнодушным видом, что я мигом неладное заподозрила.

Опять темнит! И опять нет никакой возможности это доказать и, что самое главное, прекратить!

Но, может, я себя попусту накручиваю и на самом деле нет здесь никаких тайн. Кажется, Даниэль влюблен в свою работу. Ради чего бы еще перспективный боевой маг бросил практику и запер себя в стенах академии? А я еще удивлялась, почему он не стремится расторгнуть заключенный нашими отцами договор! Да ему все равно, на ком жениться, он уже женат — на работе! И если от обычных любовниц избавиться можно, то здесь хоть головой о стену бейся.

Любовницы… В том, что они будут, сомнений не возникало. Налево ходили и те, кто женился по любви, что уж говорить о браке договорном, где обе стороны хорошо если хотя бы терпят друг друга.

И я с внезапной тоской осознала, что не хочу делить Дана ни с кем. И ни с чем.

Мысль обожгла, плеснула огнем на щеки, вырвалась тяжелым вздохом. Как же я так влипнуть-то умудрилась?!

— Грейс? — заметив мое странное поведение, оторвался от бумаг Дан.

— Ты работай, работай, не отвлекайся, — мрачно посоветовала я. Кто бы еще мне посоветовал, как теперь быть.

— Грейси, — и не подумав прислушаться, вкрадчиво начал Даниэль, — а может, передумаешь? Ты же все равно к искусникам не хотела, а с бумагами так ловко управ…

— Нет! — рявкнула я, ударив ладонью по полу. Жаль, ковер весь эффект испортил. — И не мечтай!

Уступишь в одном — не успеешь оглянуться, как в бесплатных домработницах окажешься, а там и вовсе о твоем существовании забудут.

— Я буду учиться. И ты не вправе запретить!

— Грейс, остынь, — усмехнулся Дан. — Я и не собирался. Просто пошутил.

— Шутки у тебя дурацкие! — надулась я, некстати вспомнив наш первый и последний поцелуй. Тоже ведь шутка была… Злая, до крови душу оцарапавшая.

— Прости, — вздохнул он, легко коснувшись моей руки. И почему-то подумалось, что он тоже не о сегодняшнем говорит…

Тряхнула головой, избавляясь от нелепых мыслей, но не тут-то было. Не думать не получалось, да и непрошеные эмоции

кипели слишком сильно. И чем больше я осознавала свои чувства, тем больше не хотела этого брака, в котором буду слишком уязвима… и нелюбима.

Папочка-а-а… За что ты поступил со мной столь подло и жестоко?! Чем я вообще это заслужила?!

Отдернув руку, я вновь закопалась в бумаги, смотря лишь на них, но упорно не видя. С этим нужно что-то делать. Срочно. Наверное, даже хорошо, что папа скоро приедет. Ругаться будет, конечно, сильно, но… он отходчивый и к моим выходкам привычный. Выпустит пар, а потом мы поговорим. Не так, как раньше, когда на истеричные заявления о том, что Дан меня жутко бесит и я просто не выдержу, папа с улыбкой уверял, что это пройдет и я гораздо сильнее, чем думаю. Поговорим серьезно. Может, хотя бы сейчас он прислушается.

— Грейс, ты в порядке? — отвлек от мрачных размышлений Даниэль.

— В полном, — соврала я. Получилось не слишком-то убедительно, и он недоверчиво усмехнулся:

— А мне кажется, что ты сейчас взорвешься. Тебе бы прогуляться, свежим воздухом подышать. Я сам закончу.

— Как скажете, господин декан, — решив, что так действительно будет лучше, буркнула я и, кое-как, едва не запутавшись в треклятом платье, поднявшись, покинула кабинет.

Взорвусь? Да легко! И вряд ли здесь поможет прогулка… Растревоженные мысли по-прежнему не радовали, становясь все изощреннее и бредовее. Некстати вспомнилась магистр Стай. Само совершенство. Такая, как она, никого равнодушным не оставит. Никого… Я шумно выдохнула и потрясла головой, не желая об этом думать. Покосилась на плотно прикрытую дверь, за которой остался Дан с бумагами. Нет, не вернусь. Иначе наговорю еще больших глупостей, чем уже успела. И от моего разумного поведения ни следа не останется, что было бы обидно вдвойне. И, развернувшись, я направилась прочь.

Только вот далеко не ушла.

Вырвавшийся из-за поворота цветастый, благоухающий дорогими духами вихрь едва не сбил меня с ног, прижал к стене и злобно прошипел прямо в лицо:

— Как же ты надоела! Когда же тебя уже демоны поберут?!

— Не раньше, чем ты научишься хорошим манерам и вернешь на место свой мозг, — поморщилась я, отпихивая разъяренную Талис. Тут еще разобраться надо, кто кому надоел больше! — Чего ты вообще ко мне прицепилась?!

— Это ты к Дану прицепилась! — сверкнула ярко подведенными глазищами наглая девица. — Он мой!

Я едва успела проглотить нервный смешок. Окинула рыжую скептическим взглядом, особое внимание уделив буйной шевелюре и возмутительно короткому розовому платью, и покачала головой:

— Разве что в мечтах.

Я еще могла представить — и, собственно говоря, только что представляла — Даниэля с Сантеей Стай, что было бы неприятно, зато вполне понятно. Но это недоразумение… Нет. Вряд ли красивые, но безмозглые куклы в его вкусе. Не она ли в тот вечер в кустах возле дома Дана шуршала? Иначе с чего так взъелась? С другой стороны, до сих пор никому ничего не разболтала, что весьма удивительно. Так что, может, и не она…

Любоваться перекошенным от ненависти личиком сумасшедшей рыжей я не стала. Выдернула локоть из ее побелевших пальцев и пошла прочь.

— Ты еще пожалеешь, что вообще здесь появилась! — понеслось в спину сдобренное ядом обещание, которое не слишком-то впечатлило.

Поздно, милочка. Какая-то часть меня уже горько жалела, что я сразу в Рэстан не подалась. Ведь тогда удалось бы избежать стольких проблем!

ГЛАВА 24

— У тебя слишком счастливый вид для завалившей зачет, — проворчала Лэн и несильно стукнула Радишу расческой по макушке, чтобы не вертелась. — Сиди смирно!

— Сижу, — покорно выдохнула подруга и вновь мечтательно улыбнулась, глядя на свое отражение.

Ярко-синее платье с завышенной талией ей безумно шло, как и накрученные Лэн локоны, спускающиеся на открытые плечи. Жаль, что такая красота останется незамеченной…

За пару дней до бала академию облетела долгожданная новость: сектантов, лишивших город покоя, нашли и частично повязали, частично разогнали, но потрепали сильно, так что даже сумевшие уйти еще долго не оправятся. Эта группа оказалась небольшой и не слишком-то сплоченной. Зато чувства собственного величия и неуязвимости ее членам было не занимать, за что они в конечном счете поплатились. Со следующей недели переставал действовать запрет на выход в город, и общее настроение, приподнятое в связи с балом, взлетело до небес. Но Радиша все равно отказалась расставаться с амулетом. Так ей было спокойнее, и, наверное, она права, но сейчас, глядя на свою «близняшку», я чувствовала острую досаду оттого, что ей не доведется показать себя настоящую. Зато Радишу это совершенно не волновало. Она просто-таки сияла, и, видя ее счастье, успокоилась и я.

Неприятную ситуацию с Алеком Лэн, как и обещала, разрешила. Он поклялся сохранить секрет Радиши, и оснований не верить ему не имелось. Как и злиться на Лэнис, забывшую рассказать о талантах братца. Нежно-розовое платье и перекинутая через плечо светлая коса затейливого плетения придавали ей вид романтичный и невинный. Девочка-ромашка… В такой несгибаемый характер ни за что не заподозришь. Если не увидишь, как она, ругаясь сквозь зубы, причесывает не в меру рассеянную подругу, десятью минутами ранее выставив незадачливого кавалера за дверь — со строгим наказом ждать сколько придется, если, конечно, не хочет провести бал и остаток жизни в гордом одиночестве.

Со мной госпожа будущая целительница уже закончила, и я стояла у окна, боясь лишний раз шевельнуться и борясь с желанием прилипнуть взглядом к зеркалу, у которого Лэн все еще сражалась с волосами Радиши. Все-таки платье было волшебным… и превращало меня в настоящую принцессу. Накануне бала я, опасаясь за его сохранность, испробовала все

изученные на тот момент чары. И неизученные в придачу, хотя для этого и пришлось полистать учебник. Подруги тоже возжелали чудес бытовой магии, и я честно зачаровала наряд Радиши, а вот на Лэн сил уже не осталось. Но она не расстроилась. Аккуратно сложила свое платье в чехол, невинным тоном уточнила, где живет Джас, и ушла. Вернулась поздно, с зачарованным платьем и настолько довольная, что я потребовала поклясться, что Джас жив и хотя бы относительно здоров.

Взгляд вновь помимо воли скользнул к зеркалу. Боюсь, вид у меня был не менее счастливый, чем у витающей в облаках Радиши… Я нервно провела ладонью по уложенным в прическу волосам, поправила кокетливые прядки, нарочно оставленные Лэн на «свободе», скользнула кончиками пальцев по браслетам на левой руке.

Магистр Стай все же научила нас плести простейший амулет, заодно показала, как можно воссоздать практически любой материал, будь то обычная нитка или же шерстинка единорога. И ее метод отличался от метода магистра Кэр, продемонстрированного нам на общей лекции. Прежде всего — уровнем сил, необходимым для результата. Ну и самим результатом, который на сей раз не заставил себя ждать. Сложное, энергоемкое заклинание, приносящее опустошение и… восторг. Восторг созидания. И пусть пока что нам, полностью выложившись, удалось воспроизвести лишь одну-единственную шерстинку — оно того стоило.

У меня получилось сплести не один, а целых два браслета. Хватило и сил и желания, смешанного с неведомым ранее азартом. Сантея Стай долго вертела мои поделки в тонких пальцах, а потом, одобрительно улыбнувшись, посоветовала подарить второй браслет тому, кому сердце подскажет.

Пока что сердце молчало. Зато нестерпимо захотелось надеть браслеты на бал. Сразу оба. Наверное, не очень уместное украшение, но, выполненные в зелено-фиолетовых цветах, они вполне гармонично сочетались с платьем.

С подоконника послышался тихий шорох. Бумажный голубь, залетевший в комнату час назад, нетерпеливо подпрыгивал, намекая, что неплохо было бы и ответить на послание, состоявшее всего из двух слов.

— Не передумала? — озвучила оные Лэн, закручивая последнюю прядку.

— Нет.

Я схватила голубя и завалявшийся там же, на подоконнике, огрызок карандаша, нацарапала ответ и выпустила вестника в приоткрытое окно.

— Ну и зря, — припечатала Лэн. — Это было бы полезно. Причем обоим.

Я рассеянно пожала плечами. Понятия не имею, какую пользу извлечет Дан из того, что я пойду на бал с Марком. Для себя тоже ничего заманчивого не видела. Разве что назло Дану, но кому от этого легче будет?

Настроение поползло вниз, и я, упрямо закусив губу — под негодующий вопль Лэн, чтобы не смела есть помаду, — сосредоточилась на более приятном. Сияющая Радиша для этих целей вполне подошла, более того — заразила своей радостью, и всего через несколько мгновений мне вновь захотелось улыбаться.

К демонам проблемы и запутанные отношения. Хотя бы сегодня, потому как, увы, никуда мы друг от друга не денемся. А вот праздники не настолько часты, чтобы позволять чему бы то ни было их портить.

Еще с вечера вся академия, и изнутри и снаружи, преобразилась, засияла яркими огоньками, расцвела диковинными иллюзорными цветами, превратившись в сказочный замок. Для полноты картины не хватало только парящего над башнями дракона. Но если учесть все обстоятельства, то, пожалуй, как раз драконов нам и не нужно. Мне так уж точно.

Первокурсников к подготовке бала по давно устоявшейся традиции не допускали. Лэн, в прошлом году, по ее же собственному признанию, немало негодовавшая по сему поводу, на этот раз сама не захотела участвовать, а потому убранство огромного зала, предназначенного для торжественных мероприятий, оказалось для нас сюрпризом.

Едва шагнув за порог, я словно в недавнем сне оказалась. Приглушенный мягкий свет; окна, затянутые лунным туманом, словно двери в иные миры; колонны, увитые изумрудно-зеленым, загадочно мерцающим плющом, и сияющие бабочки всевозможных оттенков, под легкую, ненавязчивую мелодию порхающие меж столь же ярких, радостно улыбающихся студентов и преподавателей академии, коими полнился зал. Одна бабочка, не особо крупная, золотисто-лиловая, опустилась на мое плечо, где и застыла подобно необычной брошке. Прогонять ее не стала — побоялась, что от неосторожного движения иллюзия исчезнет, да и потом, красиво же. Так и пошла вслед за Лэн, выступающей с грацией истинной королевы, и гордо задравшим нос Карлом. Радиша чуть отстала, любуясь превращенным в звездное небо потолком. Я тоже осматривалась, и вовсе не для того, чтобы наслаждаться плодами фантазий старшекурсников. Но, сколько ни всматривалась, Даниэля так и не увидела… А

может, он вообще не придет?

Ох, да что это со мной?! Не придет, и ладно. Решила же не думать о нем и просто веселиться, а сама… И пяти минут не прошло, как в толпе разглядеть пытаюсь!

Богиня, кажется, я безнадежна…

Но окончательно скиснуть мне не дали.

— Только единорогов не хватает, — раздался позади нарочито ворчливый, не слишком-то успешно скрывающий нотки восторга голос. — Кстати, здорово выглядишь.

— Спасибо, — повернувшись к облаченному в белоснежный, уже облюбованный стайкой бабочек костюм Джасу, улыбнулась я. — Ты тоже. А где девочки?

— Где-то тут, — пожал он плечами, с которых тут же вспорхнуло по огромной бабочке, и, не удержавшись, добавил не без ехидства: — Ищи боевиков — найдешь и девчонок.

— Завидуешь? — фыркнула я, наблюдая, как Джас отмахивается от пытающихся обосноваться в его волосах летуний. А ничего иллюзии, прочные, не рассеиваются. На совесть делали… тоже хочу так уметь!

— Было бы чему, — с выражением лица «я выше этого» отмел обвинения однокурсник и поспешно перевел тему: — Смотри, кажется, начинается…

В дальнем от дверей углу, куда Джас ненавязчиво тянул меня, находилось возвышение вроде сцены, освещенное куда ярче остального пространства. И оно не пустовало… Плана Корревайн, как всегда, была ослепительна. Ректор сменила мантию на серебристо-синее платье, строгое и одновременно нарядное, волосы убрала в сложную прическу, а глаза ее сияли ярче драгоценных камней. А еще она улыбалась. К этому моменту Джас подтащил меня почти вплотную к сцене, так что разглядеть невиданное ранее зрелище удалось без труда. На общем собрании в начале учебного года я и подумать не могла, что эта женщина умеет так улыбаться — мягко, светло, по-доброму. Я засмотрелась на это чудо и, лишь когда магистр Корревайн, добившись тишины, начала приветственную речь, обратила внимание на стоявшего рядом с ней молодого мужчину. Строгий темный костюм, яркие зеленые глаза, черные волосы, заплетенные в косу…

Так вот почему он казался таким знакомым!

Я даже дышать на миг перестала, а Марк, безошибочно найдя меня в благоговейно внимающей толпе, еще и подмигнул едва заметно! Или же просто показалось?..

— Джас, — прошипела я, толкнув приятеля в бок, — это кто?!

— Ректор, — недовольно бросил он.

— Рядом с ректором! — не сдавалась я, передернув плечами. Нет, не показалось, этот хвостатый интриган на меня совершенно точно смотрит! — Джа-а-ас!

— Помощник ректора, — поняв, что я все равно не отстану, смиренно отозвался однокурсник. — Ее правая рука и очень крутой, насколько я могу судить, маг. Маркус Эрван.

Стало понятно, откуда он знает мое имя. Действительно, это его работа. Зато появился вопрос: что правой руке ректора и просто крутому магу от меня вообще понадобилось? Или он всех студентов, с которыми пришлось нечаянно столкнуться, какао угощает и на бал приглашает?

— Марк, значит, — недобро прищурившись в ответ на безмятежно-наглый взгляд, пробормотала я. — Что же ты, Марк, полным именем-то представиться забыл?!

— Что? — не расслышал Джас.

— Спасибо, говорю, — буркнула я, и приятель вновь превратился в слух.

Я шагнула ему за спину, чтобы отгородиться от пристального внимания, и тоже попыталась сосредоточиться на речи ректора. Вернее, на самом ее финале и пожеланиях отдохнуть от учебных будней и от души повеселиться.

— А сейчас — обещанный сюрприз! — провозгласила магистр Корревайн.

Марк-Маркус, выступив вперед, плавно повел рукой…

И зал на пару мгновений утонул в золотистом свете, мягком, теплом и напоенном нежным ароматом сирени. Страшно не было — просто странно и удивительно приятно. А когда свет схлынул, раздался слаженный вздох восхищения.

С легкой руки помощника ректора обычный бал превратился в дивный маскарад. И без того прекрасный зал засиял, словно ограненный драгоценный камень. Теперь он еще больше походил на уютный уголок сказочного леса, посреди которого раскинулось отражающее ночное небо озеро, чистое, прозрачное, украшенное нежными лилиями. Иллюзия конечно же, но невероятно качественная, настолько, что при первом взгляде под ноги дыхание перехватило. Наряды тоже преобразились и дополнились изящными масками, скрывающими лица. Мое платье золотисто мерцало и, притом что вроде бы осталось прежним, стало еще прекраснее, а маска — я не удержалась и сняла ее, чтобы рассмотреть, — напоминала застывшую на плече бабочку и очертаниями и цветом.

Джас растерянно поправил свою маску, серебристо-белую, под цвет костюма, из излишне строгого превратившегося в настоящий наряд принца — бабочки и на нем имелись, причем

смотрелись на диво уместно, — и протянул руку:

— Потанцуем, принцесса? — Голос прозвучал чуждо, наверняка из-за маски. — А то ведь затопчут.

Быстро отошедшие от неожиданности студенты уже кружились по полу-озеру в медленном, под стать музыке, танце, в который можно было лишь влиться, чтобы не разрушить волшебство момента. И я согласилась, вложив ладонь в ладонь однокурсника.

Джас двигался умело, переживать за сохранность ног не пришлось, и я, расслабившись, решила осмотреться. Все было совсем как с моим платьем: вроде бы и по-прежнему, но в то же время неуловимо иначе. И я уже не могла с уверенностью сказать, кто только что с веселым смехом скользнул мимо нас, кто едва-едва топчется у самой кромки «озера», кто попросту присел на опустевшее возвышение… Подруг, как ни вглядывалась, я так и не нашла. Я бы и Джаса, наверное, не узнала, не будь он рядом в миг преображения.

Настоящий маскарад, когда знакомые превращаются в незнакомцев, незнакомцы ведут себя так, словно давным-давно знакомы, а иллюзия становится реальностью, сказочной, хрустально-хрупкой и оттого еще более прекрасной.

В какой-то момент наш танец прервали.

— Позволите? — вежливо поинтересовался кто-то, и Джас, слегка поклонившись, отпустил мою руку, которая тотчас же оказалась в чужой ладони. — Вы прекрасны, моя леди.

А это уже мне. Впрочем, мог бы и не стараться, очарование очарованием, но злиться я еще не перестала.

Если мой однокурсник казался воплощением света, то мужчина, вновь поведший меня в танце, олицетворял все самое таинственное, что только скрывает тьма. Черный, расшитый мерцающими темно-багровыми камешками костюм и черная же маска в форме клюва хищной птицы ему невероятно шли. Загадочно до головокружения, могло бы и сработать, но… Все безнадежно портила неизменная коса и зеленые глаза, пусть и смотрящиеся немного чуждо сквозь прорези зачарованной маски, но не утратившие ни капли знакомой наглости.

— Маскироваться надо тщательнее, господин Эрван, — хмыкнула я, ничуть не сомневаясь, что создатель иллюзии без труда меня опознал, и, повинуясь не слишком-то приличному и неудержимому порыву, потянула за кончик заманчиво покоящейся на плече косы.

— Не продумал, — легко согласился ничуть не опечаленный разоблачением Марк… или как там его на самом деле зовут.

Врет как дышит. Даже лучше, чем у Дана, получается.

— К чему эти игры? — прямо спросила я.

— О чем ты? — вроде бы искренне удивился он.

— Обо всем. Какао, приглашение на бал, и при этом — ни слова о том, кто вы… Зачем, господин Эрван?

— Вот и ответ на твой вопрос, — улыбнулся Марк. — Так было намного проще. И ты не обращалась ко мне столь официально.

— А как еще дозволено обращаться к правой руке магистра Корревайн? — Удивляться я умею не менее искренне.

Но смутить Марка оказалось нереально.

— Как и раньше. Я же не ректор. И не твой преподаватель. Не предполагал даже, что тебя расстроит мое положение…

— Я не расстроена, — возразила я. — Просто так нечестно.

Одну мелодию плавно сменила другая, чуть более быстрая, но такая же завораживающая. Мы стояли посреди танцующих пар и мерили друг друга задумчивым взглядом.

— Хорошо, — первым сдался Марк. — Давай начнем сначала. Я — Маркус Эрван, помощник магистра Корревайн и обычный человек, который любит какао, балы и неофициальное общение с вредными и подозрительными студентами. Надеюсь, недоразумение улажено?

Вредная и подозрительная студентка недовольно фыркнула, но больше вредничать не стала и даже против второго танца не возразила. Если подумать, ничего страшного не случилось, и маленький, не способный никому навредить секрет еще не повод обижаться всерьез.

— Так ты искусник? — спросила я с любопытством. — Это же твоих рук дело?

— Моих, — кивнул Марк. — Иллюзии всегда мне удавались.

— Дело в бабочках, да? — озвучила я свою догадку.

Бабочки имелись на всех нарядах, и я предположила, что именно они послужили источником чар. Единовременно, всего лишь за пару мгновений, охватить всех присутствующих — слишком сложно, энергозатратно и ненадежно.

— В них, — улыбнулся Марк и добавил, подтверждая мои выводы: — Сделать заготовки намного проще и эффективнее.

— Невероятно красиво получилось, — признала я и вновь почувствовала желание научиться делать такие же иллюзии — изящные, неотличимые от реальности даже на ощупь.

— У тебя тоже получится, если очень сильно захочешь, — подбодрил Марк, словно подслушав мои мысли. Хотя ведь Дан говорил, что их несложно просчитать… Может, и не шутил.

Поймав себя на том, что опять вспоминаю Дана, я разозлилась уже на себя. Решила же веселиться! Тем более и

компания неплохая. Вроде бы. С Марком оказалось легко разговаривать. Он охотно отвечал на вопросы, советовал что-то по учебе и шутил, а у столов с напитками, поставленных в похожей на грот нише, отговорил пробовать ярко-оранжевый сок — судя по лицу не столь удачливого парня, меня избавили от не самых приятных ощущений.

— Старшекурсники любят подобные штуки проворачивать, — пояснил Марк, пока я наблюдала, как бедняга, полыхая оранжевыми — под стать напитку — ушами, жадно пьет обычную воду. На ней и я свой выбор остановила, несмотря на уверения Марка, что остальное безопасно.

В то время как он возвращал незадачливому студенту изначальный цвет ушей, я по привычке вглядывалась в разноцветную толпу… и увидела-таки Даниэля. Он был без маски, в обычной одежде, и оттого очень заметен. В первое мгновение я обрадовалась так, что сердце с утроенной силой заколотилось, во второе — еще больше разозлилась, а потом и вовсе растерялась — Дан шел ко мне. Или же просто в мою сторону, ведь под зачарованными масками он вряд ли мог кого-либо узнать.

Но проверить, так это или нет, не получилось — Даниэль попросту не дошел. Наперерез ему из-за колонны вынырнул тощий парнишка в вычурном костюме и, сдвинув на затылок маску с рожками, что-то затараторил, размахивая руками. Дан морщился, но слушал, мрачнея по мере рассказа. И, бросив на меня странный взгляд — неужели и правда узнал? — развернулся и направился вслед за вновь натянувшим маску парнем.

Ни радости, ни злости я больше не ощущала. Лишь едкую обиду, разочарование и желание спрятаться в темном уголке.

Пора было признать: праздник не удался. И винить в этом я могла только себя.

— Красивый медальон.

Я вздрогнула и непонимающе посмотрела на Марка. Даже не заметила, что он закончил с жертвой глупых розыгрышей. И как подаренный Даном медальон выбился из-под платья — тоже.

— Подарок, — скупо обронила я, пряча его от любопытного взора. Почему-то медальон не хотелось никому показывать, и внимание Марка неприятно укололо и немного испугало. Или же все дело в драконьей чешуйке, надежно скрытой в серебряном кругляше? — У тебя ничуть не хуже, — стремясь отвлечь слишком уж задумчивого помощника ректора от моего медальона, кивнула на его собственный, крупный, черненый, с очень сложным абстрактным изображением.

— А, обычный амулет, — небрежно отмахнулся Марк. —

Защита от призраков.

— Зачем? — удивилась я. — В академии же только леди Эллан, но она безобидна!

— И не в меру любопытна, — недовольно поджал губы он.

— А тебе есть что скрывать? — вырвалось у меня.

— Всем нам есть что скрывать, — пожал плечами Марк. — Разве нет?

Я хотела было возразить, но припомнила собственный секрет и скрепя сердце кивнула. Действительно, у всех есть свои тайны. Может, совершенно незначительные для других, но оттого не менее оберегаемые. И потом, отношения разные бывают… Кто сказал, что Грейс Эллан со всеми мила и дружелюбна?

Разговор увял сам собой. В висках медленно разливалась тяжесть, и веселая, полная волшебства атмосфера бала показалась слишком давящей… душной.

— Грейс, что-то не так? — встревоженно спросил Марк, заметив мое состояние.

— Устала, — вымученно улыбнувшись, сказала я. И даже не солгала — в самом деле ведь устала. Прежде всего от собственной глупости и нелепых надежд, которые неизвестно зачем холила и лелеяла, прекрасно зная, чем все закончится. — Мне нужно на свежий воздух.

Может, хоть он немного мысли прояснит и все еще тлеющую обиду остудит.

— Я провожу, — вызвался Марк, но я помотала головой:

— Не стоит. Я хочу побыть одна.

Слава богам, он не настаивал. К выходу я шла, ища взглядом подруг — вот они бы сейчас точно не помешали, — но, увы, иллюзии надежно скрывали их. А может, и к лучшему. Пусть веселятся, было бы слишком эгоистично нагружать девочек своими проблемами. Сама разберусь, не впервой.

В коридоре было значительно тише. Таинственно мерцали усеивающие стены волшебные огоньки, слегка подсвечивая путь. И чем дальше я уходила, тем явственнее слышала шепот, невнятный, шелестящий, словно эхо давно минувших веков. Замок будто пытался что-то сказать, но я его не понимала… И от этого становилось еще грустнее.

Я осторожно погладила шероховатую кладку и прижалась к ней ухом, словно надеялась, что так точно разберу тихие жалобы. И показалось, будто под грубым камнем бьется живое сердце. Отпрянув от неожиданности, я недоверчиво осмотрела стену и вновь приникла к ней, но на сей раз ничего не услышала. Почудилось, не иначе. Как и все остальное.

Пока я вслушивалась в шорохи академии, глупая тоска

отпустила душу, и дышать стало намного лете. Можно было бы и вернуться, ведь праздник в самом разгаре. Найти девчонок или же остаться с Марком. Я в задумчивости оглянулась и краем глаза заметила какое-то быстрое движение. Обернулась и увидела, что за поворотом коридора исчезает нечто, похожее на клочок белесого тумана… Или же на край платья одной призрачной леди.

Я подхватила пышные юбки и побежала за ней. Зачем — не знаю. Леди Эллан я не видела давно, и не сказать чтобы стремилась к этому — перемен в жизни и без того произошло достаточно. Но что-то будто толкало вперед, что-то сильное и настойчивое, чему нельзя было противиться. А едва завернув за угол, я застыла, оказавшись лицом к призрачному лицу.

Леди Эллан парила над полом всего на расстоянии вытянутой руки. Она улыбалась, глядя мне в глаза. Грустно и понимающе, словно знала то, о чем я пока что не догадывалась. И от этой улыбки и взгляда, в которых в общем-то не было ничего страшного, меня сковал такой ужас, какой не мог вызвать даже проникновенный полуночный вой над изголовьем кровати. А когда что-то коснулось моего плеча, я и вовсе заорала…

И наверняка подняла бы переполох, не заглуши чья-то ладонь вырвавшийся из груди крик.

ГЛАВА 25

— Тише! — прошипел незнакомый голос с очень знакомыми интонациями. Да и ощущения присутствия были знакомыми, настолько, что паника, охватившая меня, бесследно исчезла — а вслед за ней и зажимавшая рот ладонь. — А теперь медленно и спокойно отступай. Без резких движений!

Меня осторожно потянули назад. Я послушно попятилась, не сводя глаз с леди Эллан, покачивающейся, словно одинокий листок на ветру. Даже дыхание задержала и перевела его лишь тогда, когда призрак остался за поворотом.

Позади тоже вздохнули, шумно и с явным облегчением.

— Что это было?! — обернувшись, нервно спросила я привалившегося к стене мужчину в темно-сером старомодно-сказочном костюме с фиолетовой отделкой и золотисто-лиловой маске, закрывающей почти все лицо.

Хорош… Словно с полотен позапрошлого века, которые я в детстве любила рассматривать, сошел. И наряд так с моим платьем гармонирует, просто загляденье… Может, оттого, что бабочка, драгоценной брошкой застывшая на сюртуке, была точной копией той, что облюбовала мое плечо.

— Ничего страшного, — пожал плечами мужчина. — На леди иногда находит… Особенно по праздникам, когда в замке слишком шумно, а чужое веселье тревожит старые воспоминания.

Я вздрогнула, будто вновь ощутив пронзительный взгляд леди Эллан. И, пожалуй, поняла Марка и его желание защититься. Подозреваю, он тоже однажды встретился с ней в разгар праздника в безлюдном темном коридоре… Вряд ли, конечно, призрак способен причинить какой-нибудь вред, но проверять на собственном опыте совершенно не хотелось.

Пережитый ужас вкупе с недавними, все еще не затихшими эмоциями словно непоседливых демонят в душе разбудил. Шагнув к спасителю, я положила ладони на его плечи, приподнялась на цыпочки и, быстро поцеловав в щеку, восторженно прошептала:

— Спасибо, мой герой!

Герой окаменел. Потом попытался что-то сказать, но получилось нечто вроде шипения рассерженного кота. Даже глаза недобро полыхнули… Но то просто вспыхнувший огонек в них отразился, хотя смотрелось эффектно.

— Остынь, а то взорвешься, — ласково вернула его же совет я, отступая.

— Узнала, значит, — хмыкнул Дан и стянул-таки маску.

Узнала. Еще до того, как увидела.

— Не ты один на такие фокусы способен, — отозвалась небрежно, тоже избавившись от маски. — Хотя быть в двух местах одновременно я не умею… Ты же ушел! И костюма у тебя не было…

— Ушел, — кивнул Дан. — Для всех, кто меня достал за этот бесконечный день, я сижу в собственном кабинете и работаю как проклятый.

Я помотала головой, окончательно сбитая с толку, и Дан все-таки сжалился. Вытащил из кармана невзрачную загогулину на цепочке и показал мне:

— Этот амулет создает очень качественные иллюзии. От оригинала не отличить. Особенно если заранее задать необходимые свойства и обозначить набор нужных действий. Подарок Сантеи, а ей равных здесь нет.

При звуках имени наставницы в душу снова острые коготки вонзились. Пришлось закусить губу, чтобы лишнего не наговорить.

— И давно вы знакомы? — осведомилась я ровным тоном.

— Около года. А что?

«Да вот пытаюсь понять, насколько хорошо нужно узнать человека, чтобы делать… и принимать подобные подарки», — очень хотела ответить я, но благоразумно не стала.

— Ничего, — сказала вместо этого и, решившись, добавила: — У меня тоже есть для тебя подарок.

Браслет легко соскользнул с руки и так же легко обхватил запястье Дана. Зачарованный узелок завязался с первого раза, словно сам собой. Теперь ни за что не потеряется, если новый хозяин того не пожелает.

— Это моя первая работа. Не знаю точно, что он делает, — виновато пробормотала я, не поднимая глаз. — И если тебе не нравится…

— Нравится, — поспешно заверил Даниэль, погладив браслет кончиками пальцев. — Спасибо.

Фух. И не так страшно оказалось, хотя сердце до сих пор колотится. Почти так же, как при встрече с призраком. Кстати о нем…

Я попыталась заглянуть за угол, но Дан бдительности не утратил.

— Не стоит, — покачал он головой, придержав меня за локоть. — Не трогай ее, все равно ничем не поможешь, только сама пострадаешь.

— Как? — недоуменно спросила я.

— Подхватишь ее эмоции, — вздохнул Дан. — Думаю, часть

ты уже ощутила. Хочешь испытать всё?

Я замотала головой. Нет уж, если тот ужас был всего лишь частью, то я знать не желаю, чего именно! Но леди Эллан тоже жалко. Неужели действительно нельзя ей помочь?!

— Поверь, лучше не вмешиваться, — не обнадежил Дан. — Это пройдет, причем быстро.

— А если на нее еще кто-нибудь наткнется? — спохватилась я.

— Ты забыла, что видеть ее могут далеко не все. Подозреваю, на данный момент только мы с тобой. Так что не тревожься. И пойдем-ка отсюда, пока леди не возжаждала общения…

— Вернемся в зал? — предложила я.

— Уже соскучилась по Эрвану? — недобро улыбнулся Дан.

— Ну знаешь ли!.. — задохнулась от незаслуженного упрека я.

— Знаю, — неожиданно покладисто согласился Дан. — Прости. И нет, мы не вернемся. Я хочу тебе кое-что показать. Позволишь? — протянул он мне руку.

Колебалась я недолго. Возвращаться и в самом деле не хотелось, да и любопытно стало, а потому я вложила в его ладонь свою и кивнула.

Веселье осталось далеко позади. Непривычно тихая, освещенная лишь разноцветными огоньками академия завораживала и немного пугала. Шагая рядом с Даном, крепко держась за его руку, я чувствовала себя словно во сне.

— Куда мы идем? — не выдержала я, когда мы свернули в неприметный темный коридорчик и созданный Даном огонек высветил убегающую вниз лестницу. — Все-таки раздумал жениться, но денег стало жаль, и ты решил просто придушить меня и спрятать тело в подвалах?

Дан неловко дернулся, чуть не затушив огонек, и посмотрел так, что самостоятельно закопаться захотелось.

— Не смешно, — холодно заметил он.

— Ты тоже не мастер шуток, — проворчала я едва слышно. — Ну так что?

— Мы идем в подвалы, чтобы кое-что исправить. Твою непереносимость магии, — огорошил Дан.

— Чушь! — воскликнула я. Ну ведь глупость же! — Я всю жизнь ею пользуюсь!

— Речь о магии агрессивной, — терпеливо пояснил он. — Той, что несет опасность, а также пытается так или иначе на тебя влиять, вмешивается в работу организма. Боевые чары, целительские…

А может, и не чушь. По крайней мере, это многое объяснило

бы.

— А твоя магия? — жалобно уточнила я. — От нее не плохо, только спать хочется. Почему?

— Понятия не имею, — с честным видом солгал Дан, но ловить его на этом я не стала — и так было о чем подумать.

— Но откуда это взялось?! — расстроилась я.

Прожить почти восемнадцать лет и не знать о себе столь важных вещей! Как так вообще получилось? Почему папа об этом умалчивал? Ведь я хотела стать боевым магом, а он, вместо того чтобы все объяснить, попросту запретил!

— О причинах спрашивай Стефана, — словно прочитав мои мысли, ответил Дан. — Я и так сказал больше дозволенного.

— Дозволенного кем? — вцепилась в его неосторожные слова я. — Отцом? Откуда ты вообще об этом знаешь?

— Не важно, — привычно отбрил он. — Важнее сейчас другое. Я могу это исправить. Если ты мне доверишься.

Вместо ответа я шагнула в черный проем и, придерживаясь за стену, начала спуск. Лестница была довольно широкой, так что догнавший меня Дан прекрасно пристроился рядом. Держаться за него показалось надежнее, чем за стену; он не возражал. Огонек медленно летел впереди, освещая убегающие в темную бесконечность ступеньки. Такая же бездна царила в моих мыслях. Незыблемым сейчас было одно: Дану я верю. Несмотря на бесконечные тайны, недомолвки, постоянные ссоры и тянущиеся еще с детства обиды, я просто знала, что на него можно положиться. А права ли я и что из этого в итоге выйдет… Поживем — увидим.

Спускались молча, лишь шебутное эхо скакало со ступеньки на ступеньку да где-то далеко тягуче падали капли воды. Впрочем, через несколько минут я поняла, что вода здесь ни при чем. Больше всего новый странный звук напоминал биение сердца… Размеренное, спокойное, уверенное.

Лестница давно закончилась, коридор же петлял и чуть ли не кольцами заворачивался… и незаметно уходил вниз. Часто на пути попадались, казалось бы, наглухо запертые двери, тяжелые, окованные поеденным ржавчиной железом, будто бы вросшие в стены — и открывающиеся от обычного прикосновения. Причем, что странно, Даниэль никакими чарами не пользовался, я за этим следила, да и толку-то от них в подвалах, где даже безобидный простенький огонек через пять минут поблек, а через двадцать и вовсе выдохся и с треском исчез. Спасало то, что стены здесь слегка светились — в самый раз, чтобы разобрать дорогу, не наступить ни на что опасное и худо-бедно разглядеть спутника.

Дан был очень сосредоточен и напряжен, и я не рисковала его

отвлекать. Мало ли — спрошу сейчас что-нибудь, и как провалимся мы с ним в какую-нибудь ловушку… Любопытство, конечно, жгло, но разум пока что неплохо его контролировал. И когда контроль почти закончился, а хождение в полутьме и нарушаемой лишь пульсом невидимого сердца тишине надоело, коридор еще раз вильнул и влился в высокую арку, мерцающую так ярко, что пришлось прикрыть глаза. Через несколько мгновений сияние уже не казалось ослепительным, и я смогла осмотреться.

Мы стояли в небольшом округлом зале, чьи каменные стены покрывал испускающий зеленоватое свечение мох — словно мягкий пушистый ковер, по которому так и тянет провести ладонью. Тот же ковер устилал и пол, и даже потолок, но вовсе не из-за него зал полнился сиянием.

Воздух буквально искрил и звенел от переливающейся в нем золотистой пыльцы, и если на поляне единорогов казалось, что она всего лишь отражает солнечный свет, то теперь стало ясно, что она сама по себе словно мириады маленьких полуденных солнышек. Ярких, подвижных и очень даже живых… Больше всего их было в центре зала, где на высоком — в половину человеческого роста — валуне, так же, как и все здесь, поросшем дивным мхом, под прозрачнейшим хрустальным куполом, который солнышки не считали преградой, пульсировал ослепительно-белый сгусток света.

— Что это? — завороженно выдохнула я.

— Сердце академии, — тихо отозвался Дан. — Еще его называют сердцем магии, душой богов… Иными словами — светлый источник. Один из семи, что питают наш мир.

— Здесь?! — удивилась я.

«Говорят, что раньше на этом самом месте была колыбель богов…» — сразу вспомнился рассказ Карла, которому тогда я не очень-то поверила.

— А чем это место хуже всех остальных? — в свою очередь удивился Дан.

— Просто… Это же не тайна. Я слышала легенду…

— Такие легенды ты услышишь во всех древних и не очень местах, — улыбнулся он. — Но все уверены в том, что это — всего лишь сказки. К тому же одно дело — слышать и даже поверить, что источник находится здесь, и совсем другое — его отыскать. Это практически невозможно.

— Но ты же нашел… — не отрывая взгляда от размеренно мерцающего Сердца, возразила я.

— Поверь, это было не так легко… и совершенно не случайно, — вздохнул Даниэль и, упреждая вопрос, добавил: —

Это долгая и, если честно, не слишком интересная история, но я тебе ее расскажу… потом.

Потом! Все потом, как всегда… Но приправленное возмущением разочарование вспыхнуло и бесследно погасло — Сердце наполняло душу небывалым умиротворением, покоем и чем-то искристо-щекочущим, от чего хотелось улыбаться… А еще — обнять одного скрытного, вредного, но такого родного и нужного сейчас человека.

Похоже, такие желания появились не у меня одной. Я и осознать-то их толком не успела, как Дан оказался рядом, притянул к себе и обнял, осторожно, словно хрустальную статуэтку. Я ошеломленно замерла. Он что, действительно сделал шаг навстречу? И не сбежит, как в прошлый раз, когда этот шаг сделала я? Мгновения шли, ничего не менялось, и, поверив-таки в реальность происходящего, я прикрыла глаза, наслаждаясь моментом. Сюртук слегка царапал щеку, и сердце под ним билось так громко, что заглушало мерный пульс источника. Хорошо… Спокойно. И так не хочется, чтобы это закончилось!

— Как же надоело все контролировать… — едва слышно пробормотал Даниэль.

— Так не контролируй, — посоветовала я, не понимая, о чем он… и не сомневаясь, что все равно не расскажет, даже если спрошу.

— Если бы все зависело от меня, — прошептал Дан.

— Что? — уточнила я.

Ответа не дождалась, но особо и не надеялась. И допытываться не стала — к чему портить момент? По-настоящему ценный… Вполне возможно, неповторимый.

И до обидного короткий! Ладони скользнули по моей спине, задержались на плечах и легко коснулись шеи… И Дан шагнул назад. Я закусила губу, сдерживая протестующий возглас… и, приглядевшись, не сдержала негодующий!

В вытянутой руке Даниэля в свете любопытных солнышек сверкал мой медальон!

— Тише, — улыбнулся Дан, предупреждая мое недовольство. — Так надо.

Ну да, конечно! Надо. И обнимать меня надо было?! У кого-то совсем нет совести. А кто-то последний разум потерял… Знать бы еще, как его вернуть!

Но прежде следовало вернуть медальон — и покоящуюся в нем чешуйку. Внутри словно до сих пор мирно дремлющий дракон проснулся. Невыспавшийся, жутко этим недовольный… да еще и обобранный! Неслыханная дерзость!

— Отдай! — потребовала я и даже удивилась, что голос

прозвучал нормально — казалось, что из горла вырвется рассерженное шипение.

Хм… А как вообще чешуйка на меня влияет? Разумно ли денно и нощно носить ее у самого сердца?

Мысль мелькнула и угасла как несущественная. Глупости все это, сейчас есть проблемы поважнее!

— Отдам, — пообещал Дан. — Только напитаю его силой, чтобы он наконец-то превратился из простой побрякушки во что-то стоящее.

— Он и так стоящий, — надулась я, попытавшись забрать свою собственность и потерпев поражение — Дан ловко отдернул руку, лишив меня добычи.

— Медальон сам по себе пустышка, — укоризненно покачал головой вредный жених. — Он должен был полностью слиться с тобой, но то процесс долгий. Я рассчитывал как минимум на два месяца. Но просчитался — все произошло намного быстрее. Удивительно.

Я нахмурилась, собираясь с мыслями. Так и не получивший желаемого и оттого обиженный дракон, обосновавшийся в душе, неуверенно вильнул хвостом и виновато прижал ушки, но возражать против моих намерений не стал.

— Ничего удивительного, — вздохнула я. — Давай покажу…

Медальон я даже не попыталась забрать. Просто нажала на скрытую пружинку, и его створки разошлись, добавив изумрудный блик в окружающее сияние.

Секреты все портят. Так не пора ли от них избавиться?

— Это драконья чешуйка? — недоверчиво уточнил Дан, рассматривая покоящийся в серебряном «блюдце» блестящий кругляш. Потянулся было, чтобы дотронуться, но отчего-то так и не коснулся.

— Она самая. Когда я чистила дракона в музее, она упала в мою ладонь… И я никому об этом не сказала. Не знаю почему. Просто не смогла. И не хотела.

Созналась и голову в плечи втянула в ожидании заслуженного нагоняя. Которого, однако, не последовало…

— Значит, так было нужно, — уверенно заключил Даниэль. И ни слова упрека! Даже взглядом не дал понять, что недоволен моим поступком.

— Ты же сам говорил, что драконы не оставят в покое того, кто у них что-либо украл! — на всякий случай напомнила я.

— Ты не крала, — спокойно пояснил он. — Тебе ее подарили. Чувствуешь разницу?

— Подарили? — растерянно переспросила я. — Но… она просто выпала…

— В случае с драконами ничего не бывает просто, — усмехнулся Дан. — И знаешь, так даже лучше. Понадобится гораздо меньше сил, да и ритуал должен пройти легче и эффективнее. Так что конкретно этому дракону я сказал бы «спасибо».

— А ты его знаешь? — не сдержала любопытства я.

Ответ Дана удивил.

— Нет.

— Но ведь он подарил академии шкуру! Тебя в это время не было?

— Своеобразно подарил, — улыбнулся Дан. — Оставил у ворот с дарственной запиской, заверенной магическим образом. А драконом может быть любой. В учебниках этого нет, но… После сброса шкуры взрослые драконы способны какое-то время жить в человеческом облике. От года до пяти лет, некоторые, особо сильные, — намного дольше. Магию они сохраняют и никакого дискомфорта из-за смены тела не испытывают. И от людей ничем не отличаются.

— То есть… — медленно проговорила я, пытаясь уложить в голове новые сведения, — драконом может оказаться любой в академии?!

Конечно, если верить словам Дана о подарке, бояться нечего, но… Все равно стало неуютно от предположения, что хозяин чешуйки находится рядом и прекрасно знает, что ее взяла я! И этим хозяином может быть кто угодно — от того же Джаса до Маркуса Эрвана. Слишком уж подозрительный интерес он к медальону проявил…

— Или же его здесь и вовсе нет, — утешил Дан, не дав углубиться в непроходимые дебри раздумий.

Я глубоко вздохнула, успокаиваясь. Местный воздух ничуть не походил на обычный подвальный, полный сырости и напитанный неприятными запахами. Если прикрыть глаза, казалось, что стоишь посреди цветущего луга, еще не просохшего после дождя. Стало легче. Что со мной происходит, в самом-то деле? Даниэль прав — скорее всего, я совершенно зря нервничаю. С чего бы дракону тратить свое время в академии? Я бы на его месте и вовсе в человеческом облике не задержалась. Я летала только во сне, но совершенно точно знала: будь у меня настоящие крылья, не променяла бы их и на все сокровища мира. Даже на пару дней, не говоря уж о более долгом сроке.

Впрочем, не только крылья. Дана тоже. Закрыв медальон, он внимательно изучал его и что-то беззвучно шептал, хмуря брови. «Мое!» — вполне реально царапнул коготками душу воображаемый дракон, совсем как тогда с чешуйкой, требуя

скрыть драгоценность от посторонних глаз. Жаль только, что не все, подобно ей, можно спрятать в медальон.

— Грейс! Э-э-эй, ты слышишь? — помахал ладонью перед моим лицом объект тяжких раздумий.

Я словно ото сна очнулась и непонимающе похлопала глазами. Он что-то говорил?

— Я спрашиваю, ты готова? — явно уже не в первый раз повторил Дан.

— Нет, — честно ответила я и обхватила себя за плечи.

Красота этого места и новая информация отвлекли от главного. Ритуал. Я не слишком-то много знала о ритуалах, но те, о которых слышала, производили не самое приятное впечатление и зачастую были излишне страшными и кровавыми. Представив себя раскинувшейся на мерцающем мху с кинжалом в груди, я содрогнулась и попятилась — под изумленным взглядом Даниэля.

— Грейси, богов ради… Ну что опять творится в твоей голове? — обреченно вздохнул он и протянул руку. — Кажется, ты недвусмысленно дала понять, что доверяешь мне.

— Еще бы не пожалеть об этом, — пробормотала я. — Посмертно…

Но руку все-таки приняла и к Сердцу вслед за Даном подошла. Вблизи оно казалось еще более чарующим, и его пульс словно сливался с моим, становился частью меня… Или же я — частью его? Я завороженно наблюдала, как Даниэль опускает медальон в источник, как легко серебряный кругляш проходит сквозь прозрачный купол — и медленно наливается светом, становясь все ярче и ярче. Рука Дана заметно дрожала, словно для того, чтобы удержать легкую вещицу, требовалось много сил. Другая ладонь крепко сжимала мою, будто Дан боялся, что я испугаюсь и убегу… Или же ему самому нужна была помощь?

Сбегать я не собиралась; для верности вцепилась в жениха обеими руками и затаила дыхание, чтобы ненароком ничего не испортить. Сердце академии ровно отсчитывало мгновения, ничуть при этом не напоминая ненавистные часы; кружилась, тонко звеня, солнечная пыльца; выплетал какие-то чары Дан… И я снова почувствовала себя как во сне. Все стало слишком нереальным и ярким, зыбким и странным… Хотелось закрыть глаза, но я продолжала смотреть на источник — до тех пор, пока глаза не заслезились. Почти в тот же момент Дан выдернул медальон и надел мне на шею. Я даже вскрикнуть не успела, как раскаленный добела кругляш коснулся кожи… и не обжег, а словно прилип к ней. От медальона потянулись тонкие, но частые лучики света, невесомо скользя по коже, наполняя ее светом,

который не гас, а медленно впитывался в нее. Почти сразу стало жарко, сердце застучало чаще, и голова закружилась — то бежала по венам новая сила, смешиваясь с моей, сметая по пути все преграды… Которых, похоже, слишком много оказалось.

Я закусила губу. Сильно, до крови, но стон все равно не сдержала. Задохнулась — не от боли, от чего-то странного, чего ранее не испытывала и никогда не захочу испытать вновь, — и пошатнулась.

Дан поддержал. Обнял осторожно, сжал ладонь, что-то прошептал — и всего через пару ударов сердца мир перестал вращаться подобно бешеному волчку, да и чужая сила больше не пыталась вышвырнуть меня из собственного тела. Зато Дан задышал чаще и тяжелее, медленно, не отпуская меня, опустился на колени. Я почувствовала, как он задрожал и… похолодел. Выпутавшись из объятий, увидела, что он стал белее свежевыпавшего снега, на лбу выступила испарина, а бескровные губы сжаты в тонкую линию. Но руку мою держал крепко, как ни старалась вырваться — не удалось.

— Дан, милый, хороший мой, пусти, пожалуйста, — со слезами шептала я, понимая, что все происходит из-за меня, что я одна виновата в этом. Не стоило так легко соглашаться на сомнительную авантюру, не выяснив, в чем именно она заключается и какие последствия нас ждут! — Ну пусти же, пусти!

— Все… хорошо, — хрипло выдохнул Даниэль, закрыв глаза и не думая слушаться. — Не бойся…

Не бояться?! Да я уже почти с ума сошла от страха за этого вредного, невыносимого… любимого. Еще немного — и кусаться бы стала, чтобы он наконец-то разжал ладонь и перестал забирать то, что изначально предназначалось мне! Но не успела.

Засветились на наших намертво сомкнутых руках сплетенные мною браслеты, заструилось по коже мягкое целительное тепло, волной пронеслось по телу — и Дана отпустило. Он судорожно вздохнул, открыл глаза и слабо улыбнулся. На его лицо постепенно возвращались краски, дрожь исчезла… зато затрясло меня.

— Ты-ы-ы… — свистяще выдохнула я, осознав, что беда — не иначе как чудом! — миновала. — Ты же знал, что так и будет!

Не вопрос. Утверждение. И изворачиваться Дан не стал — не в той форме, видно, был.

— Знал, — кивнул спокойно, по-прежнему не выпуская мою ладонь.

— И не сказал! — возмутилась я.

— А зачем? Я обещал, что все будет хорошо. Разве обманул?

— А все, по-твоему, было хорошо?! — рассерженной кошкой

зашипела я и свободной рукой ударила невозмутимого женишка по плечу. Жаль, сил почти не осталось! — Да ты… Ты бы себя видел! Я думала, ты…

Поняв, что сейчас попросту разревусь, я замолчала и гневно уставилась на Даниэля.

— Я крепче, чем ты думаешь, — усмехнулся он ласково и, едва касаясь, отвел прядь волос с моего лба. — Грейси, это пустяки. Правда. Главное, что у нас получилось.

— С чего ты взял?! — не поверила я.

Каких-либо изменений не чувствовала. Вообще ничего не чувствовала, кроме обжигающей злости и постепенно отпускающего страха.

— С того.

Уклониться я не успела, и Дан провел большим пальцем по моей прокушенной губе, которая мгновенно перестала саднить. Да и общее самочувствие тут же улучшилось, словно после продолжительного отдыха.

— Вот видишь, — победно улыбнулся все еще бледный Дан, убедившись, что я осознала перемены. — Оно того стоило.

Определенно стоило. Вот только платить за возможность нормально жить должна была я, а не он!

— Это же моя боль была, — упрямо прошептала я. — Зачем ты это сделал?! Зачем?.. Мм!..

Видимо, я окончательно достала Даниэля, раз он решил прервать поток возмущений столь надежным способом.

Когда губы Дана коснулись моих, я тихо всхлипнула и крепко зажмурилась, но не попыталась его оттолкнуть. Напротив, скользнула ладонями по груди жениха, зарылась пальцами в его волосы… Сейчас все было по-другому. Сейчас он сам потянулся ко мне. Вот только ощущения были прежними — будто в прошлом оказалась. И сердце так же билось — вот-вот из груди выпорхнет. Словно и не было этих лет. Словно я была той самой влюбленной дурочкой, верящей в чудеса. И голова кружилась все сильнее, а за спиной разворачивались невидимые крылья…

«Только не оттолкни», — успела я подумать, прежде чем утратила способность мыслить.

А потом волшебство закончилось — резко и внезапно. Землю сотряс глухой удар. Заметались переполошенные солнышки. Тревожно мерцая алым, рвано и надсадно забилось Сердце академии.

ГЛАВА 26

— Проклятье, — выдохнул Дан растерянно и перевел на меня почти умоляющий взгляд. — Грейс, пожалуйста, останься здесь!

В следующее мгновение он уже выбежал из зала, и я, наконец-то осознав, что случилось нечто страшное, подорвалась следом.

Остаться? Да за кого он меня принимает?!

— За разумную девушку, — поморщился Даниэль, в которого я буквально врезалась с этим вопросом. — Ошибся.

И, сжав мою руку, побежал дальше. Правильно, на споры только время потратил бы и все равно бы своего не добился. Все-таки иногда он просто идеален.

Особый фон подвалов, на который наверняка повлиял источник, исключал перемещения с помощью магии, так что приходилось торопиться изо всех сил, вслушиваясь в стоны стен и задыхаясь от тошнотворно-приторного запаха, медленно разливающегося в воздухе. Судя по тому, как выругался и прибавил скорости Дан, ничего хорошего это не предвещало.

Крики, лязг железа и звон бьющегося стекла мы услышали, едва выбравшись в коридор. В подвалах было намного спокойнее, шум туда не доносился, да и такого буйства магических потоков не ощущалось. К горлу подкатила дурнота, я даже споткнулась от неожиданности… и горячо возблагодарила светлых богов за то, что Дан успел провести ритуал. Иначе бы я на месте умерла — столько «агрессивной», как он выразился, магии было разлито вокруг.

— Вернись! — отрывисто бросил Дан, но я только головой замотала и крепче в него вцепилась.

Навстречу то и дело попадались объятые ужасом люди в подпаленной, окровавленной одежде. Дан попытался кого-то остановить и расспросить, не преуспел и, плюнув на гиблое дело, двинулся дальше. Ну и я за ним…

Двери зала для торжеств не просто выбили — разнесли в щепы. Оттуда полз грязно-серый туман, медленно, нащупывая путь гибкими, отвратительно-липкими на вид отростками. Растягиваясь, они разрывались, оставляя на полу склизкие лужицы. Дан старался на них не наступать. Я — на всякий случай — тоже.

Развороченный дверной проем затягивала темная дымка, из-за которой и доносились страшные звуки. Перед ней Дан замер, отцепил мои пальцы от своей руки и строго-настрого запретил лезть за ним.

Я и не лезла. Целых три минуты. Но после особо громкого вопля, на который человеческое горло просто не было способно, не выдержала. Скользнула сквозь дымку, содрогнувшись от отвращения, потрясенно огляделась… и пожалела, что не послушалась Даниэля.

От волшебных иллюзий и следа не осталось. На стенах плясали языки черного пламени — холодные, но обжигающие, я рискнула проверить. По полу стелилась тьма, тесня группку отчаянно сопротивляющихся людей, и из этой тьмы вырастали создания, коих и в самых страшных кошмарах не увидишь. Гротескные, изломанные фигуры с невероятной ловкостью орудовали рассыпающими темные искры мечами. Твари помельче, похожие на крупных уродливых собак, наскакивали с боков, скаля полные острейших зубов пасти. За спинами обороняющихся магов торопливо чертили что-то на полу Алек Арто и Сантея Стай. Линии горели ярко-белым, и серый туман отдергивал от них щупальца, а если не успевал — исчезал с тонким, почти неразличимым в общей какофонии воем. Под высоким потолком же словно прозрачная перегородка выгибалась, и клубилось за ней нечто грязно-дымчатое, постоянно меняющее очертания, но явно уплотняющееся и готовое вот-вот прорваться в нашу реальность. Дан метал в пока что не оформившуюся тварь заклинание за заклинанием; та дергалась, полыхала, словно грозовая туча молниями, но все никак не могла преодолеть последний рубеж.

Происходящее настолько парализовало и ужаснуло, что оскаленное чудище я увидела, когда оно чуть не вцепилось мне в горло. Спас сильный толчок, от которого я отлетела к стене, ушибла плечо… но зато жива осталась.

— Какого демона, Грейс?! Живо отсюда! — рявкнул Маркус Эрван, отряхивая меч от крупных капель болотно-зеленой жижи и брезгливо отпинывая разрубленную пополам тушу.

Здравая в общем-то мысль… Но запоздалая. У выхода целая стая подобных тварей застыла. Марк бросился на них, я отшатнулась, растерянно огляделась, не понимая, что делать. Воздух загустел и напряженно звенел от используемых чар. Магов было много, в основном преподаватели, хотя и студентов я тоже заметила, но тварей — еще больше. И эта штука над головами… Удержит ли ее Дан?! Он и так много сил потратил — на ритуал и на то, чтобы меня подлечить. И как назло, никто, кроме него, внимания на прорывающееся существо не обращал! Словно в ответ на панические мысли в потолок врезались два ярко-синих луча. Совсем близко, и я сумела не только разглядеть пришедших на помощь Дану, но и узнать их. Джас и Карл. И меня немного

отпустило. Хоть у них и мало опыта, зато силы более чем достаточно. Я увернулась от вовремя замеченной «шавки», с удовольствием угостила ее огненным шаром и вновь взглянула наверх. Тварь задергалась будто в агонии и, кажется, уменьшилась в размерах. У противоположной стены почти дорисовали неведомый знак Алек и наставница, и, судя по тому, как взвыло и отшатнулось теневое войско, он уже действовал.

Но порадоваться не удалось — что-то обернулось вокруг лодыжки и дернуло так, что на ногах я не удержалась. Платье смягчило падение, зато я запуталась в юбках и потеряла драгоценное время. И когда надо мной воздвиглась одна из жутких теней с полыхающим черным мечом, не придумала ничего лучше, как во второй раз в жизни призвать огненный хлыст. Ярко-красная полоса прошила уродливую тьму, порвала ее в клочья, да и те вспыхнули и исчезли, даже пепла после себя не оставив.

Я с трудом встала, прислушалась к себе… Никакой боли, к которой подсознательно готовилась, лишь опустошение — слишком уж энергоемкие чары. Но еще на один удар сил точно хватит. Пора попробовать выбраться отсюда — помочь все равно не могу, не тот уровень подготовки и тем более знаний. Основной бой, исход которого уже был ясен, шел в противоположном конце зала, у дверей тоже ничего не маячило, и я рискнула, пока очередной монстр не решил мною закусить.

Идти приходилось осторожно, перешагивая через лужицы тумана и дымящейся мерзко-зеленой крови чудищ. Пару раз меня замечали отбившиеся от редеющей стаи твари, за что и получали огненными шарами — энергии на них уходило гораздо меньше, чем на плеть, которую я крепко сжимала в правой руке. Мало ли, от теневого монстра огоньком не отмашешься…

До затянутого дымкой проема оставалось всего ничего, когда я услышала тонкий вскрик. Не иначе как чудом, лишь потому, что оказалась совсем рядом с нишей, откуда он раздался. Еще пару часов назад здесь была увитая цветами арка, а за ней прятался уютный закуток с мягкими креслами. Сейчас же в одно из кресел вжималась растрепанная девушка в платье, ярко-розовый шелк которого пятнали гарь и зеленая слизь. А прямо из пола, отрезая путь к выходу, с потусторонним рычанием вырастала изломанная черная тень.

Времени на раздумья не оставалось, и я шагнула вперед, отводя руку для замаха… Вот только совершенно не учла, что тварь твари рознь. Если первая поверженная мною была неповоротливой и туповатой, то эта оказалась быстрой и ловкой. Я и охнуть не успела, как полетела на покрытый засохшей слизью пол. Хлыст выпал, но не рассыпался, оставалось только

дотянуться, но никто не собирался давать мне такой возможности. О хлысте пришлось забыть — увернуться бы от меча, раз за разом обрушивающегося на мою голову… и раз за разом высекающего искры из пола. Даже и не подозревала, что при крайней необходимости тоже могу быть быстрой и ловкой. Другой вопрос, надолго ли меня хватит…

Едва избежав очередного удара, я впечаталась затылком в стену — сильно, до радужных кругов перед глазами и полной неспособности соображать. Но, вместо того чтобы воспользоваться ситуацией, тварь неожиданно пискляво взвизгнула… и красиво вспыхнула. В голове немного прояснилось, я сморгнула и увидела девушку, крепко сжимающую мой хлыст.

— Брось, — прохрипела я.

Она тут же разжала руки, и магическое оружие полыхнуло, исчезая, уже на пути к полу. В следующий миг безвольно осела и сама девица. Испугавшись, что чары успели ей навредить, я подползла к ней, потормошила за плечо. Из-под спутанных рыжих волос затравленно свернули голубые глаза, и я едва не отшатнулась, узнав ту, с которой мы бок о бок уничтожили теневого монстра.

— Талис, — выдохнула я, поборола порыв убраться подальше и потребовала: — Руки покажи.

— Я не обожглась, — дрожащим голосом сказала девушка, сейчас совершенно не походившая на вредную, наглую и навязчивую любительницу чужих женихов. — Просто испугалась. Спасибо, что не прошла мимо…

Я чуть удивлением не поперхнулась. Она меня поблагодарила?! Сумасшедший сегодня день.

— И тебе спасибо, — вздохнула я, решив не заморачиваться вопросом: а нолезла бы сюда, точно зная, кому именно требуется помощь?

Талис вяло кивнула и вновь уткнулась в колени. Я же, собравшись с остатками сил, поднялась и осторожно выглянула из ниши. Что ж, пока мы доблестно добивали одиночную тварь, главный бой закончился. К счастью, в пользу магов. Слабо мерцал уже ненужный круг, начертанный магистрами Стай и Арто, — сейчас они же его и затирали; с потолка капало что-то отвратительно-вязкое — все, что осталось от так и не прорвавшейся сюда твари; потухло черное пламя, рассеялись тени, забрав с собой жуткое воинство.

Я обежала зал взглядом дважды, но Дана все-таки обнаружила. Живого и невредимого, рядом с такими же целыми и даже довольными Джасом и Карлом. Почувствовала, как

разжимается невидимая рука, все это время державшая в стальной хватке сердце, и сползла по стеночке, понимая, что и шага сделать не могу. Ничего. Здесь безопасно, посижу немного, приду в себя… Взгляд с ободранных грязных ладоней скользнул на подол платья. Чистый. И ни дырочки, ни оторванной оборки, словно я танцевала, а не на полу валялась, от монстров уворачиваясь.

А я еще совсем недавно не понимала, в чем ценность бытовых чар. Боевикам их тоже с самого первого курса вдалбливать надо — потом проблем меньше будет.

Я нервно хихикнула. Раз, второй. И, по примеру Талис обхватив колени руками, расхохоталась в голос. Впрочем, смех быстро сменился всхлипами и слезами… Зато действительно полегчало. Настолько, что окружающая реальность уже не казалась смазанной и приглушенной. Напротив, она была слишком уж резкой и громкой. Нахмурившись, я осторожно выглянула из своего укрытия, да так и застыла, вцепившись в подпаленную стену.

В разгромленном зале среди потрепанных, уставших и злых магов — ни одного студента я не заметила, видимо, их предусмотрительно выдворили — разгорался скандал. Начало я благополучно прорыдала, но суть уловила быстро: искали виновного. Каждый выдвигал свою версию, при этом критикуя высказывания коллег, и, когда накал страстей достиг пика, в центр недружественного круга выкатился пухлый лысоватый магистр, которого я знала в лицо, но не по имени. Он попеременно краснел и бледнел, отдувался и обмахивал лицо руками, но все сразу же затихли, словно в ожидании откровения. Кое тут же воспоследовало…

— Я видел, — высоким, дрожащим от волнения голосом объявил магистр и по-простому отер лысину рукавом подпаленной рубашки. — Все видел. Настолько ярко, будто сам там присутствовал. Ошибка исключена… Уверяю вас.

— Ближе к делу, магистр Драмм, — не выдержала ректор, неизменно прекрасная даже сейчас, растрепанная и, чего уж там, потрепанная. — Мы все осведомлены о природе вашего дара и ничуть в нем не сомневаемся. Вам удалось *увидеть* виновника?

— Удалось, — понуро кивнул магистр Драмм, шумно вздохнул, и в звенящей тишине наконец-то прозвучало: — Это был Даниэль Иридайн.

Тишина висела еще пару мгновений, а потом взорвалась, брызнула острыми осколками. Заполнивший помещение ропот нарастал. Недоверчивые, изумленные, возмущенные, злые выкрики сливались в рокочущий гул, который отражался от стен

и, множась, становился невыносимым. Ошеломленная, я зажала уши и даже зажмурилась.

Никакая это не реальность! Я слишком сильно ударилась головой и лежу без сознания, а может, и вовсе умираю, пронзенная чудовищным мечом. Иначе, чем бредом воспаленного сознания, происходящее объяснить было невозможно.

Оглушительный хлопок оборвал гул голосов.

— Тише, — недовольно обронила магистр Корревайн, небрежно отряхивая ладони. — Что за гвалт? Магистр Драмм, объясните подробно, что именно вы видели.

Толстячок, нервно заламывая руки и постоянно сбиваясь, послушно объяснил. По его словам выходило, что в разгар бала Даниэль вернулся в свой кабинет — что тут же подтвердило несколько человек, нашлись даже те, кто видел, как он туда входил, — с какого-то перепуга начертил на стене запрещенный знак и вызвал тварей из иной реальности. Правда, в том же видении Даниэль принял мучительную смерть от лап им же призванных монстров, которые хлынули в зал торжеств на запах свежей крови, но «мелкие погрешности» в нелегком деле предвидения вполне допустимы и считаются нормой.

— Магистр Иридайн, что вы можете сказать по этому поводу? — холодно осведомилась ректор, обернувшись к Даниэлю.

— Я невиновен, — спокойно отозвался он, показавшийся мне невероятно беззащитным и хрупким среди волнующегося моря чужого недоверия.

— А какие доказательства твоей невиновности ты можешь предоставить? — выкрикнул тощий медноволосый маг.

— А какие доказательства его виновности можешь предоставить ты? — выступил вперед Алек.

— Магистр Драмм все видел!

— В любых видениях возможны сбои, — вмешалась Сантея Стай. — И потом, светлый не в силах призвать подобных тварей. Не того вы обвиняете, господа.

— Если только Иридайн действительно светлый, — упрямо набычился тощий, к которому я тут же воспылала искренней неприязнью.

— Зачем ему скрывать цвет силы? — удивился магистр Рарт. Полугном укоризненно покачал головой и добавил: — Я согласен с Сантеей. Видения небезупречны, и многоуважаемый магистр Драмм вполне мог ошибиться…

Многоуважаемый магистр скромно промолчал, хотя не столь давно заявлял, что ошибки быть не может. То ли и сам уже в это не верил, то ли просто не захотел ввязываться в спор.

— Да бросьте! — презрительно ухмыльнулся тощий, становясь напротив Даниэля. — До сего дня ни одно из видений старины Драмма не сбоило! Чем не повод задуматься?

— Тебе нечем думать, Крэл, мозг давно уже напрочь отбили, — огрызнулся Алек. — Какая часть утверждения, что светлый маг в принципе не мог такого сотворить, тебе непонятна?!

— Та, где утверждается, что Иридайн — светлый, — неприятно улыбнулся Крэл и без предупреждения швырнул в Дана какими-то чарами.

Сердце ухнуло вниз; я дернулась, понимая, что в любом случае не успею его защитить. Никто не успел, даже Алек. Дан согнулся, упал на колени, а в следующий миг между ним и замахнувшимся для нового удара магом встала соткавшаяся прямо из воздуха Лира.

— Вот вам доказательства! — торжествующе возвестил Крэл, попятившись от ощерившейся кошки. — Будет ли тень так рьяно защищать светлого?!

«Будет!» — захотелось крикнуть мне, но, как назло, накатила такая волна слабости, что я даже вдохнуть смогла с трудом, а тело и вовсе двигаться отказалось.

Да, теневые кошки преданы лишь своим хозяевам, но… Лира и меня защищала. Лэн говорила, что она вообще странная. И сейчас это играет против Дана!

— Отзовите тень, — поморщился Маркус. — Крови на сегодня более чем достаточно.

— Лира, фу! — привычно шикнул на кошку Алек, но та и ухом не повела, закрывая собой Дана и готовясь по первому его слову разорвать обидчика в клочья.

— Лира, все хорошо, — ласково проговорил Дан, потрепав защитницу по холке. — Отдохни.

И кошка, для острастки рявкнув на противного тощего мага, исчезла так же, как и появилась.

— Убедились?! — заметно приободрился Крэл, когда опасность миновала.

— Это еще не доказывает, что именно Даниэль Иридайн вызвал тех тварей, — покачал головой Маркус.

— Но отмахнуться от этого факта и тем более видения магистра Драмма мы не имеем права, — с сожалением констатировала ректор. — Даниэль… Это правда, что вы скрыли цвет вашей силы?

— Я ничего не скрывал, — хрипло отозвался Дан, поднявшийся на ноги с помощью Алека. Желтоглазый бросал на тощего Крэла свирепые взгляды, и я не сомневалась, что тому

тупая выходка с рук не сойдет. — Все не так, как кажется…

— Тогда объясните нам, как же все обстоит на самом деле, — потребовала магистр Корревайн. — Вы же понимаете, что обвинения слишком серьезны, чтобы я смогла просто закрыть на это глаза! Твари напали не только на преподавателей, но и на студентов. Слава богам, обошлось без серьезных увечий и смертей, но вряд ли это способно оправдать такой поступок!

Мой жених на миг прикрыл глаза — и промолчал.

На этом мое терпение окончательно иссякло… И даже странное оцепенение отступило, вернув возможность двигаться.

— Дан, демоны тебя побери, — тоскливо простонал Алек.

— Я этого не делал, — спокойно повторил его упрямый друг.

— И кто же может подтвердить вашу непричастность, магистр Иридайн? — с небрежно замаскированной издевкой спросил Крэл.

О, как же вытянулось его лицо, когда незаметно подобравшаяся к магам я отчетливо проговорила:

— Я. Весь вечер Даниэль провел со мной.

На мне скрестилось множество изумленных взглядов… и один — отчаянно-обреченный, который я старательно проигнорировала.

— А ты еще кто такая?! — разорвал сгустившуюся тишину возмущенный вопрос тощего.

— Грейс Лэрэй, первый курс факультета изящных искусств, — опередил меня Алек. — Дочь Стефана Лэрэя. Полагаю, все здесь собравшиеся так или иначе слышали о нем.

— Знаменитый охотник на нежить, полный кавалер ордена Серебряного меча, — добавил магистр Рарт — на случай, если кто-то все-таки не слышал о моем замечательном папе.

— Правильно ли я понимаю, что первокурсница весь вечер провела с преподавателем? И чем же вы занимались? — вкрадчиво уточнил Крэл.

Крепко же его Дан достал, раз он цепляется за любую возможность ему досадить!

— Нет, неправильно, — спокойно отозвалась я. — Весь вечер я провела со своим женихом, который, кстати, не является моим преподавателем. И я не вижу никаких оснований отвечать на ваш последний вопрос, поскольку это никого не касается.

— Магистр Иридайн? — повернулась ректор к застывшему, словно памятник самому себе, Дану. — Вы подтверждаете слова вашей… невесты?

— Подтверждаю, — соизволил-таки кивнуть Дан после слишком уж длинной паузы, во время которой я успела испугаться, что он будет все отрицать. — Грейс моя невеста. И

весь вечер я провел с ней.

— И вы им верите?! — возмутился Крэл.

— Мы проверим, — оборвала его магистр Корревайн и протянула руку.

Я замешкалась. О талантах ректора я ничего не слышала, а вдруг она воспоминания считывать умеет? Ведь тогда и об источнике узнает.

— Это больно, но только так я смогу быть уверена, что ты не лжешь, — уловив мои сомнения, сказала магистр Корревайн. — Я бы проверила Даниэля, но чем выше сила мага, чем больше у него опыта, тем сложнее и прочнее его защита, и пробить ее без серьезных повреждений не получится. С тобой же все иначе. Бояться не нужно, я не могу видеть воспоминания, я лишь чувствую ложь.

Я выдохнула. Другое дело. Значит, бояться действительно не стоит. А что до боли… переживу.

— Грейс, нет! — попытался вмешаться Дан, но Алек вовремя его перехватил, и я вложила свою ладонь в ладонь ректора.

Магистр Корревайн тут же сжала мои пальцы — и я будто в бездну провалилась. Тело словно огненной сеткой опутали и принялись медленно ее затягивать, а еще я практически чувствовала, как перетряхивают мои эмоции и ощущения, взвешивая на невидимых весах, дабы измерить степень их искренности. Было действительно очень больно и неприятно, но я терпела, понимая, что иначе от Дана не отстанут.

— Повтори то, что сказала, — глухо приказала ректор. — Где и с кем Даниэль провел вечер? Он причастен к прорыву теневых монстров?

— Со мной, — зная, что просто не смогу сейчас солгать, хрипло ответила я. — Он не был в своем кабинете. Мы гуляли по академии… — Это тоже правда, пусть и не вся. Конкретизировать необязательно — достаточно того, что в месте совершения преступления Дан не появлялся. И пусть что-то вынуждало продолжить, рассказать все, что случилось, но у меня хватило сил оставить свои тайны при себе. — Он этого не делал!

Чужая сила вновь скользнула по мне, зарываясь в самую глубину души… и, довольная, отступила.

Когда магистр выпустила мою руку, я дышала так, будто несколько кругов вокруг академии пробежала. Ректор выглядела не лучше — похоже, это выматывает не только того, кого проверяют.

Я бросила быстрый взгляд на жениха и невольно поежилась — кажется, разозлился не на шутку. Ну и пусть! Я тоже могу решать, что мне делать. И тоже имею право заботиться о нем!

Голова закружилась сильнее. Я пошатнулась, и меня обхватили за плечи, крепко, надежно, позволяя почувствовать себя в безопасности.

— Вы все еще считаете, что я причастен? — крайне недружелюбным тоном осведомился Даниэль, притягивая меня ближе, так, будто и вовсе хотел спрятать от чужих любопытных и не всегда добрых взглядов. — Может, еще и антимагические браслеты наденете — на всякий случай?

— Это лишнее, — покачала головой ректор и обвела присутствующих строгим взором: — Девочка сказала правду. Даниэль не виноват. Мы еще разберемся в том, что здесь произошло. Без скоропалительных решений и голословных обвинений. А пока, господа и дамы, нам лучше разойтись. Всем требуется отдых, а кому-то еще и помощь целителей.

— Но это же!.. — возразил было Крэл, но в тот же миг исчез в портале — вместе с предвкушающе, совсем как его замыслившая доброе дело сестрица, улыбающимся Алеком.

Все дружно сделали вид, что ничего не заметили.

— Прошу прощения, — подскочил к нам магистр Драмм. — Я и не предполагал, что могу настолько ошибаться…

— Бывает, — сдержанно кивнул Дан и, пока еще кто-нибудь не вознамерился выразить свое сожаление, тоже открыл портал. И я даже охнуть не успела, как меня практически втолкнули в едва заметное серебристое марево.

По другую сторону оказалось вовсе не общежитие, но возмущаться я не стала. Волновалась за девочек, конечно, но просто не смогла бы сейчас бросить Дана в одиночестве. И пусть он сколько угодно ругается — ничего страшного. Я привычная, а он успокоится и поймет, что иного выхода не было.

Но Даниэль не ругался. Едва рассеялась дымка, оставив нас в гостиной его дома, спросил встревоженно:

— Как ты? Сильно досталось? Что-нибудь болит?

Я растерянно помотала головой. Слабость еще не прошла, как и чувство опустошения, но… ничего серьезного. Даниэль заметно расслабился и порывисто обнял меня, уткнулся лицом в мою макушку.

— Сумасшедшая, — выдохнул со смесью осуждения и восхищения.

— Да, — нервно усмехнулась я, зажмурившись. Это было определенно лучше бесконечного выяснения отношений.

Хотелось стоять так вечно, потому что… давно я не чувствовала себя настолько защищенной, как в это мгновение. Вот бы Дан посмеялся, озвучь я свои глупые мысли…

Потому я выпуталась из объятий и, чтобы скрыть неловкость,

пошутила:

— Представляешь, какое счастье тебе выпало?

— Даже и представить не мог… — рассеянно улыбнулся Дан. — Зачем ты вмешалась?

— Договор не предполагает расторжения даже в подобных случаях, — сморщила нос я. — Как-то не хочется провести жизнь, таская тебе передачки.

— Передачек бы не было, Грейси. За такое преступление предусмотрено лишь одно наказание.

— Но ты же невиновен, — остановила его я. — И рано или поздно в этом бы разобрались!

Сказала и задумалась. А разобрались бы? Ведь неспроста у магистра Драмма это видение появилось. Видение, в котором, между прочим, Дан погиб…

— Они бы не рискнули, — уже не так убежденно пролепетала я.

— Наивный ребенок, — покачал головой Даниэль, и выражение, мелькнувшее в глубине его глаз, меня насторожило.

Наверняка вспомнил, что у «ребенка» есть отец, которому можно сплавить неожиданно возникшую проблему, пока все окончательно не утрясется. Так или иначе.

— Не смей, — прошипела я. — Не смей, Дан! Иначе я превращу твою семейную жизнь в настоящий кошмар. Поверь, я сумею!

— Не сомневаюсь, — пробормотал он. — Ты очень талантливая девочка.

Вот же… кого я хотела напугать? Этого непробиваемого мага, который верит только себе и уж кого точно всерьез не воспринимает, так это меня?

Действительно, наивный ребенок…

А еще — очень и очень упрямый.

— Иди наверх. Тебе нужно отдохнуть, — мягко подтолкнул меня к лестнице жених.

Нужно. Обоим нужно, но…

— Лира действительно твоя? — выпалила я.

— Моя, — на удивление легко сознался Дан. — Но я не темный. История ее появления сложная и запутанная, но к произошедшему сегодня никакого отношения не имеет, клянусь.

— Дан… Почему? Почему ты промолчал?! Почему не рассказал им, не объяснил… Это же можно объяснить, да? Я знаю, я верю, что можно! Ты…

— Грейси, — устало вздохнув, прервал поток моих восклицаний Даниэль. — Все не так просто. Они… Они бы не поняли.

— Скажи мне, — попросила я. — Пожалуйста, Дан. Скажи. Я пойму. — По взгляду прочитала, что просила зря. И все-таки упрямо продолжила: — Это связано со мной?

— Грейс… — растерянно пробормотал он. — Что за глупости?!

— Я не дура, Дан. Я же вижу, чувствую: что-то происходит. Что-то нехорошее, и оно закручивается вокруг. Вот-вот захлестнет, и от твоего молчания ничего не изменится! Возможно, только хуже станет…

Показалось на мгновение, что он вот-вот сдастся, но чудо спугнули — громким, настойчивым стуком, от которого я подскочила, а Дан едва огнешаром в дверь не залепил.

— Грейси, подожди в спальне, — не предусматривающим отказа тоном попросил Даниэль, оттесняя меня к лестнице.

— Но…

— Грейс! Пожалуйста.

В его глазах было столько усталости, что я проглотила все возражения и выполнила просьбу. Ничего. Сверху, если спрятаться за перилами, тоже все прекрасно слышно. И даже видно.

Женщину, уверенной походкой вошедшую в гостиную, я не знала. В зале торжеств среди прочих магов я ее не заметила и понятия не имела, пересекались ли мы ранее — в памяти образ не остался. С равным успехом она могла быть и студенткой-старшекурсницей, и молодой преподавательницей. Высокая, с миловидным личиком, обрамленным выбившимися из хвоста светлыми короткими локонами, облаченная в темные брюки, высокие сапоги и приталенную курточку.

— Это правда, Даниэль? — не размениваясь на вежливые расшаркивания, перешла в наступление она. — Ты обручен с этой девчонкой?

Фу, какая непередаваемая наглость. Пожалуй, девица не нравится мне еще больше, чем Талис.

Интересно, а о скольких я еще не знаю?.. Впрочем, нет, ничуть не интересно. Не знаю — и знать не хочу!

— Эту девчонку зовут Грейс Лэрэй, и да, она моя невеста, — невозмутимо отозвался Даниэль.

— Значит, из-за нее ты… — Незваная гостья стиснула кулаки и резко выдохнула. — Из-за нее ты меня отверг. Из-за нее разрушил нашу команду!

— Команду разрушила ты сама, — негромко обронил Дан, но она словно и не услышала, продолжая выплескивать свое негодование:

— Какое… разочарование. Любишь ее? А может, это все из-за

заслуг и связей ее отца?

Я перестала пыхтеть от злости и даже дышать, чтобы не пропустить ответ на весьма важный вопрос.

— Это тебя совершенно не касается, — отчеканил Дан, и я с трудом подавила разочарованный вздох.

— Не любишь, — сделала выводы кудрявая нахалка. — Любовь скрыть невозможно. А ты… Наверное, ты вообще на нее не способен.

— Рад, что мы это выяснили. А сейчас, будь добра, покинь мой дом, — холодно улыбнулся Даниэль.

Девица хотела что-то сказать, но передумала, презрительно усмехнулась и, гордо задрав подбородок — как только через порог не навернулась! — ушла, на прощанье как следует хлопнув дверью.

Не вставая с пола, я попятилась, чтобы, не дай богиня, Дан не заметил, не узнал, что у этой сцены были лишние глаза и уши.

По щеке скользнула обжигающе-горячая слеза. А, демоны! Что же это я? Ведь знала же, совершенно точно знала, как Дан ко мне относится, и никогда не питала на этот счет никаких иллюзий, но… Одно дело — знать, а другое — получить весомое подтверждение. Его собственные слова — куда уж весомее…

Пора было признать: я ничуть не повзрослела, не поумнела и все-таки наступила на те же самые грабли, что и два года назад.

ГЛАВА 27

Прежде чем спрятаться от всех проблем и несчастий под одеялом, я нашла в себе силы отправить весточку подругам — и незамедлительно получила ответ. Слава богам, все было хорошо, только Радиша ногу подвернула, а Лэн и вовсе не пострадала. Ну хотя бы за девчонок переживать не пришлось.

Половину ночи я позорно прорыдала в подушку. Тихо и беззвучно, затаиваясь всякий раз, когда почти неслышно приоткрывалась дверь — Дан проверял, в порядке ли я.

Я была не в порядке, но обсуждать это с ним не собиралась. Никто не виноват, что я так и осталась наивной дурой.

Несмотря на бессонную ночь, проснулась я рано. Прислушалась к утренней тишине, убеждаясь, что Дана здесь нет, и выскользнула из-под одеяла. Долго стояла перед зеркалом в ванной комнате, разглядывая унылое, растрепанное и опухшее после слез отражение. М-да. Настоящая красотка, любого боевого мага до разрыва сердца довести смогу.

Прохладная вода смыла следы ночных переживаний, да и душевное равновесие подправила. Оделась я вполне бодро, решительно вышла за дверь — и замешкалась, услышав приглушенные голоса, один из которых принадлежал Дану, а второй звучал сердито и очень-очень знакомо…

К лестнице я подобралась на цыпочках и по стеночке, чтобы снизу раньше времени не заметили, и обосновалась в еще вечером облюбованной засаде.

В гостиной жарко горел камин, на столе исходили ароматным паром две чашки крепкого чая, которому суждено было бесславно остыть, ибо собеседники явно про него забыли.

Дан, нахохлившийся, словно провинившийся, но несломленный мальчишка, стоял посреди комнаты, а перед ним, до ужаса напоминая строгого преподавателя, вышагивал высокий крепкий мужчина в темном дорожном костюме. Не юнец, но и далеко еще не старик; светлые волосы, на висках слегка тронутые серебром, небрежно стянуты в короткий хвост; губы сурово сжаты, синие глаза полны недовольства и непонимания. Для полноты образа только пары зачарованных мечей в руках не хватало.

Ну или ремня.

О боги… Лучше бы меня вчера какая-нибудь тварь съела!

Судя по выражению лица Даниэля, похожие мысли бродили и в его голове.

Да, мой во всех отношениях замечательный папа умел произвести впечатление даже на тех, кто знал его всю жизнь.

— Стефан, вы мне как отец, но… Сейчас я с вами не согласен. Для Грейс же будет лучше, если она сможет себя защитить, — спокойно возразил Дан, дождавшись, когда мой родитель сделает паузу в бесконечной тираде под названием «Как ты, предатель, мог пустить мою непутевую, безрассудную и совершенно не приспособленную к жизни дочь на территорию академии и почему не отправил ее домой сразу же, как здесь обнаружил?!».

— Даниэль, богов ради! — не проникся папа. — Ты же понимаешь, чем все это может закончиться?!

— Понимаю. И намерен сделать все возможное и невозможное, чтобы этого не произошло. Более того, уже сделал. Теперь Грейс не пострадает от магии.

— Как будто это единственная угроза!

— С остальными я тоже разберусь, — не моргнув глазом сказал Дан. — Грейс имеет право учиться. Нельзя запирать ее дома, не учитывая ее желаний.

— Чувства окончательно лишили тебя разума! — с досадой заявил папа.

— Стефан, пожалуйста, — обреченно попросил Дан.

— Что «пожалуйста»? — не пожелал внять просьбе мой боевой отец. — Думаешь, я ничего не вижу? И дури твоей не замечаю? Напридумывал невесть что, а теперь страдает! Грейс…

— С Грейс все будет хорошо, — решительно перебил Дан. — Обещаю.

— А с тобой?

— Разберусь.

— Поговори с ней, — внезапно остыв, устало вздохнул папа. — Она всегда к тебе тянулась, а ты…

— А я очень опаздываю, — ввернул Дан, в голосе которого отчаяние уже просто звенело. — Договорим по дороге?

Куда?! Так нечестно! Меня папочка с потрохами сдал, а Даниэль опять сухим из воды вышел?!

— О твоих глупостях лучше поговорить здесь, — вняв моему мысленному воплю о мировой несправедливости, отрезал папа.

— Вы прекрасно знаете, чем они обусловлены.

— Я прекрасно знаю, что ты, мой друг, упрямый болван! — припечатал папа.

Ой. При мне он ни разу так с Даном не разговаривал! О чем они вообще?

— Вертишься, как уж на сковородке, — неодобрительно проворчал отец и громко позвал: — Грейси, солнышко, не хочешь поздороваться?

Я подавилась воздухом. Душа трусливо ухнула в пятки, и захотелось уползти обратно в комнату, спрятаться под кроватью и

сделать вид, что меня здесь нет и никогда не было. Только вот со Стефаном Лэрэем подобные фокусы не проходят…

— Привет, па, — пробормотала я, на деревянных ногах покинув свое убежище и преодолев ступени, каким-то чудом не пересчитав оные лбом. Голос звучал столь же деревянно, а потому следующие слова на правду походили мало: — Рада тебя видеть.

— А уж как я-то рад видеть тебя, — протянул родитель тем особым тоном, от которого любой ребенок любого возраста неосознанно тянется прикрыть пятую точку и схорониться где подальше, пока не минует буря. — Сказал бы, это очень нечаянная радость, потому как радоваться я планировал чуть позже. Дома, где оставил обещавшую примерно себя вести дочь.

Я сглотнула и, не придумав ничего лучшего, нырнула за Дана. Даже в рубашку его вцепилась, чтобы наверняка.

— О как, — удивленно хмыкнул папа, с интересом обозрев получившуюся композицию. — Ну хорошо. Как ты объяснишь свое поведение, Грейс?

— Стефан… — начал было Дан, но не договорил…

Я, собравшись с силами и припомнив немалый список накопившихся к родителю вопросов, выступила из своего укрытия и отзеркалила папину улыбку, которая обычно не сулила окружающим ничего хорошего.

— Я все объясню. Обязательно. Но лишь после того, как ты объяснишь, что происходит, откуда у меня непереносимость магии и почему я ничего об этом не знала!

— Разболтал-таки! — метнул в Дана гневный взгляд отец.

— Жизнь мне спас, — поправила я, выудив за шнурок медальон и продемонстрировав папе. — Ты наверняка уже в курсе, что случилось вчера. Здесь столько магии было, что я бы просто не выжила! Я же постоянно в опасности была…

— Дома ты была в безопасности! — отрезал родитель.

— Но я все равно не смогла бы просидеть там всю жизнь, — покачала головой я. — Па… Так нельзя. Что бы ни случилось, я уже взрослая и должна знать. Ты же сам понимаешь…

Признаться, на успех я не надеялась, а потому очень удивилась, когда отец, помолчав, кивнул:

— Понимаю. Я, как мог, оттягивал этот момент, но, видимо, дальше уже некуда. Ты и в самом деле имеешь право знать…

Встрепенувшись, я во все глаза уставилась на папу, серьезного и собранного как никогда. Сейчас он, статный, подтянутый и обычно выглядящий гораздо моложе своих лет, казался усталым, растерянным и даже потерянным. Будто не ожидал, что разговор окончится так. Или же изо всех сил надеялся, что этого не произойдет.

— Я покину вас, — нарушил тягостное молчание Дан, попятившись к двери. — Нужно заглянуть к магистру Корревайн. Увидимся вечером!

И он сбежал. Я проводила его ревнивым взглядом — подозреваю, что речь пойдет о Лире, и послушать, какое отношение к ней имеет мой жених, тоже очень хотелось. Но ладно, Даниэль никуда не денется. А вот папа… Папа еще как может деться, так что нужно ковать железо, пока горячо. То бишь выцарапать-таки из родителя все тайны, раз уж он сам настроен на откровенность.

— Прости, малышка, у меня тоже есть неотложные дела, — виновато развел руками отец, когда я перевела на него задумчивый взор. — Да и разговор не из легких, с мыслями нужно собраться, все же не рассчитывал я на такое… Но мы обязательно поговорим, Грейси. Сегодня же. Клянусь.

Я подавила разочарованный вздох и кивнула. Хорошо. Несколько часов особой роли не сыграют, подожду. Тем более что мне тоже есть чем заняться.

— Явилась не запылилась, — проворчала Лэн, стоило мне перешагнуть порог комнаты. — Как провела ночь?

— Паршиво, — мрачно ответила я, пропустив мимо ушей ехидный намек.

— Так тебя не для нежностей украли, а для выволочки? — не унималась подруга.

— Лэнис! — возмутилась Радиша, сидевшая на кровати с книжкой в обнимку. — Может, хватит уже?

— Ты чего такая злая? — удивилась я.

— А ей не разрешили вчера монстров бить, — наябедничала Радиша. — Ал… Магистр Арто нам портал открыл, я-то сама вошла, а ее Карл впихнул…

Я от души посочувствовала бедняге Рингтэю. Возможно, когда-нибудь Лэн его и простит, но это будет не скоро и очень, очень для него мучительно.

— Предатели, — скрипнула зубами излишне боевая для целительницы подруга.

— Они о тебе же заботились, — покачала я головой, содрогнувшись при одном только воспоминании о прошлом вечере. — Там было… мерзко.

— Но это не помешало тебе остаться, — надулась Лэн.

Я прошла к своей кровати и, опустившись на покрывало, вздохнула.

Не помешало. Более того, без колебаний осталась бы вновь. Даже предположить страшно, чем бы все закончилось, не будь там

меня. Впрочем… Может, и обошлось бы. Даниэль невиновен, что смогли бы доказать и без моего вмешательства. Другое дело, сколько бы на это ушло времени… И вовсе не факт, что не случилось бы очередной подставы.

Сама не заметила, как все рассказала девчонкам. Разумеется, о Сердце академии и ритуале ни словечком не обмолвилась, но подруги и без того впечатлились.

— Магистр Драмм мужик хороший, — уверенно заявила Лэн. — Но сбои у провидцев случаются. Может, простое совпадение?

Я пожала плечами. Может, и совпадение. Хотелось бы верить, что так оно и есть… вот только не верилось. И потом, если бы Дан не остался на балу, если бы пошел в свой кабинет, а не послал туда иллюзию… Тогда бы видение магистра Драмма исполнилось в точности. Тогда бы никто не усомнился в виновности Даниэля.

Из размышлений меня вывел подозрительный шум. Радиша, заметно хромая, пробиралась к двери, в то время как Лэн пыталась ей помешать.

— А что случилось? — нахмурилась я.

— Она, — обличительно ткнула в подругу пальцем целительница, — ногу вчера повредила, а сегодня у нее пересдача! Ей специальные заживляющие чары наложили и на сутки запретили любые нагрузки, а она!.. Как она с травмой бегать собирается?!

— Как-нибудь, — огрызнулась Радиша. — Если не пойду, меня попросту вышвырнут!

— Не имеют права! — сверкнула глазами застывшая в дверях Лэн.

— Магистр Литас тот еще гад, — скривилась Радиша. — Прямо сказал, что мою травму за уважительную причину не считает, пусть я хоть двадцать справок от целителей принесу!

— Давай я Дану пожалуюсь, — предложила я.

— Или Алеку, — поддержала идею Лэн.

— Нет! — переполошилась Радиша. — Поймите, у нас девочкам и так сложно, а если я еще и зачет с помощью декана или старшего преподавателя сдам…

Понятно. После такого жизни на факультете Радише не будет. Преподавателя-то вряд ли уволят, велика вероятность, что с удвоенным рвением гадости делать станет… А там и другие, вполне возможно, обиды за своего не простят. То есть, куда ни сверни, всюду тупик. Хотя…

— Ты мне доверяешь? — спросила я подругу.

— Да! — без колебаний кивнула она.

— Тогда сделаем так… — заговорщицки улыбнулась я заинтригованным девчонкам.

Иногда лучше никуда не сворачивать, а идти прямо. Только не в одиночку.

Спортзал у боевиков был просто загляденье. И тренировочные снаряды новехонькие, так и тянуло опробовать. А вот преподаватель сюда никак не вписывался и портил всю картину, хотя его разукрашенное синяками тощее лицо и проливало бальзам на мое измученное жаждой мести сердце.

— Неплохо, — со смешанной с изумлением досадой протянул он, когда я прошла все зачетные задания. — Даже не ожидал…

Угу. Я тоже не ожидала, что вредным преподавателем, решившим усложнить Радише жизнь, окажется тощий Крэл. Хотя и стоило бы, вряд ли в академии сыщется еще один такой же гад.

— Значит, вы поставите зачет, магистр Литас? — спросила я, неосознанно коснувшись ладонью спрятанного под формой амулета подруги.

Самостоятельно оценить полученный результат не вышло — Радиша себя со стороны не видела, а для Лэн амулет преградой не являлся, — и, перед тем как отправиться на пересдачу, я нашла Карла. Он меня не узнал и вообще заметил лишь тогда, когда я поздоровалась.

Крэл явно издевался. Задумчиво возвел глаза к потолку, словно прикидывая, достойна ли сия студентка величайшей милости или же обойдется. Нестерпимо зачесались кулаки, а еще показалось, что Алек немного несимметрично разукрасил мерзкого магистра. Так и тянуло подправить…

— Поставлю, — наконец выдал тощий, будто делая невероятное одолжение. — В виде исключения и со скидкой на травму, — ввернул он, гадко ухмыльнувшись.

Перед глазами аж все потемнело. Пришлось стиснуть кулаки еще сильнее, чтобы удержаться и не наделать глупостей. Скрепя сердце поблагодарила сволочь в преподавательской мантии и буквально вылетела из зала, кипя от негодования.

Вот же… гнилая душонка! Хотя о чем это я, он себя более чем ярко вчера проявил, пытаясь обвинить Дана! И чему такой тип может научить студентов? Зависти, злобе и подлости? Обязательно расскажу Даниэлю. И Алеку — тоже. Не знаю, смогут ли они поставить зарвавшегося тощего на место, но очень на это надеюсь!

Охваченная не самыми добрыми эмоциями, по сторонам я не смотрела. Я вообще дороги не разбирала и вполне закономерно на кого-то налетела. Подняла голову, тут же ее опустила,

пробормотала извинения и поспешила дальше, пока жертва столкновения не опомнилась.

Но удаче сегодня явно надоело играть на моей стороне.

— Подожди! — негромко окликнул Алек Арто.

Я вздрогнула и ускорила шаг, сделав вид, что не услышала, но магистр, неизвестно по какой причине возжаждавший пообщаться со студенткой, не отставал.

Неужели узнал?!

— Радиша, пожалуйста…

Не узнал, но легче от этого не стало. Я застыла, не оборачиваясь и судорожно соображая, что делать и как быть.

Непривычно мягкий тон, пальцы, крепко, но осторожно сжавшие плечо…

Ох, Радиша, скромница ты наша… Богиня милостивая, куда я умудрилась влезть?!

Я еще ниже опустила голову. Алек стоял позади, не убирая руки, не делая попыток заглянуть в лицо, а потом тихо сказал:

— Радиша, прошу, просто выслушай. Ты же знаешь, как сильно я…

И на этом мои нервы не выдержали. Резко обернувшись, я с изумлением уставилась на бледного, взволнованного Алека, в глазах которого постепенно разгоралось узнавание…

— Грейс?! — прошептал он, отпрянув так, словно я была демоном.

Сейчас я бы и сама хотела им быть, дабы немедленно провалиться сквозь землю и накрепко позабыть о чужих тайнах, в которые оказалась замешана по чистой случайности и против воли. Но, увы, демоном я не была, а потому пришлось брать себя в руки и думать, что же делать дальше.

— Ты не видел меня, я не видела и не слышала тебя, — скороговоркой выпалила я, пока Алек не успел опомниться, и, не дожидаясь ответа, бросилась наутек.

Вот так, с разбегу, вторгнуться в тайну подруги — это уметь надо! И ведь не отмахнешься теперь, не забудешь. Алек, конечно, замечательный и вообще лучший друг Дана и брат Лэн, но… за Радишу было тревожно. Не слишком-то он серьезен, а она… романтична, доверчива. Моих колючек у нее нет, и не уверена, что это хорошо. Но и вмешиваться в ее жизнь я права не имела. Она же нам с Лэн ни словечка про Алека не сказала, значит, не считает нужным, чтобы мы знали.

Выбравшись на свежий воздух, я глубоко вздохнула, успокаиваясь, оглянулась и, убедившись, что одна, сняла амулет. Спрятала его во внутренний карман куртки и замерла в нерешительности.

До назначенного отцом часа время еще оставалось, но идти в комнату не хотелось. А придется. Хотя бы для того, чтобы отдать Радише амулет. Сложно будет промолчать, но… Нельзя без спросу лезть в чужие дела. Нельзя, и точка. Даже если это дела подруги, за которую я переживаю.

Погода стояла солнечная и теплая. Шла я медленно, вдыхая горьковатый осенний воздух и стараясь ни о чем не думать. Голова гудела, и я боялась, что она вот-вот лопнет — от избытка вопросов, предположений, сомнений и подозрений. В какой-то момент действительно удалось отрешиться от мыслей и целиком сосредоточиться на шелесте опавшей листвы под ногами, шорохе ветвей, воробьиной перебранке возле неглубокой лужи… Я настолько расслабилась, что едва не подпрыгнула, когда на моем предплечье сомкнулись чьи-то пальцы.

Дальше тело действовало словно само по себе. Поворот, слабые, но болезненные чары-молнии, подсечка…

И вот у моих ног, красиво распластавшись в ворохе разноцветной листвы, лежит сам помощник ректора.

Вот же демоны…

— Опасная девушка, — простонал он, пытаясь подняться.

— А нечего подкрадываться, — смущенно буркнула я, и не думая помогать.

— Я не подкрадывался, — наконец-то встав на ноги, покачал головой Марк. — Я тебя звал. Не слышала?

Стало стыдно. Отрешилась от проблем, называется! А в итоге новые заработала.

— Прости, — вздохнула я, надеясь, что правая рука магистра Корревайн мстительностью не отличается.

— Пустяки, — отмахнулся Марк, вытащил из растрепавшейся косы ярко-алый кленовый лист и, повертев его в пальцах, выбросил. — Я хотел с тобой поговорить.

— Я спешу, — попыталась спасти себя я, предчувствуя, что разговор ничего хорошего не принесет.

— Ничего, надолго не задержу, — проигнорировал возражения Марк и, сцапав меня под локоток, потащил в противоположную от общежития сторону. Я ощутила, что нас накрыло пологом невидимости, и занервничала еще сильнее. — Скажи, это правда, что Иридайн — твой жених? — без обиняков вопросил он.

— Правда, — нахмурилась я. — И что с того?

— Ты не выглядишь счастливой невестой, — заявил Марк.

И надо было бы промолчать, но отчего-то не вышло. Словно кто за язык дернул!

— Это брак по договору, — выпалила я. — Счастье там не

предусмотрено.

Сказала — и сама себе удивилась. С чего бы мне с ним откровенничать?! Но сделанного не воротишь, сказанного — тем паче. Я дернулась, освобождая руку, и остановилась. Марк тоже встал, внимательно разглядывая меня, словно впервые видя. Я даже поежилась от такого пристального внимания, но взгляда не отвела.

— Что тебе надо? — спросила, не выдержав. — К чему этот интерес?

— Я могу помочь, — пожал он плечами.

— В чем? — не поняла я.

— Расторгнуть помолвку.

— Это невозможно, — мотнула я головой. — Без согласия Дана…

— Нет ничего невозможного, — перебил Марк. — Стоит только захотеть.

— Зачем тебе это? — подозрительно прищурилась я.

— Не веришь в то, что люди способны на добрые дела?

Я лишь усмехнулась. Да, мне еще и восемнадцати нет, но это не значит, что я настолько наивна.

— Хорошо, — поколебавшись, кивнул Марк. — Я был в такой же ситуации. И знаю, каково это — быть лишенным права выбора, зависеть от решения других. Понимать, что счастливым тебе никогда не стать. Не самые приятные ощущения, не правда ли?

Я промолчала. Не самые — слишком слабо сказано. Осознание, что всю жизнь предстоит провести с человеком, который тебя не любит и вряд ли полюбит, убивало. Выедало изнутри, отравляло, мешало дышать… Я судорожно вздохнула и с удивлением поняла, что плачу. Торопливо провела по щекам ладонями и упрямо закусила губу.

— Вижу, тебе это знакомо, — сочувственно улыбнулся Марк. — Ты нравишься мне, Грейс. Я смог помочь себе. Смогу помочь и тебе. Если ты того захочешь. Если решишь, что достойна большего, чем следовать выбранным за тебя путем.

— Я… не знаю, — прошептала я, чувствуя, как запертая в душе боль вновь рвется наружу.

— Грейс… Это твоя жизнь. Ты имеешь полное право прожить ее так, как считаешь нужным. И если все-таки решишь освободиться, дай знать. Я помогу. В любое время.

Марк сжал мою дрожащую ладонь и, не прощаясь, ушел, оставив полог. Который пришелся очень кстати…

ГЛАВА 28

Если подруги и заметили мои покрасневшие глаза и распухший нос, то тактично не подали вида.

Я обрадовала Радишу вестью о сданном зачете, вернула ей амулет, а когда она, радостная, похромала делиться счастьем с сокурсниками, поведала внезапно свалившуюся на меня тайну будущей целительнице, предварительно стребовав клятву молчать. И удивилась, обнаружив, что новость ее не особо взволновала.

— Не переживай, — улыбнулась Лэн. — Алек последнее время сам не свой ходит, никогда его таким не видела. Радиша ему очень нравится, поверь.

Наверное, придется. К тому же он ведь говорил, что я красивая, и будь мой характер менее колюч и более покладист… То получилась бы Радиша!

Поболтать на эту тему, обсудив надежды и опасения, не вышло. В окно тихо постучали, и, когда я открыла створку, в комнату влетел бумажный голубь. Покружился под потолком, спланировал на мою ладонь и, вспыхнув, превратился в тонкий лист бумаги. Я пробежалась глазами по ровным строчкам, написанным хорошо знакомым почерком, и, быстро переодевшись, поспешила к воротам академии.

Где-то на полпути пожалела, что не выпросила у Лэн немного ее зелья. Руки предательски дрожали, да и дыхание сбивалось… Нет, хотелось узнать все, что от меня скрывали, но, оказавшись в шаге от разгадки, я отчего-то испугалась. А вдруг правда мне не понравится? Ведь не зря же отец столько лет ее избегал.

Пришлось остановиться и несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть. Что бы там ни было, знание лучше неведения. Я уже не ребенок и сумею справиться если не со всем, то со многим. А для того, с чем не сумею, у меня есть отец. И Дан.

Поймав себя на последней, не слишком-то взрослой, мысли, я сокрушенно вздохнула и, упрямо вздернув подбородок, пошла дальше.

Папа ждал у ворот, небрежно прислонившись к стене и изучая неспешно плывущие по прозрачно-синему небу облака. Расслабленная, безмятежная поза, и лишь прорезавшая переносицу морщинка выдавала его истинные чувства. Похоже, предстоящего разговора он боялся ничуть не меньше, чем я.

По пути к дому, снятому отцом на время пребывания в городе, мы разговаривали о всякой ерунде. Папа рассказал о своем последнем задании, упуская детали, которых мне знать не

стоило; я же поведала о своих успехах в изучении изящных искусств, мудро умолчав обо всех случившихся неприятностях. Зачем лишний раз нервировать единственного родителя? О моем побеге мы не говорили вовсе, и если поначалу я ждала неудобных вопросов и нотаций, то под конец расслабилась и просто наслаждалась прогулкой, дышала свежим воздухом и любовалась разноцветной пышной листвой.

Домик оказался маленьким, окруженным золотыми березами и багровыми кленами. Красная черепица и розовато-желтые стены гармонично вписывались в осенний пейзаж. Внутри было чисто и мило, только немного прохладно, но папа быстро это исправил, отправив в камин огненную искру.

Маленькая кухня меня просто очаровала. Янтарное дерево стен, пестрый коврик на полу, занавески в тон на окошке и пряный запах сушеных трав создавали домашний уют, в который хотелось погрузиться с головой, позабыв о проблемах. Что я и сделала, устроившись за столиком у окна и с наполняющим сердце теплом наблюдая, как папа привычно хлопочет у крохотной плиты, соображая неразумной дочери завтрак, о котором она сегодня даже не вспомнила. Особого аппетита не было, да и хотелось поскорее разобраться со всеми тайнами, но под строгим родительским взором пришлось покорно подкрепиться яичницей и хрустящим поджаренным хлебом. Получив на десерт огромную кружку горячего, сдобренного корицей и ванилью какао, я обхватила ее ладонями и испытующе посмотрела на отца.

Дальше он тянуть не стал. Окинул меня полным горечи взглядом и негромко начал:

— Двадцать лет назад я был молод и ветрен. Сила кипела в крови, требуя приключений. В те годы я и не думал о семье. Любые оковы были не для меня. А потом я встретил Верею. Такую же, как я сам, неудержимую, словно воплощение огня. Те месяцы были незабываемы. Азарт, опасность… любовь. Когда я осознал, что Верея постепенно становится для меня важнее всего, я испугался. Это уже начало связывать по рукам и ногам, а я оказался не готов к такому и… сбежал. Решил, что время лечит все, и через нару-тройку месяцев я и думать забуду о ней, о том, что она для меня значит. Вот только не помог этот лекарь. Когда я попытался ее разыскать, то не смог — следы заметать она умела. А через два года я попал в переплет, из которого не чаял выбраться живым… И спасла меня она. С тех пор мы не расставались. Мы были счастливы, Грейси, и с твоим появлением это счастье стало полным. Наверное, кто-то наверху посчитал, что даже чересчур…

Отец судорожно вздохнул, сжал кулаки и продолжил с явным трудом:

— Все началось с того, что Верея взялась за очередное дело. Сорвалась внезапно, даже не рассказала толком, куда и зачем отправляется. Обещала объяснить, когда вернется, но… не вернулась. Все оказалось гораздо сложнее, чем я полагал.

Он запнулся, подбирая слова, а я тоскливо подумала, что в последнее время в моей жизни сложно абсолютно все. И чем дальше — тем сложнее. И страшнее. Я видела, как тяжело папе дается разговор, но… он был необходим. Нам обоим.

— Верея хранила много секретов. И далеко не все сочла нужным открыть мне. После ее гибели я получил письмо, написанное ею как раз на этот случай. О таинственном деле там упоминалось лишь, что это очень важно, зато было кое-что другое… Я изначально знал, что Верея скрывала цвет силы. Не понимал зачем, но и объяснений не требовал, считая, что, если ей хочется казаться светлой — пусть, кому от этого хуже, тем более что во вред она силу никогда не использовала. У нее имелся занятный артефакт, позволявший использовать светлую энергию, и вопросов ни у кого не возникало… Так вот, в письме были ответы на те самые вопросы, которые мне все же стоило задать. Оказалось, что когда-то давно, еще до нашего знакомства, твоя мама принадлежала культу Темных богов.

На несколько мгновений я забыла, как дышать. Замерла, неверяще глядя на серьезного отца. И лишь когда перед глазами потемнело, шумно выдохнула и даже головой потрясла. Я сплю? Как-то очень уж все бредовое видение напоминает! Этого же просто не может быть!

— Верея никогда не была покорной, предпочитала сама выбирать свою судьбу и часто плыла против течения… Неудивительно, что из секты она сбежала. Именно тогда мы и встретились в первый раз. И артефакт скрывал не только истинный цвет ее силы, но и ауру, чтобы сектанты ее не поймали. Верея писала, что так и не нашла смелости признаться, хотя и хотела. Будто это могло что-то изменить, будто я мог хоть в чем-то ее упрекнуть! Я пытался докопаться до правды, найти виновников ее смерти, но все ниточки, за которые хватался, рано или поздно обрывались. Ясно было одно: все они так или иначе вели к культу. Хотя и представить не могу, что заставило Верею вновь связаться с ними, вряд ли она хотела вернуться, возможно, напротив, пыталась кого-то вытащить. Она опасалась, что с ней может случиться несчастье, и просила приглядеть за тобой. Знала бы она, что к тому моменту я уже недоглядел…

Отец отвел взгляд и сжал губы, а я подобралась, поняв, что

сейчас наконец-то узнаю страшную тайну.

Ту самую, которую от меня берегли всю жизнь. Или же меня — от нее.

— Это был обычный день, — с трудом, словно слова царапали горло, вымолвил папа. — Я еще не знал, что произошло с Вереей, еще не получил ее письма. Давило что-то здесь, — он на миг прижал ладонь к сердцу, — но я привык переживать за нее. И в тот день… Если бы я знал, что случится, никогда не оставил бы тебя и Даниэля одних!

Я вздрогнула от неожиданности. При чем здесь Дан?!

«При всем», — эхом отдалось в душе.

— Ты этого не помнишь. Не можешь помнить… Нам с отцом Дана пришлось ненадолго отлучиться, и мы оставили вас вдвоем. Не в первый раз, на Дана всегда можно было положиться, к тому же на доме стояли защитные чары, и я даже представить не мог, что они окажутся столь хрупкими… на один удар этой твари.

Не помню?..

Правильнее было бы сказать — не помнила. Но сейчас с каждым словом отца оживало что-то в моей душе. Какой-то уголок, в котором, покрытые пылью, томились за крепкой дверцей воспоминания. В том числе и те, которые я сама туда задвинула. Чтобы никогда-никогда к ним не возвращаться.

Тикают часы. Слишком громко, и каждый удар стрелки отдается в голове болью. А может, это и не часы вовсе — сотрясаются стены, ползет по потолку трещина, клавишами пианино под неумелыми пальцами взлетает паркет… Воздух густеет, обретает цвет. Он выгибается дугой, словно кто-то невидимый давит с другой стороны реальности. Это ведь его контуры все четче проступают на молочно-белой пленке, идущей мелкой рябью?..

И дело действительно не в часах. Просто каждый удар невидимки приходится на удар секундной стрелки.

Тик-бом, бом-так…

Страшно. Боги мои, как же страшно! Дан тащит меня за руку по лестнице, чьи ступеньки пляшут и выскальзывают из-под ног. Но он старше и сильнее, держит крепко, не отпуская, не позволяя ужасу окончательно завладеть мною.

— Мы ведь быстрее всех, Грейси! — задыхаясь, на бегу тараторит он, и его уверенность успокаивает. Дан не боится — а значит, не стоит и мне. — Нас никто не догонит, верно?

В спальне наверху тоже стоят часы. Они гораздо больше тех, что напугали меня в гостиной, и звучат куда громче и внушительнее.

Тик-топ. Топ-так…

Словно кто-то идет по коридору и пол прогибается под чересчур тяжелыми шагами.

Дан дышит слишком быстро, слишком сильно сжимает мою ладонь, но я молчу, завороженно вслушиваясь в музыку механических шестеренок и скрипучих половиц.

— Лезь туда, Грейси! — шепчет он, подталкивая к огромной кровати, застеленной тяжелым, свисающим до самого пола покрывалом. — Живо!

Там пыльно и наверняка водятся пауки; пауков я боюсь так, что никакая сила не способна загнать меня в их обиталище.

— Дан!.. — умоляя, вскрикиваю я, цепляясь за его руки.

Ледяные пальцы накрывают мои трясущиеся ладошки, карие глаза Даниэля слишком серьезны, как и голос:

— Мы играем в прятки, Грейси. Всего лишь играем. Лезь под кровать. Пауков там нет. И лежи тихонько, как мышка, пока я тебя не позову. Я или твой отец, слышишь? Ты же не хочешь проиграть?

Проиграть я не хочу. И Дану верю на слово, а потому смело лезу в пыльную темноту. Край покрывала опускается, скрывая комнату и Даниэля, а через три удара стрелки тишина взрывается такой какофонией звуков, что я почти теряю сознание.

Меня колотит от страха; но Дан сказал, что нужно вести себя подобно мышке, и я покорно лежу, обхватив голову руками, и плачу так тихо, что не слышу сама. Да и как можно что-то расслышать в том безумии, что творится в комнате?

— Грейс? Грейс-с-с… Иди сюда! Иди сюда, малышка, и мы с-с-славно поиграем…

Чужой голос, шипящий, торжествующий, вползает в уши, и тело парализует ужас. Я уже не плачу и даже не дышу, глядя, как медленно, но неумолимо приподнимается покрывало.

— Дан… — беззвучно шепчут губы, и покрывало вновь падает на пол, а дикий вопль сотрясает дом.

— Грейси… — слышу я через долгое-долгое время. И еще столько же не решаюсь вылезти, хотя точно знаю, что звал меня Даниэль.

Но он больше не зовет, и мне страшно… И когда страх становится нестерпимым, я вылетаю из своего укрытия, запинаюсь о неподвижное тело, разбиваю колени и локти — но не плачу. Потому что никакие ссадины не идут в сравнение с тем, что случилось с Даном.

Я сижу на полу и вздрагиваю от жуткой тишины, нарушаемой лишь отвратительно-громкими щелчками секундной стрелки чудом уцелевших часов; они лежат на боку, но все равно упрямо

идут.

Так же упрямо, хоть и не в пример тише, стучит сердце Дана. Его глаза открыты, но меня, зареванную и выпачканную в его же крови, он не видит. И не слышит, как я, срывая голос, умоляю его вернуться…

— Не знаю как, но он уничтожил ту тварь, — спугнул жуткие воспоминания голос отца. — Дан… талантливый мальчик.

Даже слишком. Талантливый, нахальный, самоуверенный… дурень.

Я задохнулась от вновь нахлынувшего ужаса, осознавая, как близко от Дана прошла тогда смерть. Не прошла даже — задержалась, коснулась ледяной костлявой дланью.

— Почему я этого не помнила?.. — прошептала я.

— Ты перестала спать по ночам и боялась даже днем. Пришлось позвать менталиста. Он избавил тебя от воспоминаний и страхов… правда, не до конца.

Часы. Проклятые часы, чей неумолимый ход навевал необъяснимый ужас.

Я считала ускользавшие сквозь пальцы мгновения и удары бьющегося под моей ладонью сердца Даниэля всего пять минут. А потом двенадцать лет вздрагивала от слишком громко тикающих часов и просыпалась в холодном поту по ночам не в силах вспомнить, что меня так испугало.

А Дан? Что изменилось для него? В пятнадцать лет он был еще упрямее, чем сейчас, и помощь менталиста наверняка отверг.

Подросток, почти еще ребенок, прогнавший чудовище и едва не простившийся с жизнью. Боюсь, его кошмары были намного страшнее моих…

Но оказалось, что кошмарами неприятности Даниэля не ограничились. Как, впрочем, и мои.

— С этого-то и началось все самое сложное, — вздохнул отец. — Переплелось так, что уже и не распутать… Ты родилась с двумя одинаково сильными дарами: темным и светлым. По настоянию Вереи темный дар сразу же, не дожидаясь твоего взросления и осознанного выбора, заблокировали — как я понял значительно позже, она не хотела рисковать, не желала допустить ни малейшего шанса, чтобы слуги Темных когда-либо обратили на тебя внимание. Но… ты же знаешь, заблокировать силу — полдела. Нужно время, чтобы она, лишенная подпитки, исчезла. И чем сильнее дар, тем больше времени требуется. В твоем случае темные каналы окончательно перекрылись бы к семи годам. И если бы не то нападение… Дан убил тварь, но она успела заразить его тьмой. Возможно, он бы и продержался до прихода

целителя, но, скорее всего, нет. Слишком много тьмы в него влили, слишком агрессивной она оказалась. И если бы не ты…

— Я? — выдохнула я ошарашенно.

— Ты, — кивнул отец. — Ты неосознанно вытянула тьму из Дана, сделала ее своей. Каналы темной силы вновь заработали, не так, как раньше, но все же… Тьму из тебя изгнать удалось, но, увы, не полностью. И вновь заблокировать ее не получилось… А через некоторое время обнаружилось еще одно последствие. Самое неприятное и опасное. Сила той твари… Магия Даниэля и твоя… То, что сделал для тебя он и что сделала для него ты… Ваши магические потоки перемешались и сцепились, а потом, изменившись, начали расплетаться… А вы… Вы умирали, Грейс. Медленно и неотвратимо. Дан бы умер без вариантов, а вот ты… С высокой долей вероятности ты могла стать полностью темной… и совершенно безумной, что равносильно смерти. И ни целители, ни проклятийники не смогли помочь. Пришлось нам с отцом Дана самостоятельно искать решение.

— И вы нашли, — разорвала повисшую тягостную паузу я.

— Да, — подтвердил папа. — Это было единственным выходом, и мы… Мы воспользовались им, не задумываясь о возможных последствиях. Тогда наиболее важным казалось спасти вас.

— Помолвка, — уверенно заключила я. Словно шепнул кто-то.

Тот день я помнила. Сад, нашу с Даном ссору, то, как нас позвали в дом… Незнакомого пожилого мужчину, оказавшегося жрецом, и обряд, свидетелями которого стали лишь наши отцы. Помнила золотистые ленточки, охватившие наши запястья и словно впитавшиеся в кожу. А еще — каким бледным и молчаливым был Дан, понимавший гораздо больше меня, и тревогу в глазах папы.

Мелкие кусочки давно потерянной мозаики, которые наконец-то обрели смысл.

— Помолвка, — эхом отозвался отец. — Причем не простая. Древний магический обряд обручения, накрепко связывающий двух людей. То, что было нужно. И это помогло. Правда, что-то пошло не совсем так… И здесь не обошлось без последствий. Ты стала слишком чувствительна к магии. Настолько, что пришлось максимально оградить тебя от нее. Агрессивная магия могла освободить тьму, что свело бы все наши усилия на нет. И лишь магия Дана тебе не вредила. Напротив, успокаивала.

— Но сейчас ведь все хорошо, — пробормотала я. — Ведь так? Мы с Даном живы… И тьма во мне надежно запечатана. Так почему нельзя разорвать помолвку?!

— Потому что тогда все будет плохо, — мрачно ответил папа. — Обряд связал вас, позволил жить, но причину не устранил. Мы искали способ разорвать вашу привязку, не повредив при этом вам. Но не нашли. И я был очень удивлен, узнав, что Даниэлю удалось хотя бы избавить тебя от непереносимости чар. Как я уже говорил, он талантливый. И упрямый. Он не сдался, когда сдались мы с его отцом. И знаешь… Пожалуй, сегодня я вновь поверил в то, что он найдет выход.

— Найдет, — пробормотала я. — У него мотивация высокая. Иначе ведь придется всю жизнь со мной провести…

— Как же вы мне надоели, — выразительно поморщился папа. — Оба.

— А что сразу я? — надулась я. На особое сочувствие, конечно, не рассчитывала, но и такой реакции тоже не ожидала.

— А то, что Дан все для тебя делает, бестолочь, — сокрушенно покачал головой родитель.

— Ну да, конечно, а сам он ну вот ни столечко не желает от этого ярма избавиться! — скептически хмыкнула я.

— Желает, — не стал спорить папа. — Однако же, вместо того чтобы бросить все силы на решение основной проблемы, он ищет способ, как исправить твою магию, потакает твоим капризам и на полном серьезе пытается мне доказать, что мои методы воспитания вопиюще жестоки. Удивительное безразличие, не правда ли?

— Неправда, — упрямо нахмурилась я. — Он меня избегает. Стоит подойти чуть ближе…

Я не договорила, расстроенно махнув рукой.

— Вам нужно поговорить. Так, как мы с тобой — честно, — посоветовал отец. — Я примерно представляю, что творится в его голове, но… Он должен сказать тебе сам. Я же могу лишь повторить: этот дурень благородный все ради тебя делает. И *не делает* — тоже. А он упрямец еще больший, чем ты.

Я промолчала. Все равно ведь каждый при своем мнении останется… Хотя в одном папа прав. С Даном я тоже поговорю. На сей раз не отвертится, а если попытается — сильно об этом пожалеет.

Пока же лучше сосредоточиться на другом.

Например, на прочно обосновавшемся в душе неприятном ощущении, что это далеко не конец истории.

Ведь тот монстр наверняка не по собственному желанию пришел в наш дом. Кто его натравил? Для чего?

— А вы… пытались найти, кто его послал? — робко спросила я задумавшегося отца.

Он вздрогнул, будто вопрос вернул его из неведомых далей,

но понял без уточнений:

— Конечно же. Вот только след оборвался, и, как ни старались, найти его не получилось. Но я уверен, что это связано с побегом Вереи. Они считали ее мертвой. Подозреваю, что на последнем деле она раскрылась… И, скорее всего, они решили проверить, не осталось ли у нее детей, потому и послали нацеленную на ее кровь или магию тварь. Этот культ… Оттуда невозможно уйти добровольно. Его последователи принадлежат ему вечно. Как и их потомки.

— Я им не принадлежу, — нахмурилась я.

— Они тебя не получат, — успокаивающе накрыл мои сжатые в кулаки руки папа. — Дан уничтожил тварь. Возможно, были и другие, но из-за смешения ваших магий они тебя не нашли. И не найдут.

Я слабо улыбнулась и до боли прикусила губу. Винить папу за то, что он столько лет скрывал правду, не получалось. Я бы тоже не знала, как все рассказать, не испугав, не вызвав желания спрятаться и вздрагивать от любого подозрительного шороха. Если бы я была послушной дочерью и сидела дома, как мне было велено, скольких бы проблем избежала! И я сейчас вовсе не о Дане.

Воспоминания о недавних неприятностях огнем опалили. Было ли то простым совпадением или же охотились именно на меня, «собственность» культа Темных богов? Конечно, папа во многом прав, и если бы меня могли найти, то нашли бы сразу, но… На душе все равно было тревожно. Я сглотнула сухой ком, ободравший горло, и потянулась за остывшим какао. Холодное, оно казалось слишком вязким и сладким, но я все равно выпила все до капли, пытаясь успокоиться и уложить в голове то, что узнала.

Укладывалось плохо. Похоже, избыток информации так же вреден, как и недостаток.

И самое главное, я не имела ни малейшего представления, что теперь со всем этим делать.

ГЛАВА 29

Закатное солнце щедро окрасило Террею в цвета ранней осени. Казалось, даже воздух переливается золотом, сверкает алыми искрами, оседает на губах терпким привкусом янтарного меда. Я сидела на крыше башни и рассеянно скользила взглядом по безмятежной картине вечернего города, умиротворенного, сказочного и странно-нереального. Рядом, на самом краешке парапета, устроилась по-прежнему молчаливая Грейс Эллан.

Я не заметила, когда она появилась. И не особо удивилась, когда все-таки обнаружила, что побыть в одиночестве не удастся.

— Знаете, леди, моя жизнь и так поворот за поворотом делает, вписываться едва успеваю… А вы тут более чем, хм, прозрачно намекаете, что скоро она и вовсе с ног на голову встанет? — тоскливо вопросила я, убедившись, что призрак обосновался здесь надолго.

Леди Эллан лишь улыбнулась. Вроде бы даже сочувственно… И, разумеется, никуда не делась.

Я вздохнула и вновь перевела взгляд на вызолоченный солнышком пейзаж. После разговора с отцом прошло несколько часов, но голова все еще гудела от новых, не вписывающихся в привычную картину мира сведений, а в душе и вовсе буря бушевала. Я вновь и вновь вызывала в памяти полустершийся образ мамы, ее улыбку и смех. Закрывала глаза и прислушивалась к себе, словно и в самом деле надеялась понять, течет ли по моим венам тьма. Раз за разом возвращалась мыслями в тот проклятый день, смазанный и больше всего похожий на сон, но все еще наполненный ужасом. Думала о Дане, которому пришлось намного хуже, чем мне. Скорее всего, именно поэтому я ему не нужна. Как можно любить человека, из-за которого твоя жизнь полетела в бездну? Странно, что он вообще меня терпит. Ведь все случилось по моей вине.

Мысли не оставляли в покое, кружась в бесконечном хороводе. Пожалуй, столько страхов, неуверенности и беспомощности разом я никогда прежде не испытывала. В какой-то момент стало трудно дышать, а панорама залитого ало-золотым светом города затуманилась и размазалась, и я с удивлением поняла, что плачу. Мотнула головой и зло вытерла слезы. Убеждала же всех, что взрослая и выдержу правду! А сама сижу в компании призрака и рыдаю, словно моя жизнь кончена. Но ведь это не так! Все, что случилось, в прошлом. А будущее… Да, сейчас оно видится исключительно в мрачных гонах, но оно у меня есть! Благодаря маме, сбежавшей из секты. Благодаря Дану,

не отдавшему меня той твари. Благодаря нашим отцам, не позволившим нам умереть. Все могло закончиться гораздо трагичнее. А так… Еще поборемся. Дан не сдался. Значит, и мне не стоит. Что же касается наших отношений… Больно, обидно, но это тоже придется пережить.

Я слишком глубоко погрузилась в размышления и чуть не полетела вниз, когда на мое плечо легла чья-то ладонь. Она же меня и удержала, а потом и вовсе с парапета сдернула. Ощутив под ногами твердую поверхность, я резко развернулась… и проглотила возмущение, увидев Дана. Дыхание снова перехватило, глаза защипало, но я упрямо тряхнула головой и, глубоко вдохнув, выпалила:

— Я все знаю!

— Стефан рассказал, — едва заметно кивнул Дан. — Прости. Я не люблю тайны, но дал твоему отцу слово, что буду молчать. При самом лучшем раскладе ты бы никогда ничего не узнала.

— В жизни такой расклад никогда не выпадает, — болезненно поморщилась я. Опустила взгляд и прикусила губу, не зная, что еще сказать. То есть сказать хотелось много чего, вот только нужно ли. — Ненавидишь меня? — прошептала едва слышно, не поднимая головы.

— За что?! — столь искренне изумился Даниэль, что я все же осмелилась на него взглянуть.

И правда удивлен. И смотрит так, словно всерьез моим душевным состоянием обеспокоен. Стало стыдно за глупый вопрос, но раз уж задала его, надо идти до конца.

— Это же все из-за меня, — пояснила тихо. — Все, что с тобой случилось…

— …случилось из-за темной твари, за которую ты не в ответе, — перебил Дан. — Боги, Грейс, что с тобой?! — Он шагнул вперед, обхватил мое лицо ладонями и, глядя в глаза, с прежней насмешливостью спросил: — Что еще ты придумала? Скажи лучше сейчас, пока не успела в это поверить.

— Я сказала, — выдохнула я, зачарованно смотря, как золотистый свет растворяется в глазах моего подневольного жениха, делая их медовыми. — Я думаю, что ты ненавидишь меня. И да, я уже почти верю в это.

— Я не ненавижу тебя. Напротив, ты слишком много для меня значишь, — серьезно возразил Дан, но не успела я осознать смысл этих слов, как он добавил: — Вот только я не знаю, мои ли это чувства.

Окончательно запутавшись в происходящем, я дернулась, освобождаясь из плена теплых ладоней, и шагнула назад. Зажмурилась на миг, избавляясь от ощущения нереальности, и

убежденно заявила:

— Издеваешься.

— Отнюдь, — покачал головой Дан. — Родители спасали наши жизни и даже не задумались над тем, к помощи чего прибегли. И как это повлияет на нас в дальнейшем. А я задумался. Не сразу, конечно, много позже… Ритуал, через который мы прошли, относится к магическим брачным обрядам и давным-давно запрещен не только в Арстоне, но и во всех достаточно развитых странах.

— Почему? — онемевшими губами прошептала я, ежась от рассыпавшихся вдоль позвоночника колких мурашек дурного предчувствия.

— Потому что он лишал свободы выбора, — криво улыбнулся Дан. — Двоих просто-напросто привязывали друг к другу, и со временем они влюблялись… даже если до этого их сердца сжигала ненависть. Ты росла на моих глазах, я считал тебя младшей сестрой, а потом… Потом ты выросла. Стала такой… Смелой. Красивой. И я… Испугался. К сестрам такого не испытывают. Без ритуалов так точно. Ты нравишься мне, Грейс. Более чем нравишься. Но я до сих пор не могу понять, мои это чувства или же… Это ведь было бы нечестно. Если бы я позволил себе проявить чувства, а ты ответила на них, а потом нашелся бы способ…

— Способ не нашелся, — сглотнув, отстранение сказала я. — И потому ты решил, что…

Я не договорила, но он и так понял.

— Нет, — покачал головой Дан. — Я все еще ищу. Но уже не могу не обращать внимания на свои чувства. И не всегда способен их контролировать. Прости. Останься ты дома, насколько бы все было проще…

Не удивил. Сама недавно к такому же выводу пришла.

— Наверное, лучше было бы и вовсе не говорить тебе об этом, — тихо добавил он. — Но я так устал от лжи. И вижу, что ты — тоже.

Устала. Очень устала. И, даже будь у меня выбор, все равно предпочла бы горькую правду выматывающим домыслам или же обману, сладости которого не смогла бы поверить.

Как бы еще эту правду принять…

Я медленно села, прислонилась к опустевшему парапету — леди Эллан исчезла столь же незаметно, как и появилась, — и уставилась в быстро теряющее краски небо.

Вот, значит, о чем Дан думал, вот что все это время носил в себе. А я? Как же я? Были ли мои чувства — моими? Я не знала об этой демоновой привязке и об обряде обручения, ничего не знала!

И не могла контролировать себя. А если бы могла? Судя по всему, Дану это не очень-то помогло. Смотрит на меня больными глазами, и кричать хочется от осознания, как же мы с ним попали… Если наши чувства и в самом деле последствия обряда, то друг без друга мы уже не сможем. Но и друг с другом — тоже. Потому как каждый миг будем сомневаться в том, что это — настоящее.

Молчание затянулось, стало вязким и противным. Я почти задохнулась в нем, потому и решилась на вопрос:

— Расскажешь, как так вышло, что Лира — твоя?

— Не моя, — слабо улыбнулся Дан и опустился рядом. — Наша.

Наша… Его тьма, ставшая моей, породившая в итоге тень. Верного защитника, наполненного силой мага, отдавшего ему кусочек души. Значит, вот как меня пытались избавить от тьмы. Логично. Могло бы сработать, не будь я темной изначально.

— А почему Лиры не было во время прорыва? — вспомнила я. Тогда опасность грозила и мне и Дану, но кошка так и не пришла. — И в подвалах со скорбянками — тоже…

— В подвалах наша связь слабеет из-за фона, который создает Сердце, — ответил он. — А когда начался прорыв, я запретил ей появляться. Когда вокруг слишком много враждебной тьмы, тени могут попросту в ней раствориться. Я не хотел, чтобы Лира пострадала.

Разумно. Я бы тоже этого не хотела.

— Как она оказалась у Алека?

— Лира получилась очень сильной и шустрой, — усмехнулся Дан. — Ни ты, ни тем более я не смогли бы с ней справиться… И, что куда важнее, кормить. Твоя тьма от этого окрепла бы, у меня ее и вовсе не имелось. А у Алека ритуал создания тени прошел неудачно… В результате его тень погибла, а это всегда отражается на темном маге. И я подумал, что так будет лучше для них обоих.

И, судя по всему, правильно подумал. Лира приняла Алека, Алек же дал ей то, чего не смогли бы дать мы.

— Вот почему он знает о нас, — вздохнула я. — Но ведь это вроде бы тайна? Или же отец потребовал хранить ее только от меня?

— Ото всех, конечно. Но для Алека сделали исключение. Он тоже принес клятву, так что Стефан на его счет не волновался.

Вновь повисло молчание. Мы просто сидели рядом, почти касаясь друг друга… но, кажется, были при этом как никогда ранее далеки.

— Я завтра уезжаю, — наконец сказал Дан.

В сгущающихся сумерках я почти не видела выражения его лица, но голос звучал устало.

— Зачем? — насторожилась я.

— Это связано с расследованием вчерашнего происшествия, — неохотно ответил он и, упреждая мое возмущение, добавил: — Я вне подозрений, не переживай. Просто так надо. В академии будет много посторонних людей, а потому очень тебя прошу: будь осторожна. Не ходи в одиночестве. Алек, конечно, присмотрит за тобой, но ты и сама должна проявить благоразумие.

— Проявлю, — буркнула я, уловив в его тоне нотки сомнения.

— Уж надеюсь, — хмыкнул Даниэль и, повернувшись ко мне, поймал мои ладони. — Грейс, все серьезно. И сейчас… все осложнилось. У кого-то на меня немаленький такой зуб, и теперь, когда стало известно, что ты — моя невеста… Я боюсь за тебя.

«Обряд заставляет тебя бояться», — чуть было не ляпнула я, но вовремя прикусила язык.

— Не бойся, — невинно улыбнулась я, понимая, что надо бы выдернуть ладони, но совершенно того не желая. — Твои враги до меня вряд ли доберутся первыми. У бывших девушек шансов больше.

— Что? — нахмурился Дан, и над нами воспарил неяркий огонек, озарив отразившееся на его лице недоумение. — Ты о чем?

— Ну-у-у… — протянула я. — Не о чем, а о ком. О Талис, например. Или же о той кудрявой девице, что навестила тебя вчера. Даже не знаю, есть ли кто-нибудь еще?

Я ожидала чего угодно, но не тихого смеха. Насупилась, не понимая, что именно столь развеселило Даниэля, но долго ломать голову не пришлось.

— С Талис я вообще никак не связан, говорил же, — терпеливо пояснил он, крепче сжимая мои ладони. — А Сайли… Мы работали в паре до того, как мне предложили должность декана. Правда, наше сотрудничество закончилось чуть раньше, когда она попыталась в одностороннем порядке перевести рабочие отношения в личные.

Настала моя очередь хмурить брови.

— Приворотные чары, — подсказал Дан. — Сайли посчитала, что это — кратчайший путь к цели. К ее величайшему сожалению, все оказалось несколько иначе… — Он криво улыбнулся. — Тот демонов обряд сделал меня абсолютно невосприимчивым к подобным штукам. Надо ли говорить, что после такого наша команда распалась?

Я выдохнула, жалея, что не знала этого вчера. Тогда бы точно отсиживаться за перилами не стала! Отец прав, Даниэль слишком благороден. За такие выкрутасы положено серьезное наказание, а Дан всего лишь прекратил с ней общаться, хотя мог сдать куда следует… И пусть бы получила по заслугам. Все равно ведь не оценила. Ворвалась как к себе домой, обвинила неизвестно в чем. Не знаю, что двигало этой Сайли, но точно не любовь.

Сердце болезненно сжалось. Мне ли рассуждать о любви? По-прежнему хотелось обнять Дана, защитить его от всего мира, но было ли это желание моим? Были ли тепло и нежность в его взгляде настоящими? Все, что было между нами… и то, что, возможно, еще будет… Наш ли это выбор?

Я осторожно высвободила одну ладонь и коснулась его щеки. Он вздрогнул, накрыл мои пальцы своими, зажмурился… А через неуловимо-короткое мгновение уже был на ногах и протягивал мне руку.

— Уже поздно, — глухо сказал Дан, пряча взгляд. — Я провожу тебя.

Спорить я не стала. Ходить по темным коридорам академии после вчерашних ужасов — то еще удовольствие. К тому же он уедет и неизвестно когда вернется. Настоящее это или нет, но я буду скучать.

Коридоры полнились чуть слышным шелестом и любопытными тенями, которые непременно напугали бы меня, будь я одна. По пути нам никто не встретился — час действительно был поздний. У моей комнаты Дан остановился и придержал меня за руку. Долго смотрел в глаза, словно хотел что-то сказать, но так и не решился. Едва заметно улыбнулся и, вновь напомнив об осторожности, ушел.

— Береги себя, — прошептала я, прежде чем скрыться за дверью от шорохов и теней, с уходом Дана ставших гораздо смелее и страшнее.

ГЛАВА 30

Дан действительно уехал. Вместе с отцом, который тоже сослался на таинственные дела.

Дни тянулись за днями, наполненные повседневной суетой и учебой. Я старалась нагружать себя так, чтобы к вечеру на размышления сил уже не оставалось. Благодаря чудо-зелью Лэн со сном никаких проблем не возникало — я засыпала, едва касаясь головой подушки. Может, и без зелья засыпала бы, но рисковать не хотелось. Я боялась, что, стоит лишь углубиться в мысли, как обязательно додумаюсь до какой-нибудь глупости. Но хватит уже оных с меня.

Я неукоснительно следовала просьбе Дана и везде ходила только в сопровождении друзей, будь то учебные аудитории, утренняя пробежка, библиотека или же столовая. Несколько раз со мной пытался заговорить Маркус, но, видя, что я не собираюсь оставлять друзей для беседы с ним, ограничивался приветствиями, хотя смотрел более чем красноречиво. Я помнила о его предложении, и, чего уж там, оно до сих пор казалось соблазнительным, но теперь еще и опасным. Сможет ли он снять привязку так, чтобы не навредить ни мне, ни Даниэлю? Я очень сильно в этом сомневалась. Как и в том, что Марк поймет причину отказа, тем более что вдаваться в подробности я бы определенно не стала. Да, бегство — не самый лучший способ решить проблему, но иного я пока не нашла.

В академии и в самом деле появилась четверка незнакомых магов. Они сновали по территории, делая какие-то замеры, опрашивали преподавателей и студентов — меня, видимо благодаря проверке ректора, не тревожили, — а то и просто ходили по коридорам и залам, словно отдыхая. Но однажды я заметила, как один из них, приникнув ухом к стене, внимал чему-то, слышимому только ему. Я вспомнила все шорохи и шепотки, которыми полнилась академия, и заинтересовалась, действительно ли он что-то слышит. Но интерес пришлось спрятать — ненужного внимания и без того было с избытком.

Не знаю, кто из преподавателей растрепал о наших с Даном отношениях — подозреваю, что без Крэла не обошлось, а может, это и вовсе сделала Талис, — но с начала недели добрая половина старшекурсниц с боевого смотрела на меня волком. Вот уж когда я порадовалась, что больше не хожу одна. Причем даже просить об этом не пришлось. В первый же день, спеша на занятия, я обнаружила под дверью Джаса, который невозмутимо заявил, что привык ко мне и не хотел бы, чтобы чокнутые

поклонницы моего женишка порвали меня на множество маленьких и, увы, непригодных для дальнейшего существования Грейс. Потом к нему присоединился Карл и еще парни с первого курса боевого. Да и с Лэн было не страшно — от ее ласковой, явно семейной улыбки даже старшие девицы разбегались. Алек тоже исправно следил за мной, так что причин серьезно бояться не было, хотя ситуация в целом и заставляла понервничать.

Пожалуй, только сейчас я по достоинству оценила решение Дана молчать о нашей помолвке… А ведь еще и злилась на него, глупая.

Несмотря на большую нагрузку и усталость, на кое-какие мысли меня все-таки хватало. По крайней мере, осознать, насколько несправедливой была к Даниэлю, очень даже хорошо получилось.

На исходе второй недели без Дана от тяжелых раздумий не помогала даже учеба. И я едва не завалила практикум по иллюзиям, который проводила Сантея Стай, и привлекла к себе внимание наставницы.

— Что с тобой происходит? — спросила она, оставив меня после занятия.

Оное проходило довольно поздним вечером — для отрабатываемого типа иллюзий требовался лунный свет, — и в аудитории царил уютный полумрак, разбавленный неярким сиянием магических огоньков. Доверительная такая обстановка, вполне располагающая к задушевным беседам. Вот только я и с подругами-то переживаниями не особо делилась, а уж с наставницей и подавно не намеревалась.

Я тоскливо покосилась на дверь, за которой ждал Джас, и промолчала. Просто не знала, что можно ответить. И нужно ли. Магистр Стай усмехнулась и тихо сказала, поймав мой взгляд:

— Ты делаешь неплохие успехи, Грейс. Назовешь первый закон иллюзий?

— Все не так, как кажется, — вздохнула я.

— Самое интересное, что это применимо и к жизни, — кивнула наставница. — Иногда мы слишком зацикливаемся на внешнем, очевидном, совершенно забывая о сути… И о том, что искренние чувства подделать невозможно.

Я нахмурилась, не понимая, о чем речь, но пояснять свои слова магистр Стай не собиралась. Окинула пристальным взором, улыбнулась загадочно и позволила мне уйти.

И не то чтобы я до конца осознала сказанное, но на душе стало значительно легче.

Выйдя из аудитории, Джаса я не увидела. Зато увидела Талис. В слишком скромном для нее платье, с небрежно

заплетенными в косу волосами, с бледным, лишенным косметики лицом. Она нервно кусала губы, а от меня и вовсе шарахнулась. Я, впрочем, тоже — слишком свежи оказались воспоминания о предыдущих встречах. И даже понимание, что за дверью осталась магистр Стай, уверенности не вселяло — мало ли на что сумасшедшие способны?

В общем, я была готова ко всему. Но Талис все-таки удалось меня удивить.

— Я тебе должна, — еле слышно шепнула она, быстро оглянувшись. — Не спи сегодня. Ни при каких обстоятельствах — не спи! И не покидай комнату!

Показалось, что Талис хотела что-то добавить, но за поворотом раздался шум, и она, побледнев еще сильнее и зажав ладонью рот, бросилась бежать. Да так быстро, словно за ней все недавно наводнившие академию твари гнались.

Как есть безумная! Я озадаченно хмыкнула — и сама едва следом не припустила, услышав за спиной покашливание. Резко обернулась и выдохнула с облегчением. Всего лишь Джас, немного смущенный и виноватый из-за того, что чуть не проворонил свою подопечную.

Он довел меня до комнаты и сдал с рук на руки Лэн, которая тоже только что вернулась. Почти все свободное время она проводила с Карлом. Фыркала, конечно, и по-прежнему насмешничала, но было видно, что больше по привычке, чем по-настоящему.

Мы с Радишей старательно не комментировали, боясь спугнуть. Карл нам нравился, и мы обе полагали, что на вспыльчивую и нетерпимую Лэн он очень даже благотворно влияет. Когда сам ее не драконит конечно же.

Сейчас Радиши не было, что ничуть не удивило. Наша тихая и скромная подруга последние две недели почти все вечера проводила вне стен этой комнаты. Объясняла она это весьма неубедительно, но мы с Лэн не придирались. И о том, что знаем про Алека, помалкивали. Захочет — сама расскажет, зачем смущать девушку? Правда, меня тоже кое-что смущало, а именно то, что выглядела Радиша слишком бледной и на счастливую влюбленную не очень-то походила, но Лэн от моих опасений отмахнулась, заявив, что с учебной программой первого курса боевиков сложно не напоминать свежеподнятого зомби, и никакая любовь тут не поможет. Чудо еще, что после насыщенного дня у Радиши хватает сил и на свидания бегать.

Приведя себя в порядок и переодевшись в ночную рубашку, я прошла на кухню и задумчиво уставилась на бутыль с успокоительным зельем. В мыслях накрепко засели слова Талис.

Я прекрасно сознавала, что девушка, скорее всего, действительно больна — это и ее одержимость Даном доказывала, — но рука, потянувшаяся к стакану, дрогнула.

А, демоны… Ничего страшного не случится, если этой ночью без зелья обойдусь. С ним меня не добудишься, а так… Если что, быстро проснусь.

Последняя мысль заставила скептически усмехнуться. Дожила — сумасшедших слушаю! Но решение было принято, и моя порция зелья так и осталось нетронутой. Лэн же давно выпила свою, как всегда делала после особо трудных дней, и безмятежно сопела в своей постели. Я завистливо покосилась на подругу — вот уж кто на Талис никакого внимания не обратил бы! — и, погасив свет, легла.

Полная луна заглядывала в незашторенное окно, наполняла комнату прозрачными тенями, рождала иллюзии, превращая знакомые предметы в нечто странное и даже страшное. Я зажмурилась и натянула одеяло на голову — совсем как в детстве, спасаясь от кошмаров. Но стало еще хуже. Сквозь сбившееся дыхание и стук собственного сердца я услышала непонятные звуки, которых никак не могло быть в комнате. Затаилась, прислушиваясь… И едва не закричала от ужаса.

Тик-так. Тик-так. Тик. Так…

Взвившись на ноги и при этом лишь чудом не запутавшись в одеяле, я зажгла свет, заполошно огляделась и перевела дух. Комната как комната. Обычная, все как всегда. Никакого с ума сводящего тиканья, лишь мерное дыхание Лэн на соседней кровати. Кажется, зря я зельем пренебрегла. Нервы расшатались вконец… Но на кухню я не пошла. И свет выключать не стала, рассудив, что подруге он не помешает, а мне спокойнее будет.

Хитрость удалась. Страхи отступили, и невесомая дрема окутала меня, приняла в объятия. И все же в подсознании иглой засело предупреждение Талис, и полностью погрузиться в мир снов не получилось. Потому, почувствовав чужое присутствие, я открыла глаза и резко приподнялась на локтях. В следующий же миг к горлу прижалось что-то холодное и очень острое, заставив меня замереть.

— Ты не выпила зелье, — дрогнувшим голосом сказала Радиша, чутко следя за тем, чтобы кинжал оставался у моего горла. Что ж, управлять предметами на расстоянии она умела виртуозно… Как мало, оказывается, я знала о своей «близняшке»! — Почему ты не выпила зелье?!

Даже не будь прижавшегося к коже острого лезвия, я бы не сумела ответить. Слишком ошеломлена была, слишком… оглушена. Подруга, которой я привыкла верить, просто не могла

так поступить!

Не могла… но поступила.

— Ты пошла бы со мной сама, а теперь придется… Не важно, — пробормотала между тем Радиша, отступая на шаг, но не теряя бдительности. — Встань и обуйся. Медленно, не наклоняясь. И без глупостей…

Ее голос опять дрогнул, и она беспомощно закусила губу. Больно, до крови, но даже не поморщилась, продолжая напряженно следить за каждым моим движением. Я поднялась, нашарила тапочки, в которых ходила в комнате. Скосила глаза на сладко спящую Лэнис…

— Идем, — поманила Радиша, отступая к двери. — И помни: любое неосторожное движение пойдет тебе же во вред.

Давление лезвия усилилось, по шее скользнуло что-то горячее… Я послушно шагнула к выходу, а потом и в коридор. Радиша шла рядом, и по нажиму режущей кромки я чувствовала, что ее внимание не ослабевает ни на миг. И все же я обязана была попытаться… Решиться оказалось непросто. Лишь спустившись на первый этаж, я наскребла достаточную порцию уверенности.

— Радиша… — прошелестела я, остановившись.

— Иди! — с отчетливыми нотками отчаяния прошипела она. — Не заставляй меня!..

В холле было пусто. Слишком поздний час даже для завзятых полуночников. Слишком ранний даже для любителей просыпаться ни свет ни заря. Идеальное время для всяких темных делишек. Прирежет меня сейчас лучшая подруга — и не узнает никто… Я прикрыла глаза, но с места не сдвинулась.

— Зачем? — едва протолкнула сквозь пересохшее горло. — Радиша…

Если бы получилось крикнуть… Может, она бы испугалась и отказалась от своих планов? Или же довела бы начатое до конца, что, судя по решительно сжатым губам и расширившимся зрачкам, куда вероятнее.

— Иди, — с нажимом повторила Радиша, на сей раз подкрепив слова действием. Я тихо всхлипнула, когда лезвие оставило на коже очередную царапину, пока еще не глубокую, но болезненную. — Пожалуйста, Грейс. Так будет лучше для всех.

— Для кого?! — упрямо прошептала я, сжимая кулаки и соображая, сумею ли уклониться достаточно быстро, чтобы Радиша не успела среагировать. Тогда будет шанс. Она сильная, но и я не слаба. И если бы не кинжал…

Где же Лира, когда она так нужна?! Я ранена, напугана, неужели она этого не чувствует?!

Радиша промолчала, и, уловив сомнения, я вновь воззвала к

ее разуму и совести:

— Ты же не хочешь этого. Я знаю. Пожалуйста. Мы… сможем все решить. Вместе.

Радиша рвано выдохнула, стиснула кулаки, и клинок у горла дрогнул, отстраняясь…

Но порадоваться я не успела.

— Всегда все приходится делать самому, — посетовал знакомый голос, после чего в глазах потемнело, пол уплыл из-под ног, и сознание поспешно ускользнуло, как бы я ни пыталась его удержать.

ГЛАВА 31

Кто-то гладил меня по волосам и тихо звал по имени. Приходить в себя не хотелось — кружилась голова, клонило в сон и вообще казалось, что реальность мне очень и очень не понравится, — но лежать на чем-то твердом и холодном тоже было неприятно. Пришлось открыть глаза.

Первое, что я увидела, — темно-синее небо, усыпанное мелкими, но яркими звездами, и просто-таки огромный серебряный диск луны. Пахло дымом, опавшими листьями, влажной землей и еще чем-то странно-неуловимым, тревожным.

Где это я? И, главное, с кем?!

Села рывком, зажмурилась от усилившегося головокружения, а когда распахнула глаза, увидела Радишу. Она сидела рядом, растрепанная, заплаканная, и, кусая губы, смотрела на меня так, словно уже и не чаяла живой увидеть.

— Прости, — прошептала едва слышно. — Я не хотела…

Я поморщилась, прижала дрожащие ладони к вискам. Ясное дело, что не хотела. Зачем бы ей это понадобилось?

— А кто хотел? — спросила я так же тихо, подозревая, что здесь мы не одни.

Кстати, неплохо бы узнать, где это самое «здесь». Явно не академия. И не городской парк. Радиша с ответом не торопилась, и я огляделась — насколько могла это сделать, не вставая, потому как подняться не получилось. Благодаря луне было светло как днем, и ни одна деталь печального пейзажа от меня не ускользнула. Судя по всему, мы оказались на кладбище. Причем на очень старом — надгробия покосившиеся, статуи поломанные, могильные холмики кое-где и вовсе разрыты… Хотелось бы думать, что снаружи, а не изнутри. Создавалось впечатление, что за этим местом давным-давно никто не следит.

Сидели мы, кстати, не на голой земле — кто-то заботливо постелил шерстяной плед. И столь же заботливо, чтоб его вурдалаки сожрали, поделился плащом, иначе я замерзла бы в ночной рубашке, для прогулок осенними ночами совершенно не предназначенной. Жаль, что вместо ботинок тапочки натянуть умудрилась, ноги уже заметно озябли.

Я снова попыталась встать. С тем же результатом. Пошевелила пальцами, чтобы хотя бы магический огонек вызвать, но и тут не преуспела.

— Бесполезно, — мотнула головой Радиша. — И Лира не придет, вашу связь перекрыли. Прости, пожалуйста…

— Что вообще случилось? — спросила я, поморщившись от

очередной вспышки головной боли и стараясь не думать о том, как именно перекрыли нашу с кошкой связь. — Кто тебя заставил это сделать? И для чего?!

— Они меня нашли, — прошелестела Радиша, низко склонив голову. — Не стоило снимать амулет…

Я похолодела. Сектанты! Но как? Неужели кто-то из них все-таки проник в академию?!

— В тот же день нашли, — продолжала шептать Радиша, быстро, глотая слова, словно боясь, что ее прервут. — Я ничего не смогла сделать… И рассказать вам не смогла! — Она вытянула вперед заметно дрожащую руку, и в ярком лунном свете я разглядела на тонком запястье темную метку, похожую на свернувшуюся змею. — Они меня подчинили. Снова. Я… Я всего лишь марионетка, Грейс. Прости…

— Ты не виновата, — хрипло возразила я.

Если уж на то пошло, то здесь лишь моя вина. Не приди мне в голову идея подменить подругу на пересдаче… И позже ничего дурного не почувствовала, когда она все вечера пропадала невесть где. И мысли не возникло о том, что в академии может быть кто-то из сектантов!

А должно бы. После того, что случилось на балу. Какая же я все-таки глупая…

Последнее я высказала вслух, даже кулаком о землю с досады ударила.

— Ты слишком строга к себе, — прозвучал над нами насмешливо-ласковый голос. — Молодости свойственна наивность и вера в лучшее.

Вскинув голову, я увидела высокую фигуру в плаще, черном, длинном, с надежно закрывающим лицо капюшоном. Просто-таки классический злодей. Я невольно скривилась от такой банальности.

— Снял бы капюшон, не ровен час, о корешок какой споткнешься, личиком в надгробие впишешься — и таким смазливым уже никогда не будешь, — мрачно посоветовала я, остро сожалея, что чего-чего, а наивности во мне с избытком. И в людях, как оказалось, я совершенно не разбираюсь!

— Мне приятна твоя забота, — усмехнулись из-под капюшона — и таки откинули его, позволив лунному свету проявить правильные черты смуглого лица, зажечь искорки в зеленых глазах, бликами пробежаться по длинным черным волосам, рассыпавшимся по широким плечам.

— Можешь ею подавиться, — вежливо улыбнулась я, до крови прикусив щеку, только чтобы не закричать от полоснувшего по сердцу разочарования. До последнего же надеялась, что

ошиблась! — Какого демона, Марк? — выдохнула, чувствуя, что вот-вот сгорю от бессильной злости. — Что ты творишь?!

Маркус Эрван, правая рука ректора, тот, кого я никогда не заподозрила бы в подобном, медленно подошел ближе и опустился на колени. Мы с Радишей синхронно шарахнулись в стороны, вот только на нее он и внимания не обратил, а меня поймал за локоть, не давая отшатнуться.

— Возвращаю то, что изначально принадлежало моим богам, в семью, — доверительно прошептал Марк, смотря мне прямо в глаза.

— Мы тебе не принадлежим, — отчеканила я, хотя внутри просто заледенела от ужаса и осознания, как же крепко мы с Радишей влипли.

— Ошибаешься, — почти промурлыкал он и небрежно кивнул на сжавшуюся в комок подругу: — Она уже наша. Не так-то и сложно оказалось заполучить ее обратно. Сама видела, как покорно она выманила тебя из комнаты, куда мне хода не было. — Радиша судорожно всхлипнула, а Марк продолжил: — С тобой же придется повозиться. Но оно того стоит.

— Что именно? — с вызовом спросила я. Терять все равно уже нечего… Так хотя бы узнаю, зачем сдалась этому предателю.

— Ваша семья веками служила Темным, — снисходительно улыбнулся Марк. — В ваших венах течет кровь поколений, не щадивших жизни ради наших богов. И ваши дети — при правильном воспитании — станут достойными слугами наших повелителей, когда они вернутся в этот мир.

Я от такой наглости даже онемела. Вот же гад! Не только мою жизнь распланировал, но и жизнями моих будущих детей, о которых я вообще еще даже не думала и в ближайшее время думать не собиралась, распорядился!

— А не пойти ли тебе к демонам! — прошипела я, рванувшись, но лишь синяков себе наставила. — А еще лучше — отправляйся к своим богам и служи им сколько влезет, поверь, этот мир без вас прекрасно обойдется!

Марк тихо рассмеялся, ничуть не обидевшись за прямой посыл в бездну, и хотел было что-то сказать, но его опередила Радиша.

— Что значит «наша семья»? — напряженно спросила она.

Я мгновенно забыла о злости. И в самом деле. Это я как-то упустила…

— Наивные девочки, — хмыкнул Марк. — Вы действительно верите, что ваше сходство случайно? И ты, Грейс, тоже не в курсе? Неужто Верея так и не открыла свою тайну? Что ж, тогда это сделаю я. Отныне между нами не должно быть секретов. Ваши

матери были близнецами. Две капли воды — ни одного отличия. Внешне. Но не в характерах. Верея была бунтаркой и сбежала при первой же возможности, прихватив скрывающий ауру и меняющий цвет силы артефакт. Она все продумала: метку тьмы с тела свести просто, а вот метку на ауре можно лишь спрятать. Денея же всегда верила в то, что служить Темным — ее судьба. Такая же судьба ожидала и ее дочь, родившуюся в нашем храме. Ее-то и попыталась выкрасть Верея сразу после смерти Денеи, о которой неизвестно как узнала. Что самое скверное — попытка оказалась успешной. Твоя мать, Грейс, вывезла твою двоюродную сестру из Арстона и пристроила в надежные руки. И тут же сглупила, отдала артефакт племяннице. Напрасная жертва, кстати. Артефакт не работает в стенах наших храмов, и когда твой недалекий брат, Радиша, привел тебя к нам, мы сразу поняли, что ты наша. За эту ошибку Верея и поплатилась, попавшись на обратном пути. Она полагала, что прошло слишком много времени и ей самой уже ничего не грозит, вот только мы от своего никогда не отступаемся, Грейс. То, что принадлежит нам, — принадлежит навсегда. Твоей матери предлагали сдаться. Никто не хотел ее смерти, поверь. Верея же предпочла умереть. Это лишь ее выбор.

Марк говорил, а я даже дышать боялась, чтобы ни слова не пропустить. Так вот что за важное дело было у мамы… Радиша. Радиша, которой повезло меньше, чем мне. Которая, не вмешайся моя мама, стала бы послушной рабыней культа безумцев, мечтающих о возвращении богов, едва не ввергнувших мир в огненную бездну. Я слушала, и по телу разливался холод. На месте Радиши могла быть я. Если бы мама, рискуя жизнью, не сбежала оттуда. Если бы Дан, испугавшись, дал меня увести…

— Радишу мы уже однажды нашли. Случайно, правда… и так же случайно потеряли. Но от судьбы не убежать, Грейс. Она дома. Как и ты. Жаль, что я не нашел тебя раньше.

— И что же помешало? — хмуро спросила я.

Мне бы не с этим уродом разговаривать, а Радишу утешить. Я же чувствую, как ей плохо! К таким откровениям никто никогда не готов.

— Из тьмы наших покровителей и силы Вереи, собранной в момент ее смерти, создали гончую, которая должна была найти родственную ей силу. Но она так и не вернулась, — с явным сожалением вздохнул Марк. — А потом и вовсе поздно стало. Тебя спрятали, скрыли от поиска. Обряд, которым тебя связали с Иридайном, и то, что послужило его причиной… Кто бы мог предположить, что такое возможно не только в теории? Ты уникальна, Грейс, и это еще один плюс к моему желанию вернуть

тебя.

Желания у него, видите ли! А до моих, выходит, и дела никакого нет?!

— Но судьба есть судьба, — продолжал откровенничать этот фанатик. Кажется, на судьбе его просто заклинило. — В момент, когда тебя пытались похитить, я по счастливой случайности оказался неподалеку — и почувствовал твою почти освободившуюся тьму. Очень знакомую тьму… Подумал сначала, что показалось, наведался в лечебницу, но там тебя не было. Ты была у Иридайна. Единственного, кто мог взять твою тьму под контроль. Так я узнал о вашей связи… Узнать остальное труда не составило. Удача одарила меня сполна, Грейс.

Я вспомнила подозрительный шорох возле дома Даниэля и скривилась:

— Так это ты в кустах шуршал? Как некрасиво!

Но выпад остался без ответа.

— Тебя я оставлю себе, — прошептал Марк, придвинувшись почти вплотную. — Изначально присматривался к Радише, она послушна, с ней не будет хлопот, ты же колючая и непокорная, но так даже интереснее. А еще ты сильная. И, приняв тьму, станешь лишь сильнее.

— Ты ненормальный?! — дернулась я в попытке хоть немного увеличить неприлично маленькое расстояние между нами. — Да, я стану сильной. А еще — совершенно безумной! И будь уверен, тебя я придушу в первую очередь!

— Ничего, — усмехнулся Марк, кончиками пальцев проведя по моей щеке, — я сумею совладать с твоим безумием и направить его в нужное русло.

Это уже был перебор. Злость придала сил, и я, изловчившись, пнула размечтавшегося Марка по колену — куда уж вышло. Заодно и отодвинулась, пока он, шипя, растирал пострадавшее место.

— По-хорошему, значит, не получится? — с упреком воззрился на меня он.

Как есть сумасшедший, раз всерьез такую возможность рассматривал!

— Иди к демонам, — упрямо повторила я и на всякий слу чай отползла еще дальше.

К счастью, Марк рук больше не тянул и вообще поднялся на ноги. Поморщился едва заметно, и я не сдержала усмешки. Нечего было лезть куда не просят! Не знаю, какой пакостью меня одурманили, но если бы не она… Я тоскливо оглядела доступную моему взору часть кладбища. М-да. Даже если бы не она, сбежать вряд ли бы получилось — слишком уж людно тут стало, пока

Маркус в лучших традициях классических злодеев изливал душу. По узким тропкам, ловко лавируя меж надгробий, сновали молчаливые фигуры в черных балахонах. Что они делают, я так и не поняла, но неприятное предчувствие кололо кончики пальцев, снежным крошевом рассыпалось вдоль позвоночника, леденило душу.

— Скоро ты изменишь свое решение, — улыбнулся Марк. — Все почти готово.

Уточнить, что именно, я не успела — он ушел. К моему сожалению прихватив с собой Радишу. Выглядела она неважно, просто сердце разрывалось от одной только мысли, что ей пришлось пережить. О том, что предстоит мне, я старалась и вовсе не думать, чтобы окончательно не пасть духом.

ГЛАВА 32

Долго томиться в неведении не пришлось. И пяти минут не минуло, как двое, обряженные в злодейского вида плащи, подняли меня и куда-то потащили. Я попыталась побарахтаться, но тщетно. До сих пор ощущала себя тряпичной куклой, которой по какому-то недоразумению подарили способность мыслить и чувствовать, но не двигаться. Унизительная беспомощность! Не знаю, что было бы при ином раскладе, но расцарапать Маркусу Эрвану самодовольную физиономию я бы точно сумела.

Кладбище оказалось огромным — или же узкие тропки слишком извилистыми? Я даже заскучать успела, прежде чем меня вынесли на свободное место, расчищенное от надгробий, веток и травы. На идеально ровной, утоптанной площадке светился алым круг; по его контуру тянулись символы, которые я ни в одном учебнике не видела. Ровно в центре белел плоский длинный камень, а над ним возвышался толстый столб. Камень пустовал, а вот к столбу был кто-то привязан.

Меня без всякого пиетета толкнули в круг. Сделав пару шагов на ослабевших ногах, я почти рухнула на камень.

— Осторожно, тупицы! — раздался недовольный возглас Маркуса, но мне уже было не до него — я наконец-то разглядела, кого именно примотали к столбу.

Талис. Бледная, растрепанная, с кровоподтеком на левой скуле. Вид у девушки был странный, полубезумный. Она даже не пыталась освободиться, лишь что-то беспрестанно шептала и время от времени заходилась тихим смехом.

Я думала, что страшнее уже не будет. Ошиблась. Сейчас, глядя на Талис, я почти забыла, как нужно дышать. Если Марк с ней такое сотворил, то что ждет меня? Я стану такой же? Боги, да лучше умереть!

— Вот что бывает с предателями, — остановившись рядом с камнем, протянул Марк. — Не бойся, Грейс, тебе такое не грозит. Талис попала к нам случайно, она безродная, и даже оказанная честь не смогла сделать ее лучше. Ты же… С тобой все иначе. После обряда возвращения кровь возьмет свое, ты вспомнишь, в чем состоит твое истинное предназначение, всем сердцем почувствуешь, как прекрасно то, во что верили твои предки… Ты просто не сможешь предать.

От подобных перспектив стало дурно и очень захотелось упасть в обморок. А очнувшись, с облегчением осознать, что все это было лишь плодом утомленного учебой воображения…

— Талис нам еще послужит. Заодно смоет вину перед

нашими богами.

— Кровью, полагаю? — затолкав ужас подальше, скептически предположила я.

— Слезами уже не выйдет, — совершенно серьезно подтвердил Марк и шагнул ближе.

В следующее мгновение я оказалась распростерта на ледяной каменюке и без того замерзшими ногами к столбу. Да еще и плащ бессовестно отобрали!

— Холодно же! — возмутилась я, впрочем понимая, что никому до этого нет никакого дела.

Так и вышло.

— Потерпи, — коротко бросил Марк, изучая меня придирчивым взглядом — словно художник, добавляющий последние штрихи к почти готовому полотну.

Добрый, заботливый, улыбчивый Марк, тот самый парень, что угощал какао, тот самый сильный и надежный маг, вставший между теневой тварью и растерявшейся студенткой…

Какой же глупой я была! Разве мог помощник ректора заинтересоваться первокурсницей? А еще его навязчивое предложение помощи в избавлении от брачного договора. И амулет, ограждающий от леди Эллан, — как же, стал бы такой, как Марк, ее бояться, единственное, что его волновало, это чтобы призрак о темных делишках не узнал!

— Это же твоих рук дело? Скорбянки? Твари посреди бала? — не желала успокаиваться я. Меня и так скоро успокоят… Или упокоят, это как повезет. Я бы предпочла второе, но мое мнение вряд ли учтут.

— Моих, — легко признался Марк, подправляя неряшливо выведенный символ. — И почти все сорвалось из-за тебя.

— Мне сейчас устыдиться нужно, да? — криво улыбнулась я. — А что насчет видения магистра Драмма? Он тоже чокнутый, как и ты?

— Далеко не все знают, что безупречно созданной иллюзией можно заменить видение, — снисходительно пояснил Марк. — Даже самый опытный провидец от настоящего не отличит. Конечно, при условии, что иллюзионист — мастер своего дела. Я один из лучших, Грейс. И если бы мне попались более толковые помощники… Увы, но в полной мере ни на кого нельзя положиться. Прорыв на балу должен был пройти идеально. И прошел бы, не подведи меня одна влюбленная идиотка. Со скорбянками она сработала чисто — повесила на Иридайна чары, заставившие его в нужное время спуститься в подвалы. В том, что тогда ничего не получилось, ее вины нет. Но вот на балу она оплошала. В ее обязанности входило лишь довести Иридайна до

кабинета и оповестить меня, когда он войдет внутрь. Она же какую-то иллюзию не распознала!

— Все я распознала, — раздался тихий голос, и я, с трудом приподнявшись, уставилась на Талис. — Понимаешь? Я знала, что Дана там нет. Я хотела, чтобы ты проиграл! Хотела!

— И к чему это привело? — без особых эмоций, словно признание ничуть его не удивило, спросил Марк. — Ты умрешь из-за собственной глупости.

— Уж лучше так, чем всю жизнь поклоняться тебе и сходить с ума от вашей тьмы, — зло выплюнула девушка. Сейчас она, бледная, с горящими глазами и гордо поднятой головой, менее всего напоминала покорную чужой воле рабыню.

— Твой выбор, — пожал плечами Марк. — Благо что я точно скучать не буду.

Он махнул рукой, и в круг вошла Радиша. Ее тоже обрядили в черный балахон, а в руки вложили кинжал. Лезвие поблескивало в свете луны, притягивало взгляд. Я занервничала, заерзала, пытаясь подняться, но добилась лишь того, что приложилась макушкой о камень.

Марк же между тем затянул потуже веревки на запястьях Талис, обошел вокруг застывшей и похожей на куклу Радиши и довольно вздохнул:

— Идеально. Одним ударом убьем двух демонов — и тебя в лоно семьи вернем, и Иридайна в небытие отправим. Знать бы с самого начала… Увы, я лишь недавно понял, что вас связывает. И как использовать эту связь нам во благо.

Час от часу не легче!

— Да чем тебе Дан-то не угодил?! — не выдержала я. — Оставь его в покое!

— Не могу, — пожал Марк плечами. — До источника не добраться, пока жив хранитель. И чем мучительнее он погибнет, тем слабее станет источник, тем легче будет его подчинить. При разрыве вашей связи Даниэль умрет очень мучительно.

Хранитель? О чем он вообще говорит?! Если это правда, как Дана угораздило этим самым хранителем стать?

Зачем Марку и его сумасшедшим приспешникам источник, было яснее ясного. Сейчас в мире действуют четырнадцать источников. Семь принадлежит Свету, семь — Тьме. Если обратить один из светлых источников, это светлую магию, конечно, не уничтожит, но значительно ослабит. Если проделать подобное со всеми, то так, пожалуй, действительно Темных богов вернуть можно.

— Нас найдут! — пригрозила я с уверенностью, которой не испытывала. — Ты тут такую активность развел, наверняка какой-

нибудь патруль уже заметил!

Марк тяжело вздохнул, но до объяснений снизошел:

— Во-первых, патрули распустили, ты же в курсе, что злокозненных сектантов поймали? Во-вторых, это кладбище очень древнее и заброшенное, а еще — просто-таки неприлично тихое, да и находится далеко от Терреи. Ну и в-третьих и, пожалуй, в-главных… Я не зря говорил, что являюсь одним из сильнейших мастеров иллюзий. Над этим местом я поработал так, что любая ищейка пройдет рядом и ничего не почувствует. Прости, Грейс, но вас не найдут. Думаю, ты и сама будешь этому рада. Когда твоя душа наконец-то освободится от того, что тебе навязали.

Сейчас я была бы рада только одному — если бы на голову Марку внезапно упал кирпич. Бредовое такое желание, но то, что происходило вокруг, было еще более безумным.

По внешнему контуру круга растянулись фигуры в балахонах. Каждая из них держала в руках по ядовито-зеленому магическому огоньку. Не самое приятное сочетание с алыми символами, со вкусом у почитателей Темных богов прослеживались явные проблемы. И эти проблемы грозили стать моими, потому как упомянутый Марком обряд возвращения, похоже, все-таки начался.

Я лежала на ледяном камне, в украшенной кружавчиками белой ночной рубашке и пушистых домашних тапочках, и чувствовала себя на редкость глупо. Холод тонкими змейками расползался по коже, в горле немножко саднило, а в носу подозрительно щипало. Отлично. Если этот обряд займет много времени, то я стану не просто безумной темной, а простывшей безумной темной. Думаю, это лишь прибавит пакостности характеру и подогреет желание убивать. Надеюсь, первым под руку подвернется Маркус… Вот он, ходит, словно важный гусь, вдоль внутреннего контура проклятого круга, тянет что-то непонятное, но заунывное настолько, что даже нежить с тоски в петлю полезет, и явно не мерзнет!

Ходил и пел он долго. В какой-то момент я устала бояться и застучала зубами уже исключительно от холода. Не прекращая тихого воя, Марк подошел ближе, увидел мое наверняка посиневшее лицо и озадаченно нахмурился. Даже с ритма сбился, а там и вовсе замолчал.

— Что-то не так? — просипела я, не выдержав молчаливого изучения.

— Все не так, — выдохнул он и, наклонившись, рванул ворот ночной рубашки. Я слабо вскрикнула, но даже лягнуть эту сволочь не смогла. А Марк еще и свою ледяную лапищу в вырез запустил!

Испугаться еще больше я не успела — он тут же отступил. Но и облегченный вздох застрял в груди, потому как в его ладони болтался подаренный Даниэлем медальон с драконьей чешуйкой внутри.

— Почему ты не сняла с нее это?! — прорычал Марк, обернувшись к Радише.

— Приказа не было.

В тихом покорном голосе проскользнули нотки злорадства, и это взбесило Марка окончательно.

Медальон полетел за пределы круга. Я проводила его печальным взглядом, понимая, что только что лишилась последней надежды на спасение. Глухо охнула Радиша, прижимая ладонь к лицу. Отвлекшись на медальон, я и не заметила, как Марк оказался рядом с ней. Из самых глубин души взметнулось что-то обжигающее, требующее немедленного выхода. Даже перед глазами на миг все стало ярко-алым.

Ну давай, освободи меня, трус. Верни в семью. Сними оковы. Позволь стать собой. Может, тогда до тебя дойдет, что не все потерянное стоит возвращать!

Тихий шепот, похоже, услышала только я. А вернее, оный звучал во мне. Запертая тьма обрела голос, и ее первые слова безмерно порадовали. Или же отнюдь не первые?.. Тот же вкрадчивый шепоток, помнится, убеждал не говорить о чешуйке и сокрушался, что нельзя спрятать Дана в медальон. Значит, моя тьма со мной давно и по собственной воле меня не предаст. Даже если Марк сделает то, что собирается, он не победит так легко, как полагает. Но когда победит…

Что останется от меня? Что будет с Даном?

При мысли о Даниэле сжалось сердце. Что бы он ни говорил, но во всех его бедах виновата я. И умрет он тоже из-за меня… А я так и не сказала, что люблю его. И обручение по древнему обряду здесь ни при чем. Сантея Стай права. Настоящие чувства внушить невозможно. Как же жаль, что мне не удалось осознать это раньше! Как жаль, что этого не понял Дан…

Марк вновь завел свою тоскливую песнь, но теперь она не раздражала, а завораживала, уводила за собой, лишала воли. Мысли путались, я слабела все больше и больше, теряя связь с реальностью, хотя и цеплялась за нее до последнего. Окончательно поняла, что проиграла, когда увидела на фоне высеребренного луной неба приближающийся силуэт дракона, и с тихим всхлипом провалилась в небытие.

ГЛАВА 33

Я наивно полагала, что тот свет — более приятное место, чем оказалось на деле. Здесь было невероятно холодно, а еще — излишне шумно. К тому же меня трясли за плечо и что-то кричали прямо в ухо…

Но ведь у душ не бывает ни плеч, ни ушей! Да и холода они не чувствуют. Как и желания послать мешающих отойти в мир иной куда подальше.

Я недовольно дернулась, охнула от боли в голове, которой как бы тоже не должна была чувствовать, шмыгнула заложенным носом и открыла глаза. А потом и вовсе вскочила, благо что непонятная слабость исчезла. От резкого движения меня повело, и если бы не Радиша, я вновь упала бы на ненавистный камень.

Впрочем, упасть все равно пришлось. На землю. И под каменюку заползти. Там, конечно, было тесно, зато безопасно. Сравнительно. Ибо на старом кладбище творилось настоящее светопреставление…

Дракон мне не привиделся. Он и в самом деле был! Парил низко над землей и прицельно плевался огнем, кляксами растекающимся по земле. Стайка черных балахонов суетливо бегала от одной кляксы к другой, пока не очутились в огненной ловушке. Дракон же, взлетев повыше, приметил очередные жертвы… Но не все были столь бестолковы, и кладбище то и дело озаряли вспышки заклинаний, а над камнем проносились наверняка смертоносные чары; они сталкивались с другими чарами, которые никак не могли принадлежать дракону. Значит, он здесь не один. Значит, здесь маги. Не так уж и крут оказался Марк! Из укрытия я его не видела, но не сомневалась, что он жив. Проверять, впрочем, не тянуло… И я бы ни за что не высунулась, если бы не вспомнила о Талис. Мысль обожгла и тут же обдала холодом, и я, не раздумывая, поползла к столбу, верх которого уже занялся веселым оранжевым пламенем.

За мной вылезла и Радиша. В четыре руки мы, постоянно пригибаясь, отвязали вялую, словно оглушенную девушку и поволокли к камню, под которым мгновенно стало еще теснее. Столб, к счастью, так и не загорелся, а через пару минут и поток чар иссяк, и огненные плевки с небес прекратились. Талис по-прежнему не проявляла интереса к жизни, но и умирать, слава богам, вроде тоже не спешила.

Мы с Радишей нерешительно переглянулись, не зная, что предпринять. Кто победил? И стоит ли нам радоваться? Не факт, что здесь прошла спасательная операция, а не банальные

разборки между двумя что-то не поделившими группами сектантов. В последнем случае ничего хорошего нас не ждет…

Вокруг царила тишина обычной осенней ночи, словно и не было недавнего боя.

— Надо выбираться, — едва слышно шепнула я, и Радиша закивала, соглашаясь. С сомнением покосилась на Талис и робко предложила:

— А может, оставим ее здесь?

Искушение было велико. Шансов уйти налегке все же больше, нежели с полубессознательной девицей на руках. Но чем тогда мы будем отличаться от того же Марка?

Все оказалось не так печально. Идти рыжая могла, пусть и с трудом переставляя ноги. По крайней мере, тащить ее на себе не пришлось, да и приказы она послушно выполняла. Мы, согнувшись, пробирались меж надгробий, надеясь, что тропка рано или поздно выведет к стене, а там уж и выход найдется. Позади опять что-то полыхнуло, затрещало, и мы едва на бег не сорвались, в основном из-за Талис, которой такие подвиги пришлись не по силам. Я пыталась отправить Радишу вперед, чтобы хотя бы одна из нас спаслась наверняка, но сестренка мне досталась гордая и упрямая. Я не настаивала, знала уже, что бесполезно. Ничего, все равно выберемся. Судя по шуму, основное веселье царило в противоположной нашей цели стороне, что неимоверно бодрило и вселяло веру в лучшее.

Которая, как часто и бывает, оказалась преждевременной.

Вспышки перед глазами я не ожидала. Зажмурилась, отшатнулась, а в следующий миг почувствовала, что на запястье сжимаются ледяные пальцы. Мир завертелся, словно в воронке, и я ни крикнуть, ни даже вздохнуть не успела, как меня швырнуло вниз. Упала я на кого-то большого, твердого и злобно пыхтящего, так и не ослабившего стальной хватки на моей руке. Открыв слезящиеся глаза, наткнулась на зеленый, полный бешенства взгляд и тяжело сглотнула, осознав, на ком именно лежу. Брыкнулась было, но Маркус умело блокировал мои попытки вырваться и, по-прежнему не отпуская меня, рывком поднялся на ноги.

— Не думала же ты, что так легко отделаешься? — прошипел он, нервно оглядываясь.

Вообще-то думала. Вот только отвечать не стала. Дернулась еще раз, понадеявшись, что, изучая окруженную высокими дубами поляну, Марк ослабит бдительность, и поняла, что мои надежды в отношении этого сумасшедшего почему-то никогда не оправдываются.

— Все равно у него ничего не выйдет! — со злым отчаянием

выдохнул Марк и, определившись с направлением, потянул меня в колючие кусты.

Я уперлась изо всех сил, порадовавшись, что тапочки плотно сидят на ногах, иначе пришлось бы пропахать землю босыми ступнями, но моего жалкого сопротивления, похоже, вообще не заметили. Марк шел напролом и сосредоточенно ощупывал воздух. Кажется, у кого-то проблемы с магией… Ищет место, где сможет открыть портал? Или же силы для этого? Ведь неспроста же мы из первого выпали…

Сознавая, что если Марку удастся открыть еще один портал, то меня вряд ли когда-нибудь найдут, я цеплялась за все: высокие стебли сухостоя, ветви кустов, корявые стволы деревьев… В итоге ободрала свободную ладонь в кровь, порвала подол рубашки, которая вообще-то была зачарована, но, видимо, как-то криво, исцарапала ноги… Марк ругался сквозь зубы, замедлялся и отвлекался, чтобы отцепить мои пальцы от очередной ветки, терял концентрацию и время. Не знаю, на что я надеялась, но и помыслить не могла о том, чтобы сдаться без боя. Хотел колючую и непокорную? Что ж, пусть теперь не жалуется! Или же оставит меня наконец в покое!

Но упрямству Маркуса Эрвана можно было только позавидовать. Не знаю, кто там за ним гнался, судя по всему, кто-то очень страшный и опасный, но, вместо того чтобы спасаться бегством, этот ненормальный продолжал тащить несговорчивую пленницу следом. Настоящий безумец. Умру, но в портал не войду! При мысли, что будет в ином случае, внутри все от ужаса леденело. Жаль, как же жаль, что вместе с силами способность чаровать не вернулась! Хотя даже не представляю, что я могла бы противопоставить взрослому опытному магу.

От захлестнувшего отчаяния хотелось выть. Застывшая над верхушками деревьев луна к тому весьма располагала. Но вместо этого я, улучив момент, пнула отвлекшегося на какой-то шум Марка под колено, вложив в удар всю злость, весь страх, что переполняли меня. Короткий вой все-таки огласил окрестности, и я оказалась свободна, чем и не преминула воспользоваться. Развернувшись, помчалась так, что ветер в ушах свистел, не обращая внимания на хлещущие по рукам и лицу ветви, на стебли травы, до крови режущие голые ноги. Дыхания не хватало, в боку кололо, глаза застилали слезы, но я не останавливалась, понимая, что это — единственный шанс на спасение.

Очень и очень призрачный, эфемерный, как утренний туман. Меня повалили на землю, выбивая воздух из легких, тут же дернули вверх, поднимая. Я брыкнулась в тщетной надежде вырваться и задохнулась от обжегшей щеку боли.

— Не искушай судьбу, Грейс-с-с, — прошипел на ухо разъяренный Марк, сжимая меня так, что на миг показалось — все, это конец, раздавит и не заметит.

— Убери от нее руки, тварь, — не менее злобно потребовал вибрирующий от гнева голос, и Марк резко развернулся, отчего перед глазами потемнело.

Но мужчину, застывшего в нескольких шагах от нас, я узнала. И едва не разревелась от нахлынувшего облегчения.

Пришел. Успел. Не бросил.

— Даниэль, — беззвучно прошептала я, но он все равно услышал. Я знала, чувствовала это.

— Стой на месте! — рявкнул Марк, прижав меня к себе еще сильнее, и я закусила губу от прострелившей ребра боли. — Клянусь силой, Иридайн, если ты хотя бы пошевелишься, она никому не достанется!

Я ему сразу поверила. Маркус Эрван достиг той самой степени безумства, когда подобные угрозы воплощаются в жизнь легко и просто. Дан тоже проникся, замер, показалось даже, что дышать перестал.

— Чего ты хочешь? — спросил отрывисто.

— Ты дашь нам уйти, — озвучил желаемое Марк.

— Нет, — отрезал Дан.

— Ты дашь нам уйти, — с нажимом повторил безумец. — Грейс не пострадает, если ты проявишь благоразумие и смиришь свою гордость. Иначе…

Он не договорил, зато вновь сжал меня, сорвав с губ болезненный стон. Дан дернулся, как от пощечины, но, памятуя об обещании Маркуса, с места не сошел.

— Нет, — упрямо прошелестела я, впившись в Дана взглядом. — Не отдавай меня!

— У тебя нет выбора, — продолжал напирать Марк. — Отпусти нас. Ну же!

— Ты же понимаешь, — медленно сказал Дан, не спуская с него глаз, — что, если с Грейс что-то случится, ты тут же умрешь? Ты же понимаешь?

— Понимаю, — спокойно отозвался Марк. — Как и то, что от моей смерти легче тебе не станет. Ты сможешь с этим жить, а, Дан? Сможешь жить с мыслью, что кровь любимой девушки — на твоих руках?

Лицо Дана словно закаменело. Он бессильно сжимал и разжимал кулаки, смотря уже не на Марка — на меня. И столько всего было в этом взгляде невысказанного, несбывшегося, что сердце защемило.

— А ты… ты понимаешь, — прошептала я, запустив ногти в

удерживающую руку, — что моя освободившаяся тьма первым делом тебя же и удавит?

За спиной скрипнули зубами… и неожиданно тонко взвизгнули. В следующий миг меня отшвырнули в сторону, и сразу же рядом оказался Дан, в которого я накрепко вцепилась, зажмурившись, глотая наконец-то покатившиеся по щекам слезы.

— Грейси… — выдохнул Даниэль, осторожно, едва касаясь, обнимая меня. — Все… Все хорошо. Теперь уже все хорошо. Он больше тебя не обидит. Клянусь.

Я кивала, еще крепче цеплялась за него и продолжала реветь не в силах остановиться. Все напряжение последних часов, все страхи, все дурные мысли, успевшие отравить душу, выплескивались вместе со слезами. Дан не мешал. Он сидел на земле, устроив меня на своих коленях, и терпеливо ждал, когда я успокоюсь. Теплые ладони осторожно скользили по моему лицу, волосам, спине, рукам и ногам, снимая боль, согревая. Губы легко коснулись виска, скользнули ниже…

Глухой рык разрушил хрупкий момент. Я вздрогнула, неосознанно вжалась в Дана и лишь потом оглянулась.

Странно, но до сего момента о Марке я даже не думала. Дан обещал, что тот меня больше не тронет, и этого хватило, чтобы расслабиться и забыться. И сейчас я с удивлением рассматривала лежавшего навзничь Марка, над которым, щеря клыки, стояла Лира. Душу переполнило облегчение. Жива! Я боялась, что с ней что-то сделали, а то и вовсе уничтожили, чтобы она не пришла на помощь. Как же иной раз приятно ошибаться!

Рычала, кстати, вовсе не кошка… Господину помощнику ректора — полагаю, теперь уже бывшему — надоело столь опасное соседство, и он решил продемонстрировать зубастой кисе собственные клыки. Я впечатлилась. Даниэль и Лира — ни капли.

— Иллюзии на тени не действуют, неуч, — недобро усмехнулся Дан. На месте Марка я бы пожалела, что привлекла его внимание… Даниэль осторожно, придерживая меня, поднялся, убедился, что я твердо стою на ногах, и шагнул к противнику. Поморщился брезгливо и спросил: — И что теперь с тобой делать?

— Ты меня не убьешь, — с завидной уверенностью сказал Марк. — Я тебя знаю.

— Плохо знаешь, — нехорошо улыбнулся Дан. — Я не прощаю тех, кто причинил зло дорогим мне людям. Доказательств твоей вины более чем достаточно. Уже все в курсе, кто подбросил видение магистру Драмму и кто пытался убить его, чтобы скрыть следы. Кто подал идею со скорбянками аспиранту. Кто начертил схему вызова в моем кабинете. Кто

прикрывал иллюзией кладбище, оно же — место сбора вашего культа. И никто не станет спрашивать, куда ты делся, когда я верну Грейс в академию. Никто, Маркус. И мне это очень нравится.

Марк побледнел и шумно сглотнул. Ему, в отличие от Дана, сказанное совершенно не понравилось.

Мне, впрочем, тоже. Может, Маркус Эрван и заслуживает смерти, вот только Даниэль — не убийца. И я не хотела, чтобы он запятнал душу кровью этого ничтожества.

— Дан, не надо, — попросила я, подобравшись ближе.

— Грейс! — тут же переключился Марк, впившись в меня безумным взглядом. — Еще не поздно передумать!

Отвечать я не стала. Вцепилась в Даниэля обеими руками и прошептала:

— Не стоит он того, ты же сам знаешь.

Несколько долгих мгновений казалось, что Дан все же сорвется, но обошлось. Короткий кивок, и Лира скользнула ко мне, потерлась пушистым боком о ноги, басисто замурлыкала. Внутри разлилось тепло, и я, опустившись на колени, спрятала ладони в мягкую шерсть.

Дан тем временем приказал Марку встать и вытянуть вперед руки, намереваясь лишить его возможности сбежать. Вот только что-то пошло не так…

Я заметила это случайно, просто скользнув рассеянным взглядом поверх Лириных ушек. Марк словно раздвоился: один по-прежнему стоял, послушно вытянув руки, и вокруг его запястий обвивалась толстая силовая нить, второй же, плавно отступив, явно сплетал какие-то чары.

— Дан! — сдавленно крикнула я, подхватилась с места — и застыла не в силах отвести глаз от призрачно-зеленого шара, летящего на меня.

С целью я ошиблась. Кажется, угроз на ветер Марк бросать не привык…

Время сделалось густым и тягучим. Странное состояние, когда меж двух ударов сердца проходит целая вечность. Шар приближался, делаясь все ярче и ярче; медленно поднималась, разворачиваясь к опасности, Лира; преодолевая такой же вязкий, как и этот бесконечный миг, воздух, пыталась отклониться я… Все закончилось внезапно, когда между мной и смертельным заклинанием встал Дан. Шар с грохотом разбился о наспех созданный щит, который, не выдержав, рассыпался сияющими искрами. От второго шара, прилетевшего почти одновременно с первым, пришлось уворачиваться, благо что я и так уже на земле лежала — под защитой Лиры. Третий шар Дан отбил, успев

атаковать в ответ. А вот четвертый, пущенный под прикрытием иллюзии, не заметил, покачнулся, зажав плечо, но не опустив вновь созданный щит, ненадежный даже на вид. Слишком много сил Дан потратил. В том числе и когда залечивал мои царапины и прогонял холод.

А в Марка словно демоны вселились. Он стоял, окруженный призрачным сиянием, и тот же огонь горел в его глазах. Возможно, он черпал силы в безумии, а может, сами Темные боги протянули из небытия руку помощи своему верному слуге. Заклинания яркими вспышками срывались с его ладоней, Дан едва держал щит, а я даже крохотный огонек создать не могла, хотя и пыталась. Лира сунулась было за пределы щита, но тут же, вздыбив шерсть, вжалась в меня. Я и сама это чувствовала. Разливалась в воздухе чуждая сила, такая, от которой в душу заползал ужас, а тело сковывала слабость.

Похоже, не так уж и далеки были от истины мои предположения, и мы нарвались не просто на сумасшедшего сектанта, а на посвященного жреца, в полной мере наделенного мощью своих богов.

Надо было все-таки придушить Марка, пока была возможность!

Дан не терпящим возражений тоном приказал Лире уходить, и она с тоскливым стоном исчезла. Столь концентрированная сила Темных богов убивала теневую кошку, и все, что она могла бы сейчас сделать, — погибнуть вместе с нами. Бессмысленная жертва.

Даниэль тяжело и хрипло дышал, было видно, что он вот-вот упадет — и уже не встанет. Чудо, что держится еще… и держит щит, без которого мы давно бы уже пропали. И вовсе не по вине заклинаний. Древняя сила растворила бы нас гораздо быстрее, чем мы почувствовали бы боль от какой-нибудь ледяной молнии.

Не зная, что еще предпринять, я с трудом подползла к Дану, обхватила его, прижалась щекой к спине, позволила своей силе, которой все еще не могла дать выхода, стать его. Ни на что особо не надеялась, но все получилось на удивление легко. От слабости замутило и в глазах потемнело, но я лишь крепче сжала зубы. Так мы продержимся дольше. А там, может быть… Сама не знала, чего ждала. Наверное, чуда.

И все-таки дождалась.

Наше личное чудо мерцало в лунном свете блестящей насыщенно-изумрудной чешуей, совершенно не боялось древней злобной магии и виртуозно плевалось огнем.

Золотисто-алое пламя объяло Марка, окутало его жарким коконом, и от жреца Темных богов даже пепла не осталось, лишь

опали на траву безобидные, быстро погасшие искорки.

Вместе с Марком исчезла и давящая сила. Дан резко выдохнул и убрал щит. Обернулся, сгреб меня в охапку, обнял крепко, но бережно…

— Задушишь ребенка, — прогромыхало над нашими головами, и мы, вздрогнув, воззрились на спустившееся с небес чудо.

Я, конечно, прежде никого из их племени живьем не видела — шкура не в счет, на оригинал она походила удивительно мало, — но даже и тени сомнений не возникло, что перед нами вовсе не дракон, а драконица. Красивая, изящная, с ярко-синими лукавыми глазами.

Очень-очень знакомыми глазами! Да и силу, исходящую от нее, я уже чувствовала — и узнала бы из тысячи.

Поймав мой взгляд и прочитав там осознание, драконица клыкасто улыбнулась, встряхнулась, и ее окутало мягкое золотистое сияние. А всего через какое-то мгновение перед нами стояла молодая женщина, даже в простом зеленом платье похожая на королеву.

— Сантея?! Магистр Стай?! — одновременно выдохнули мы с Даном. Причем он — со священным ужасом, а я — с искренним восторгом.

— Сантестайя из Лесной ветви Изумрудного клана, — тряхнув распущенными темными волосами, насмешливо прищурилась наставница, внезапно оказавшаяся тем самым неуловимым и загадочным драконом, которого я так боялась и одновременно желала встретить. — Приятно наконец-то познакомиться по-настоящему.

Дан помотал головой и крепко зажмурился, словно пытаясь избавиться от видения. Кажется, он до сих пор не отошел от шока. А вот у меня было такое чувство, будто я знала это всегда. Просто забыла, а сейчас вспомнила, и вместо изумления в душе разливалась искристая радость.

— Летим в академию, — бегло оглядевшись, приказала изумрудная драконица. — Удивляться и сыпать вопросами потом будете. На кладбище уже спокойно, Стефан и Алек никого не упустили, с Радишей и Талис все в порядке, их наверняка уже в лечебницу доставили. И вам туда заглянуть не помешает.

— Ты можешь открыть портал, — напомнил наконец-то взявший себя в руки Дан. — Это у меня сил нет.

— А я не намерена пользоваться магией в отравленном дыханием Темных месте, как и дожидаться, пока кто-либо не додумается открыть портал сюда, — выразительно поморщилась Сантестайя. — Пусть для начала здесь проклятийники

поработают. Только не говори, что ты боишься летать!

Дан вообще ничего не сказал. Молча залез на спину вновь обернувшейся драконом и пригнувшейся Сантестайи, помог забраться мне… И мы действительно полетели!

Это было одновременно похоже и не похоже на мой давний сон. Восторг переполнял душу, переплетаясь с лунным серебром, неожиданно теплым ветром, мягко мерцающими звездами и безумной высотой, которую я чувствовала всем своим существом, но ничуть не боялась. Казалось даже, что могу полететь и сама, рядом с драконицей, ловя крыльями воздушные потоки.

Черными крыльями. Я ничуть не сомневалась, какими бы они были. И это тоже ничуть не пугало. Та тьма, что с рождения жила во мне, которую пытались заблокировать, а потом освободить, под влиянием драконьей магии превратилась в нечто иное, своевольное, но неопасное, способное дать мне гораздо больше, чем один только свет. И откуда-то я точно знала, что они обязательно уживутся.

Как и то, что однажды я смогу летать. Так или иначе.

ЭПИЛОГ

Безумно-синее небо, омытое ночным дождем, казалось бездонным. В нем можно было утонуть, и я с наслаждением тонула, снова и снова — вместе с небольшим юрким драконом, чья чешуя была подобна лунным бликам.

Он танцевал в воздушных потоках, то расправляя сотканные из тьмы крылья и паря осенним листом, то складывая их и камнем устремляясь вниз.

Я вся была с ним. Я была им. Чувствовала каждое его движение, каждое касание теплых пальцев ветра, даже солнечные лучи, дробящиеся в блестящих чешуйках. Я могла, отрешившись от всего, взглянуть на мир глазами дракона.

Но не сейчас. Сейчас важно показать, что я умею, а полное слияние захлестнет восторгом, лишит внимания — и я обязательно ошибусь.

Еще будет время для себя. А пока…

Дракон, описав еще один круг над поляной, величественно приземлился. Легко коснулся лапами ярко-зеленой травы, красуясь, повертел изящной шеей, насмешливо сверкнул темными глазами и, резко сложив крылья, исчез.

Я выдохнула — это было красиво, невероятно интересно, но столь же сложно, — перевела взгляд на сияющую наставницу и поняла, что внеплановый зачет сдан более чем успешно.

Всего за пару месяцев пребывания в академии мы с одногруппниками, кажется, окончательно нашли себя.

Армея и Ксанта, которым не хватило сил для поступления на целительский, под чутким руководством наставницы создавали очень красивые вещи, обладающие лечебными свойствами. Пока что девушки умели не очень много, но то, что у них получалось, было просто невероятным. Первая их совместная работа, пуховая шаль, избавляла от болей в спине, а последняя, которую они все еще доводили до совершенства — очки с особыми линзами, лечащими глазные болезни, — даже магистра Корревайн заинтересовала. То, чем занимались девочки, выматывало, требовало много сил и терпения, а еще — настоящего таланта, который не рассмотрели целители, но увидела и развивала наставница.

Грезившая о карьере боевого мага Натея и неугомонный Джас, который, словно стремясь затмить славу Карла Рингтэя, уже успел пару раз сотрясти стены академии, тоже объединились, только их фантазия пошла иным путем. Если наши блондинки предпочитали лечить людей, то эта парочка — ловить нечисть.

Придуманной ими на основе базовых бытовых чар ловушке — первой, но, думаю, отнюдь не последней — позавидовали бы даже опытные магистры. И, главное, никакой крови. Не знаю, радовало ли это Джаса, но вот Натею — определенно.

Я же выбрала иллюзии. Не простые, а объемные, почти реальные, такие, в которые при желании можно и жизнь вдохнуть. О последнем я пока что могла лишь мечтать… и усердно учиться, приближая заветный миг. Сама не ожидала, что это так меня увлечет, но, создавая что-то новое, что-то, способное стать настоящим, я чувствовала себя счастливой. Иногда еще мелькали мысли о боевой магии, но все реже и ненавязчивее. Я старалась сохранять форму и не пренебрегала утренними пробежками, да и кое-какие заклинания время от времени учила, чтобы в случае чего суметь себя защитить, но больше не хотела заниматься этим всерьез. Наверное, раньше я слишком сильно скучала по маме, настолько, что пыталась жить ее жизнью, цеплялась за принадлежавшие ей вещи и мечты. Но ведь мамина любовь всегда со мной, она во мне, и для того, чтобы чувствовать ее, вовсе не обязательно носить детский оберег и лелеять чужие желания. Я обрела свою мечту, а оберег спрягала в шкатулку с дорогими сердцу вещицами. Дан оказался прав. Я ничего не предавала — просто повзрослела.

Со мной наставница занималась особо. О некоторых занятиях никто не знал, и именно они нравились мне больше всего.

Например, сейчас. Наставница провела меня на ту самую полянку, где мы с группой приручали единорогов и куда не было доступа посторонним. Единороги наблюдали за моими успехами без страха, даже с толикой любопытства. Один из них, мелкий и смелый, крутился рядом, то и дело тыкаясь розовым носом в плечо, но, как ни странно, ничуть не мешал.

Сегодня был день моего рождения. В обычном мире шел холодный дождь и ветер клонил к земле голые, отяжелевшие от влаги ветви, а друзья готовили мне ужин-сюрприз, о котором я догадалась за неделю, но делала вид, что знать ничего не знаю. Их забота грела сердце и расцвечивала конец осени яркими красками. Без них я была бы совсем другой. И не уверена, что лучше.

Улыбнувшись и потрепав единорожку по мягкой гриве, я вытянула руку, повела ею, сосредоточилась… и вздохнула довольно, когда на коже замерцало несколько мелких изумрудных чешуек. Нет, я не превращалась в дракона. Вернее, когда-нибудь при должном усердии, везении и куче других важных условий я смогу — пока что лишь чисто теоретически! — превратиться в дракона, оставаясь человеком. Трансформация.

Искусство, схожее с иллюзиями, но являющее собой нечто более сложное, глубокое и непостижимое. Древнее, давно уже утерянное знание, которым Сантея Стай, она же — Сантестайя из Лесной ветви Изумрудного клана, сочла возможным со мной поделиться.

Она вообще многим делилась, и такое доверие казалось ошеломляющим Дану и естественным — мне. Чешуйка все же повлияла на мое сознание и способности, но я не жаловалась. И медальон, как и прежде, носила не снимая, благо что он ко мне вернулся. Его нашли на старом кладбище, даже не знаю, каким чудом в пылу битвы не затоптали.

Памятуя, что драконы обретают человеческий облик лишь на время, поначалу я расстроилась, что с наставницей придется попрощаться. Но оказалось, что взрослые — по их собственным меркам, разумеется — драконы способны менять ипостась по желанию. «Такого нет не только в учебниках, — лукаво улыбнулась наставница, — но и в серьезных книгах. Не все тайны должны быть раскрыты». В общем, я крепко задумалась над тем, в самом ли деле драконы сбрасывают шкуру или же это очередная, ими же самими поддерживаемая, байка. В музее вполне может находиться качественная, наделенная всеми свойствами оригинала иллюзия. Сантестайя не спешила развеивать мои сомнения, да я и не настаивала. Она права — иным загадкам лучше навсегда остаться неразгаданными. С этим мы с Даном согласились целиком и полностью, пополнив нашу общую копилку секретов. Главное, что друг от друга тайн у нас уже не было…

О том, кто такие хранители, Дан рассказал еще месяц назад. У каждого источника есть тот, кто обязан заботиться о состоянии и безопасности средоточия магии. Хранителя с источником связывают крепкие узы, и без разрешения первого последний никто не отыщет. Но если хранитель умирает — источник лишается защиты. Чем мучительнее смерть, тем более слабым он становится, тем легче может попасть в чужие руки.

О Сердце академии заботилась и Грейс Эллан. При жизни она была хранителем, а после смерти подбирала тех, кто мог бы ее заменить. Так получилось, что предыдущий хранитель погиб, и выбор леди Эллан пал на Дана, только-только занявшего должность декана. В обмен призрачная леди посулила ему то, от чего он не сумел отказаться. Библиотеки и архивы, которые открылись перед ним, возможно, и оправдали бы надежды, но лишь со временем, требующимся на изучение множества книг… И то не факт. Ритуал, спасший меня от неадекватного восприятия магии, подсказала Дану именно бывшая хранительница.

Я думала, что источник, после того как Маркус Эрван едва не подобрался к нему, перенесут в другое место, но оказалось, что это невозможно. Да и не нужно, как заверили Дан и наставница. Отдельные группы сектантов, входившие в общий культ, не очень-то между собой ладили, да и внутренней доверительной атмосферой отличались не всегда. Грубо говоря, о планах Маркуса в деталях знал только сам Маркус, остальные же следовали его указаниям и не рассчитывали на объяснения. Те, кто мог быть более-менее в курсе, погибли на кладбище, потому как слишком уж активно оборонялись. Даже дракону не сдались, свято веря, что мощь Темных богов не позволит им проиграть. Еще одно подтверждение, что слепая вера до добра не доводит. Оставшихся повязали, но то была столь мелкая сошка, что и внимания не стоила. Ранее задержанная часть группы, коей Маркус пожертвовал ради видимости покоя, и то куда серьезнее казалась.

Талис я больше не видела, но Дан заверил, что с ней все будет хорошо. Рыжая нашла в себе силы рассказать, что творилось в возглавляемой Маркусом Эрваном группе. Именно она охотно выдала имена тех, кто в оной состоял, а тех, кого знала только в лицо, описала достаточно подробно, чтобы их можно было найти. К моей немалой радости, среди этих пешек затесался и противный тощий Крэл.

Сектанты вообще до неприличия невезучими оказались. Возможно, из-за того, что Марк окончательно осторожность утратил. В случае со скорбянками его никто даже не заподозрил; прорыв же на балу стал началом краха всех планов. И да, немалая вина за это лежала на мне. Не будь меня, Дан пошел бы в кабинет и погиб, и тогда реальность не разошлась бы с вложенным в голову магистра Драмма видением. Покушение на провидца тоже стало серьезным промахом: тем вечером у Драмма гостил Алек, и несчастного случая не получилось. Зато получилось выяснить, что видение было ненастоящим. Мастеров такого уровня действительно мало, конкретно в академии на тот момент находились лишь Сантея Стай и Маркус Эрван. Наставницу Дан знал слишком хорошо, чтобы поверить в ее причастность, а вот Марка он никогда не любил. Вывести помощника ректора на чистую воду было сложно. Но можно. Маги-ищейки не зря свой хлеб ели, и, как бы тщательно Марк ни затирал следы, они все равно оставались. Ниточка за ниточкой ткалось доказывающее его вину полотно. Некоторые «ниточки» тянулись за пределы Терреи, и Дан с моим отцом решили сами за них потянуть — чтобы наверняка. И очень много интересного выяснили, что в конце концов позволило если и не искоренить культ Темных, то

значительно его проредить, потрепать и заставить почувствовать, что фанатикам в Арстоне не рады.

А перед тем как покинуть академию, папа и Даниэль одарили меня практически невидимым при проверке следящим маячком, реагирующим на мой эмоциональный фон. Они хоть и надеялись на лучшее, но все же опасались, что Марк не выдержит и перейдет все мыслимые границы. И не ошиблись… Даже разозлиться на них не вышло. Ведь не могли же они знать, что Сантестайя нашла бы меня даже без их маячка.

Вот так, сама того не осознавая, я и стала тем самым мелким камешком в жерновах чужих замыслов. Чудом не перемололо.

Отец, как мог, помогал с расследованием, а когда все немного успокоилось, уехал в Дарл. Разумеется, я рассказала ему про Радишу и даже познакомила их. Папа долго молчал, переводя взгляд с дочери на племянницу и обратно, потом покачал головой и выразил искреннюю радость от того, что хотя бы наши характеры совершенно непохожи. Еще он взял у Радиши адрес ее родителей и обещал поговорить с ними. Как-никак родственники, пусть и не по крови. Я безумно радовалась, что обрела сестру; Радиша тоже. Ей больше не было нужды носить жуткий амулет, не только скрывавший ауру, но и лишавший индивидуальности. Сантестайя подправила ауру Радиши так, что теперь никакие сектанты ни за что ее не обнаружат, даже если рядом стоять будут.

Позже отец прислал письмо, в котором сообщал, что знакомство с семьей Радиши прошло успешно. Они выбрали Арстон в общем и Дарл в частности не случайно: мама велела им в случае угрозы искать защиты у нее. Вот только сразу после переезда они выяснили, что Вереи Лэрэй нет в живых, а просить о помощи ее мужа никто не рискнул. Понадеялись на расстояние и амулет… И теперь вздохнули с облегчением, убедившись, что их приемной, но оттого не менее любимой дочери ничто не грозит и что она обзавелась родственниками, на которых вполне можно положиться. И это они еще о потенциальном зяте не знали…

Об Алеке сестричка все же рассказала. Я и Лэнис усиленно делали вид, что не в курсе, и удивленно ахали в нужных местах, пока пунцовая от смущения Радиша посвящала нас в тайны своей личной жизни. И, судя по некоторым ее подробностям, рано или поздно мы с Лэн тоже станем родственницами.

Круг близких мне людей ширился прямо на глазах, что только радовало. Знать бы еще, входит ли в него один-единственный человек — или же на это нет никакой надежды.

Мысли привычно скатились в наезженную колею. Я упрямо закусила губу, вновь потрепала по гриве настырного единорожку

и принялась помогать наставнице — ловить солнечно-искристую пыльцу и осторожно складывать ее в большой прозрачный сосуд. О том, зачем она нужна, у меня и раньше догадки имелись, а Сантестайя лишь подтвердила их, сказав, что именно этим и подпитывается Сердце, год от года становясь пусть и ненамного, но сильнее. Еще одна задача хранителя, которую Дан с удовольствием перепоручил драконице.

Не успела я вновь о нем подумать, как воздух подернулся серебристой рябью, и на полянку шагнул господин декан собственной персоной. Очень даже, надо сказать, бледной, растрепанной и явно не выспавшейся. Вот уж кому за время расследования досталось… И сейчас не лучше, постоянно что-нибудь кому-нибудь да требуется, а с кого еще спрашивать, как не с непосредственного участника событий? Не с дракона же, который прилетел в академию, ссадил со спины декана и спасенную оным девицу, трубным гласом заявил, что сжег посвященного жреца Темных и ничуть о том не жалеет, и, махнув хвостом, улетел! У Даниэля в тот момент был такой тоскливый взгляд, что стало ясно: Сантее он дико завидует. С тех пор мы общались урывками и тоже исключительно по делу, и сейчас я его точно не ждала.

— Опоздал, — укоризненно заявила наставница, запихивая в сосуд очередную порцию пыльцы, которая едва слышно попискивала, хихикала и пыталась разлететься.

— Прости, — выдохнул Дан, глядя при этом на меня. Вид у него был странный. Шалый какой-то… Шагнув ближе, он поймал мою ладонь, из которой тут же сбежали все солнечные искры, и с настоящим отчаянием сообщил: — Грейс, нам нужно поговорить. О нас. Об этой проклятой привязке…

— Да нет никакой привязки! — не хуже чем в драконьей ипостаси рявкнула Сантестайя. — Зря я, что ли, с этими браслетами мучилась?!

— А? — совершенно не по-деканski растерялся Дан.

— Бэ! — передразнила его наставница и подмигнула мне. — Говорю же, нет никакой привязки. Ни той, что между вами установилась из-за твоего ранения и вмешательства Грейс. Ни той, что создали с помощью обряда обручения. Уже нет. Я позволила себе немного вмешаться в ритуал возле источника… Вернее, именно в него вмешиваться я не хотела, и чешуйка с браслетами подействовали бы в любом случае, просто не так быстро. Но все сложилось намного удачнее, Сердце ускорило эффект, а браслеты, в свою очередь, смягчили последствия влияния источника.

Я пораженно вздохнула. Так вот для чего наставница

подарила чешуйку! И браслеты с сюрпризом оказались. А я и не заметила, когда наставница наложила на них дополнительные чары! Хотя куда мне… Я и с обычным взрослым магом тягаться пока не в силах, а уж с драконом — тем более.

— Зачем? — наконец-то очнулся Дан. — Зачем тебе это?

Вопрос непраздный и очень интересный. Драконы всегда жили обособленно, а последние лет триста столь редко снисходили до общения с простыми смертными, что успели обрасти мифами. Еще чуть-чуть — и вовсе в легенду превратятся. И то, что дракон по доброте душевной помог двум запутавшимся в своих отношениях людям, казалось невероятным.

Даниэлю. Но не мне.

— Могут же у старой сентиментальной женщины быть свои причуды и привязанности? — задорно улыбнулась Сантестайя и уже серьезнее добавила: — Ты мой друг, так уж получилось, да еще и хранитель источника. А Грейс мне просто понравилась. С того самого мига, как перелезла через стену академии. Упрямая девочка. Тебе под стать.

— Значит, привязки нет? — задумчиво протянул Дан, вновь смотря лишь на меня.

— Нет, — пожала драконица плечами. — Вы пока обдумайте эту важную мысль, а я отнесу пыльцу к источнику, пока она не разлетелась…

Кажется, наставница говорила что-то еще, но я уже не слышала. И вспышку портала почти не заметила.

Привязки больше не существовало. Мы были свободны. А мне по-прежнему хотелось обнять Даниэля и не отпускать, удержать любой ценой, потому что чары в моем случае оказались совершенно ни при чем.

А в его?..

Сердце забилось так сильно, что даже больно стало. И я просто не выдержала.

— Да-а-ан… — позвала, замирая от ужаса, но понимая, что эту занозу нужно удалить сразу, пока не поздно. И пусть будет больно, если не решусь сейчас — потом будет еще больнее. — Что ты чувствуешь?

Вместо ответа он повел рукой и вытащил прямо из серебристо замерцавшего воздуха темно-синюю с золотым тиснением папку. Я закусила губу, потому как узнала бы ее из тысячи. Именно в ней хранился договор, который я ненавидела долгие десять лет, не понимая, что он — не наказание за неведомые грехи, а спасение. Дан вытряхнул из папки несколько скрепленных меж собой плотных листов бумаги, без колебаний провел острым уголком по пальцу и прижал его к последней

странице. Что-то зашипело, заскрипело… и листы, вспыхнув, исчезли. Совсем как Марк в драконьем пламени.

— Это что сейчас было? — прошептала я.

— Мое согласие выплатить оговоренную сумму и разорвать помолвку, — устало сообщил Дан. — Его приняли. Договор уничтожен.

Я выдохнула сквозь сжатые зубы, а вот вдохнуть не сумела… Ровно до его следующих слов.

— Я пришел, чтобы сказать: мне совершенно все равно, есть ли привязка или же нет. Если бы она была, это ничего не изменило бы, но я искренне рад, что ее больше не существует. Не хочу, чтобы между нами что-то стояло, Грейси. Твое согласие быть со мной я хочу заслужить сам. Так, как это принято у нормальных людей. Постепенно, без всяких чар и угроз, с, цветами, свиданиями и прочими страданиями.

Я зажмурилась на миг, избавляясь от непрошеных слез, и упрямо вздернула подбородок:

— А на вопрос ты так и не ответил!

Мой уже бывший жених оценил решительный вид бывшей же невесты и, сделав верные выводы, обреченно вздохнул. А потом улыбнулся, обнял меня и тихо сказал, почти касаясь губ:

— Люблю тебя. Люблю, упрямая вредина. До сих пор ума не приложу, как такое могло случиться!

— Богиня тебя все-таки покарала, — торжествующе прошептала я, обвивая его шею руками.

— Тебя бог тоже не помиловал, — усмехнулся Дан и склонился еще ниже.

Именно этот поцелуй, пусть и третий по счету, стал по-настоящему первым. Ведь впервые в нем не чувствовалось ни страха, ни горечи, ни сомнений — лишь нежность, доверие и обещание чего-то большего, о чем мы с Даниэлем раньше и мечтать не смели.

Да, не я одна была упрямой и вредной. Да, мы часто ссорились и спорили, и я не питала наивных надежд, что когда-нибудь будет иначе. Возможно, боги и в самом деле наказали нас друг другом, но… Это наказание я бы ни на одну награду не променяла. И точно знала, что Дан — тоже. Как бы трудно нам ни пришлось. В конце концов, то, что мы уже преодолели, и вовсе невозможным казалось.

Но оно того определенно стоило!